

М. Худяков.

9.47
X-98

37

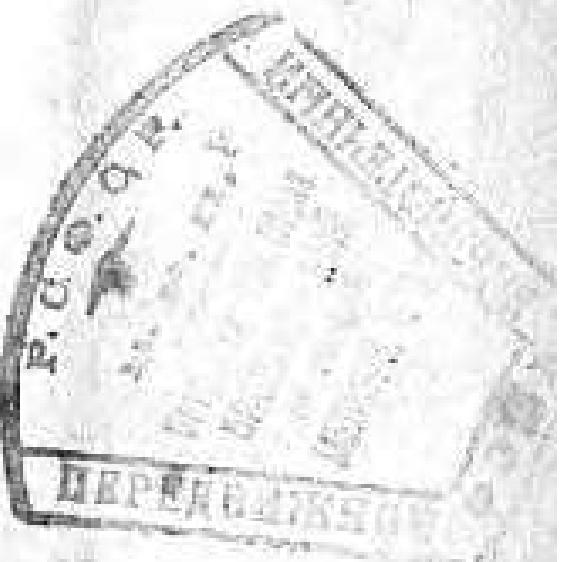
ЧОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ

КАЗАНСКОГО ХАНСТВА.

У15718806

Татарстан Жөмһүриятенең
Милли китапханесе
Национальная библиотека
Республики Татарстан

2000 г.

КАЗАНЬ.
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1923 г.

Предисловие.

История Казанского ханства представляет выдающийся интерес по многим причинам. Помимо общего права на внимание, как история обширного государства, она имеет специальное значение для историков общей, восточной и русской культуры. Государственный организм, возникший посредством прививки сильной военной власти к основе местной старинной культуры, сразу выступил во всеоружии своей мощи и имея все шансы на долгое существование, но дальнейшее экономическое развитие Восточной Европы сложилось не в его пользу. Ход казанской истории в значительной степени обусловлен влиянием соседнего русского государства и представляет яркий пример взаимной борьбы двух государств, из которых одно находилось в устойчивом состоянии, с давно сложившимися экономическими отношениями, другое же, в начале более слабое, чрезвычайно быстро прогрессировало, переросло своего соседа, с которым было тесно связано экономически, и наконец—поглотило его.

История Казанского ханства наполнена обороной от своего соседа, которая сопровождалась сложными процессами внутри государства: экономические отношения провели в государственном организме водораздельную линию и разбили его на два различных уклона. Одно течение старалось приспособиться к давлению со стороны внешних врагов и выработать формы совместного симбиоза сначала — в виде союза, затем — в виде личной унии двух государств. Другое течение старалось решительно отмежеваться от внешних врагов и вело борьбу за свою полную независимость, на условиях взаимного равновесия обо-

их держав. Такая борьба двух течений сопровождалась эволюцией политической мысли и ростом государственного самосознания; она была богата яркими моментами, выдвинула немало талантливых деятелей и заслуживает большого внимания. Для желающих изучать процесс поглощения экономически отсталого государства более сильным и процесс борьбы государства за существование, история Казанского ханства представляет отличный материал.

Для историка восточной, в частности татарской, культуры история Казанского ханства представляет не менее значительный интерес, благодаря своеобразию тех условий, в которых она развивалась. Казанское ханство представляло собою крайний северо-западный угол обширного татарского мира, заброшенный в лесную страну, с оседлым коренным населением и со старинной местной культурой. Развитие татарской культуры происходило здесь в совершенно особенной обстановке и в постоянном соприкосновении как с местной, так и с иностранной, русской культурой. Сочетание старинного населения с военной организацией государства, принесенной извне, сложный узел экономических отношений, международный товарообмен, рабовладельческое хозяйство и хищническая эксплуатация природных богатств—все это составляет своеобразный уголок восточной культуры в пределах Европы, заслуживающий большого внимания.

Русских историков история Казанского ханства интересовала лишь, как материал для изучения продвижения русского племени на восток. При этом надо отметить, что они преимущественно уделяли внимание последнему моменту борьбы—завоеванию края, в особенности—победоносной осаде Казани, но оставили почти без внимания те постепенные стадии, которые проходил процесс поглощения одного государства другим. Экономическая сторона процесса нашла себе освещение лишь в новейших трудах М. Н. Покровского и Н. Н. Фирсова. Но кроме этих сторон—политического и экономического продвижения

русского племени на восток, история Казанского ханства дает обширный материал для изучения еще одного вопроса, до сих пор совершенно не освещенного—для изучения тех элементов, из которых сложилась русская государственность и культура. Если влияние татарской культуры на русскую не приходится отрицать, то русские историки не могут пройти без внимания мимо истории Казанского ханства, с которым русское государство было связано наиболее тесными узами.

История Казанского ханства едва-ли когда-либо будет исследована с желаемой полнотой. Причина этого заключается в том, что погибли главнейшие, основные источники—государственные архивы Казанского ханства. Мы знаем, что дипломатические сношения с иностранными государствами в Казанском ханстве всегда облекались в форму писаных договоров и обширной дипломатической переписки, подобно той, какая сохранилась до нас от сношений Ногайского княжества и Крымского ханства с русским правительством. Гражданские отношения внутри государства постоянно регулировались письменным делопроизводством—в писаной форме велись судебные иски, торговые контракты и сделки, договорные акты; обширные реестры и списки в форме переписных книг велись правительством с целью податного обложения жителей. Для хранения бумаг и документов существовали архивы, к сожалению, без остатка погибшие от руки завоевателей. Исчезли основные источники, и историю ханства приходится реконструировать по незначительным обломкам второстепенных источников, которые никогда не смогут в полной мере восполнить утрату.

Среди татарских источников можно отметить лишь очень немногие. Сюда относится „Изложение болгарских повествований“ Хисамуддина, сына Шереф-эддина, составленное в 1551 г. в д. Таш-Буляки (Ташбилга) в Спасском уезде. К числу редких документов принадлежат ханские ярлыки, один из которых, относящийся к царствованию хана Сагиба-Гирея, открытый в 1912 г. в Мамадышском уезде С. Г. Вахидовым, был

опубликован Атласовым. Можно надеяться, что с течением времени число подобных источников увеличится.

Более обширные материалы заключаются в русских источниках, из которых следует отметить Воскресенскую, Никоновскую и II Софийскую летописи, для 1530-х и 1540-х годов— „Царственную Книгу“, для похода 1552 года— „Историю князя великого Московского“ кн. А. М. Курбского. Отличным выражением завоевательной идеологии русских империалистов того времени служит „Казанский Летописец“— очень ярко написанное литературное произведение, преломляющее исторические события сквозь призму тенденциозной фантазии. Драгоценные крупинки сообщений, касающихся Казанского ханства, рассеяны в дипломатической переписке русского правительства с ногайским, крымским и турецким дворами. Памятники этих сношений изданы в русских текстах и переводах: „Древняя Российская Вивлиофика“, ч. 27—31 (Дела Ногайские Моск. Арх. Мин. Ин. Дел); „Продолжение Древней Росс. Вивлиофики“; „Материалы для истории Крымского ханства, извлеченные из Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел“, изд. Вельяминовым-Зерновым (Спб. 1864 г.); „Сборник некоторых важных известий и официальных документов касательно Турции, России и Крыма“ В. Д. Смирнова (Спб. 1881 г.); „Памятники дипломатических сношений Моск. государства с Крымскою и Ногайскою ордами и с Турциею“, изд. Русск. Ист. О-ва (Спб. 1886 г.); „Сборник материалов, относящихся к Золотой Орде“ Тизенгаузена (Спб. 1884 г.) и т. д.

Любопытные детали, относящиеся к отдельным моментам в истории Казанского ханства, находятся в иностранных источниках: в турецких дипломатических документах; в крымских источниках, которыми пользовался Ланглес при составлении своего труда „Notice chronologique des Khans de Crimée“ (в приложении к его „Voyage du Bengale à Petersbourg“ — Париж, 1802 г., т. III); в сочинении Кайсуни-задэ Недаи (он же Реммал Ходжа) „Тарихи Сахыб-Герай-хан“ (рукопись, Спб. ун-та № 488); в „Записках о Московии“ С. Герберштейна и др.

Обработку русских источников мы находим у всех русских историков; касавшихся Казанского ханства полутоно, в связи с его покорением: у кн. Щербатова, Карамзина, Соловьева и т. д. Специально Казанскому ханству посвящены компилятивные работы Рычкова, Рыбушкина, Фукса, Бажанова, Перетятковича, Пинегина и Загоскина. Общим недостатком всех этих трудов является тенденциозность, отводящая Казанскому ханству слишком пассивную роль и проникнутая сильным патриотическим фанатизмом, который доводит изложение фактов до карикатурного искажения; от подобных тенденций не свободен даже такой авторитетный ученый, как С. М. Соловьев. Обективный свод фактических справок и материалов дал проф. Вельяминов-Зернов в своем „Исследовании о Касимовских царях и царевичах“, где он с исчерпывающей точностью привел сведения о ханах Улу Мухаммеде, Али и особенно о Шах-Али. Лишь в новейшее время вышли в свет труды М. Н. Покровского и Н. Н. Фирсова, свободные от патриотической тенденциозности. Татарские историки также посвятили ряд произведений истории Казанского ханства; сюда принадлежат труды Марджани, Г. Ахмара, Батталова, Валидова, Амирханова и большая работа Атласова „Казанское ханство“ (Казан ханлыгы). Последним словом в области историографии Казанского ханства является работа Г. Гасиса (Г. С. Губайдуллина) „Татарская история“ (Татар тарихи).

Скудость писаных источников заставляет придавать большое значение различным пережиткам старины, до сих пор живущим в сознании и в быту казанского народа. Сюда относятся: 1) памятники языка, 2) предания, 3) вещественные памятники, 4) бытовые понятия и 5) остатки обычного права. Эти категории памятников имеют особенное значение, в виду утраты писаных документов. В языке сохранилось многостаринных переживаний, связанных с давно отжившую старину, различных терминов и названий, которые могли бы помочь уяснить структуру и технику государственного строя и собщественных

отношений эпохи Казанского ханства. Предания могут нам осветить ряд вопросов, относящихся к отдельным лицам, местам и событиям, оставившим след в истории Казанского ханства. Вещественные памятники (надгробные плиты, книги, развалины, находки, бытовые предметы) могут содействовать уяснению распространения и интенсивности татарской культуры в эпоху Казанского ханства. Бытовые понятия, народные обычаи и обряды также могут вскрыть некоторые стороны старой культуры, ныне уже забытые, затемненные или утраченные. Наконец, юридические понятия, как и памятники языка, могут заключать в себе отражения государственного и общественного строя Казанского ханства и уяснить взаимоотношения между отдельными группами населения, существовавшие в старину. Эти памятники необходимо подвергнуть тщательному исследованию и обработке. Этот предмет еще ждет своих исследователей и обещает в будущем вызвать появление обширной литературы.

Приступив к составлению настоящей работы, мы далеки от намерения дать в ней освещение или хотя бы затронуть историю Казанского ханства во всей ее полноте. Это—дело, быть может, далекого будущего, и задача не одного отдельного лица, а коллективных трудов целого ряда ученых. История Казанского ханства должна быть освещена не в одной исчерпывающей работе, а в целой литературе, которую создадут совместные усилия историков, архивистов, этнографов, историков права и др. ученых. Разумеется, мы далеки от каких-либо смелых претензий. Целые категории источников остались нам недоступными, и наша работа совершенно не претендует на полноту. Автор взялся за перо лишь с исключительной целью обратить внимание знатоков и специалистов на данный предмет, имеющий так много права на разработку и до сих пор так мало исследованный.

Автор считает своим долгом принести благодарность Гаязу Максудову и Г. С. Губайдуллину, которым настоящая книга обязана своим появлением, проф. Н. Н. Фирсову, который с

неизменным сочувствием относился к работам автора, и покойному ныне М. И. Лопаткину, который открыл автору доступ к пользованию книгами из своей библиотеки. Особенную признательность автор выражает С. Г. Вахидову, любезно предоставившему возможность использовать при составлении настоящей работы подлинный текст открытого им ярлыка Сагиб-Гирея. Глубокую благодарность автор приносит семейству И. В. и П. Д. Петровых, своей великодушной поддержкой постоянно облегчавшему те тяжелые материальные условия, в которых создавалась настоящая книга. Автор приносит благодарность также Татарскому Государственному Издательству, в лице К. М. Рахманкулова и Г. Г. Кудоярова, а также всем лицам, своими любезными указаниями содействовавшим составлению настоящей книги.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Период могущества ханства (1438—1487 г.).

Казанское ханство занимало обширную территорию в Среднем и Нижнем Поволжье. Эта территория включала в себя земли двойного рода—1) основное ядро государства, населенное татарским народом, и 2) обширные подвластные земли, населенные другими народами и состоявшие в даинической зависимости от Казанского ханства. Границы основной, татарской территории определяются сопоставлением свидетельств источников трех категорий: 1) надгробными памятниками, уцелевшими на старинных кладбищах мусульман, 2) перечислением селений в книге Хисамуддина, 3) современным распространением татарского населения. Древнейшими центрами основной территории являлись старинные, еще болгарские, города Булгар, Сувар и Биляр, и таким образом ядром государственной территории следует считать местность между Волгою, Камою и р. Малым Черемшаном, т. е. современный Спасский уезд. Древние татарские кладбища, перечисление которых приведено в книге С. М. Шпилевского, расположены в следующих селениях: в Мамадышском уезде—д. Ядыгар; в Лайшевском—д. Тербердины Челвы на р. Шумбути, д. Чита, с. Рождественское (Укречь) Тангачи и Таш-Кирмень на р. Мёше; в Каванском уезде—Иски-Казань (д. Князь-Камаево), д. Собакино (Янчурино), Архиерейская дача (на оз. Дальнем Кабане), с. Хотия, д. Кара Дуван, в Царевококшайском уезде—д. Уджум; в Чебоксарском уезде—д. Карабаш (Елашево), д. Идельмес, д. Ямская, д. Кадергина, д. Ново-Алексеевское; в Козмодемьянском уезде—д. Чашлама, д. Кульгешево, с. Янцыбулево; в Цивильском уезде—д. Елюй-Касы, д. Атлашево, д. Ураево; в Свияжском уезде—д. Маматкозино-Сентово; в Тетюшском уезде—г. Тетюши, д. Урюм, д. Кулганы, д. Куштова, с. Байтеряково, д. Бол. Яльчики. Самым западным пунктом, где имеется старинное мусульманское кладбище, служит г. Васильсурск, расположенный на древней границе Казанского ханства с Россией.

Территория, очерчиваемая Хисамуддином, не имеет такого значительного распространения на запад от Волги, зато простирается на восток далеко за пределы бывшей Казанской губернии—что не входило в обзор С. М. Шпилевского. Хисамуддин перечисляет следующие татарские селения: г. Казань, Айша, Казанбаш (Казанск. у.), Ст. Уджум (Царевококш. у.), Ст. Ширдан, Иммела (Буртасы) и сел. при устьи р. Свияги (Свияжск. у.), Тетюши, Бол. Кокузы (Тетюшск. у.), Казаклар, Бердебяковы и Кутлу-Букашевы Челны (Лаиш. у.), Бахта (Чистоп. у.), при источнике Гизляу (у р. Черемшана), при слиянии р. Кичу и Шешмы, по р.р. Шешме, Бол. и Мал. Черемшану (в Чистоп. уезде), селения Адаево и Казаклар в Малмыжском уезде, г. Елабугу, Мензеле, селения Кипчак и Термэ по р. Диму, Тугашхан по р. Белой, Субай, Заю, Иринэ, Чалли, Бай-Чжуре при истоке р. Ика, Уршак, Ай, по р. Уфе и т. д.

Современная территория расселения казанских татар довольно точно совпадает с границами Татарской республики, удовлетворяющими этиографическому принципу. Сравнивая современную карту с местами древних поселений, мы видим, что 1) татары утратили территорию вокруг Казани, откуда они были вытеснены сильным притоком русской колонизации; в настоящее время нет татарских селений отстоящих от Казани менее чем на 45 верст, несмотря на то, что названия русских сел и деревень пестрят татарскими именами; 2) запустело ядро древней болгарской территории—черноземный Спасский уезд, куда также хлынула волна русских переселенцев; 3) вытеснены были мусульмане с западной окраины ханства, с территории между Сурой и Свиягой. Но зато развинулась татарская территория несколько к северу: эмигранты из под Казани заселили бассейн р. Шешмы. Восточная граница, наиболее удаленная от натиска русской колонизации и соприкасавшаяся с мусульманскими селениями башкир, оказалась более устойчивой и уцелела почти в прежних пределах.

В общем же можно считать, что основное ядро Казанского ханства, имевшее татарское население, почти совпадает с территорией Татарской республики. Понятно, при этом следует помнить, что тогда не было тех разрывов в сплошном расселении казанских татар, которые ныне оказались заполненными сплошными островами русского населения.

Инородческие территории, окружавшие основное ядро Казанского ханства, можно сравнивать с теми колониальными волостями, которые окружали Новгородские пятины в эпоху независимости

Новгородского княжества. Пространство этих подвластных территорий определяется народами, платившими дань Казанскому ханству, подобно тому, как Россия в эпоху татарского ига составляла территорию, подвластную ханам Сарайским. В состав Казанского ханства входили 1) мордва, 2) чуваши, 3) черемисы, 4) вотяки. Сопоставляя границы современного расселения этих народов, мы должны включить в пределы Казанского ханства территорию Татарской республики, областей Марийской и Чувашской, губерний Симбирской, Пензенской, Саратовской и Тамбовской, на севере—часть Вятской губернии, всю Вотскую область, а на северо-востоке небольшую часть Пермской губернии.

На востоке Казанское ханство граничило с обширным Ногайским княжеством, на юге—с Астраханским ханством, на юго-западе—с Крымским ханством, на западе—с Московским государством, на севере—с Вятскою общиной, которая в конце XV века также была присоединена к Москве. Государственная граница Казанского ханства точнее всего известна на западе—здесь она шла по Суре и Ветлуге. На севере граница определяется позднейшей границей Поморья с Понизовыми землями; эта граница оставляла к северу от себя уезды Котельничский, Орловский, Нолинский, Вятский и Слободской, а к югу—уезды Яранский, Уржумский, Малмыжский и Глазовский, т. е. шла по Пижме, от устья последней до устья р. Вон—по р. Вятке, включала в Казанское ханство весь бассейн р. Кильмези, большую часть бассейна Чепцы и верховья Камы, не достигая города Кая, куда успела проникнуть русская колонизация. На востоке Казанскому ханству принадлежали районы Сарапула и Елабуги, но позднейшая Уфимская губерния, за исключением Мензелинского уезда, целиком входил в состав Ногайского княжества: современные Нагайбак, Уфа и Стерлитамак находятся на территории прежнего Ногайского государства. Бугульминский и Мелекесский уезды, населенные татарами, очевидно, входили в состав Казанского ханства, но Самарская степь фактически принадлежала кочевавшим по ней ногайцам. Правый берег Волги составлял владение Казанского ханства вплоть до Царицына. Здесь были города Сибир, Сара-Тау (Саратов) и Сары-Тин (Царицын), перечисленные в сочинении Хисамуддина.

Перетяткович говорит: „Нельзя не указать на одну особенность Казанского царства—на чрезвычайно малое количество в нем городов. Кроме самой Казани, упоминается только Арский городок... Вне этих городов в Казанском царстве упоминаются еще

остроги и крепости по Арской дороге и в нагорной стороне, в земле чуваш¹⁾). Это указание основано на недоразумении. Как известно, в русских источниках городом называется крепость, укрепленное поселение, и отсутствие в Казанском ханстве крепостей нельзя понимать, как отсутствие в нем городов в современном смысле, как населенных торговых пунктов и административных центров. Местная культура выдвинула иной тип городского строительства, чем в России—не военное, а мирное, торговое поселение, таких в Казанском ханстве имелось, конечно, немало. Перегяткович искал „городов”—крепостей и просмотрел неукрепленные города. На против, мы знаем, что в Казанском ханстве было достаточное количество обширных поселений, которые вполне могли называться городами в современном значении, так как их население занималось не только сельским хозяйством, но также ремеслами и торговлей. Таковы были, несомненно, населенные пункты по берегам водных путей—Елабуга, Синбир, Сары-Тау, Тетюши, Лашев.

Основная территория Казанского ханства разделялась в административном отношении на несколько „даруг“ или податных участков которые в русских источниках отождествлялись с дорогами, ведущими из Казани в Галич, Алат, Арск, Зюри и в Ногайскую землю. Центрами трех из этих „даруг“ служили города Алат, Арск и Зюри. На горной стороне Хисамуддин упоминает город Алатур, т. е. Алтырь. Что касается инородческих территорий, то казанцы не имели здесь постоянных органов администрации, но посыдали ежегодно зимою сборщиков дани, в сопровождении вооруженных отрядов, для сбора податей в виде ясака. На территориях, населенных инородцами, были настоящие укрепленные городки, где жили туземные князья, тарханы и прочие „волостели“, платившие дань в казну Казанского ханства.

Основное население Казанского ханства составляли потомки древних болгар—старый, оседлый народ турецкого происхождения, задолго до возникновения Казанского ханства создавший в Среднем Поволжье государственную организацию, производивший в широких размерах торговлю и давно приобщившийся к мусульманской культуре. Центральною местностью, в которой сосредотачивалось болгарское население, был район между Волгою, Камою и р. Малым Черемшаном, где были расположены главные болгарские города—Булгар и Биляр. В 1361 году произошло разрушение г. Бул-

¹⁾ „Поволжье в XV и XVI веках“, стр. 131—132.

тара ханом Булат—Тимуром, и в связи с этим опустошением совершился отлив населения из коренных областей Болгарского царства к окраинам, преимущественно на северную сторону Камы, покрытую в то время глухими лесами.

Ряд преданий, сохранившихся у казанских татар, говорит об этом передвижении болгар на север и об основании болгаро-татарских селений в лесах (Иски—Казань на р. Казанке, д. Бурбаш на водоразделе Меши и Вятки, д. Ишменево-Маскара в бассейне Вятки, д.д. Урачино, Ящобино и др.). Часть болгарских беженцев продвинулась еще дальше на север и осела на нижнем течении р. Чепцы, образовав поселения так называемых „Каринских татар“. Поселение болгар на Чепце совпало с основанием новгородскими и устюжскими колонистами русских городов и селений на Вятке (Никулицын, Хлынов, Котельнич), и поэтому Каринское княжество не смогло сохранить своего самостоятельного значения. Взаимоотношения Каринских князей с русскими регулировались договорами, до сих пор еще не подвергшимися специальному изучению. В 1467 г. Каринские татары могли составлять прочную опору казанцам при заевовании последними Вятской земли. Они удержали свою автономию вплоть до 1489 года, когда московское войско покорило Вятскую общину. Вместе с нею утратили самостоятельность и Каринские татары; князья их были низложены и отвезены пленниками в Москву.

Перемещение земледельческого населения сопровождалось возникновением к северу от Камского устья, в самом северном пункте средне-волжского плеса, нового торгового и культурного центра—Казани, к которой теперь перешло значение главного города края.

Казанский историк Г. Ахмаров отметил целый ряд доводов в пользу того, что потомки болгарского народа после разрушения Болгарского царства продолжали существовать в составе народа, известного под названием казанских татар. Эти доводы сводятся к трем главным группам. Сюда принадлежат: 1) самосознание народа казанских татар, родовые воспоминания татар о своем болгарском происхождении, предания об основании болгарами татарских селений, почитание развалин Булгара и болгарских древностей, как священных памятников своего национального прошлого; 2) тождество мест поселения как в общих пределах района, так и в отдельных пунктах; 3) преемственность оседлости и земледелия, врожденная способность к торговле, составляющая характерную черту

как древних болгар, так и современных казанских татар, наконец— тождество материального быта, отмеченное в научной литературе, и единство духовной культуры.

Приток татарского элемента в Казанский край отмечен в русских источниках, которые говорят, что в 1438 году в Среднем Поволжье поселились 3,000 татар, пришедших из Крыма с ханом Улу Мухаммедом; "в дальнейшем в Казань начали сбираться миози варвары от различных стран, от Златой Орды, и от Асторохани, от Азуева и от Крыма". Казань, как торговый центр, несомненно, имела очень пестрый состав своих жителей, что же касается до массы землемельческого, оседлого населения, то вряд ли можно сомневаться в том, что оно сохранило в своей основе старый болгарский народ. Казанское государство выступило на поприще исторической жизни сразу уже в виде зрелого организма, с прочно сложившимся бытовым и культурным укладом; оно совершенно не знало стадии постепенного формирования, и это явление может быть об'яснено лишь древностью его населения и преемственностью культуры и расы.

История независимого Казанского ханства представляет собою лишь небольшой эпизод в многовековой жизни казанских татар. Она не совпадает с историей народа казанских татар, заселивших край ранее возникновения здесь самостоятельного государства и продолжающих свое существование в течение 400 лет после падения их независимости.

Возникновение Казанского ханства. Улу Мухаммед. Относительно года основания Казанского ханства и личности первого хана среди русских историков имеется разногласие. Обычно историки относят основание ханства к 1436 или 1437 году и приписывают его Сарайскому хану Улу Мухаммеду. Но существует и другое мнение, представителем которого являлся проф. Вельяминов-Зернов; опираясь на сообщения Воскресенской и Никоновской летописей и на некоторые другие источники, он относил основание Казанского ханства к 1445 году и приписывал его сыну Улу Мухаммеда Махмуду.

Хан Мухаммед, имевший прозвище „Улу“, т. е. большой, в отличие от другого Мухаммеда— „Кучук“ или „Кичи“, т. е. меньшего, был внуком знаменитого Тохтамыша и сыном Сарайского хана Джеляль-уддина. После нашествия Аксак-Тимура в Сарае происходила ожесточенная борьба за престол, в которой конкурировали, главным образом, прежние ханы— Тимур Кутлу, ранее свергнутый Тохтамышем, и Тохтамыш, в свою очередь свергнутый

Аксак-Гимуром. По смерти Тохтамыша претендентами на престол выступили его сыновья, которые и занимали Сарай один за другим, но недолго. С наибольшим успехом царствовал один из них—Джеляль-уддин, которому в 1411 году удалось в союзе с литовским князем Витовтом свергнуть сына Тимура Кутлу и занять ханский престол. Джеляль-уддин продолжал великодержавную политику своего отца. Он восстановил господство татар над Россией, расшатанное междоусобиями предшествовавших лет, заставил великого князя Василия (сына Димитрия Донского) прибыть в Сарай и обязал его аккуратно платить дань (1412 г.). После нового ряда переворотов, в конце 1420-х годов престол достался сыну Джеляль-уддина Улу Мухаммеду. В правление этого хана суверенитет татар над Россией постоянно поддерживался. В 1431 году на суд к Улу Мухаммеду приезжали Московские князья, претенденты на звание великого князя—сын и внук Димитрия Донского. Хан решил спорное дело в пользу внука, Василия Васильевича, и возвещение последнего на престол было совершено в Московском Успенском соборе ханским послом. Правительство Улу Мухаммеда было достаточно состоятельным и настолько заинтересованным в международной политике, что могло в 1428—29 годах отправить посольство в Египет¹⁾.

В. Д. Смирновым была высказана²⁾ догадка о тождестве Улу Мухаммеда с ханом Худай-Дадом („Куидадат“), который в 1423—24 г. напал на литовский город Одоев и был разбит соединенным литовско-московским войском³⁾, но догадка эта едва ли основательна, так как в указанное время Улу Мухаммед еще не был ханом Сарайским.

В 1436 году хан Мухаммед лишился престола, будучи низложен претендентами на ханскую власть. Татарские источники, которыми пользовался Ланглес, описывают события, сопровождавшие низложение Улу Мухаммеда, следующим образом. По вступлении на престол Улу Мухамед приказал отыскать убежище смертельно раненного знаменитого князя Идиге (Едигея), главного приверженца династии Тимура Кутлу, и прикончить его. Сыновья Идиге, бежавшие вместе с племянником Тимура Кутлу Гыяс-эддином в Россию, вернулись с 3-тысячным войском и напали на Улу Мухаммеда. Потерпев поражение, Улу Мухамед удалился в Крым, победитель

¹⁾ Тизенгаузен, I, 534.

²⁾ „Ист.“ Крым. хан., стр. 232—233.

³⁾ П. С. Р. Л. VIII, 92.

же Гыяс-эддин занял Сарай и вступил на ханский престол, но процарствовал недолго и год спустя умер (в 1437 г.). В ханы был возведен внук Тимура Кутлу, юноша Кичи Мухаммед.— Вслед за этим произошло столкновение между счастливым Кючук Мухаммедом и Улу Мухаммедом... Первый сделал нападение Улу Мухаммеда, удалившийся после поражения его Гыяс-эддином в Крым... После нескольких сражений противники заключили договор, по которому все приволжские земли стали принадлежать Кючук-Мухаммеду, а Крым достался Улу Мухаммеду. Затем Улу Мухаммед повздорил с эмиром Хайдэром, который пошел тогда к Сейид-Ахмет хану, потомку Тохтамыша, с предложением своих услуг для отнятия трона у обидевшего его Улу Мухаммеда. Они с войском пошли в Крым, а Улу Мухаммед, не надеясь устоять против них, убежал в Казань¹). Таким образом, мы видим, что после низложения с престола ханов Сарайских Улу Мухаммед в течение короткого времени был ханом в Крыму, откуда также был изгнан. Но в Казань он попал из Крыма сразу. С 3-тысячным войском покинув Крымское ханство, Улу Мухаммед направился в пределы России. Надеясь на гостеприимство великого князя Василия, который получил московский престол из рук, хан Мухаммед занял город Белев, находившийся на юго-западной окраине московского государства, близ русско-крымской границы, и решил здесь обосноваться. Но московское правительство, может быть желая показать свою преданность царствовавшему со времена Сарайскому хану, противнику Улу Мухаммеда, не оказалось поддержки последнему и потребовало удаления его из пределов России. Против Улу Мухаммеда был послан отряд русского войска. 1 декабря 1437 года под Белевом произошла битва— „и множество ость вой русских, а татар велико мало; и под город придоша русстии полцы, и выехша татарове и почаша их сечи, а иные побегоша, и убиша Руси много велико... побиша рать русскую, тогда убиша бояр и княсий множество, князь великий отиде в мале дружине²).

Имея опыт отторжения от Сарайского ханства независимого Крымского государства, самостоятельность которого была обусловлена договором с Кичи Мухаммедом, и не желая больше оставаться в негостеприимных пределах России в качестве эмигранта, Улу Мухаммед решил отторгнуть от Сарайского ханства другую часть

¹) Смирнов, стр. 205. Тәғәрстан Жәмғүриятене.

²) П. С. Р. Л. V. 367. Милли китапханесе

Национальная библиотека

его владений и обосноваться там в качестве независимого государя. С этой целью он составил план восстановления самостоятельного мусульманского государства в Среднем Поволжье, каким было Болгарское царство. Покинув Белев, Улу Мухаммед выступил в Мордовскую землю и, проследовав мимо русской границы, достиг пределов Болгарии. После разгрома 1361 года и недавнего нападения русских под предводительством кн. Федора Пестрого (1432 г.), столица края г. Булгар лежала в руинах, и население, отхлынувшее на север, за Каму—в более безопасные и глухие места—стало сосредотачиваться вокруг нового центра—Казани. Поэтому хан Мухаммед избрал столицей своего государства не Булгар, а Казань, и новое ханство получило название Казанского ханства.

Ко времени занятия Улу Мухамметодом Казань была уже крупным городом и унаследовала от Булгара его торговое и политическое значение. При хане Джелаль-уддине¹⁾ в Казани был один из Сарайских царевичей—Талыч, который в 1411 году, в согласии с политическими взглядами Джелаль-уддина, оказал поддержку Нижегородскому князю Даниилу Борисовичу против Москвы и совершил нападение на Владимир. Русские летописи намекают на то, что Улу Мухаммед взял Казань силою и овладел городом лишь после убийства правившего там местного князя, которого Воскресенская летопись называет „Либсем“, т. е. князем Али, а Никоновская летопись—князем „Азыем“, т. е. Газы. Как указал проф. Вельяминов-Зернов, имя „Газы“ является прозвищем („воитель“) и впоследствии входило в состав титула ханов Казанских, так что имена князей Али и Газы могли относиться не к двум разным, а к одному и тому же лицу¹⁾. Он же сделал попытку отождествить Казанского князя Али с князем Галимом, имя которого встречается в одной татарской рукописи в качестве основателя Казани и сына последнего Болгарского хана Абдуллаха, погибшего при взятии Булгара Булат-Тимуром. Эту догадку вряд-ли можно считать справедливою, так как от разорения Булгара в 1361 году до занятия Казани Улу Мухамметодом прошло около 80 лет, и вряд-ли князь Али-Галим мог править в течение столь долгого времени; кроме того, летописи называют его „вотчичем“, т. е. наследственным князем Казанским, между тем, как отец Галима хан Абдуллах был не князем Казанским, а ханом Болгарским.

¹⁾ Вельяминов-Зернов, I, стр. 4—5.

Город, ставший столицею края, расположен в 100 верстах от Булгара, вверх по течению Волги, в том самом месте, где река круто поворачивает на юг; угол, образуемый течением Волги—гора Услон—находится как раз напротив Казани. Город расположен при впадении в Волгу р. Казанки, последнего из волжских притоков, имеющих меридиональное направление. Местоположение Казани менее выгодно, чем Булгара, стоящего близ самого слияния Волги и Камы, но природою Казань еще сильнее укреплена. Подобно Булгару, она расположена на левом, луговом берегу Волги, в значительном расстоянии от реки. Такое положение города составляло условие, чрезвычайно выгодное для его обороны, в особенности со стороны русских: неприятелю приходилось переправляться через Волгу и по болотистой низменности подступать к крепости, расположенной на высоком мысу. Наиболее укрепленная природою часть города обращена как раз в сторону русских, а тыловая, наиболее слабая—в противоположную сторону, тогда как если бы Казань была расположена на правом, горном берегу реки Волги, ее тыл был бы обращен в сторону русских.

Утвердившись в Среднем Поволжье, хан Мухаммед решил восстановить господство свое над Россией и заставить Московского великого князя платить дань по-прежнему ему, а не Сарайскому хану Кичи Мухаммеду. С этой целью он предпринял поход против русских. Весною 1439 года хан Мухаммед занял Нижний-Новгород и победоносно дошел до самой Москвы. Великий князь был принужден поспешно уехать за Волгу, поручив оборону столицы одному из бояр. С 3-го по 13-ое июня хан Мухаммед стоял под Москвой, но кремля взять не мог. Тогда он сжег посады и отступил. На обратном пути казанское войско сожгло Коломну, затем возвратилось в Казань.

В течение 5-ти лет мирные отношения не нарушались, но в 1444—45 годах хан Мухаммед предпринял второй, еще более удачный поход против русских. Поход начался осенью 1444 г. взятием Нижнего Новгорода. Хан остался здесь зимовать и в январе 1445 г. послал отряд против Мурома. Натолкнувшись на значительное русское войско, казанцы потерпели поражение и отступили; Нижний также был ими оставлен. Но с наступлением весны поход возобновился. В апреле Нижний вновь был занят Улу Мухаммедом. Казанское войско под начальством царевичей Махмуда и Якуба вступило в Московскую область и дошло до Владимира. В генеральном сражении 7-го июля в окрестностях Суздаля, у Спасо-

Евфимиева монастыря, русские были разбиты, и сам великий князь Василий вместе со своим двоюродным братом, князем Михаилом Верейским, был взят казанцами в плен. Они были отвезены в Нижний к Улу Мухаммеду—старые знакомые встретились через 14 лет после того, как Василий Васильевич приезжал на суд к Мухаммеду в Сарай.

Великий князь согласился на все условия, которые были ему предложены. Он обязался дать огромный выкуп за себя, по одним известиям—„сколько может“, по другим—„от золота и серебра, и от портища всякого, и от коней, и от доспехов пол-30 тысяч“, по третьим—200,000 рублей. В русских городах были назначены казанские чиновники для сбора налога, и в обеспечение контрибуции казанцы получили доходы с некоторых городов в виде кормлений. 25-го августа хан Мухамед выступил из Нижнего в Курмыш¹), и здесь 1-го октября Василий был освобожден. Хан возвратился в Казань, вполне достигнув своей цели.

В Москве условия договора не были опубликованы; русским было известно, что „царь Улу-Махмет и сын его утвердили великого князя крестным целованием, что дать ему с себя окуп, сколько может. А иное бог весть и они между собою“... В народе распространились самые тревожные слухи. Говорили, что Василий обещал отдать хану все Московское княжество, а себе оставил лишь Тверь. Еще до возвращения великого князя из плена против него назревало возмущение—народ не желал признать заключенного им договора. С Василием прибыло в Москву 500 казанских людей—„князья татарские со многими людьми“. Они были назначены на различные административные должности и получили в кормление волости и города. С. М. Соловьев по этому поводу говорит: „И прежде Василий принимал татарских князей в службу и давал им кормление—средство превосходное противопоставить варварам варваров же... но современники думали не так: мы видели, как они роптали, когда при отце Василия давались литовским князьям богатые кормления; еще более возбудили их негодование подобные поступки с татарами, потому что в них не могла еще тогда погаснуть сильная ненависть к этому народу, и когда к тому же были наложены тяжкие подати, чтобы достать деньги“.

¹) Курмыш на р. Суре был расположен на границе России и Казанского ханства.

для окупа¹). К этому времени относится выделение татарам в Мещерской земле (на Оке) особого удела—так называемого „Касимовского царства“, отданного, вероятно, в силу условий того же мирного договора, во владение сыну Улу Мухаммеда царевичу Касиму. На образование этого удела нельзя смотреть как на добровольную меру русского правительства,—напротив, оно явилось одним из главнейших результатов одержанной Улу Мухаммедом победы и первой попыткой ханов татарских вступить в непосредственное управление на русской земле в качестве удельных князей. Русские историки имеют обыкновение изображать положение татарских царевичей, служивших в России в качестве удельных князей, унизительным и ничтожным. По отношению к Касимовским царевичам это совершенно неприменимо: напротив, этим татарским ханам, севшим на русской земле, Московские и Рязанские великие князья были обязаны платить дань—„выход“—совершенно так же, как они платили дань в Сарай и Казань, а впоследствии в Астрахань и еще в Бахчисарай. Об уплате рязанскими князьями постоянной дани Касимовским государям „по старым дефтерем, по крестному целованью“ говорится в договоре рязанских князей Ивана и Федора Васильевичей от 19-го августа 1496 года²). Дань русского правительства в пользу Касимовских ханов упоминается в договоре между сыновьями Ивана III от 16-го июня 1504 года³), в завещании Ивана III 1504 года⁴) и была в полной силе еще при Иване IV, после покорения Казани, когда Россия торжествовала свою победу над татарами: „выход в Царевичев городок“ упоминается в числе обязательств, принятых на себя князем Владимиром Андреевичем Старицким по отношению к Ивану IV от 12-го марта 1553 года—„как дед наш князь великий Иван и своей духовной написал“, наряду с выходами в Крым и в Астрахань⁵). Русские историки не без удивления констатировали этот факт уплаты русскими государями дани Касимовским ханам, которые обычно рисуются жалкими подручниками Московских великих князей и царей и безвольными исполнителями их приказаний. Вельяминов-Зернов говорит: „Оказывается, что в Царевичев Городок (Каси-

¹) Соловьев, „Ист. России“, изд. Общ. Польза, т. I, стр. 1046.

²) Собр. гос. гр. и дог. I, № 127, стр. 321.

³) Собр. гос. гр. I, № 133, стр. 345.

⁴) Собр. гос. гр. I, № 144, стр. 398.

⁵) Собр. гос. гр. I, № 167, стр. 461.

мов), в пользу управлявшего им царевича, действительно шел от великого князя Московского „выход“, и что выход этот принимали в расчет при распределении между великим князем и удельными князьями денег, следовавших на „татарские проторы“¹⁾. Разумеется, не может быть и речи о добровольном принятии Василием татар на службу, в силу хитроумного плана „противооставить варварам варваров же“, как думал С. М. Соловьев. Ни о каком противопоставлении татарам побежденный Василий в то время не смел и мечтать, и татары, назначенные в русские города, совершенно не думали забывать своей национальности. Они собирали контрибуцию—окуп за освобождение великого князя из плена и, неся административную службу, получали „кормление“—доходы с русской земли; таким образом татарам удалось переложить содержание части своих соотечественников на русский народ.

Татары, приславшие в Россию, стали устраиваться здесь так, как им было желательно, и постепенно соорудили мечети в русских городах, где они поселились. Впоследствии русский посол в Турции заявил: „Мой государь не есть враг мусульманской веры. Слуга его, царь Саин-Булат господствует в Касимове, царевич Кайбула в Юрьеве, Ибак в Сурожике, князья ногайские в Романове: все они свободно и торжественно славят Магомета в своих мечетях... В Кадоме, в Мещере многие приказные государевы люди мусульманского закона“²⁾. „И в тех городах мусульманские веры люди по своему обычаю мизгити и кошени держат, и государь их ничем от их веры не нудит и мольбищ их не рушит“³⁾. Массовое введение иностранцев в состав администрации, наплыv татар внутрь страны, тяжелые налоги в уплату контрибуции, отмежевание целого удела татарскому хану—все это должно было вызывать сильное недовольство среди русских людей. Построение же мечетей в русских городах при известном фанатизме местного населения вызвало особенное негодование. Проведение в жизнь договора, заключенного Василием в плenу у казанцев, сопровождалось вспышкой народного возмущения. В числе недовольных были бояре, купцы и духовенство. Через 3½ месяца после введения нового режима Василий был низложен с престола и ослеплен; в вину ему стави-

¹⁾ Бельянинов-Зернов, I, 155.

²⁾ Дела Турецкие, № 2, л. 23.—Карамзин, т. IX, стр. 165.

³⁾ Там же, т. IX, примеч. 347.

лось—, зачем привел татар на Русскую землю, и города с волостями отдал им в кормление?“¹⁾). На поддержку Василия Темного двинулись царевичи Касим и Якуб, и в 1447 году великий князь был восстановлен на Московском престоле. Договор был осуществлен.

Проф. Вельяминов-Зернов относит самое основание Казанского ханства к моменту возвращения Мухаммеда из похода 1445 г. Вельяминов-Зернов ссылается при этом на следующие мотивы: 1) В 1444 году хан Мухаммед, подступив к Нижнему, намерен был там зимовать.—„Если бы хан имел столицею Казань, что за нужда была бы ему ходить в Нижний и искать зимовки?—пришел бы он просто воевать город, без всякой преднамеренной цели“ (I, стр. 8—9). 2) Известно, что Василий был освобожден из плена в Курмыше, а не в Казани, и потому сообщение Архангельской летописи, будто освобожденный из плена великий князь вернулся в Москву из Казани, следует считать ошибочным; точно также сообщение Архангельской летописи о том, что царевичи Махмуд и Якуб весной 1445 г. направились в поход из Казани, нужно признать, по мнению Вельяминова-Зернова, ошибочным (I, стр. 7). 3) В Царственном Летописце прямо сказано, что „Из Белева пойде царь (Улу Мухаммед) к Нову городу к Нижнему и засяде Нов город Нижний Старой. И тако много зла от него бываше, и из Нова города из Нижнего из Старого пойде к Мурому. Слышав же то князь великий Василий Васильевич, и взя Крещение (праздник) во Владимире. И пойде противу его со всею братьею и со всеми людьми к Мурому: царь же Улумахмет слышав возвратися бегом к Нову городу к Нижнему к Старому, в нем же живяще“. Вельяминов-Зернов говорит: „Здесь летописец прямо дает чувствовать, что, по его мнению, Улу Мухамед с самого побега из Золотой Орды вплоть до весны 1445 года жил постоянно в Нижнем Новгороде“ (стр. 9).

Разберемся во всех этих доводах. Вельяминов-Зернов спрашивает, зачем хан Мухаммед намеревался бы зимовать в Нижнем, если бы он жил постоянно в Казани? На это можно ответить предположением, что начав поход осенью, хан думал продолжить его весной (что и случилось в действительности) и желал удержать за собой Нижний Новгород, как важную базу для наступления против Москвы. Напротив, странно было бы видеть в летописи особо

¹⁾ Соловьев, стр. 1066 и 1068.

отмеченный, что хан, по мнению Вельяминова-Зернова постоянно живший в Нижнем Новгороде, решил там переименовать: это было бы простым, обычным явлением, не требовавшим никакого решения и не заслуживавшим особого упоминания.

Сообщение Архангельской летописи о том, что освобожденный из плена великий князь возвратился в Москву „из Казани“, нужно понимать в том смысле, что он прибыл из казанского плена, был освобожден из-под власти казанцев.

Предположение Вельяминова-Зернова: „Изгнанный хан не избрал-ли себе местопребыванием Нижний Новгород и не старался ли в нем укрепиться и создать себе столицу, о Казани вовсе не думая?“ (стр. 10) не имеет никаких оснований. Из слов Царственного Летописца совершенно не видно, сколько времени прошло от того момента, когда хан „засяде Нов город Нижней Старой“ до того, когда он „пойде к Мурому“. Судя по летописям, хан пришел в Нижний лишь в 1444 году и „хоте ту зимовать“¹⁾). Предположение, что с 1427 по 1445 год хан Мухаммед постоянно жил в Нижнем в качестве эмигранта, с 3000-ным войском и здесь замыслил поход на Россию, совершенно не подтверждается летописями; да и почему русское правительство, изгнавшее его из Белева, позволило бы ему жить в Нижнем Новгороде? Такой поход, какой был предпринят в 1445 г. и те условия, которые он поставил России, могли быть реализованы лишь в том случае, если хан Мухаммед опирался на многочисленное население, доставлявшее ему обширный кадр войска и имел перед собою широкие государственные задачи—с чем совсем не согласуется то представление о бродячем авантюристе, которое дано Вельяминовым-Зерновым.

Личность Улу Мухаммеда, несмотря на скудость сохранившихся о нем известий, рисуется в качестве весьма выдающейся. Царствование его в Сарае было блестящим, и суверенитет над Россией был прочным и непрерывным. Принужденный оставить Сарай, он отправился в Крым и основал там независимое государство, самостоятельность которого была формально признана сарайским правительством. Вынужденный вторично покинуть престол, Улу Мухаммед не пал духом и вступил в пределы России. Одержавши победу над русскими у Белева, он решил, по примеру Крымского ханства, отторгнуть от Саая все Среднее Поволжье и основать там самостоятельное государство. Этот грандиозный замысел был выполнен им чрезвычайно успешно: ему удалось организовать могущественное

¹⁾ П. С. Р. Л. VI, 170.

государство и обеспечить его существование созданием крупной военной силы. Два похода против России были победоносны: в 1439 году он дошел до самой Москвы, в 1445 г.—до Суздаля, причем в открытом бою взял в плен самого Московского государя. Россия платила ему тяжелую контрибуцию, и в русских городах были поселены татары. Мало того, ему удалось и в пределах России создать новое государство—ханство Касимовское, под властью своего сына Касима. Большой ум, громадная энергия и колоссальная предприимчивость характеризуют личность Улу Мухаммеда. Что касается других личных качеств этого хана, то из них русскими историками отмечено лишь „рыцарское поведение“ Мухаммеда в 1430 году, когда он неодобрительно отнесся к нарушению клятвы татарским князем Хайдером, который посредством обмана взял в плен мценского воеводу Григория Протасова¹⁾.

План основания Казанского ханства можно назвать гениальным, потому что хан Мухаммед понял особность древнего культурного местного населения, и задумавши восстановить мусульманское государство в Среднем Поволжье, правильно оценил шансы на его прочное существование. Дальновидный проект был выполнен с огромным умением, и вновь созданное государство оказалось очень могущественным. Военный талант и организаторский гений основателя Казанского ханства дали ему возможность поставить величие государства сразу на должную высоту и достигнуть такой полноты верховенства над Россией, которая заставила считаться с Казанью более, чем с ханством Сарайским. Всем этим государство казанских татар было обязано Улу Мухаммеду.

Преемники Улу Мухаммеда. Война 1467—69 годов. Хан Мухаммед скончался вскоре после возвращения в Казань из Нижнего Новгорода. Он имел трех сыновей—Махмуда, Касима и Якуба. В 1445 г. царевичи Махмуд и Якуб участвовали в русском походе, в 1446 г. Касим и Якуб действуют с войском в России, оказывая поддержку Василию Темному. Касим остается в России в качестве удельного князя Мещерского Городка на Оке, Якуб упоминается под 1452 г., как участник русского похода на Вагу и Кошеньгу²⁾.

После смерти Улу Мухаммеда на ханский престол вступил старший сын его Махмуд, которого источники иногда называют

¹⁾ П. С. Р. Л. VIII, 97—Смирнов „Ист. Крым. ханства“ стр. 201.

²⁾ П. С. Р. Л. VI, 179—180; VIII, 125.

уменьшительным именем Махмутек. Будучи царевичем, Махмуд принимал видное участие в деятельности своего отца. Ему принадлежало главное командование в знаменитой Сузdalской битве, в которой был взят в плен великий князь московский Василий. Русские летописи часто упоминают Махмуда рядом с его отцом, и даже Белевскую победу некоторые летописцы приписывают не одному Мухаммеду, но „со сыном своим с Мамотяком”¹⁾.

Вельяминов-Зернов приписывает даже самое основание Казанского ханства Махмуду, а не Мухаммеду. Этим нельзя согласиться, так как если бы даже, становясь на точку зрения Вельяминова-Зернова, допустить, что до 1445 года Улу Мухаммед и Махмуд жили не в Казани, а например в Нижнем Новгороде, то и в таком случае необходимо будет признать, что самостоятельное татарское государство в Среднем Поволжье в 1438—1445 годах уже существовало, и организатором его являлся хан Мухаммед.

„Казанский Летописец” приводит совершенно невероятное сообщение об обстоятельствах, сопровождавших смерть Мухаммеда и восшествие на престол хана Махмуда: „Умре (Улу Мухаммед) в Казани с меньшим сыном своим Якупом, оба ножем резаны от большего сына его Мамотяка”. Все русские авторы, писавшие о Казанском ханстве, считали необходимым повторять эту выдумку, и даже проф. Вельяминов-Зернов, который сам же отметил целый ряд несообразностей и прямых ошибок в этом рассказе „Казанского Летописца”, нашел возможным сказать: „Очень может быть, что самый факт убийства Улу-Мухаммеда, передаваемый в рассказе, верен. *Чтонибудь да случилось же с ханом:* не даром же он исчезает в летописях совершенно, и место его заступает сын” (I, стр. 11). Исчезновение Мухаммеда со страниц летописи вполне обясняется его естественной смертью, так как хан был уже пожилым—у него было 3 взрослых сына, участвовавших в походах. Предполагать же убийство нет никаких оснований. Еще менее можно допустить заговор со стороны ханского сына. Зная приемы повествования „Казанского Летописца”, легко признать в этом сообщении об убийстве Махмудом отца одну из многочисленных выдумок автора. „Казанский Летописец” с избытком пропитан фанатической ненавистью к казанцам и всячески старается представить их злобными дикарями и осмеять несчастия, в которые им приходилось иногда попадать. С большим удовольствием составитель „Казанского Летописца”

¹⁾ П. С. Р. Л. V, 267.

нагромождает нелепые вымыслы один на другой, стараясь намеренно поразить читателей зверством татар и смакуя смешные и нередко скабрезные подробности, сочиненные им же самим. Вообще, это произведение относится скорее к отделу беллетристики, а не исторической, научообразной литературы. Повествуя о том, что хан Мухаммед с царевичем Якубом „оба ножем резаны от большего сына его Мамотяка“, автор „Казанского Летописца“ не преминул добавить—„от скорпии змей остался“. Искажение фактов обличается тем обстоятельством, что царевич Якуб был жив в течение ряда последующих лет и продолжал упоминаться в русских источниках. Проф. Вельяминов-Зернов сам признает, что „История о Казанском царстве“ („Казанский Летописец“)—„источник, которым надобно пользоваться с большою осторожностью. В ней рассказывается множество басен и небылиц; года часто перепутаны, и происшествия искажены; автор, как видно, писал на память, мало заботясь о том, что у него выйдет из-под пера“ (I, стр. 6), в частности, о царствовании Улу Мухаммеда он говорит: „В этом рассказе все происшествия перепутаны до-нельзя“ (I, стр. 11). И тем не менее, он на основании этого самого рассказа нашел возможным высказать следующее предположение, совершенно лишенное достаточных оснований: „Я събе об'ясняю дело так, что по освобождении Василия Улу Мухаммед, гордый одержанной победой над русскими, двинулся с Махмутеком из Курмыша на Казань. Махмутек же, побуждаемый честолюбием, решил убить отца и выполнил этот умысел“ (I, стр. 11). По поводу появления в России царевичей Касима и Якуба он высказал также совершенно необоснованное предположение, что „по всей вероятности царевичи бежали от Махмутека из опасения чтобы, он, умертвив отца и брата, не убил и их“ (I, стр. 13). В действительности же царевичи Касим и Якуб (будто бы бежавший от брата, который его уже умертвил!) находились в России для проведения в жизнь мирного договора и с этой же целью принимали участие в восстановлении на престоле Василия Темного.

Обстоятельства царствования хана Махмуда до сих пор совершенно еще неизвестны, так как русские летописи, сообщающие о войнах с Казанью, об этой мирной эпохе, в течение которой войны между русскими и казанцами не происходило, молчат. Из единственного русского документа, дошедшего до нас от этого времени и упоминающего о Казани, видно, что в 1455 году митрополит московский Иона посыпал в Казань двух слуг с подарками—„рухлядью“ (шубами, платьем, тканями и т. п.) и с письмом к казанскому вель-

може Шаптяку, которого глава русской церкви называл „принцем” и в униженном тоне просил его представительства пред ханом Махмудом. Н. П. Загоскин, цитирующий документ, говорит: „Ясно что престиж Казани высоко стоял уже к началу второй половины XV века, если русскому иерарху представлялось целесообразным искать покровительства казанского сановника“¹⁾.

Мирные отношения между русскими и казанцами в течение всего царствования хана Махмуда ни разу не нарушались, и двадцатилетие 1446—1466 годов следует считать тем временем, в течение которого преимущественно окрепли торговые связи Казанского ханства с Россией, и когда Казань стала окончательно центром международной торговли на Волге. Выгодный договор с русским правительством, заключенный в 1445 году, давал приток из России денежных средств, которые оставались в Казани и давали возможность расширять торговые предприятия. Ежегодный „выход“ дани из России в Казань вливал в страну новые и новые капиталы—„дань эта была действительно выходом, ежегодным изъятием из народного обращения значительной части капитала, успевшего за это время накопиться в стране“²⁾. Казанцы стали усиленно развивать свою деятельность на поприще международной торговли, и город Казань стал первоклассным центром товарообмена в Восточной Европе. Сюда стекались товары и съезжались купцы из Средней Азии, Сибири, из Персии, Закавказья, со всего Поволжья и из России. Ежегодная ярмарка, происходившая в Казани, получила то же значение огромного международного рынка, какое раньше имела Булгарская ярмарка, а впоследствии получило Нижегородское „всероссийское торжище“. Ярмарка собиралась летом, после спада полой воды, на песчаном волжском острове против Казани, который имел у русских название „Гостиного острова“. Здесь находились торговые помещения, амбары и склады, ежегодно затопляемые весенним разливом.

Военное могущество Казанского ханства, составлявшее надежную гарантию спокойной торговле, привлекало сюда значительное число переселенцев. „Казанский Летописец“ отмечает, что „начаша сбиратися ко царю мнози варвары от различных стран, от Златы Орды и от Асторохани, от Азусва и от Крыма, и нача изнемогати время то и Великая Орда Золотая, усиляти и укреплятися вместо

¹⁾ „Спутник по Казани“, стр. 39.

²⁾ Любавский, „Русская история до конца XVI века“, стр. 154.

Золоты Орды Казань новая орда¹⁾). В этот период, по всей вероятности, столица ханства особенно обогатилась, разрослась до размеров крупного города, стала многолюдным средоточием мусульманской культуры. В мирное царствование хана Махмуда должна была окончательно сформироваться структура Казанского ханства, сложиться и окрепнуть внутренний строй государства, и поэтому следует особенно пожалеть об отсутствии источников для изучения этой эпохи.

Хан Махмуд, еще царствовавший в 1461 году, скончался в 1460-х годах. Согласно обычаю, его вдова должна была выйти замуж за брата своего покойного мужа — царевича Касима, который жил в России в качестве удельного государя Мещерского Городка на Оке.

Хан Махмуд оставил двух сыновей — Халиля и Ибрагима. На престол вступил хан Халиль. Царствование его было очень непродолжительным, и обстоятельства его совсем неизвестны. Возникла даже вопрос о том, царствовал ли Халиль, существование которого засвидетельствовано присутствием его имени во всех старинных родословных ханов Казанских, но о котором не упоминается ни в одной из русских летописей. Однако, о царствовании Халиля говорит Герберштейн²⁾, который называет Халиля Хелеалеком (Chelealeck), а также имя его значится в старинном татарском списке ханов Казанских, приведенном проф. Фуксом³⁾. Хан Халиль был женат на ногайской княжне Нур-Салтан, дочери князя Тимура.

В течение 1460-х годов среди руководящих слоев казанского населения обнаружилась дифференциация, и наметилось образование двух политических направлений. В настоящее время, по недостатку источников и при неразработанности данного вопроса в научной литературе, еще невозможно определить главную линию этой дифференциации и выяснить характер политических направлений. Одно направление, повидимому, поддерживало существовавший в то время государственный строй, другое имело значение оппозиции по отношению к правительственноому направлению. Во главе оппозиции стоял князь Абдул-Мумин.

Хан Халиль скончался в 1467 году. Он умер бездетным, и после его смерти ханом был провозглашено его брат Ибрагим. Согласно обычаю, вдова Халиля царица Нур-Салтан вышла замуж за Ибрагима, как за брата своего покойного мужа. Оппозиция воспользовалась

¹⁾ И. С. Р. Л. XIX, стр. 19—20.

²⁾ „Зап. о Московии”, стр. 139.

³⁾ „Ист. г. Казани”, изд. 5, стр. 22.

залась переменою царствования, чтобы добиться влияния на государственные дела и сделала попытку произвести переворот. Партия Абдул-Мумина выдвинула нового кандидата на ханский престол в лице царевича Касима, дяди Халиля и Ибрагима.

Борьба за престол была обусловлена обстоятельствами трех категорий—династическими соображениями, партийными направлениями внутри Казанского ханства и иностранным вмешательством со стороны русского правительства.

С точки зрения династических соображений это была борьба за власть между дядею и племянником, каких мы не мало насчитываем в истории удельной России. Это была борьба между „очередным“ порядком правления и единонаследием верховной власти. Из сыновей Улу Мухаммеда старший, Махмуд, получил Казанское ханство, младший, Касим, был удельным государем в Мещере. По смерти Махмуда естественно был должен возникнуть вопрос, должен ли Касим передвинуться из своего удела на ханский престол. Если нам ничего неизвестно о возникновении такого вопроса при хане Халиле, то это может быть объяснено недостатком источников и кратковременностью самого царствования Халиля, в течение которого претензии Касима могли не успеть проявиться. Смерть Халиля вновь поставила на очередь вопрос о престолонаследии; и царевич Касим выступил в качестве претендента. Династический характер борьбы, произшедшей между Касимом и Ибрагимом, до сих пор оставался не освещенным в литературе: русские историки, в том числе С. М. Соловьев и Вельяминов-Зернов видели центр тяжести всей борьбы не в притязаниях Касима, а исключительно в партийной оппозиционности сообщников Абдул-Мумина. Карамзин склонен был уделять большую инициативу самому Касиму, который „имел сношения с вельможами казанскими“, но он не обратил внимания на династическое соотношение Касима и Ибрагима, подчеркнув то обстоятельство, что последний был пасынком первого, а не то, что он был его племянником.

Партийные направления внутри Казанского ханства, возникшие в 1460-х годах, с трудом поддаются уяснению, за отсутствием прямых указаний в источниках. Если же попытаться представить себе характер политических направлений на основании их династических стремлений, то получится следующая картина. Царевич Касим жил далеко, вне Казани, и его права на престол были чисто-формальными; от него могли ждать чего-то нового в государственном управлении. Царевич же Ибрагим был пред глазами, и от

него мы вправе ожидать большего знакомства с текущими делами Казанского ханства; устрашить такого естественного кандидата могло быть выгодно лишь для тех, кто был недоволен существующим строем и желал перемены режима с переходом власти к пришедшему издалека и престарелому кандидату, неопытному в казанских делах. Вокруг Ибрагима, вероятно, обединились все те, кто был у власти в правление ханов Махмуда и Халиля,—для них новое царствование представлялось непосредственным продолжением предыдущих, и они не имели в виду подвергать себя случайностям новой политики, которая исходила бы от хана, приехавшего в Казань из-за границы. Кандидатуру Касима должны были поддерживать те, кто имел основание ждать политических перемен и расчитывал играть видную роль при новом правительстве, которое было бы обязано этой группе своею властью. Вельяминов-Зернов высказал мысль, что против Ибрагима были князья, им угнетаемые (стр. 53). Если об угнетении со стороны Ибрагима, только что вступившего на престол, и не приходится говорить, то все же является очень правдоподобным, что к власти стремились лица, неудовлетворенные прежним режимом. Немногочисленность приверженцев Абдул-Мумина говорит в пользу того, что партийная дифференциация носила скорее личный, чем социальный характер. Искать каких-либо более глубоких, социальных причин расслоения высшего казанского общества данной эпохи нет достаточных оснований.

Кандидатура царевича Касима, жившего в пределах России, повлекла за собою вмешательство русского правительства в дела Казанского ханства. Правда, в начале это вмешательство было произведено осторожно, и иностранные вожделения были искусно прикрыты династическими претензиями кандидата, но искоре истинные намерения русских были разгаданы, и дело дошло до войны. Царевич Касим, бывший удельным князем в России, выступил в качестве претендента на казанский престол, опираясь не только на свое татарское войско, но также получивши поддержку от русского правительства. Не располагая в Мещерском уделе значительным войском, он обратился к Московскому государю с просьбою дать в его распоряжение военный отряд. Русское правительство нашло целесообразным поддержать претендента и тем самым вмешаться во внутренние дела Казанского ханства.

Момент, когда русское правительство решило вмешаться в казанские дела, существенно отличался от эпохи Суздальского поражения. В течение XV века сложилось окончательно великорус-

ское государство, формирование которого сопровождалось быстрым усилением его центра—Москвы; политическое возвышение Московского государства возрастало с каждым десятилетием, и если в 1440-х годах мы видели Василия Темного татарским пленником и данником, то теперь, в 1460-х годах, на московском престоле сидел энергичный правитель, гениальный администратор и организатор великорусского государства, настойчиво стремившийся к присоединению зарубежной Руси и уверенно выступавший на широкое поле международной политики. Правительство Ивана III, сменившее несчастного Василия Темного, развивало свою деятельность в совершенно новом, широком масштабе, и в своем размахе опиралось на рост производительных сил страны, которая успела оправиться и окрепнуть после понесенного поражения. Иван III, вступивший на престол в 1462 году, вскоре же начал проявлять агрессивную политику по отношению к Казанскому ханству, и поддержка, оказанная царевичу Касиму, явилась первым шагом этой политики: в случае предоставления ханского престола царевичу, 20 лет прожившему в пределах России и бывшему, до некоторой степени, своим человеком, русское правительство, вероятно, надеялось достигнуть благоприятного для себя влияния на дела соседнего государства. С этого времени начинается новая фаза московско-казанских взаимоотношений: при хане Мухаммеде казанцы вели наступление против русских, при хане Махмуде оба соседние государства находились в состоянии взаимного равновесия и в мирных отношениях между собою, при Ибрагиме началось наступление против Казани, завершившееся через 85 лет разрушением Казанского ханства. Характер этого наступления постепенно видоизменялся и постоянно усиливался.

Вмешательство русского правительства в дела Казанского ханства, вызванное как-будто незначительными, династическими соображениями, настолько совпадало с видами русской великодержавной политики, что оказалось причиной серьезной войны между обеими государствами. Русские, первые поднявшие оружие против казанцев, в течение этой войны вели энергичное наступление. В то время еще не могло быть и речи о стремлении русских к завоеванию Казанского ханства, и истинные цели их агрессивной политики вполне выяснились лишь через 20 лет, но наступательный характер их действий обнаружился совершенно определенно.

Первые шаги русских против Казани были неуверенны и довольно неудачны. Русское войско, данное на поддержку Касиму,

встретило хорошо организованное сопротивление среди казанцев. Хану Ибрагиму без труда удалось об'единить силы своего государства и дать дружный отпор вмешательству иностранцев. Оппозиция оказалась бессильной противодействовать под'ему национального чувства, и может быть, Касиму ничто не повредило так сильно, как поддержка, оказанная ему русским правительством. Когда русские вступили в пределы Казанского ханства, они были встречены казанским войском и не решились даже на попытку совершить перевал через Волгу. Перевес казанцев был настолько очевидным, что русский отряд после первой же встречи немедленно повернулся обратно, и таким образом его поход окончился неудачно.

Борьба за престол была окончена, и сам претендент вскоре скончался, но казанское правительство хорошо разглядело стоявших за спиной Касима своих настоящих врагов и решило продолжить войну. В виду наступления осени, хан Ибрагим не пошел на Нижний-Новгород и возвратился в Казань, но зимняя кампания все-таки состоялась. Казанцы наметили пунктом для нападения на русскую землю г. Галич. Казанский отряд разграбил окрестности Галича, но укрепленного города взять не мог. Русское правительство послало войска в пограничные города—Галич, Кострому, Нижний и Муром. Из Галича русские сделали ответное нападение на черемисскую территорию, входившую в состав Казанского ханства, жгли селения, грабили и убивали крестьян. Карамзин в следующих выражениях описывает те жестокости и разорение, которые наносились русскими черемисам: „Россияне истребили все, чего не могли взять в добычу; резали скот и людей; жгли не только селения, но и бедных жителей, избирая любых в пленники“. До Казани русские не добрались, да и что мог сделать небольшой отряд против укрепленной столицы? Набег на черемисских крестьян был не больше, как карательной экспедицией, отплатою за нападение казанцев на Галич, и как будто иронией звучат слова Карамзина о том, что начальник отряда „без битвы пролив множество крови, возвратился с именем победителя“.

Казанцы не остались в долгу. Против русских пограничных городов было послано войско. Удачнее всего были военные действия в северной полосе: на Галичском направлении казанцы продвинулись до р. Юга и взяли крепость Кичменгуг, на Костромском направлении казанцы заняли две волости. Менее удачны были военные операции на южном участке: на Нижегородском направлении казанцы потерпели урон, и князь Ходжум-Берде взят был в плен;

на Муромском направлении наступление казанцев также было остановлено русскими.

Одновременно с операциями на приволжском театре войны, хлыновский военный отряд спустился по р. Вятке на Каму и начал действовать в тылу у казанцев, совершая нападения на купеческие суда на внутренних путях государства. Казанское правительство было вынуждено послать войско на север, чтобы обезвредить гнездо вятских ушкуйников. Казанцы выполнили эту задачу успешно— главный город Вятского края Хлынов был взят, и туда был назначен казанский наместник. Русский партизанский отряд вынужден был удалиться вверх по р. Каме и кружным путем, через Вычегду, достигнуть Устюжской земли.

Весною 1469 года русское правительство предприняло первый большой поход против Казани. План военных действий сводился к тому, чтобы стиснуть Казань с двух сторон—сверху и снизу по Волге. С этой целью были сформированы два войска, в Устюге и в Нижнем. Устюжский отряд должен был спуститься по Мологе, Вятке и Каме и подступить к Казани снизу, а Нижегородское войско—двинуться сверху по Волге. Этот план потерпел полную неудачу. Русские отряды, действовавшие изолированно, прибыли к Казани в разное время и были отражены по частям. Нижегородское войско под начальством И. Д. Руна достигло Казани 21 мая. Ему удалось произвести пожар в Казанском посаде, но, ограничившись этим, русские тотчас же отступили кверху по Волге и расположились на Коровничем острове. Казанцы послали против них военный отряд, но разбить русских ему не удалось. Русские также не могли возобновить наступления и отошли к Нижнему Новгороду, подвергнувшись в пути новому нападению. В виду запоздания Устюжского войска, все предприятие было обречено на неудачу. Устюжское войско, под командой князей Ярославских, по Мологе выплыв на Вятку, в пути значительно задержалось. Между тем, казанское правительство получило от своего хлыновского наместника извещение о движении Устюжского войска и приготовилось к его встрече. Когда устюжане подошли к Казани, они были встречены флотилией казанских судов, и произошло сражение на воде—случай, довольно редкий в истории Казанского ханства. Русский летописец описывает битву такими словами: „Бой бысть на Волзе с устюжаны и с великого князя бояры дворными, татарове устюжан били, и детей боярских переимали; тогда же убили Микиту

Костянтиновича (одного из Ярославских князей) и Юрла Плещеева полонили и его товарищов⁴ ¹).

Русские потеряли более половины отряда, и только благодаря невероятным усилиям, перепрыгивая с одних судов на другие (в чем особенно отличился кн. Ухтомский), остаткам Устюжского войска удалось спастись и уйти из-под Казани. Они пробились через преграду и соединились с Нижегородским отрядом.

С. М. Соловьев говорит: „В четыре описанные похода ²) ничего не было сделано (русскими): весь успех ограничивался опустошением неприятельских областей, за что казанцы также не оставались в долгу; сожжение казанских посадов Руном не могло вознаградить за потери, понесенные отрядом князя Ярославского, мало того,—выгода была явно на стороне казанцев, потому что им удалось подчинить себе Вятку” ³).

По получении донесения о соединении Устюжского отряда с Нижегородским, московское правительство вновь вооружило его, снабдило продовольствием и одеждой, отличило наградами и приказало вновь наступать на Казань. В войска были посланы братья великого князя—Юрий и Андрей. Наступление состоялось в конце августа, и 1 сентября русские начали осаду Казани, но вскоре последовали мирные переговоры, и состоялось заключение договора между воевавшими сторонами. Русские историки говорят, что „Ибрагим, видя себя в большой беде, начал посыпать с просьбою о мире” ⁴), но приписывать желание мира одним казанцам нельзя, так как русским далеко не улыбалась перспектива долгой осады и предстоящая осень, и они „могли желать покончить скорее с Казанью, потому что внимание отвлекалось другими, важнейшими отношениями: с новгородцами дела не ладились; Казимир Литовский пересыпался с Ахматом, ханом Золотой Орды” ⁵).

Мир был заключен на условиях, доставивших удовлетворение русскому правительству—„на всей воле великого князя и воеводской”. С. М. Соловьев говорит: „Мы не знаем, в чем состояла эта

¹) П. С. Р. Л. IV, 149.

²) Четырьмя походами С. М. Соловьев считает поход царевича Касима, зимний набег на Черемис, действия ятских ушкуйников и большой поход на Устюга и Нижнего.

³) Ист. России, стр. 1416.

⁴) Ист. России, стр. 1416—1417.

⁵) Ист. России, стр. 1417.

воля; знаем только, что хан выдал всех пленников, взятых за 40 лет^{“1”}). Таким образом, становится ясной цель этой войны с стороны русского правительства: оно желало добиться освобождения из неволи попавших к казанцам русских людей. Казань вела крупную торговлю рабами, которых поставляла на азиатские рынки—в Сарай в Туркестан. Главным предметом продажи на невольничих рынках служили русские пленники и особенно женщины, которых покупали в гаремы. В течение всего существования Казанского ханства русское правительство добивалось отмены христианского рабства, и при первом столкновении между обоими государствами заявило о своих стремлениях. Тем не менее, рабство продолжало существовать и имело огромное значение в экономической жизни страны, так как рабы обслуживали своим бесплатным трудом большие хозяйства помещиков, частную жизнь горожан и торгово-промышленные предприятия. Невольники применялись в качестве чернорабочих, а некоторые специалисты-ремесленники высоко ценились в производстве. Торгово-промышленный характер Казанского государства настоятельно требовал невольничих рук для капиталистических предприятий всякого рода. Свободных рук, необходимых для развития и поддержания промышленности, среди татарского населения не хватало, и приток иностранцев—невольников составлял необходимое условие экономической жизни. Русское правительство стало бороться с этим явлением, и отношения между соседними государствами постоянно были окрашены недоверием и грозили разразиться конфликтом.

Мирные отношения между Казанью и русскими не нарушались в течение 8 лет. В феврале 1478 года казанцы открыли военные действия против Хлынова, присоединения которого к Московскому государству усиленно добивалось правительство Ивана III. Это дало России повод к началу войны. С. М. Соловьев отмечает, что „как нарочно, хан Казанский нарушил мир в то самое время, когда Иоанн привел Новгород окончательно в свою волю и мог обратить оружие на восток^{“2”}). Действительно, трудно видеть случайность в таком совпадении начала войны с моментом завершения новгородских походов, но едва ли такая преднамеренность исходила со сто-

^{“1”}) Ист. России, стр. 1417.

^{“2”}) Ист. России, стр. 1418.

роны казанцев: естественнее всего допустить, что не хан Казанский нарушил мир как нарочно в этот самый момент, но само русское правительство об'явило войну тогда, когда нашло наиболее выгодным для себя.

Весной 1478 года русский отряд подступил Волгой к Казани, но вскоре же отошел обратно без всякого результата: „сильная буря и дождь помешали приступу“¹⁾). Разумеется, ни буря, ни дождь не могли бы помешать осаде Казани, если бы она была организована достаточно основательно. Можно допустить, что какой-нибудь сильный шторм уничтожил на Волге суда или продовольствие, и очевидно, русские не смогли возобновить осаду и отступили без всякого результата. Одновременно с этим походом, вятские и устюжские ушкуйники разбийничали на Каме. Русские источники говорят, что хан опять заключил мир на всей воле великого князя²⁾, но С. М. Соловьев добавляет: „Воля эта опять остается неизвестною“³⁾). Трудно думать, чтобы русские после неудачного похода могли предъявить какие-либо существенные условия. Во всяком случае, эта война для русского правительства ничего не дала.

Хан Ибрагим скончался в 1479 году. Он имел детей от двух жен: от царицы Фатимы трех сыновей—Али, Худай-Кула и Мелик-Тагира, и от царицы Нур-Салтан (вдовы покойного хана Халиля) двух сыновей—Мухаммеда-Эмина и Абдул-Латыфа. Кроме того, у него было несколько дочерей, из которых получила известность одна царевна по имени Ковгоршад. По смерти Ибрагима его вдова Нур-Салтан вышла замуж за крымского хана Менгли-Гирея и из Казани уехала в Бахчисарай. Это событие, свидетельствующее о политических, культурных и экономических связях, существовавших между Казанью и Крымом, чрезвычайно способствовало упрочению этих связей и в дальнейшем имело важные следствия, так как явилось источником крупных политических событий. Вместе с матерью маленький царевич Абдул-Латыф отправился в Крым, ко двору своего отчима.

¹⁾ Соловьев „Ист. Росс.“, с. 1418.

²⁾ Русский Временник. II, 142.

³⁾ Ист. Росс., с. 1418.

Родословная ханов Казанских из династии Улу Мухаммеда.

Хан Али. Усиление русской партии. В 1480-х годах обнаружилось окончательное расслоение руководящих кругов казанской аристократии на две политических партии. Кружок Абдул-Мумина показывает, что уже в 60-х годах солидарности между казашами не существовало, но недостаток источников не позволяет объяснить происходившие в то время события с достаточной полнотой, и потому мы не решаемся относить возникновение постоянных политических групп в Казани к 1460-м годам. В 80-х годах расслоение оказалось уже более глубоким и вполне определившимся, стремления же обоих групп получили свою характерную окраску.

Поводом к возникновению открытой борьбы, как и в 60-х годах, явился вопрос о ханском престолонаследии. Сторонники одной партии провозгласили ханом Али, сына Фатимы, приверженцы другой группы выдвинули кандидатуру царевича Мухаммеда-Эмина, сына Нур-Салтан.

Вокруг имени Мухаммеда-Эмина сгруппировались лица, заинтересованные в союзе с Россией, по всей вероятности—представители той части торгового капитала, которая находилась в тесной зависимости от русского рынка. Напротив, сторонники хана Али опирались на союз с ногайскими татарами и очевидно тяготели к среднеазиатскому рынку. Добыивание русских невольников и продажа их

на восточные рынки делали естественным для этой партии стремление к войне с Россией и, в свою очередь, вызывали враждебное отношение со стороны русских.

Опираясь на вооруженную силу, в особенности на поддержку ногайских татар, партия восточной торговли провозгласила ханом Али, законного наследника престола. Мухаммеду-Эмину пришлось покинуть пределы Казанского ханства, и партия русской торговли направила 10-летнего царевича в Россию, под покровительство великого князя, а не в Крым, где жила мать юного эмигранта. Русское правительство благосклонно приняло Мухаммеда-Эмина и обещало оказать содействие ему в возведении на престол, но на деле Ивану III было не до него—он был занят свержением татарского ига. Царевич был оставлен в России и в управление ему был дан удел—город Кошира.

Русское правительство готовилось начать войну в 1482 году: в Нижний была отправлена артиллерия с иностранными инженерами, в том числе знаменитым Аристотелем Фиораванте во главе, войско же собиралось к Владимиру, и сам Иван III предполагал выступить в поход. Однако, война была предотвращена, так как казанское правительство начало дипломатические переговоры о сохранении мира¹⁾.

Русские летописи совершенно не освещают казанских событий, происходивших между 1482 и 1487 годами, но этот пробел пополняется разрядными книгами. Этот источник был отчасти использован Карамзиным, сделавшим ссылку на разрядную книгу Бекетова²⁾, и Соловьевым, который дал выписку из разрядной книги Московского Архива мин. ин. дел³⁾, но впервые на него обратил должное внимание Вельяминов-Зернов, который имел в своем распоряжении еще одну разрядную книгу—Башмакова. Вельяминов-Зернов говорит: „Еслиб о Казани за эпоху Ильгама (т. е. хана Али) только и были те данные летописей и Герберштейна, которые мы привели, то мы бы смело могли сказать, что эта эпоха составляет один из самых темных периодов истории Казанского ханства. Но существует еще источник, на который до сих пор, сколько мне известно, не было обращено должного внимания. В виду у меня разрядные книги... Сведения, находимые в Башмаковской разрядной книге, значительно пополняют пробел между 1484 и 1487 г.”⁴⁾.

¹⁾ П. С. Р. Л. VI, 234.

²⁾ Ист. Гос. Росс., т. VI, прим. 269.

³⁾ Ист. Росс., т. V, прим. 99.

⁴⁾ Вел.-Зерн., I, 170 и 173.

В этот период русское правительство постоянно вмешивалось во внутренние дела Казанского ханства и из экономических соображений оказывало военную помощь то одной партии, то другой. В 1484 году в Казани одержала верх русская партия, на поддержку которой приходило московское войско; хан Али был низложен с престола, и ханом был провозглашен Мухаммед-Эмин. Новое правительство, действовавшее именем 16-летнего хана, оказалось неработоспособным. Восточная партия снова ободрилась, и даже русское правительство нашло целесообразным ее поддержать: в следующем же 1485 году московское государство решило восстановить в Казани прежнее правительство и приспало с этой целью войско. Мухамед-Эмин должен был покинуть Казань, и престол был вновь занят ханом Али. События следующего 1486 года в русских источниках противоречат друг другу, так как имена ханов в них перепутаны. Совершенно очевидно, что середина 80-х годов была наполнена в Казани гражданскими войнами, в которых принимало участие и русское правительство, пославшее войско к Казани и добивавшееся экономических выгод. Партийная борьба происходила с переменным успехом, но только отдельные эпизоды ее вскользь упоминаются в русских источниках. Следы этой борьбы отражаются в сообщениях о том, что казанское правительство в 1486 году обращалось к русским с просьбою прислать войска „для береженья“, так как русская партия пыталась выслать в Москву своих противников и претендента восточной партии; что восточная партия оказала энергичное сопротивление и пыталась свергнуть правительство, которому удалось снова вернуть себе власть лишь при помощи русского войска.

Весной 1487 года состоялся второй большой поход русских против Казани. Попытка хана Али задержать наступление неприятельской армии окончилась неудачею, и 18 мая русские начали осаду столицы. Во время осады из Казани постоянно делались вылазки, а с тыла русским наносил сильный урон конный отряд князя Али-Газы. Русским удалось разбить Али-Газы и затем обложить Казань тесным кольцом. Среди защитников не было единодушия, и русская партия настойчиво требовала заключения мира. Герберштейн говорил, что сами казанцы низложили хана Али и выдали его русским. 9 июля городские ворота были открыты для осаждавших, и русское войско вступило в Казань.

Хан Али, его жены, мать — царица Фатима, сестры и братья Мелик-Тагир и Худай-Кул были арестованы и отправлены в Россию.

На престол был вновь возведен Мухаммед-Эмин. Видные деятели восточной партии были преданы казни. Русское правительство расправилось с ханским семейством, по своему усмотрению. Хан Али с женами был сослан в Вологду, куда в 1480 г. был также сослан крымский царевич Хайдар, сын Хаджи Гирея, только что выехавший на службу в Россию¹⁾. Царица Фатима, царевичи и царевны были сосланы в Белогорскую область—в отдаленный городок Карголом.

Соседние мусульманские государства не остались равнодушными к судьбе хана Али: перемена режима в Казани была далеко не безразличной для торговых сношений, и со стороны Ногайского княжества и Сибирского ханства последовал протест по поводу низложения хана Али. Сибирский хан Ибак писал московскому государю: „Ты мне брат: я государь мусульманский, а ты христианский. Хочешь ли быть в любви со мною? Отпусти моего брата, хана Али. Какая тебе польза держать его в неволе? Вспомни, что ты, заключая с ним договоры, обещал ему доброжелательство и приязнь“²⁾. Ногайское правительство присоединило к своему протесту экономические требования, имевшие в виду облегчение торговых сношений—право свободного в'езда в Россию ногайских купцов и право безпошлинного ввоза товаров. Русское правительство отказалось освободить хана Али и изъявило согласие на установление торговых сношений лишь при том условии, если сибирское правительство казнит казанских эмигрантов, сторонников хана Али, которые готовили нападение на Казанское ханство. Свое требование русское правительство подкрепило арестом одного из ногайских послов.

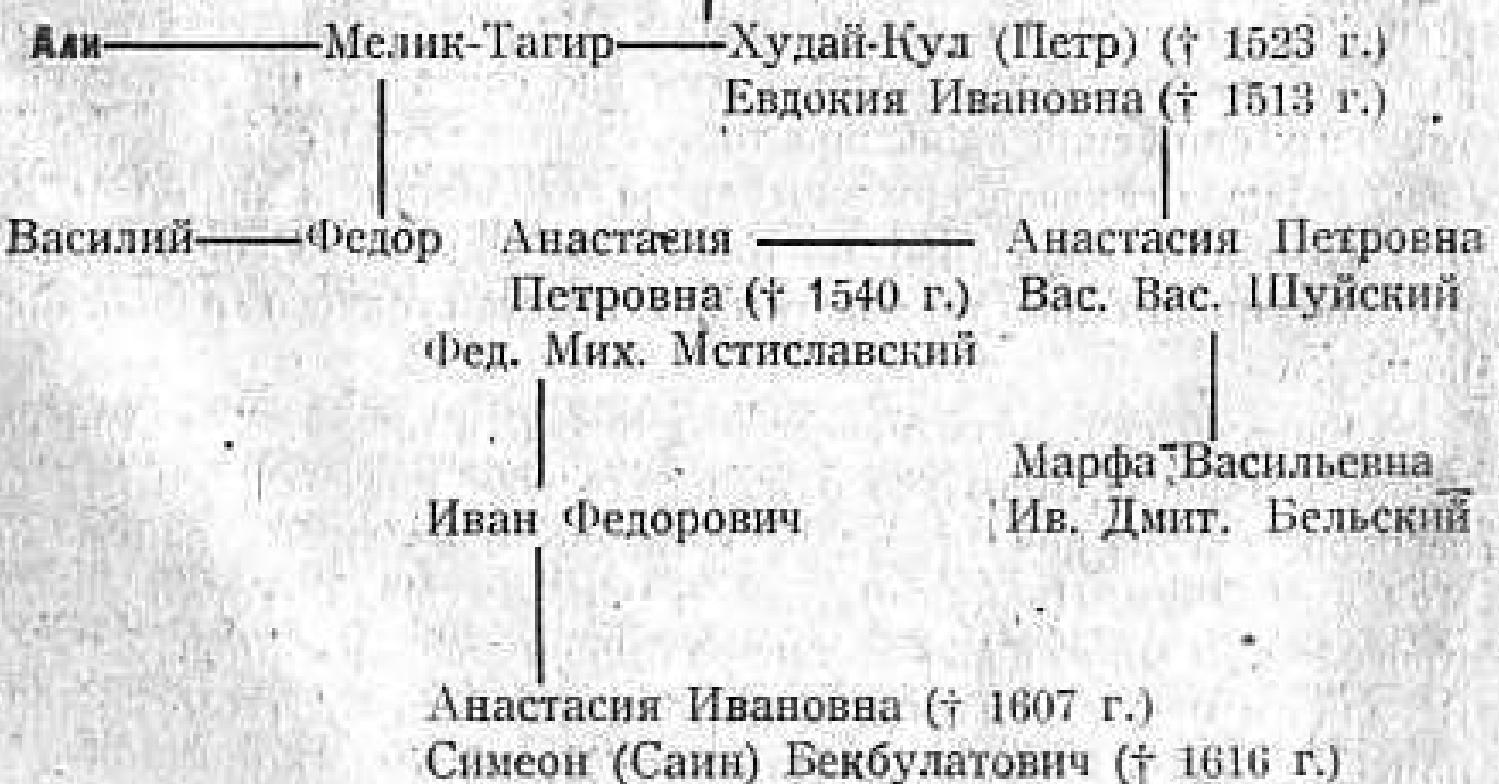
Ханское семейство навсегда осталось в плену. Хан Али скончался в Вологде, и только одна из его жен после его смерти была освобождена из-под ареста и, согласно обычаю, на ней женился Мухаммед-Эмин. Царица Фатима и царевич Мелик-Тагир умерли в Карголоме. Сыновья Мелик-Тагира были крещены с именами князей Василия и Федора; из них Федор Мелик-Тагирович был в 1531 г. наместником в Новгороде. Царевич Худай-Кул, выросший в русском плену, впоследствии был доставлен из ссылки в Москву и освобожден из-под ареста. В 1505 г. он крестился с именем цар-

1) П. С. Р. Л. VI. 35.

2) Карамани „Ист. Гос. Российского“, VI, прим. 278.

вича Петра Ибрагимовича и женился на сестре великого князя Василия Евдокии Ивановне. Он умер в 1523 году и был погребен в Архангельском соборе в Москве. У Худай-Кула было две дочери, обе по-имени Анастасии. Старшая из них была замужем за кн. Федором Михайловичем Мстиславским, младшая—за кн. Василем Васильевичем Шуйским. У А. П. Мстиславской был сын Иван Федорович, дочь которого Анастасия Ивановна вышла замуж за бывшего Касимовского хана Саин-Булата, крестившегося с именем Симеона Бекбулатовича. У А. П. Шуйской была дочь Марфа Васильевна, бывшая замужем за кн. Иваном Дмитриевичем Бельским. В эпоху учреждения опричнины потомки ханов Казанских играли видную роль, благодаря своему происхождению, и Иван IV выдвинул их на первое место среди русских князей, оказавшихся в „земщине“: Симеон Бекбулатович был назначен „царем всея Руси“, князья И. Ф. Мстиславский и И. Д. Бельский были поставлены во главе земщины в качестве бояр.

Хан Ибрагим
Фатима

Родословная потомков хана Ибрагима, живших в России.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Эпоха русского протектората (1487—1521 г.)

Мухаммед-Эмин. С возведением на престол хана Мухаммеда Эмина силою иностранного войска первый, блестящий период истории Казанского ханства, начавшийся победами хана Улу Мухаммеда, закончился. Начался второй период—господство русской партии, эпоха зависимости от иностранного государства. Русское правительство достигло того, к чему оно стремилось: Казань была изъята, и в ней был введен желательный для русских режим. Карамзин говорит: „Иоанн велел петь молебны, звонить в колокола и с умилением благодарил небо, что оно предало ему в руки Мамутеково царство, где отец его, Василий Темный, лил слезы в неволе.“ В знак своей победы Иван III принял титул князя Болгарского. Данические отношения русских к Казани были прекращены: стремясь к освобождению от татарского ига и уничтожив в 1480 году зависимость от ханов Сарайских, Иван III не мог не стремиться к тому же и в отношении ханов Казанских, и этой цели он достиг в 1487 году.

Из даниника и подручника Казанского хана Московский великий князь превратился в самостоятельного и независимого государя. Казанское правительство признало официальное равенство обоих сторон, и в переписке между собою оба государя называли друг друга братьями: хан обращался—„великому князю Ивану Васильевичу всея Руси, брату моему, Магмет-Аминь чelом бьет,“ великий князь отвечал—„Магмет-Аминю парю, брату моему, князь великий Иван чelом бьет.“

Русские историки преувеличивают влияние Ивана III на Мухаммеда-Эмина и передают не юридическое соотношение обоих государей, а скорее фактическое положение дел, когда решаются называть Мухаммеда-Эмина подручником великого князя. Соловьев говорит: „Подручнические отношения Магмет-Амина к московско-

му великому князю не выражаются никакъ въ формахъ ихъ грамот... Но несмотря на равенство въ формахъ, письма Иоанновы къ Магмет-Амину заключаютъ въ себѣ приказания¹⁾). Онъ при этомъ ссылается на представление русскаго правительства, обращенное къ хану въ слѣдующей форме: „Ты бы въ Казани и во всей своей земле заповедалъ всемъ своимъ людямъ, чтобы” и т. д. Эту форму мы никакъ не можемъ признать за приказание,—скорѣе она является выражениемъ пожеланія: не имея возможности издавать въ пределахъ Казанскаго ханства своихъ собственныхъ распоряженій, иностранное правительство высказываетъ свое пожеланіе о томъ, чтобы ханъ издалъ соответствующее распоряженіе.

Еще болѣе неточны представления С. М. Соловьевъ о финансовыхъ взаимоотношеніяхъ обоихъ правительствъ. Онъ говоритъ: „На Казанскіе волости наложена была известная подать, шедшая въ московскую казну и собираемая московскими чиновниками; такъ Магмет-Аминъ жаловался великому князю, что какой-то Федор Киселевъ притесняетъ цивильскихъ жителей, беретъ лишние пошлины²⁾). Въ действительности же, въ дипломатической перепискѣ речь шла не о какой-либо подати въ московскую казну съ казанскихъ волостей, а о таможенныхъ пошлинахъ, которые русскими пограничными чиновниками взимались съ казанцевъ въ Нижнемъ и Муромѣ съ излишкомъ противъ установленного тарифа, и это обстоятельство заставляло какъ цивильскихъ жителей, такъ и прочихъ казанскихъ людей ездить съ товарищами черезъ мордовскую и черемисскую земли, минуя русскіе города и избывая пошлины, из-за чего и возникла самая переписка.

Формально равныы между собою государи, совершенно независимые одинъ отъ другого, регулировали свои отношенія договорами, которые скреплялись присягой. Эта присяга также явилась поводомъ къ искажению историческихъ фактовъ русскими авторами. При скреплении договора казанское правительство приносило присягу, но на верность не великому князю, а своему договору. Это подтверждается темъ, что и русский государь въ свою очередь давалъ крестное целование при заключеніи договоровъ между обоими государствами.

Таковы были формальные отношенія между Казанскимъ ханствомъ и русскимъ правительствомъ, но фактически степень русскаго влияния на дела соседнаго государства въ значительной степени колебалась, по временамъ достигая действительно большої высоты и въ

¹⁾ Ист. Росс., стр. 1419.

²⁾ Ист. Росс., стр. 1419.

значительной мере оправдывая аттестацию некоторых ханов, как подручников великого князя. Почти весь второй период истории Казанского ханства является эпохой засилья со стороны русских, и у власти стояла русская партия.

Договоры, регулировавшие отношения Москвы и Казани в этом периоде, обычно заключали в себе три условия: казанское правительство обязывалось 1) не воевать против России, 2) не выбирать себе нового хана без согласия великого князя, 3) охранять интересы русских людей, находящихся в ханстве. Таким образом, отношения двух государств представляли собою союз, и договор имел в виду гарантировать мир между ними и неизменность существующих отношений,—это обеспечивалось согласием союзников на каждую перемену правительства, которая могла повлечь за собою изменение иностранной политики. Что же касается взаимоотношений между казанским правительством и русскими гражданами, то последние находились в ханстве в положении граждан как-бы наиболее благоприятствуемой державы и пользовались покровительством местной государственной власти, которая должна была охранять их интересы. Этот пункт договора свидетельствует о том, что в пределах Казанского ханства проживало значительное количество русских людей—купцов, промышленников и предпринимателей, и что русское правительство старалось обеспечить их безопасность, не-прикосновенность товаров, возмещение убытков и прочие торговые интересы. В случае возникновения войны все эти лица становились жертвой враждебного государства, люди обращались в невольников, товары разграблялись, капиталы их гибли, и русское правительство стремилось к тому, чтобы устранить самую возможность войны и гарантировать продолжительный мир. Это преобладание торговых интересов сильно звучит в договорах, и дипломатические переговоры данной эпохи были увенчаны на конец заключением „вечного мира“ между обоями государствами (1512 г.).

Если с политической стороны положение фактически мало изменилось при перемене в Казани правительства, то по существу все дело сводилось к борьбе за рынки, и стремление русского правительства обеспечить интересы промышленности и торговли совершенно ясно подчеркивает экономический характер соперничества между обоими государствами. Все вмешательства русского правительства в дела Казанского ханства обуславливались стремлением овладеть Поволжьем, как рынком. Всюду выступают вперед экономические требования, желание гарантировать прибыль русским

предпринимателям, и в течение долгого времени русское правительство, довольствуясь экономическими выгодами, не соединяло с ними требований территориальных уступок.

Правительство Мухаммеда-Эмина искренно соблюдало условия заключенного договора. Вскоре по вступлении на престол молодой хан вступил в брак; в невесты была выбрана дочь ногайского князя Мусы, но прежде чем брак был заключен, казанское правительство нашло необходимым осведомиться у союзного русского государя, не имеет ли он что-либо против этого брака, который был в значительной степени актом иностранной политики и при неблагоприятных обстоятельствах мог бы вызвать дипломатические осложнения. Выбор невесты не вызвал никакого протesta, и брак был заключен. В 1490 году в союзе с русским и крымским правительством казанцы участвовали в войне против Сарайского ханства. Соединенное московско-казанское войско, с отрядом касимовских татар, совершило удачный поход и отразило нападение сарайского войска на Крымское ханство.

Русская партия, захватившая власть при помощи иностранного войска, не была популярной в стране. Несмотря на казнь виднейших вождей, восточная партия не была уничтожена, и к середине 1490-х годов оппозиция правительству вполне сформировалась. Во главе оппозиции стояли 4 представителя казанской аристократии — князья Кель-Ахмед (Калимет), Урак, Садыр и Агиш. Восточная партия решила опереться на военную поддержку со стороны своих естественных союзников — восточных соседей. Кандидатом на ханский престол был намечен сибирский царевич Мамук. Сибирское правительство хана Ибака поддерживало казанских эмигрантов и оппозиционеров.

Весной 1495 года претендент двинулся к Казани с многочисленным войском, но казанское правительство, узнав о движении неприятеля, сообщило московскому правительству и просило поддержки союзного войска. Русское правительство двинуло на помощь из Нижнего пограничный отряд. При приближении русских к Казани руководители восточной партии решили бежать из столицы, чтобы не подвергаться репрессиям и руководить дальнейшим ходом событий. Выполнить это им удалось. Русский отряд вступил в Казань и готовился к ее обороне, но сибирское войско, извещенное эмигрантами о прибытии подкрепления, приостановило свое наступление. Полагая, что опасность уже миновала, русский отряд покинул Казань и вернулся в Россию. Тогда восточная партия со-

общила своим единомышленникам, и сибирское войско быстрым движением подступило к Казани. Столица сдалась без сопротивления. Хан Мухаммед-Эмин с семейством и своими приверженцами успел бежать из Казани в пределы России. Ханом был немедленно провозглашен царевич Мамук.

Хан Мамук. Абдул-Латыф. Правительство Кель-Ахмеда. Сибирский царевич Мамук, ставший ханом Казанским, принадлежал к династии Шейбани—брата Батыя. Столицею татарского ханства в Западной Сибири в то время был г. Тюмень. Из ханов Тюменских наиболее известен был хан Ибак, происходивший по прямой линии от Шейбани и живший в конце XV столетия. Он протестовал против низложения русскими хана Али. Вельяминов-Зернов говорит: «Точных сведений о времени и обстоятельствах кончины Ибака мы не имеем никаких. Но после 1493 г. об Ибаке не упоминается вовсе. Под 1496 г. же является уже новый царь Шибанский—Мамук, вероятно, наследник и близкий родственник Ибака»^{2).} Сибирские летописи называют самого Ибака (Упак) ханом Казанским. Есть основания думать, что Мамук был сыном или братом Ибака, во всяком случае он происходил по прямой линии от Шейбани. У Мамука был брат Агалак, а под 1505 и 1508, упоминается племянник последнего (не сын ли Мамука?) царевич Ак-Курд, сын которого Ак-Даulet выехал из Сибири в Россию и имел сына Шах-Али. Известный Кучум, последний хан Сибирский, был внуком Ибака и приходился, таким образом, близким родственником хану Мамуку.

Выбор кандидата на казанский престол оказался довольно неудачным. Сибирский царевич, выросший в своеобразных условиях, не мог освоиться с той обстановкой громадного культурного центра, куда он попал, и был не в состоянии управлять государством, не нарушая издавна сложившегося порядка. Купцов и частных земских людей он ограбил, вероятно, каким-либо чрезвычайным налогом, и тем самым дал сразу почувствовать неприятную тяжесть своего режима. С руководителями восточной партии он не считался, разошелся с ними во взглядах, и дело дошло до ареста князя Кель-Ахмеда, главного виновника переворота. Есть основание думать, что главная роль в действиях нового правительства принадлежала личным мотивам, и члены правительства выдвигали вперед корыстные цели. Князь Кель-Ахмед, не поладивши с ханом, понял, что он допустил большую ошибку: выбором этого кандидата, и резко

переменил свои взгляды в пользу русской ориентации. Ему удалось привлечь на свою сторону много сторонников, и он сумел овладеть положением, но большая часть восточной партии, во главе с князем Ураком, осталась верна своим убеждениям.

Новый хан был так же непопулярен, как и его предшественник, но если прежде раздавались жалобы на засилье со стороны иностранцев, то теперь гораздо более широкие круги были возбуждены против правительства тяжелой системой различных налогов. По какому-то поводу хан Мамук затеял поход против удельного Арского княжества, где правили туземные князья, издавна подвластные Казанскому ханству. Кель-Ахмед и другие противники нового хана воспользовались этим походом для совершения государственного переворота и восстановления прежней руссофильской политики. Во время похода они возвратились в Казань, обявили хана низложенным и пригласили граждан к поддержке. Город был немедленно укреплен, крепостные ворота затворены, и переворот совершился. Мамуку не удалось вернуться на ханский престол, и он возвратился в Сибирь. Вместе с ним эмигрировала часть сторонников восточной партии, во главе с князем Ураком, казанское же войско вернулось в Казань.

Так неудачна была попытка восточной партии вернуться к власти после хана Али. Несколько успешно был выполнен план военной кампании, настолько ошибочны были шаги в области внутреннего управления: новый режим показался казанцам не только не лучше, но даже хуже засилья со стороны иностранцев.

Благодаря Кель-Ахмеду, русская партия восторжествовала, и новое правительство решило принять русскую ориентацию—возобновить договоры с Россией и принять хана по рекомендации московского государя. Во главе нового правительства стал Кель-Ахмед. Этот несомненно выдающийся человек пользовался в Казанском ханстве огромным влиянием: в течение 10 лет он стоял во главе государственной власти и был руководителем политической жизни. Он низложил трех ханов с престола и, судя по образу действий, обладал обширным умом, хитростью, сильной волей и, вероятно, большим честолюбием. Резкая перемена им взглядов может свидетельствовать о том, что личные мотивы перевешивали в нем принципиальные соображения; но следует отдать справедливость его уменью достигать своих целей и приносить им в жертву людей.

Правительство Кель-Ахмеда решило восстановить союз с Россией; решено было официальным путем заявить сожаление о про-

исшедшем в 1495 году перевороте, возобновить прежние договоры и заявить о ненарушенности союза с Россией. На престол вернулась прежняя династия. Однако, Кель-Ахмед и другие члены правительства совсем не желали возвращения на престол Мухаммеда-Эмина и устранили его кандидатуру. На престол был избран его брат, царевич Абдул-Латыф. Официальными мотивами против прежнего хана были заявлены его личные качества—деспотизм, алчность и свободное отношение к женщинам. Эти мотивы едва ли были серьезны: хан вступил на престол 18-летним юношей и был изложен в возрасте не более 26 лет, так что вряд-ли могли окончательно сформироваться такие свойства его натуры, которые можно было бы считать неисправимыми. Впоследствии хан вернулся на казанский престол, и его управление, повидимому, не страдало от проявления его неумеренности. Правда, хан был воспитан в России, и к нему легко могли привиться те нравы, примеры которых он имел перед глазами—деспотизм Ивана III, пышность и роскошь дворцового обихода; воспитанный вне обычной замкнутой обстановки ханского дворца, в христианском городе, где женщины появлялись на улицах с открытым лицом, Мухаммед-Эмин мог усвоить себе властность, алчность и более свободные способы обращения, чем это было принято среди мусульман, по возлагать всю вину за неуспех его кандидатуры на одного Мухаммеда-Эмина было бы несправедливо. Если хан был несимпатичным для новых правителей, то и они в свою очередь не могли расчитывать на доверие с его стороны: могли он вполне опираться, например, на Кель-Ахмеда, который несколько месяцев назад лишил его престола? И у Кель-Ахмеда были все основания к тому, чтобы не желать видеть Мухаммеда-Эмина на ханском престоле. Избран был Абдул-Латыф.

Абдул-Латыф, младший сын хана Ибрагима и Нур-Султан, родился в Казани около 1475 года. При выходе матери замуж за крымского хана Менгли в 1480 году, царевич был увезен из Казани в Бахчисарай и провел детство и юность в Крыму. Дружественные отношения, в которых находилось Крымское ханство с Россией в царствование хана Менгли, заставили отчима отправить Абдул-Латыфа на службу в Россию, как только царевич достиг совершеннолетия. Абдул-Латыф был ласково принят русским правительством и получил в удел г. Звенигород, в то время как его старший брат правил Коширом. Эти города принадлежали к числу коренных городов Московского княжества, и по завещаниям московских удельных князей Кошира всегда передавалась по наследству старшему

сыну, а Звенигород предназначался в удел второму сыну московского князя.

Абдул-Латыфу пришлось пробыть в своем уделе очень не долго: вскоре он был избран на казанский престол, и русское правительство дало согласие на эту кандидатуру. Москва не настаивала на восстановлении на престоле Мухаммеда-Эмина, который, конечно, был очень обижен тем, что его обошли, но в виде компенсации русское правительство увеличило его содержание, прибавив к Кошире Серпухов и Хотунь, что удваивало его доходы.

Абдул-Латыф приехал в Казань из Москвы в сопровождении русского посольства, и возведение его на ханский престол было совершено в присутствии русских послов. Договоры с русским правительством были возобновлены и подкреплены взаимной присягой.

В 1499 году восточная партия совершила попытку восстановить Сибирскую династию на казанском престоле. Во главе этого движения стоял эмигрант князь Урак, а в качестве претендента выступил царевич Агалак, брат хана Мамука. Казанское правительство получило военную поддержку со стороны России, и нападение было успешно отражено.

При вступлении на престол Абдул-Латыфу было 20 лет с небольшим. Казанцам пришлось опять увидеть на престоле хана, выросшего и получившего воспитание за границей, но в то время как Эмин провел юность в России, Латыф вырос в Крыму. Естественно что оба брата значительно отличались по своим склонностям и образу мыслей, и их политические взгляды оказались совершенно различными. Хан Абдул-Латыф был в гораздо большей степени национальным, чем его брат. Для крымского царевича все русское было чужим, и кратковременное пребывание его в России не могло наложить на него прочных русских влияний.

Главным деятелем в царствование Абдул-Латыфа был князь Кель-Ахмед, виновник последнего переворота. Пока хан был еще юн, политических осложнений с Россией не происходило. Но когда Абдул-Латыфу минуло 25 лет, и он стал действовать самостоятельно, его политика приняла ярко национальный и враждебный России характер. Для русской партии это направление было неприятным, и в Казани сложилось течение против Абдул-Латыфа. В конце

1501 года Кель-Ахмед ездил в Москву и имел там совещание с русскими государственными деятелями по поводу предстоявших событий. В январе 1502 года в Казань прибыло русское посольство с кн. В. Звенигородским во главе, и хан был низложен с престола.

Этот переворот был явным вмешательством во внутренние дела Казанского ханства, и по недостатку источников вызывает недоумение, почему низложение хана не было совершено самими казанцами, но для этой цели потребовалось участие русских послов? Со стороны казанцев не произошло никакого отпора иностранцам, хозяйничавшим в ханском дворце. Протест последовал лишь со стороны Крымского ханства, но и он ограничился дипломатической перепиской. Бахчисарайское правительство пред'явило в Москве запрос о казанских событиях и получило ответ в следующих выражениях: „Великий князь его (Абдул-Латыфа) пожаловал, посадил на Казани, а он сму начал лгать, ни в каких делах управы не чинил, да и до Земли Казанской учал быть лих“¹⁾). Попробуем расшифровать эту отписку. Абдул-Латыф „начал лгать великому князю“, т. е. перестал соблюдать договор, которым регулировались междусоюзнические отношения. В каких делах он „не чинил управы“, видно из противопоставления этим словам следующего выражения: „да и до Земли Казанской“,—ясно, что эти дела Казанской Земли не касались; очевидно, это были дела русских людей, которых казанское правительство обязано было, согласно договору, охранять, и которые единственно могли представлять интерес для московского правительства. Абдул-Латыф в этих делах „управы не чинил“, т. е. жалобы русских граждан, проживавших в Казанском ханстве, оставляя без последствий; в этом и заключалось реальное об'яснение, в чем именно „лгал“; нарушая договор Абдул-Латыф. Последняя фраза—„да и до Земли Казанской учал быть лих“ показывает, что внутри Казанского ханства против Абдул-Латыфа возникло течение, для которого он был „лих“, если же мы попытаемся решить вопрос о составе этой группы недовольных политикой хана, то без труда можем их отыскать в лице русской партии, возглавлявшейся Кель-Ахмедом.

Несмотря на неопределенность выражений, заключавшихся в русской отписке на запрос хана Менгли, крымское правительство нашло ответ удовлетворительным, и никаких дипломатических

¹⁾ Моск. Арх. Ин. Д. Крымские дела, № 2, стр. 1007. Цит. Соловьев, 1420.

осложнений не произошло. Конфликт был предупрежден тем, что после низложения Абдул-Латыфа казанский престол получил другой наследник крымского хана, и с династической стороны положение не изменилось.

Отсутствие какого-либо протеста среди казанцев против иностранного вмешательства во внутренние дела государства показывает, что в этот момент восточная партия в Казани находилась в полном упадке. Абдул-Латыф не успел ее оживить, и позиция была сдана без боя. Переворот 1502 года имел мирный характер; но всей вероятности, внешняя форма союзнических отношений между двумя независимыми государствами была соблюдена. Русское посольство, в состав которого входил дьяк-дипломат Иван Телешов, заключило новый договор с казанским правительством, и переворот был совершен путем союзного соглашения между казанцами и московским посольством. Но, по существу, такое дипломатическое вмешательство иностранцев нанесло сильный удар национальному самолюбию казанских людей и достоинству независимого государства. В 1487 году вмешательство русских во внутренние дела Казанского ханства носило более острый характер и повлекло за собой репрессии, казни и ссылки, теперь же кризис был улажен дипломатическим, мирным путем. Если в этом следует видеть прогресс, совершившийся в международных отношениях, то все же распоряжение иностранцев ханским престолом показывает, насколько низко упало национальное самосознание казанских людей за 15 лет русского засилья. В течение этого времени реальное соотношение между обеими государствами значительно переменилось. Формально они по-прежнему считались равными одно другому, но Россия успела окрепнуть и превратиться в сильное государство, ведущее великодержавную политику и успешно конкурирующее с Литвой и Крымом, тогда как Казанское ханство за этот период совсем не усилилось, перевороты же 1487, 1495 и 1496 годов оказали неблагоприятное влияние на государство, так как репрессии и отлив эмигрантов уносили наиболее энергичный элемент населения и ослабляли силы страны.

Низложенный Абдул-Латыф был под конвоем отправлен в Россию. Московское правительство подвергло его ссылке, как и хана Али. Абдул-Латыф был сослан, как арестант, в г. Белоозеро. На престол был возведен прежний хан Мухаммед-Эмин, зарекомендовавший себя искренним другом России.

Война 1505—07 годов. В 1495 году эмигрировав снова в Россию, Мухаммед-Эмин стал продолжать прежнюю службу, управляя Коширой, Серпуховым и Хотунью. Он был обязан участвовать в русских походах, и в 1500 году во время Литовской войны он был назначен, в силу своего высокого титула, номинальным главнокомандующим всей русской армией. Когда хан в 1502 году возвратился в Казань, ему было 30 лет с небольшим.

Мухаммед-Эмин отлично помнил горький опыт того конца, которым завершилось его первое царствование.

Учитывая неблагоприятное впечатление, произведенное на казанцев иностранным вмешательством во время только что совершенного переворота, и опасаясь снова подвергнуться изгнанию из Казани, хан решил придерживаться новой политики. Он был искренним сторонником России и русских, но страх перед народным восстанием заставил его изменить поведение. В 1502 году все ожидали усиления русских влияний, но действительность показала, что оба правительства, как казанское, так и московское, ошибались, и что на этот раз Мухаммед-Эмин обманул их ожидания. Хан в душе принял решение придерживаться анти-русской ориентации, но его ум, хитрость и ловкость позволили ему долго скрывать свои замыслы и тщательно подготовить перемену режима. Ему удалось перехитрить такого умного человека, как князь Кель-Ахмед, и так незаметно приготовиться к войне против русских, что об этом русские, жившие в Казани, не подозревали; московское правительство оставалось в полном неведении.

Прежде всего Мухаммед-Эмин устранил Кель-Ахмеда, стоявшего во главе русской партии и руководившего казанским правительством. С ним у хана были давние личные счеты: князь был виновником его изгнания в 1495 году, в 1502 году Кель-Ахмед постарался устранить с престола его брата, и теперь от него же можно было ожидать опять неприятностей. Мухамед-Эмин сумел устранить Кель-Ахмеда от власти, и князь не смог уклониться от удара, направленного в него. Против него было возбуждено какое-то обвинение, он был арестован, осужден и казнен, а может быть и просто убит по приказанию хана. Правительство Кель-Ахмеда, стоявшее у власти бессменно в течение 8 лет, пало.

Иван III, опасный сосед Казанского хана, был уже стариком и заметно дряхлел. Об этом было известно везде за границей, и папа Юлий II даже позволил великому князю Литовскому Александру, женившемуся на дочери Ивана III, жить с иноверной женой лишь

потому, что все ждали скорой смерти ее отца, который был очень стар, и в надежде на то, что она тогда перейдет в католичество. В 1503 году, со смертью супруги, Иван стал заметно слабеть, прихварывать, ездил по монастырям искать исцеления и написал завещание. В 1505 году он вступил в 44-й год своего правления; для всех было ясно, что он долго не проживет, и противники России заметно ободрились. От близкой перемены на московском престоле ожидалось ослабление русской политики, так как 25-летний наследник далеко не отличался такими выдающимися качествами, как его отец. Обстоятельства были чрезвычайно благоприятны для нарушения договоров и для освобождения Казанского ханства от русского протектората. Мухаммед-Эмин тщательно подготовил поворот политики в сторону, враждебную русской партии, и осторожно вел приготовления к близкой войне.

Весной 1505 года между Казанью и Москвой произошли дипломатические осложнения, но русское правительство и не подозревало намерений Мухаммеда-Эмина. Война началась совершенно внезапно, и русское правительство было к ней совсем не готово. Восточная партия, призванная ханом к власти после падения правительства Кель-Ахмеда, составила план, который должен был дать полное удовлетворение всем ее насущным желаниям. Правительство должно было сбросить с себя унизительную зависимость от иностранного государства, разорвать союзные договоры и об'явить русским войну. Целью этой войны было искусственно задерживающееся в течение столь долгого времени стремление к приобретению русских невольников, и соответственно этому война должна была начаться внезапным захватом огромного количества пленных; положение дел подсказывало план внезапного нападения.

Война началась русским погромом в Казани. 24 июня, в день открытия ежегодной Волжской ярмарки, русские купцы были убиты, товары разграблены, и все русские арестованы. Русский посол М. А. Кляпик, незадолго пред этим прибывший в Казань для улажения спорных вопросов, также подвергся аресту. Погром, сопровождавшийся резней и грабежом, принял стихийный характер и достиг грандиозных размеров, так как поощрение правительства и зажигательные проповеди духовенства подогревали ожесточение толпы, возбужденной лозунгами фанатизма и бросившейся убивать и грабить неверных. Все русские, оказавшиеся в пределах Казанского ханства,—а их было очень много, в виду царившего перед этим глубокого мира—обращены были в рабство. Спрос на невольников был

полностью удовлетворен, и множество русских было продано в рабство на азиатские рынки. Составитель „Казанского Летописца“ описывает эти события, как яркий роман. Возникновение самой войны он приписывает вдове хана Али, вышедшей замуж за Мухаммеда-Эмина и таким образом вносит в изложение исторических фактов своеобразное *chergchez la semme*. По мнению автора, царица, возвратившаяся из Вологодского заключения, внесла в ханский дворец жгучую ненависть к России и русским. „Махметемину же царю люба бысть братия жена вельми. И нача она помале, яко огнь, разжигати сухие дрова, яко червь, точити сладкое древо, яко прелукавая змия, научима от вельмож своих царевых, охапившися о вые (т. е. обнявшись за шею) шептати во уши царю день и ночь, да отвергнется от великого князя, да не словет Казанский царь раб его, и во всех землях да не срам будет и унижение будет всем царем, и всю Русь да побьет живущую в Казани и корень их изведет: „но и все царство свое свободиши. Аще ли се сотвориши, то имаши царствовати многа лета на Казани; аще ли сего не сотвориши, то вскоре с бесчестием и с поруганием сведен будеши с царства своего; яко же брат твой умер в заточении, тако же и ты заточен будеши“. И всегда яко капля дождевая жестокий камень пробивает сквозе, тако и льщение женское премудрые люди многие коренит. И много крепився царь, и прельстился от злые жены своея, и послуша проклятого совета ея, окаянный же царь, прельстился безумию ея, изменив великому князю Московскому, нареченному отцу своему, и присече Русь всю в Казани и во всех улусех с детьми и с женами“¹⁾). Сравнивши погром с избиением младенцев Иродом в Вифлееме, составитель „Казанского Летописца“ дает яркое описание его последствий: „И взя царь весь драгий товар, бесчисленное богатство, у купцов русских в казну свою, насыпаш палату полну до верха русского золота и серебра, и подела себе царь всячи драгие, и сосуды, и блюда серебряные и златые, и царский наряд драгий свой устрои... Без числа же казанцы много вельми разграбиша по себе и обогатиша, и оттоле не ходити им во овчих кожех ошившиеся, и после убо ходящи в красных ризах, и в зеленых, и в багряных, и в червленах одевшия шествовать пред катунами (женами) своими, яко цветы польские (полевые), различно красящиеся, друг друга цветнее и пестрее“²⁾). Рассказ но-

¹⁾ П. С. Р. Л. XIX, 22—23.

²⁾ П. С. Р. Л. XIX, 23—24.

лон наивных подробностей,—таково напр. сообщение, будто до этого времени хан кушал обед „из котлов и с опанищ, яко пес из корыта, на персех своих”—тут русский писатель совершенно забыл о существовании при ханском дворе пышного придворного этикета, пришедшего в Поволжье вместе с арабско-персидской культурой, но в общем картина погрома, вероятно, соответствовала действительности: золото и серебро легко могло быть подвергнуто казанским правительством конфискации, грабеж же носил стихийный характер, и простонародье действительно получило возможность сменить свои овчinnые полушибки на яркие цветные костюмы из награбленных тканей. „Казанский летописец” говорит: „Аще бы ведали беду сию, то не бы подклонилися под меч их, могли бы всяко противиться варваром, или так пещи убегнули”¹⁾, но московское правительство не предвидело войны, и русские люди, проживавшие в пределах Казанского ханства, были застигнуты совершенно врасплох: „Не ведущи русскии люди беды на себя ницаия без боязни живущи в Казани, надеющиеся, яко на своего царя, и не боящеся его”²⁾.

После погрома началось наступление казанцев против России. Войско Мухаммеда-Эмина насчитывало 40 тысяч казанцев и 20 тысяч союзников—ногайских татар, оказавших поддержку восточной партии; союзный отряд находился под командою Ногайского князя—брата казанской царицы.

В сентябре казанское войско подошло к Нижнему-Новгороду, сожгло посады и приступило к осаде кремля. Однако, попытка взять город приступом не удалась, так как нижегородский воевода вооружил пленных литовских солдат, сосланных в Нижний, и они отразили атаку казанцев искусственным ружейным огнем. В бою погиб князь Ногайский, и казанское войско возвратилось обратно.

Русское правительство мобилизовало 100—тысячную армию, но в войсках произошли беспорядки, и армия не двинулась далее Мурома: „Они же паче себя стрежаху, а не земли своея, и вышли, страхом об'ятии быша, безумии, убояхуся и трепетаху, избраучными воини блудущеся из града выйти, толико имуща не мало воспретити царю (т. е. хану)”³⁾. Казанцы беспрепятственно хозяйничали вдоль Оки.

1) И. С. Р. Л. XIX, с. 23.

2) И. С. Р. Л. XIX, с. 23.

3) И. С. Р. Л. XIX, с. 23.

Военные действия возобновились весной 1506 года. Теперь русская армия начала свое наступление под номинальным начальством 16-летнего брата великого князя—Димитрия Углицкого, по прозвищу „Жилка“ (сам государь остался в Москве) и под фактическою командою князей Ф. И. Бельского и А. В. Ростовского. 22 мая русская пехота высадилась под стенами Казани. Русские немедленно, без разведки, направились от Волги к городу, но как только они развернулись на открытой равнине, тотчас же подверглись нападению с двух сторон—из Казани и с тыла. Русские потерпели жестокое поражение. Летописец описывает это событие так: „Прииде князь Дмитрий Иванович и воеводы великих князей, судовая рать, под Казань месяца майя 22, в пяток. И не осмотряся вскоре выидаша из судов и поидаша к граду пеши, а день бысть тогда жарок добр, а татарове из города поидаша противу их, а иные татарове потайные на конях заехаша от судов, и бысть бой; и грех ради наших побиша татарове воевод пеших и детей боярских многих, а иных поимаша, а ини мнози истопоша на поганом озере“¹⁾). Получивши донесение о том, что войско разбито, русское правительство немедленно снарядило новую армию, остаткам же разбитого войска дало приказ не возобновлять наступления до прибытия нового войска.

Русская конница, выступившая в поход одновременно с пехотой (которая совершила путь по реке на судах), достигла Казани на месяц позднее, 22 июня. С прибытием запоздавшей конницы, прежнее русское командование решило нарушить приказ правительства и повело наступление, не ожидая прихода нового войска. Казанцы одержали вторую победу и вновь нанесли русским сильное поражение. Русский летописец выражается кратко: „Месяца июня 25 начаша ко граду приступати с небрежением, и граду не успеша ничто же, но сами побеждени быша от татар“²⁾). Столица не потерпела никакого ущерба, неприятель же был вторично разбит.

Автор „Казанского Летописца“, помня о том, что вторичное поражение совпало с годовщиной погрома, произведенного во время ярмарки, сочинил совершенно фантастический рассказ об этой битве³⁾. Повествование начинается вступлением, не лишенным лиризма: „Егда же воем русским пришедшим к Казани, и первое дал им бог победу на казанцов“—выдумывает летописец, „потом же—ох, увы

¹⁾ П. С. Р. Л. VI, 51.

²⁾ П. С. Р. Л. VI, 245.

³⁾ П. С. Р. Л. XIX, с. 26—28.

нам!—разгневався на ия господь, и побеждени быша христъяне от поганых: поби казанский царь, из града вышед, обоя вои русские, конную рать и судовую, лестию некою". Первое действие дальнейшего повествования происходит на ярмарке, которую летописец почему-то помещает не на Гостином острове, а на Арском поле, вдали от Волги: „На великом лузе, на Арском поле, около града, поставилша царь до 1000 шатров на праздники своя, и вельможи его в них же корчевствоваше и пьюще и веселящеся всякими потехами царскими, честь празднику своему творяще; тако же и граждане вси мужи и с женами, гуляюще по их, пиюще в корчевницах царевых, покупающа на цены, порхлахахуся. Много же народу собирающеся, черемисы на праздники тыс с рухлом своим, из дальних улусов и торговаху с градскими людьми, продающе, и купующе, и меняюще".

Внезапно на мирную картину ярмарки обрушивается русское войско: „И в тех же корчевницах испивающе, веселящеся царю и вельможам его и всему достальному люду, а не ведающе они на себя ничего же, и праведного Николы чудотворца молением, аки с небеси, падоша вои русские на поганых варвар казанцов и побиша напрасно казанцов, ових же плениша, ини же во град со царем убежаша, ови же в лесы, каждо их избыти. И от великие тесноты во граде задыхахуся и задавляющеся добре людие. Аще бы три дни едины постояли у града вои русские, тогда бы взяли град золею, без нужды".

Русским досталась бесчисленная добыча: „И оставшаяся на лузех стояща у града все царевы шатры и каторги вельмож его со многим ядением и со многим питием и со всяким рухлом, вои же русская от путного шествия нужного, уже аки взяша град Казань, и оставя дело божие (sic!) и приклониша на дело дьявольское, от высокоумия; и богу того изволившу—и начаша без страха ясти и пить, и униватися без ведания скверным ядением и питием варварским, и глумитися, играть и спати до полуния".

Коварные казанцы, между тем, не дремали: „Царь же из стрельницы зряще с казанцы бесчинство русских вои, безумного их шатания, и узна царь, все русские вои пьяни, от мала и до велика, яко и до самых воевод, и помышляше же царь подобна искати времяни, како бы напасти на русских вои".

Казанцы нанесли русским страшное поражение: „И разгневався господь на русских вои, отня у них храбрость и мужество, и дал бог поганому царю храбрость и мужество. В третий же день при-

шествия силы русские к Казани, в 2 час дни, отвори царь врата градные и выехав со 20,000 конными, а с 30,000 пешцов, черемисы злы, и нападе на полки русские. Русским же воям всем спящим от труда путного опочивающим,—и храбрых человек сердца, без помощи божия, восколовыбашася, мягчае женских сердец, слабейша, и поедоша их всех мечем толикое множество, аки клас, юноши младых и средовечных мужи. И покрыся лице земли трупьем человеческим, поле Арское и Царев луг, кровию черленившееся".

Потери русских были огромны: „И едва сами воеводы большие возможоша убежати, а иных же избиша, и на Русь прибегоша с великою тщетою, и много добре явленных прибегоша; воевод же великих 5 убиша: трех князей Ярославских, князя Андрея Пенкова, князя Михаила Курского, да Карамыша с братом его с Родоманом, да с Федором Киселевым, а Дмитрея же взяша жива в бою, и замучи его царь Казанский злоторькими муками. И от тое 100,000 осталася 7,000 русских вои, ови же мечем посечени, ови же в водах сами напрасно истопоша, бегающе от страха варварского. Волга утопшими людьми загрязе, и озеро Кабан, и обе реки, Казань и Булак, наполнишася побитыми телессы християнскими и течаста по 3 дня кровию, и сверх людей, аки по мосту, ездити и ходити казанцом. И толик бысть плач о сих паче того, еже бысть плач о прежних побитых людех в Казани живущия Руси, понежи бо ту все падоша воинские главы избранные, княжие и боярские, и храбрых воевод, и воин, яко же от Мамая на Дону побитых. И обогатися казанский царь вельми узорочии бесчисленными драгими, златом и сребром, и коньми, и доспехи, и оружием, и полоном, и кто может число тому дати или счести или сметити, еже тогда взя казанский царь, точию гору златую".

Пред нами яркая беллетристика, написанная очень бойким пером. Тут и красочная картина ярмарочного праздника, и внезапный переполох, и хан, наблюдающий с высокой башни за вражеским станом, и т. д. Но искать в этом рассказе правдоподобный передачи событий решительно невозможно. Нападение русских на казанцев во время ярмарки представляет собою чистейший вымысел составителя „Казанского Летописца", навеянный, несомненно, потребностью удовлетворить патриотическое чувство русских читателей. Разумеется, внезапное нападение иностранного войска на столицу, расположенную в центре страны, является делом совершенно немыслимым; автор этого вымысла не обратил внимания на то, что на Арское поле нельзя попасть с берега Волги иначе, как мимо

Казани; местами он противоречит себе и путает детали, например, смешивает Арское поле с Царевым лугом и т. д. Воевода Ф. М. Киселев не был убит, а брат великого князя—Дмитрий Углицкий-Экилка не был взят в плен, и сообщение, будто „замучи его царь казанский злоторькими муками”—не более, как выдумка автора, склонного вообще преувеличивать факты: князь Дмитрий Иванович мирно скончался в Угличе в 1521 году.

Будучи разбиты на голову, русские войска отступили за пределы Казанского ханства.—„И князь Дмитрий Иванович и воеводы великого князя пошли от Казани к Нижнему Новгороду, а царевич (участвовавший в походе касимовский царевич Джан-Ай) и воевода великого князя Федор Михайлович Киселев пошли полем к Мурому“¹⁾. Казанцы двинули конницу преследовать отступавших на Муром и в 40 верстах к востоку от русской границы, проходившей по р. Суре, догнали их, но встретив отпор, прекратили преследование.

Так окончился печальный для русских поход 1506 г., напомнивший казанцам победы Улу Мухаммеда по Белевом и Суадалем. Выгоды ситуации для казанцев, действовавших у себя дома, в знакомой им местности, и опиравшихся на хорошо укрепленную крепость, делали задачу русского войска трудно выполнимой и требовавшей самой тщательной подготовки. Между тем, русские оказались далеко не подготовленными. Армия шла в поход неохотно: осенью солдаты отказались выступать из Мурома, и осенняя кампания не состоялась; русское командование оказалось не на высоте своего положения и, выказав поразительно неумелый образ действия, и значительной степени облегчило задачу казанцам. Казанцы сами перешли от обороны к наступлению и нанесли неприятельскому войску сокрушительный удар. Однако, казанцы не использовали победы своей до конца, так как правительство отказалось от дальнейшего наступления. Русские ожидали немедленного вторжения казанцев в Россию, но оно не состоялось, и кампания 1506 г. оказалась исчерпанной.

Военные действия не возобновились и в следующем году. В марте месяце последовали мирные переговоры, и в Москву был отправлен посол Абдулла, который заявил, что казанское правительство готово восстановить мирные отношения между обоями госу-

¹⁾ П. С. Р. Л. VI, 245.

дарствами. Русское правительство потребовало освобождения М. А. Кляпика и других членов посольства, задержанных в Казани на время войны. Новое посольство бакши Бозека заявило о согласии освободить их по заключении мира. Русское правительство немедленно подписало мирный договор, на условиях восстановления прежних договоров— „мир по старине и дружбу, как было с великим князем Иваном Васильевичем“¹⁾). По заключении мира члены посольства и все лица, задержанные в Казани в 1505 г. во время погрома, были освобождены и возвратились на родину.— „И того же лета царь Магмет Аминь послал великого князя Михаила Кляпика отпустил да и людей великого князя, коих имал и грабил в Казани“²⁾). В Казани осталось большое количество военнопленных, взятых в боях под Казанью в 1506 году.

Что заставило Мухаммеда-Эмина вновь возвратиться к исходному положению и возобновить союз с русским правительством? Почему воинственные замыслы, которыми он был охвачен в 1505 г., через год внезапно утихли? Мы знаем, что хан не являлся фанатиком; воспитанный и долго живший в России, он не питал к русским какой-либо вражды,— это доказывают как первое его царствование, так и дальнейшие годы. Вспышка анти-русской политики обуславливалась у него не постоянными взглядами, а только желанием удовлетворить восточную партию и тем предохранить себя от вторичного низложения. Обстоятельства внутри России были к тому благоприятны, и хан сделал попытку освободиться от русской опеки. Для толпы нельзя было придумать лучшего средства удовлетворить фанатизм, как устроить погром. Поход против Нижнего был организован не очень серьезно, и первая неудача заставила казанцев возвратиться обратно. Две блестящих победы в 1506 году дали полнейшее удовлетворение национальному самолюбию. Хан мог не опасаться упреков в измене родному народу: кто бы осмелился бросить ему обвинение после этих событий? Победы были блестящи и продолжать войну казалось излишним. Поэтому в 1506 г. наступление на Нижний не было повторено. В следующем же году можно было ожидать серьезного наступления со стороны русских и готовиться к расплате, так как нельзя было надеяться, что русские вновь повторят свои военные промахи и ошибки. Теперь хан уже рисковал лишиться престола не по требованию восточной партии,

¹⁾ П. С. Р. Л. VI, 246.

²⁾ П. С. Р. Л. VI, 246.

а под давлением иностранцев, и ему в перспективе грозило не просто изгнание в русский удел, а ссылка на север в качестве арестанта. Поэтому Мухаммед-Эмин решил вернуться к своей прежней дружелюбной политике, и казанское правительство нашло целесообразным, отказавшись от воинственных замыслов, предупредить войну мирными переговорами. Русское правительство, получившее тяжелый урок, также не рискнуло вновь попытать счастья в войне и поспешило с заключением мира.

Так закончилась кровопролитная для русских война 1505—07 годов, не изменившая положения обоих сторон, которые вернулись к исходному состоянию своих отношений. Эта война, затяжная самими казанцами, окружила Мухаммеда-Эмина ореолом победителя, укрепила его на престоле, прославила казанское войско и обогатила граждан добычей. Русские понесли огромный материальный и немалый моральный ущерб.

Вечный мир с Россией. Хан Шах-Али. Оправившись от поражений, русское правительство прежде всего укрепило границу и в 1508—1510 годах предприняло постройку каменной крепости в Нижнем Новгороде. Последующие годы правления Мухаммеда-Эмина протекали спокойно и мирно. Происходили оживленные дипломатические сношения с крымским и московским правительствами. Эти сношения свидетельствовали о прочных политических и коммерческих связях. После заключения формального мира между Москвой и Казанью русское правительство путем переговоров добилось в январе 1508 года освобождения из Казани русских военнопленных, взятых в 1506 году¹⁾. Возвращение Мухаммеда-Эмина к русофильской политике повлекло за собой возобновление союзных договоров и привело к полному торжеству русской партии. В феврале 1512 г. сейд Шах-Хуссейн совершил поездку из Казани в Москву и в столице русского государства подписал от имени казанского правительства договор об установлении вечного мира между обеими государствами,—„мир вечный взяли с великим князем и любовь неподвижиму, доколе бог даст“²⁾. В 1516 году сейд Шах-Хуссейн вторично ездил в Москву с важным дипломатическим поручением.

Царица Нур-Салтан, мать Мухаммеда-Эмина, жившая в Бахчисарае, в 1510 году—„не имея детей от Менгли-Гирея и тоскуя по сыновьям от первых браков“³⁾ совершила большое заграничное пу-

¹⁾ П. С. Р. Л. VI, 247.

²⁾ П. С. Р. Л. VI, 252.

³⁾ Герберштейн, с. 140.

тешествие из Бахчисарая в Москву и в Казань, чтобы навестить своих сыновей Абдул-Латыфа, жившего в России, и Мухаммеда-Эмина, царствовавшего в Казани. В поездку ее сопровождал младший сын хана Менгли-Гирея—царевич Сагиб-Гирей. Царица прибыла в Москву 21 июля 1510 г. и была торжественно встречена государем с боярами; в Москве она пробыла месяц, повидалась с Абдул-Латыфом и 20 августа выехала в Казань. В Казани царица прожила 9½ месяцев и отправилась в обратный путь в июне 1511 года. На обратном пути она прогостила в Москве у Абдул-Латыфа 5½ месяцев и возвратилась в Крым по зимнему пути; русская свита провожала ее до границы. Долговременное пребывание царицы в Москве сопровождалось дипломатическими переговорами между крымским, московским и казанским правительствами и завершилось заключением вечного мира между Казанским ханством и Россиею.

После ссылки Абдул-Латыфа в 1502 г. на Белоозеро крымское правительство неоднократно возбуждало перед русским вопрос об освобождении его из-под ареста; хан Менгли требовал отпустить Абдул-Латыфа в Крым, но московское правительство не согласилось на это требование. Лишь через 6 лет после ссылки, в январе 1508 г. русское правительство освободило Абдул-Латыфа из-под ареста („из пятства“) и дало ему в управление город Юрьев Польский, причем великий князь „в братство и в любовь его себе учинил“¹). Освобождение произошло „печалованием Минли-Гирея царя Крымского“ и по соблюдении целого ряда формальностей, например, хан Менгли-Гирей, царица Нур-Султан и старший сын хана Менгли-Гирея царевич Мухаммед должны были дать поручительство в том, что Абдул-Латыф не изменит великому князю. Крымское правительство настаивало на том, чтобы Абдул-Латыф получил в управление г. Коширу, но московские бояре на это не согласились, и ему была дана не Кошира, а Юрьев. По мнению С. М. Соловьева „поместить Абдыллетифа так близко к степи—значило передать украину в жертву крымцам или, по крайней мере, дать Летифу возможность уйти из Московского государства“²). С этой догадкой нельзя согласиться, так как впоследствии Абдул-Латыфу Кошира была все же дана, да и с крымцами в то время были у русских самые лучшие отношения, так что нечего было им опасаться набегов на заокские

¹⁾ П. С. Р. Л. VI. 249.

²⁾ Ист. Росс., стр. 1595.

города. Очевидно, русское правительство руководилось иными, менее серьезными соображениями.

После освобождения Абдул-Латыфа из-под ареста русское правительство заключило с ним 29 декабря 1508 г. договор, проливающий некоторый свет на положение в России удельных татарских царевичей¹). Договор рассматривает хана Абдул-Латыфа, как полноправного суверенного государя в своем уделе: он имеет право войны и мира, ведения дипломатических переговоров, в официальных документах с великим князем оба государя называют друг друга братьями, т. е. считаются равными между собою; в распоряжении хана имеется войско—огланы, князья и „казаки“, т. е. простые татары²). Договор устанавливает союзные отношения между ханом и русским правительством—Абдул-Латыф обязывался быть в приязни с друзьями великого князя и вражде с его врагами; дипломатическая переписка должна показываться русским властям; особо был оговорен пункт о том, что хан обязывался не воевать против Казанского ханства без ведома великого князя. Хан был обязан постоянно жить в своем уделе, не искать других владений и не выезжать за границу России. Он должен был жить в мире и дружбе с другими татарскими царевичами, находившимися в России (такими в 1508 г. были Джан-Ай Касимовский и Шейх-Аулиар Сурожицкий). Войско Абдул-Латыфа не могло быть ни увеличено на счет перебежчиков из армии великого князя или из отрядов татарских царевичей, оно не могло быть также уменьшено перебежчиками от Абдул-Латыфа к великому князю или служилым царевичам; таким образом удельный владетель мог пополнять свое войско лишь притоком новых сил из-за границы. Право отъезда от Абдул-Латыфа сохранили представители лишь 4-х знатнейших фамилий татарских князей, пользовавшихся в Крыму особыми привилегиями. Далее договор заключал в себе детали повседневных взаимоотношений между обеими сторонами, не имевшие принципиального значения: о соблюдении порядка при проезде людей Абдул-Латыфа по Московскому государству, о предоставлении средств из казны на проезд и содержание послов от Абдул-Латыфа в Москву и обратно, о свободном пропуске через удел русских послов и купцов, а также военнопленных, бежавших на родину из-за границы.

Абдул-Латыф пробыл в Юрьеве около 3½ лет. В 1509—10 г. вместе с знатнейшими русскими лицами он сопровождал Василия III

¹⁾ Собр. Гос. Грам. и Дог. II, № 26, стр. 30—31 и V, № 55, стр. 38.

²⁾ Вельяминов-Зернов I, 74.

при его поездке в Новгород, имевшей большое политическое значение. В эти же годы у него гостила царица Нур-Салтан. Политические симпатии Абдул-Латыфа по-прежнему сохраняли национальный характер, и он не чувствовал склонности к тесному единению с русскими правительством. Москва не была удовлетворена направлением взглядов Абдул-Латыфа и решила устраниТЬ его от ответственной должности. В мае 1512 года он был обвинен в содействии набегу крымских татар на Россию, арестован и лишен своих владений.

В 1516 году хан Мухаммед-Эмин, еще не старый (ему было не более 48 лет), заболел продолжительную болезнью, и пред казанским правительством стал на очередь вопрос о престолонаследии. Естественным наследником являлся Абдул-Латыф, как брат царствующего государя. По этому поводу не встретилось разногласий, и в Москву было отправлено посольство, в состав которого входили знатнейшие лица—сейд Шах-Хуссейн и земский князь Шах-Юсуф, а также старый опытный дипломат бацки Бозек, участвовавший в мирных переговорах 1507 года. Посольство известило русское правительство о болезни Мухаммеда-Эмина, а также просило об освобождении Абдул-Латыфа из-под ареста и о признании его наследником казанского престола. Для заключения формального договора в Казань приезжали послы из России, а затем сейд Шах-Хуссейн снова ездил в Москву. В ноябре 1516 г. Абдул-Латыф был освобожден, и ему был дан в управление г. Кошира.

Русское правительство не доверяло Абдул-Латыфу и, признав его наследником Мухаммеда-Эмина, не отпустило его в Казань, чего было бы естественно ожидать. Казанцы не сумели добиться его приезда к себе, и это упущение оказалось чреватым последствиями. Русское правительство не смогло предохранить наследника от несчастных случайностей, и раньше, чем успел скончаться Мухаммед-Эмин, его брат нашел себе могилу в России.

19 ноября 1517 года Абдул-Латиф погиб от неизвестной причины. Русский летописец выражается глухо: „Тоя же осени, ноября 19, Абыл Летифа царя в живых не стало“¹⁾). Неожиданная смерть наследника престола, в возрасте 40 лет с небольшим, кажется далеко не случайной. По многим соображениям вступление его на казанский престол казалось опасным для русского правительства, и в Москве, повидимому, решили без шума исправить ошибку, сде-

¹⁾ П. С. Р. Л. VI, 260.

ланную признанием Абдул-Латыфа наследником Казанского ханства; а может быть, опытное правительство заранее предусмотрело события, так что и ошибки в сущности не было. Как бы то ни было, нельзя сомневаться, что устранение Абдул-Латыфа соответствовало расчетам Москвы, и это дает основание предполагать, что Абдул-Латыф пал жертвой политических замыслов.

Продолжительная болезнь Мухаммеда-Эмина дала повод автору „Казанского Летописца“ сочинить совершенно фантастические картины, причем он не пожалел темных красок для изображения тяжелого недуга казанского хана. Сравнив погром 1505 года с избиением младенцев в Вифлееме, повествователь не удержался от того, чтобы применить к Мухаммеду-Эмину апокриф об Ироде. Мрачная фантазия составителя „Казанского Летописца“ впадает в злорадное торжество, и он придумывает самые отталкивающие подробности: „И за сие преступление царя Казанского порази его бог язвою исцелимою от головы, и люте боляше 3 лета на одре лежаша, весь киня гноем и червями, и врачеве же и волхвы его не возмогоша от язвы той исцелити, ни царица прельстившая его, ни большиe его ридцы, смрада ради злаго, исходяща от него. И вси смерти его желающе; токмо те вхожаху к нему, неволею царя кормити приставленные его, но хотяху скоро бежати от постелища его, нозри свои заемши“¹⁾). Литературная подкладка рассказа ясна: автор хотел представить тяжкое наказание хана за погром 1505 года, и потому напрасно искать в этом повествовании исторической правды. И несмотря на это, сообщение „Казанского Летописца“ до конца XIX столетия пользовалось вниманием русских историков²⁾.

Мухаммед-Эмин скончался в декабре 1518 года³⁾; ему было не более 50 лет от рождения. Во время своего многолетнего пребывания в России, когда Мухаммед-Эмин жил частью в Москве, при дворе Ивана III, частью в Кошире, он хорошо познакомился с русской жизнью. Первое его царствование было настоящим русским засильем. Наученный горьким опытом, он начал второе царствование антирусской политикой, но затем снова вернулся к своим прежним симпатиям и в течение последних 12 лет ничем не нарушал самой искренней дружбы к России.

1) П. С. Р. Л. XIX, 28—29.

2) Напр. Н. П. Загоскин „Спутник по Казани“ (1895 г.), стр. 48.

3) Вельяминов-Зернов ошибочно утверждает (I, 250), что Абдул-Латыф скончался „за месяц“ до смерти Мухаммеда-Эмина.

Мухаммед-Эмин был очень умным, хитрым и дальновидным политиком. Воспитанный при дворе Ивана III в период самого горячего оживления, когда там работали итальянцы и греки, сооружались стены кремля, производилась постройка дворцов и соборов, хан, вероятно, не мало усвоил из окружавших примеров; его ум и восприимчивость дают право думать, что русское влияние при нем было наиболее плодотворным, и что широкая организационная деятельность Ивана III не могла не оставить следов на характере законодательства, строительной деятельности и прочих сторонах царствования Мухаммеда-Эмина.

Хан не был воинственным человеком, как и его покровитель, о котором Стефан Чель-Маре имел обыкновение говорить: „Иоани, сидя дома и покоясь, увеличивает свое царство, а я ежедневно сражаясь, едва могу защищить границы“¹⁾. В 1500 году Иван III назначил Мухаммеда-Эмина главнокомандующим в войне против Литвы, но это назначение было чисто-фигтивным, так как на деле войском управлял Я. З. Кошкин. В 1505 году Мухаммед-Эмин во главе казанского войска подступил к Нижнему-Новгороду, но после первой же неудачи отступил и не возобновил нападения.

Князь Кель-Ахмед упрекал Мухаммеда-Эмина в деспотизме, алчности и свободном отношении к женщинам, мотивируя этим нежелание видеть его на казанском престоле. В действительности, у Кель-Ахмеда были другие, более веские основания не желать, чтобы хан возвратился в Казань, и потому обвинению нельзяя вполне доверять. Тем не менее, русский летописец также подтверждает несимпатичные черты характера Мухаммеда-Эмина: сообщая об отъезде хана в Коширу, он говорит—„он же тамо своего нрава не премени, но с насилиством живяще и халчно к многим“²⁾.

Во время продолжительных пребываний в России, Мухаммед-Эмин не только усвоил привычку ко многому из русской жизни, но также искренно привязался к некоторым лицам, найдя среди них себе близких друзей. Так, в 1512 году он вызвал к себе в Казань из Москвы „человека своего верного“ а—именно Ивана Андреевича Челяднина. Этому доверенному лицу он рассказал о своей политике и причинах, заставивших его в 1505 г. устроить в Казани русский погром³⁾. Личные переговоры хана со своим старым другом

¹⁾ Герберштейн, стр. 21.

²⁾ П. С. Р. Л. VI, 41.

³⁾ П. С. Р. Л. VI, 225.

гом привели к важным дипломатическим результатам, и непосредственным следствием их было заключение вечного мира с Россией.

Это дало составителю „Казанского Литописца“ отличный повод вставить в повествование сочиненную им покаянную речь Мухаммеда-Эмина, проникнутую горячим желанием прославить русского государя и всячески унизить казанского хана. В конце автор приводит фантастический список подарков, будто бы присланых ханом Василию III, где фигурируют 300 коней в золотых седлах и уздах и в красных попонах, собственное оружие хана, в том числе золотой щит, и наконец какой-то необычайно драгоценный персидский шатер. В заключение составитель „Казанского Летописца“ делает заявление, будто хан перед смертью просил великого князя прислать на его место надежного „царя или воеводу“, о чем тогда не могло быть и в мыслях не только у казанцев, но даже и у русских, у которых подобный проект возник через 30 лет, при Иване IV. Как в хорошем романе, повествователь заканчивает жизнь Мухаммеда-Эмина возмездием за грехи: хан после смерти „отойде в вечный огнь“, а царица, натолкнувшая его на преступления, через несколько дней кончает с собою самоубийством—„от совести смертного зелия вкусив“¹⁾.

Судьба обоих сыновей Нур-Салтане была очень сходна во многом. Рано увезенные из Казани и воспитанные за границей, они получили престол после переворотов, при участии русских, и царствование обоих окончилось неудачно—оба лишились престола, переменившись друг с другом местами, и оба затем получили престол свой обратно. Различие заключается в том, что Мухаммед-Эмин был воспитан в Москве, тогда как Абдул-Латыф попал в Крым и вырос в Бахчисарае; старший брат был тесно связан с русскими, младший их недолюбливал. Соответственно этому, русское правительство испортило жизнь Абдул-Латыфа, продержав его в течение 10 лет под арестом и лишивши его возвращения на престол, тогда как Мухаммед-Эмин скончался в Казани.

Смерть Абдул-Латыфа имела много последствий. С Мухаммедом—Эмином прекратилась династия Улу Мухаммеда на казанском престоле. Ни Мухаммед-Эмин, ни Абдул-Латыф не оставили после себя сыновей. Царевна Ковгоршад, их сестра, проживала в то время в Казани, но вопроса о кандидатуре ее не поднималось. Последний представитель ханского рода царевич Худай-Кул, жив-

¹⁾ П. С. Р. Л. XIX 29—30.

ший свыше 30 лет в России, давно обрусл. Он, как и сыновья царевича Мелик-Тагира, крестился, женился на русской и утратил свои права на казанский престол. Таким образом, династия Улу Мухаммеда пресеклась, и для Казанского ханства снова на очередь стал вопрос о престолонаследии.

Ближайшими родственниками угасшей династии являлись сводные братья последних двух ханов—крымские царевичи, сыновья хана Менгли, за которого вышла замуж царица Нур-Салтан. Крымское правительство давно смотрело на них, как на законных наследников Казанского ханства, и наметило кандидатуру царевича Сагиба. В 1510—11 г.г. он сопровождал царицу Нур-Салтан в ее поездке в Казань, и этой поездке придавалось большое политическое значение—Казань должна была познакомиться с будущим претендентом на ханский престол.

Нур-Салтан — Менгли-Гирей
Хан Ибрагим

Мухаммед-Эмин — Абдул-Латыф Сагиб-Гирей

После смерти Абдул-Латыфа крымское правительство вело переговоры с Василием III о признании Сагиба наследником Казанского ханства, но эти переговоры не успели закончиться к тому времени, когда скончался хан Мухаммед-Эмин. В момент его смерти в Москве находилось крымское посольство, которое подписало союзный договор между обоими государствами.

По смерти Мухаммеда-Эмина в Казани образовалось временное правительство, которое, в силу союзного договора с Россией, обратилось к московскому правительству для переговоров о кандидате на ханский престол, которого могло бы признать правительство союзного государства. В Москву был отправлен посол Кул-Дерриш с извещением, что, что „божья воля свершилась—Мухаммеда Эмина царя Казанского в живых не стало“ и с просьбою высказаться относительно кандидата.

У русского правительства после смерти Абдул-Латыфа вопрос уже был решен, и кандидатура была готова. Кандидатура царевича Сагиба, поддержанная крымским правительством, была отклонена, так как русское правительство боялось усиления Крыма посредством соединения двух ханств под управлением братьев из рода

Гиреев. Московское правительство скрывало свои замыслы от крымского хана и продолжало вести с ним дружественные переговоры, но выдвинуло кандидатуру совершенно иного лица, имя которого сохранилось в тайне до смерти Мухаммесда-Эмина. Что решение было готово заранее, видно из того, что казанское посольство получило ответ на свое предложение немедленно, и всего через неделю по приезде в Москву Кул-Дервиша в Казань было отправлено русское посольство с готовым предложением: Москвою была выдвинута кандидатура Касимовского царевича Шах-Али, который никаких прав на казанский престол не имел.

Шах-Али был сыном Касимовского удельного царевича Шейх-Аулиара, приходившегося племянником Сарайскому хану Ахмеду в царствование которого Иван III провозгласил свою независимость. Род его происходил от хана Тимура Кутлу, который был в свое время в непримиримой вражде с Тохтамышем, родоначальником только что угасшей казанской династии.

Сыновья хана Ахмеда были последними ханами, царствовавшими в Сарае. В 1502 году Сарай пал под ударами Крымского хана Менгли-Гирея. Сыновья и племянники хана Ахмеда бежали в Россию и по обыкновению получили себе в управление волости и города. В 1502 году царевич Шейх-Аулиар владел Сурожиком (московскою волостью по верхнему течению р. Истры, к северу от Звенигорода) и участвовал в литовском походе. Еще в Сарае Шейх-Аулиар женился на княжне Шаги-Салтан, дочери князя Ибрагима Ногайского. В 1505 году у них родился сын Шах-Али. Около 1512 года, по смерти Касимовского владетельного царевича Джан-Ая, Шейх-

Аулиар был назначен владетельным государем Касимовского удела. В 1516 году у него родился сын Джан-Али. В том же году Шейх-Аулиар скончался, и Касимовский удел перешел к его сыну Шах-Али. Когда умер отец, царевичу было всего 11 лет.

Крымские ханы питали непримиримую ненависть к родственникам хана Ахмеда, изгнанным из Саая и нашедшим убежище в России. В 1516 году крымское правительство протестовало против назначения Шах-Али владетельным царевичем Касимовским и ходатайствовало о предоставлении Касимовского удела царевичу Сагибу, но русское правительство не удовлетворило ходатайства. Теперь, через 3 года, Москва так же решительно отклонила кандидатуру Сагиба на казанский престол и выдвинула на это место опять Шах-Али.

Родившийся в России, росший и воспитывавшийся среди русских, Шах-Али, разумеется, не мог быть врагом русских на казанском престоле; к тому же его юный возраст (мальчику было 13 лет) гарантировал русскому правительству контроль и опеку над ним, и все это делало кандидатуру Шах-Али незаменимой для русских. По отношению к Крымскому ханству выбор Москвы был вызовом. Со смертью Ивана III дружественные отношения между русским и крымским правительствами пошатнулись, а после смерти хана Менгли-Гирея (1515 г.) союз России и Крыма распался. Политика русского правительства носила двоедушный характер: когда Василий III возобновил на бумаге союз с преемником Менгли-Гирея, ханом Мухаммедом-Гиреем, и крымское войско, добросовестно исполнивши договор, вторгнулось в Польшу и дошло до самого Кракова, одерживая блестательные победы,—русское правительство и не думало исполнять союзный договор, напротив именно в этот момент оно выдвинуло враждебную для Крыма кандидатуру на казанский престол.

Казанцы приняли кандидатуру Шах-Али, предложенную русским правительством, и в феврале 1519 года в Москву было отправлено новое посольство для извещения об этом великого князя и для заключения договоров. В состав посольства входили Абу-Бази, карачи князь Булат Ширин, земский князь Шах-Юсуф и старый опытный дипломат бакши Бозек. Провозглашение Шах-Али ханом Казанским состоялось в Москве 1 марта. Крымское посольство, находившееся в то время в Москве, заявило протест против избрания на казанский престол лица из враждебной Гиреям династии, так как Василий III всего за несколько дней перед тем подписал союз-

ный договор с крымским правительством и принес присягу в том, что он будет „дружить его друзьям и враждовать неприятелям“. На заявление крымских послов русское правительство дало ответ, что оно предполагало предоставить казанский престол одному из крымских царевичей, но казанцы сами избрали на престол Шах-Али, и русское правительство согласилось на эту кандидатуру, во избежание еще более нежелательного избрания, напр. кого-либо из астраханских царевичей—непримиримых врагов Крымской династии.

При вступлении Шах-Али на престол были заключены следующие договоры с русским правительством: 1) о взаимном именовании обоих государей в официальных бумагах „братьями“; 2) Шах-Али дал расписку („запись на себя“) в том, что он будет охранять интересы русских в Казани и до конца жизни не нарушит этого договора; 3) члены казанского посольства дали от себя также расписку („дали на себя иную запись“) в том, что они будут охранять интересы русских в Казани, ни они, ни дети их не нарушают договоров и не выберут на престол нового хана без согласия русского правительства. Все договоры были скреплены присягой, причем казанские послы принесли дважды присягу—от себя лично и от имени всего государства.

По выполнении этих формальностей, 8 марта Шах-Али выехал из Москвы в сопровождении казанских и русских послов. В апреле месяце состоялась в присутствии русских послов церемония взве-дения Шах-Али на престол, причем казанцы дали присягу в верности как хану, так и союзу с Россией—„что им неотступным быти от государя великого князя и до своего живота“¹⁾.

Новому хану было всего только 13 лет. Он родился в России и с 6-летнего возраста жил в Касимове, который стал для него родным городом. Шах-Али отличался неприятной, даже отталкивающей наружностью. Русский летописец описывает его так: „Оный Шеяль зело был взору страшного и мерзкого лица и корпуса, имел уши долгие, на плечах висящие, лице женское, толстое и надменное чрево, короткие ноги, ступени долгие, скотское седалище“²⁾. Судя по этому описанию, мальчик производил впечатление неповоротливого увальня и урода: на коротких ногах с длинными ступнями было толстое тело с длинными, как у обезьяны, руками; на очень короткой шее сидела огромная голова с некрасивым бабым лицом. Русский летописец с сарказмом заметил: „Такого им, татарам, нарочно избрана царя в поругание и посмеяние им“³⁾.

¹⁾ П. С. Р. Л. VI, 267. ²⁾ Подробный Летописец II, 5—6; цит. Вел.—Зерн., I, 258.
³⁾ Под р. Лет. II, 6.

Герберштейн сообщает, будто „Шеале, женившись на вдове Махмудэмина, получил Казанское царство при помощи московского князя и брата супруги“¹⁾). Это сообщение следует признать совершенно неправильным, так как кандидатура Шах-Али была об'явлена в Москве в то время, когда он был еще не женат, тем более— на вдове Мухаммеда-Эмина, скончавшегося в Казани всего за несколько дней перед этим.

В Казани Шах-Али был непопулярен, Русское засилье при дворе малолетнего хана достигло крайних пределов. В сущности, государством управлял русский посол Федор Андреевич Карпов, который считал необходимым вмешиваться во все дела. В Казани стоял русский воинский отряд, введенный под предлогом обеспечить русских от возможности повторения резни 1505 года. Недовольство против русских и против хана назревало в течение двух лет; во главе недовольных стоял оглан Сиди²⁾. Оппозиция нашла себе естественную поддержку в крымском правительстве. В Бахчисарай было отправлено тайно посольство для того, чтобы заключить союза с крымским правительством и пригласить на престол царевича Сагиба. Переговоры привели к желаемым результатам, и весною 1521 года в Казань был отправлен крымский отряд в 300 человек вместе с претендентом Сагибом³⁾.

Переворот был подготовлен совершенно неожиданно для русского посла Карпова и воеводы Поджогина. При появлении крымского войска правительство растерялось и не успело оказать никакого сопротивления. Царевич Сагиб беспрепятственно вступил в Казань. Немедленно начался погром, русские лавки были разбиты, дома касимовских выходцев и русских купцов были разграблены, все русские арестованы. По сообщению „Казанского Летописца“, в резне погибло 5,000 касимовских татар ханской гвардии и 1,000 русских солдат из отряда Поджогина⁴⁾. Шах-Али, вместе с уцелевшими остатками ханской гвардии, будто бы в числе 300 человек, удалось бежать из Казани в Россию. Благополучно достигнув Москвы, он был принят Василием III. Русское правительство назначило ему местом жительства Москву, так как в Касимове удельным государем был уже брат Шах-Али царевич Джан-Али.

¹⁾ Зап. о Моск., стр. 141.

²⁾ П. С. Р. Л. VI, 263.

³⁾ Донесение русских соглядатаев из Азова цит. Соловьев, с. 1631.

⁴⁾ П. С. Р. Л. XIX, 32.

Составитель „Казанского Летописца“ превратил повествование о перевороте 1521 года в яркий роман. Шах-Али мирно царствовал в Казани, но „много жити не любят казанцы во смирении тихо и без мятежа“, и вот они начали подговаривать Шах-Али изменить великому князю. Но хан не склонился на их уговоры и одних заключил в темницу, других же казнил. Тогда казанцы возненавидели его, тайно призвали царевича Сагиба, свергли Шах-Али и учинили погром. Спасение Шах-Али составитель „Казанского Летописца“ приписывает самому Сагибу, который „упросивше у казанцев, пощади его, царского ради семени и юности ради и благородства, еже в нем велик разум. Бе царь Шигалей по роду великих царей Златыя Орды, от колена Тактамышева, и того ради царь Сапкирей не дал воли казанцам убить его“ ¹⁾. По словам автора, Сагиб даже сам отпустил Шах-Али из Казани с воинской московским и 300 касимовскими татарами, „и проводиша его в поле чистое, нага, во единой ризе, на худе коне“. Между тем, великий князь, узнав о перевороте, много дней не ел и не пил от печали, проливал слезы о гибели христиан и плакал об участи Шах-Али. В это время Шах-Али, бежавший из Казани, попал за 1000 верст от Казани под Девичьи Горы и встретился там с русскими рыбаками. Узнав от хана о погроме, произшедшем в Казани, рыбаки побросали лодки и сети в огонь и воду, а сами побежали с ханом „не знающе, куда очи несут“. Проплутав долгое время, наголодавшись, питаясь падалью, ягодами и травой, они достигли России. Великий князь, узнав о спасении хана, выслал навстречу ему запас пищи, питья и одежды. При приближении хана к Москве бояре встретили его за посадом и поклонились ему до земли, а Василий III „от радости не може усидети в полате своей“ и побежал встретить хана на лестнице. Друзья обнялись, заплакали (при этом все присутствовавшие пролезились) и взявшись за руки пошли вместе в палату. Далее помещены правоучительные сентенции.

Так изобразил составитель „Казанского Летописца“ совершившийся переворот. Вельяминов-Зернов справедливо отметил, что „этот рассказ полон ошибок: в нем многое походит на басню... Всего любопытнее и несбыточнее конец рассказа“ ²⁾.

Герберштейн указал в числе причин непопулярности Шах-Али в Казани его безобразную внешность, и при этом дал его портрет,

¹⁾ П. С. Р. Л. XIX, 32.

²⁾ В.-З. I, 258 и 259.

относящийся к более позднему времени (1526 г.). Последнее обстоятельство необходимо иметь в виду и помнить, что во время переворота Шах-Али было всего 15 лет. Точно также источно сообщение Герберштейна, будто „Шеале возвратился в Москву вместе с женами, наложницами и всем имуществом“ ¹⁾). Правда, в то время 15-летний хан уже был женат, но летописи говорят о прибытии Шах-Али в Москву лишь с одною женой ²⁾.

Так закончился 2-й период истории Казанского ханства. Русское засилье завершилось катастрофой, и с этого времени начинается новая эпоха, характеризуемая борьбой между Москвой и Казанью. Во 2-м периоде мы видели русский протекторат над Казанским ханством и упадок национального чувства среди казанцев. Теперь внутри ханства происходит рост национального самосознания, поднимается волна протеста против иноземного гнета, организуется не только пассивная, но и активная оборона страны. Казанский народ делает усилия освободиться от русского протектората и входит в тесный союз с мусульманскими странами—Крымом и Турцией.

¹⁾ Зап. о Моск., с. 141.

²⁾ П. С. Р. Л. VI, 263; Ник. VI, 227; Врм. II, 269 и др.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Эпоха национального возрождения (1521-1550 г.).

Господство восточной партии. Турецкий протекторат. Переворот 1521 года возвел на казанский престол династию крымских Гиреев в лице хана Сагиба-Гирея. Сагиб-Гирей был сыном хана Менгли и внуком родоначальника крымской династии Хаджи Гирея.

Родословная таблица династии Гиреев на Казанском престоле.

Хан Сагиб-Гирей родился в Бахчисарае и провел все детство в Крыму. В 1510—11 годах он сопровождал свою мачеху царицу Нур-Салтан в ее большой заграничной поездке в Москву и Казань. В противоположность некрасивому Шах-Али, татарские летописцы рисуют его с привлекательной внешностью: „Он был красив лицом — совершенное полнолуние, льющее свет в созвездии миловидности; редких качеств“ и т. д.¹⁾.

По словам Подробного Летописца, хан Сагиб-Гирей был рожден от одной матери с ханом Мухаммедом-Гиреем²⁾, но Вельямит-

¹⁾ Смирнов „Ист. Крымского ханства“, с. 398, прим. 2.

²⁾ Подр. Лет. II, 5.

нов-Зернов ошибочно считал, что они были сыновьями царицы Нур-Салтан¹⁾). Герберштейн утверждает, что Нур-Салтан не имела детей от хана Менгли-Гирея,²⁾, и хронологические соображения подтверждают это, так напр. сын Мухаммеда-Гирея царевич Бегадур, бывший в 1515 г. уже взрослым, не мог быть внуком царицы Нур-Салтан, которая вышла замуж за хана Менгли-Гирея лишь в 1480 году, а следовательно и Мухаммед-Гирей не мог быть ее сыном.

Историк Крымского ханства Д. В. Смирнов предполагал, что между Сагибом и Мухаммедом были враждебные отношения. Он говорит: „Про Сахыб-Герая читаем у крымских историков, что он сперва находился несколько времени в заключении, посаженный свирепым братом своим Мухаммед-Герасм, когда тот учинил кровавую расправу с прочими своими братьями, для вящшей своей безопасности и большей гарантии от соперничества. Потом, когда осталось ханское место в Казани, за выморм царствовавшей там династии, сообразительный Мухаммед-Герай, по просьбе казанцев, дал им в ханы Сахыб-Герая... Не даром же брат его Мухаммед-Герай удалил его в Казань, хотя и под благовидным предлогом занятия ханского трона: тут вовсе не то было побуждение, чтобы этого мерою прибрать к своим рукам Казань, как полагает г. Вельяминов—Зернов (I, 256)³⁾). Оставляя в стороне неточности в изложении исторических фактов (Сагиб-Гирей стал ханом Казанским не сразу после того, как „опросталось ханское место, за выморм династии“, а через 2^{1/2} года, когда престол был занят ханом Шах-Али), отметим, что соображения Д. В. Смирнова противоречат историческим данным. Между крымским и казанским правительствами в царствование Мухаммеда и Сагиба были наилучшие, союзные отношения, так что совершенно исключена возможность предположения, будто Мухаммед удалил Сагиба в Казань с злонамеренной целью. Проф. Вельяминов—Зернов безусловно прав в данном вопросе; подтверждением этому служат предшествовавшие дипломатические переговоры крымского правительства о предоставлении казанского престола царевичу Сагиб-Гирею, а также последовавшая война с Россией, где оба брата выступают в тесном союзе друг с другом.

¹⁾ Вел.—Зерн. I, 262.

²⁾ Зап. о Моск., стр. 140.

³⁾ Ист. Крымск. хан., стр. 399—400.

Немедленно по вступлении на престол хана Сагиб-Гирея началась война Казани с Российской. Союзные войска казанцев и крымцев одновременно вторглись в Россию с востока и юга. К союзу пытались привлечь и Астраханское ханство—крымское правительство приспало туда посольство, которое заявило от имени хана: „Междусобою были мы братья—был я в дружбе с Московским, и он мне изменил. Казань была юрт наш, а теперь он посадил там султана из своей руки; Казанская земля этого не хотела, кроме одного сенда, да и прислала ко мне человека просить у меня султана; я им султана и отпустил на Казань, а сам иду на Московского со всеми своею силою. Хочешь со мною дружбы и братства, так сам пойди на Московского или султанов попили”¹⁾). Однако, союз с Астраханью не состоялся. Между тем крымское войско переправилось через р. Оку и разбило русское войско под начальством князя Андрея Старицкого, брата Василия III. Казанское войско заняло Нижний и двинулось к Москве вдоль Оки. Союзные войска соединились в Коломне и стали совместно наступать на Москву. Попутные селения были опустошены, множество жителей было забрано в плен и продано в рабство на невольничих рынках в Астрахани и в Кафе. Союзники сожгли Никольский монастырь на Угреше и велиокняжеский дворец в с. Острове под Москвой. Василий III эвакуировался в Волоколамск, поручив оборону столицы своему зятю, царевичу Петру-Худай-Кулу. В Москве была паника. Герберштейн сообщает: „Во время этой паники от женщин, младенцев и других неспособных к оружию, которые стекались в крепость с телегами, повозками и тяжестями, произошло в воротах ужасное смятение: своей излишней торопливостью они только замедлили и давили друг друга. Это множество народа произвело в крепости такое зловоние, что если бы неприятель три или четыре дня остался под городом, то осажденным пришлось бы гибнуть от заразы”²⁾). Москва была оквачена кольцом пылающих деревень, а по ночам заревом окрестных пожаров. 29 июля союзники подступили к самой Москве и расположились в с. Воробьеве, пили мед из велиокняжеских погребов и любовались Москвой. Русское правительство немедленно предложило мир, и союзники согласились на переговоры. Василий III принужден был подписать унильный договор—формально признать свою зависимость от крымского

¹⁾ Цит. Соловьев, стр. 1631.

²⁾ Зап. о Моск., стр. 142.

хана и платить ему дань, „по уставу древних времен,” т. с. так, как платили ханам Сарайским. По заключении почетного мира союзники покинули пределы России. Этот блестящий поход доставил казанцам громадное количество военной добычи, несметное число пленников и полное освобождение от русского протектората. Восточная партия могла справедливо гордиться успехом.

В 1523 году крымское правительство об'явило войну астраханскому хану Хуссейну, который заключил союз с русским правительством. Астрахань была взята крымцами, и одновременно с этим, в силу союзного договора между Казанью и Крымом, казанцы бросили вызов России. Как и в 1505 году, в Казани произошел ужасный погром, причем были убиты все русские купцы и русский посол Василий Юрьевич Поджогин. Русские летописцы говорили о хане Сагиб-Гирее: „Кровь пролия, аки воду”¹⁾. Для русского правительства это было поводом начать войну, и сам Василий III лично приезжал в Нижний-Новгород и пробыл там 3 недели. Однако, русское войско, которым командовал Шах-Али, не решилось дойти до Казани и ограничилось лишь набегом на черемисские и чuvашские деревушки. Русское правительство перешло к обороне и решило обезопасить свою границу со стороны Казанского ханства построением на Волге пограничной крепости при устьи р. Суры. Для основания этой крепости русские выбрали не левый, а правый берег Суры и захватили пограничный клочок казанской земли, так что русская крепость была построена на территории Казанского ханства. Крепость получила название в честь великого князя „Василь-город” — нынешний Васильсурск.

Перетягкович совершенно правильно отметил, что основание Василь-города имело оборонительное значение: „До сих пор на Волге крайним значительным пунктом, из которого русские могли наблюдать за предприятиями и движениями казанских татар, был Нижний-Новгород... Построение укрепленных городов, из которых русские были в состоянии наблюдать за появлением татар в Поволжье и за их движениями здесь, могло быть лучшую защитой для русской земли от неожиданных вторжений хищников”...²⁾ По поводу построения крепости на территории, принадлежавшей соседнему государству, в Москве рассуждали различно. Многие отнеслись отрицательно к захвату правительством казанской земли и утвержда-

¹⁾ П. С. Р. Л VI, 264 и VIII, 270.

²⁾ „Поволжье в XV и XVI вв.”, стр. 162—163.

ли, что при этом будет невозможен мир с Казанью. Таким образом, первый шаг захватной политики, русского государства встретил осуждение в общественном мнении, и москвичи отнеслись к нему несочувственно. Зато правительство нашло поддержку со стороны духовенства: захват чужой территории был одобрен главой русской церкви—митрополитом Даниилом, при чем Даниил пошел даже дальше и высказался за дальнейший захват территории, сказав: „Тем городом мы всю землю Казанскую возьмем”¹). Этим словам русские историки впоследствии придавали преувеличенное значение.

Для казанцев войны началась в неблагоприятный момент: начало ее совпало с убийством крымского хана Мухаммеда, всегда оказывавшего энергичную поддержку казанцам против России. Новое правительство хана Сеадет-Гирея обратилось к Василию III с посредничеством, предлагая ему заключить мир с Казанью, но русское правительство отказалось: „Помириться нельзя, во первых потому, что Саин стал царем без ведома великого князя; во вторых потому, что послы московского и торговых людей велел убить, чего ни в одном государстве не ведется: и рати между государями хотят, а послов и гостей не убивают”²). Это, однако, не помешало самому Василию III в 1527 году убить крымских [послов—Чабыки и других]³.

Тогда казанское правительство, не надеясь одержать верх над Россией без поддержки союзников, вступило в переговоры с турецким правительством. Этот шаг, которым Казанское ханство обязано Крымской династии, имел важное моральное значение, так как непосредственно сближал Казань с могущественным и родственным османским народом и вводил ханство в круг союзных мусульманских государств. Казанское правительство заключило с султаном Сулейманом Законодателем договор на следующих условиях: Казанское ханство признает над собою верховную власть турецкого султана и принимает ханов по назначению турецкого правительства; со своей стороны, Турция оказывает Казанскому ханству поддержку в войне против русских и прочих врагов. Этот договор устанавливал такие же отношения между Казанью и Турцией, какие существовали между Крымом и турецким правительством; естественно, что с воцарением в Казани крымской династии сюда были пе-

¹⁾ Акты Арх. Эксп. т. I, № 172.

²⁾ Дело крымские, № 6, стр. 25—31.

³⁾ Дела Крымские, № 6, стр. 159 и 256; Никоновская летопись VI, 233.

ренесены все традиции крымских владетелей, в том числе и в отношении Турции. Договор был формально скреплен, и турецкий посол в Москве грек-мусульманин князь Искандер Мангупский (Мангуп—греческий город в Крыму, составлявший удельное княжество) сделал официальное заявление русскому правительству о том, что отныне Казань является турецкою областью (юрг). Русское правительство отказалось признать этот факт и заявило со своей стороны, что Казань была, есть и будет подвластна русскому государю, что хан Сагиб—мятежник и не имеет права дарить Казань султану¹⁾.

Русское правительство было несклонно к заключению мира. Ссылка на убийство В. Ю. Поджогина, как на причину войны, была неосновательной: убийство иностранных послов, как мы видели, практиковалось и Василием III. В действительности, со стороны русских война была наступательной; русские энергично готовились к предстоявшей кампании, и причина войны была ясна—изложить хана Сагиб-Гирея и восстановить протекторат над Казанью.

Весной 1524 года, накануне войны, на Казанском престоле произошла перемена, но режим восточной партии остался в полной неприкосновенности. Хан Сагиб-Гирей вызвал из Бахчисарайского 13-летнего племянника Сафа-Гирея, сына покойного царевича Фатых-Гирея. По весенней полой воде Сафа-Гирей приехал в Казань. Герберштейн сообщает: „Юпоша, повинувшись приказаниям дяди, отправился в дорогу и был ласково и с почетом принят главными сановниками царства у Гостиного острова, т. е. острова купцов, находящегося на Волге недалеко от крепости Казани“²⁾. По прибытии Сафа-Гирея в Казань, хан Сагиб-Гирей оставил его³⁾ своим заместителем, сам же отправился в Константинополь. Герберштейн говорит, что он поехал к султану „намереваясь просить его о помощи и заступничестве“⁴⁾. После кратковременного пребывания в Крыму хан Сагиб-Гирей действительно приехал в Константинополь, но в дальнейшем мы видим его там уже не в роли казанского хана а в качестве крымского царевича, (выступающего претендентом на крымский престол. Крымские историки ничего не говорят о военных целях поездки Сагиба в Константинополь. Сейд-Мухаммед Риза сообщает, что Сагиб-Гирей „под предлогом благочестивого путешествия к святым местам удалился к Порогу могущества султана

¹⁾ Карамзин „Ист. Росс.“ VII, прим. 255—Дела Турецкие № 1, л. 302.

²⁾ Зап. о Моск., стр. 146.

³⁾ Зап. о Моск. с. 146.

Сулеймана, где он и был милостиво принят¹⁾). Историк Крымского ханства Д. В. Смирнов также говорит, что „отезд Сахыб-Герая в Стамбул не представлял ничего особенного“ и являлся обычным отездом крымского царевича ко двору своего сузерена²⁾, „а что Сахыб-Герай не открыто уходил, но под предлогом паломничества, к этому его побудила боязнь преследования со стороны племянников, для которых такой уход едва ли мог быть приятен“³⁾). Последнее обяснение является не вполне основательным, так как претензий на крымский престол со стороны Сагиб-Гирея мог опасаться скорее царствовавший в то время его брат Сеадет-Гирей, чем племянник, царевич Ислам—сын хана Мухаммеда.

Как бы то ни было, в дальнейшем мы видим, что в Константинополе хан Сагиб-Гирей не настаивал на оказании военной поддержки Казанскому ханству и совершенно оставил намерение вернуться на казанский престол. Сагиб-Гирей не привлекала суровая, северная Казань, и он впоследствии не сделал ни малейшей попытки вернуться в Казанское ханство. Есть основания предполагать, что самый отезд его из Казани в 1524 году был обусловлен не столько желанием получить военную помощь от Турции, сколько, быть может, надеждою пробить себе путь к престолу Крымского ханства.

После смерти хана Мухаммеда в Крыму происходили волнения из-за престолонаследия, и Сагиб-Гирей был одним из кандидатов. Ему не удалось занять Бахчисарайский престол—ханом стал его брат Сеадет-Гирей, живший пред этим в Константинополе и пользовавшийся благоволением турецкого правительства. Сагиб-Гирей последовал его примеру и, уехав в Константинополь, остался там в ожидании, когда представится благоприятный момент для занятия ханского престола в Крыму.

Рассчет оказался удачным, и в 1532 году, после отречения хана Сеадет-Гирея от престола, Сагиб-Гирей получил от султана Сулеймана назначение на крымский престол. Царствование его было блестящим; крымский историк XVII века Мустафа Джениаби говорит: „Он возвратил славу дома Чингизова после того, как миновала она и закатилась звезда могущества его“⁴⁾). Правление хана Сагиб-Ги-

¹⁾ Семь Планет, 90; Краткая история, л. 33 в. Цит. Смирнов „Ист. Крым. хан.“ с. 399.

²⁾ Ист. Крым. хан., стр. 399.

³⁾ Ист. Крым. хан., стр. 400.

⁴⁾ Рукоп. Азиат. Музея, с. 450.—Цит. Смирнов, с. 423.

реля в Крыму ознаменовалось благодетельными реформами в духе Сулеймана Великолепного, который получил прозвище „Кануни“, т. е. Законодатель. Д. В. Смирнов отмечает: „Знакомство Сахыб-Герая с турецкими государственными порядками и личные его беседы с султаном, очевидно, не остались без последствий для Крымского ханства. По собственному ли почину или, может быть, под влиянием положительных впечатлений и наставлений султана, но только Сахыб-Герай, как нам известно из истории, тоже пытался было выступать в роли преобразователя и организатора внутри своих владений и явить себя грозным воителем вовне, подражая в том и другом отношении своему суверену и повелителю“¹⁾). Царствование хана Сагиб-Гирея продолжалось до 1551 года, когда во время похода на Кавказ он вместе с 13-летним сыном Шегбазом был убит царевичем Булюком, сыном казанского хана Сафа-Гирея. Крымский историк царевич Мухаммед-Гирей, племянник хана Сагиба, называет его „блацкенным и покойным, известным и знаменитым воителем и мучеником“²⁾). Тело его было перевезено в Крым и погребено в усыпальнице хана Хаджи-Гирея в Салачике, в живописной Бахчисарайской долине, у подножия горы Чифут-Кале. Личный друг хана Сагиб-Гирея, придворный астролог Кайсуни-задэ Недаи-эфендди, прозванный Реммал-Ходжа, составил его биографию-панегирик „Тарихи Сахыб-Герай“.³⁾

Хан Сагиб-Гирей был одним из замечательнейших государей на крымском престоле, но в Казанском ханстве он не успел себя проявить. К Казани он, повидимому, не чувствовал расположения и решился покинуть ее в довольно тревожный момент—накануне возобновления русской войны. Впоследствии, даже в то время, когда на казанском престоле сидели ханы из враждебной Касимовской династии, он не сделал попытки вернуть себе Казанское ханство. Воспитанный в Крыму, он был равнодушен к Казани. Это был очень образованный государь, побывавший и в Константинополе, и в Москве, и в Казани, но его симпатии явно склонялись не к суровому северу, а в сторону теплого юга. В его воображении варварская пышность Москвы затмевалась утонченным блеском Константинополя, и Сагиб-Гирей предпочитал царствовать не на угруюмых берегах Волги, а на лазурном побережье Черного моря.

¹⁾ Ист. Крым. хан., с. 412.

²⁾ Рукоп. Бевзк. Библ., № 86, л. 104 об. Цит. Смирнов, с. 278.

³⁾ Рукоп. Спб. Универ., № 488.

В России отъезд хана Сагиб-Гирея из Казани был обяснен трусостью перед русским нашествием. Летописец повествует: „Увидев же злочестивый царь Саип Гирей Казанский крепкое и грозное воинство великое и с великим срамом побеже из Казани”¹⁾. Герберштейн, со слов русских, также писал: „Устрашенный этими ужасными приготовлениями, Саип-Гирей, царь Казанский... бежал к турецкому султану, намереваясь просить его о помощи и заступничестве”²⁾. Версия о бегстве хана Сагиба повторяется Карамзиным, Соловьевым и Вельяминовым-Зерновым. В действительности, отъезд хана не был настолько поспешным: хан позаботился о своем заместителе и с этой целью вызвал из Крыма царевича Сафа-Гирея. Таким образом, отъезд был совершен с обдуманным намерением и не был похож на внезапное бегство.

Хан Сагиб-Гирей больше не возвращался в Казань, и царевич Сафа-Гирей был провозглашен ханом Казанским. Сафа-Гирей родился в Крыму в 1510 году. Он был сыном царевича Фатых-Гирея — брата ханов Мухаммеда, Сагиба и Сеадета. Ему пришлось вступить на престол 13-летним мальчиком и в довольно трудный для государства момент. В 1524 году русское правительство возобновило военные действия против Казани. Было приготовлено громадное войско („Казанский Летописец“ называет цифру 150 тыс. чел., Герберштейн — 180 тысяч). В армии находился бывший хан Шах-Али, выступавший в качестве претендента на казанский престол. Предположенный весенний поход, по полой воде, запоздал. Русское войско направилось к Казани тремя разрозненными отрядами — двумя судовыми и одним конным, которые не могли согласовать своих действий и прибыли к Казани все в разное время.

Пехота, под командой кн. И. Ф. Бельского, приплыла к Казани 7 июля и высадилась в виду столицы, у Гостиного острова. Конница, артиллерия и обоз значительно запоздали, и пехота оказалась в очень затруднительном положении: „По напрасну теряя время и истратив взятые с собою съестные припасы, русские начали голодать, ибо нельзя было сделать подвоза: черемисы опустошали все кругом и тщательно наблюдали за сообщениями неприятеля, так что князь (Василий III) не мог узнать о нужде, от которой страдало его войско, и сами они не могли подать ему весть”³⁾.

1) П. С. Р. Л. VIII, 270.

2) Зап. о Моск., стр. 146.

3) Герберштейн, Зап. о Моск., с. 147.

По словам Герберштейна, русские шпионы произвели в Казани пожар крепостной стены, но неприятельская пехота лишенная артиллерии, не могла использовать этого обстоятельства, и казанцы беспрепятственно восстановили сгоревшую часть стены.

Казанцы пытались преградить путь русской конницы на реке Свияге и уничтожили конный отряд в 500 человек.— „Он был побит встретившими его черемисами, и едва 9 человек спаслось в смятении бегством. Воевода, тяжело раненый, умер на третий день в руках врагов“¹⁾). Среди русской пехоты, стоявшей на Гостином острове у Казани, сообщение об этой неудаче вызвало большое смущение: „Когда молва об этом поражении дошла до войска, то в лагере распространялось уныние, которое еще более умножил внезапный и несправедливый слух об истреблении всей конницы, так что русские ни о чем более не думали, кроме бегства. Все согласились на отступление, но еще колебались, возвратиться ли им вверх по реке, что было весьма трудно, или спуститься несколько вниз по течению и добраться до других рек, чтобы потом возвратиться длинным обходом по сухому пути“²⁾.

Удачнее всего были действия казанцев против второй русской флотилии, перевозившей артиллерию и обоз. Во время одной из ночных остановок около с. Малого Сундыря (в 15 верстах ниже Коцмодемьянска) она подверглась нападению с высокого горного берега, и в результате „начальник флота Палецкий, оставив в руках неприятелей 90 больших судов, из которых на каждом было по 30 человек, и отвязав от берега свой корабль, выплыл на середину Волги и под прикрытием тумана, почти нагой, прибыл к войску“³⁾). По сообщению „Казанского Летописца“— „Много пушек великих и малых погрязе, много людей истопоща и метахуся сами в воду от страха. После же тая вешние воды лета того весь наряд огненный, и ядра, и зелие, и тушки черемиса поизвлече, и все в Казань отпроводиша, и воинских вещей много себе понанзбраша“⁴⁾). Это была блестящая победа казанцев, напомнившая знаменитую битву 1469 года.

Однако, казанцы совершили большую ошибку, не перейдя своевременно к наступлению против русской пехоты, стоявшей на Гостином острове и находившейся в бедственном положении. За-

¹⁾ Герберштейн, Зап. Моск., с. 147.

²⁾ Герберштейн, Зап. о Моск., стр. 147—148.

³⁾ Герберштейн, Зап. о Моск., стр. 148.

⁴⁾ П. С. Р. Л. XIX, 35.

держать движения русской конницы казанцам не удалось, и после сражения на Итяковом поле, на правом берегу р. Свияги (близ с. Утякова, в Свияжском уезде) казанцы вынуждены были отступить. 15 августа русская конница присоединилась к пехоте, и с этого времени положение русских улучшилось. Они перешли в наступление и приступили к осаде Казани, но казанская конница осталась вне крепости и своими нападениями на русский лагерь постоянно тревожила осаждавших. Не расчитывая на успех, русское командование начало переговоры о мире— „и не постояше у града у Казани единого дни, и поидоша на Русь с тщетою, а не с радостью войска своего, с печалию великою“¹⁾). На обратном пути флотилия кн. Палецкого вновь подверглась на Волге нападению со стороны черемис и понесла большие потери.

Согласно мирным условиям, русское правительство признало Сафа-Гирея ханом Казанским. С. М. Соловьев говорит: „Василий согласился (на признание ханом Сафы), но против воли: не для того посыпал он такую многочисленную рать против казанцев, чтобы оставить у них царем Гирея; поход не удался, не оправдал ожиданий“²⁾.

Русское правительство думало отплатить за свое поражение изданием указа, запрещавшего русским купцам ездить на казанскую ярмарку. Для товарообмена был назначен русским купцам, по сообщению Герберштейна, Нижний-Новгород. Герберштейн говорит о Василии III: „Он надеялся, что это перенесение ярмарки нанесет большой вред казанцам, и что отняв у них возможность покупать соль, которую татары получали от русских только на этой ярмарке, можно их принудить к сдаче. Однако от перенесения этой ярмарки Московия понесла не менее вреда, чем сами казанцы. Ибо следствием этого были дороговизна и недостаток в весьма многих вещах, которые привозились по Волге с Каспийского моря, с астраханского рынка, из Персии и Армении, преимущественно же в отличной рыбе, в том числе и в белуге, которая ловится в Волге по сию и по ту сторону Казани“³⁾). Запретительная мера русского правительства прежде всего причинала огромный убыток русским купцам, которые теперь не имели возможности покупать товары на ярмарке и должны были переплачивать за них посредникам по ценам, более высоким, чем ярмарочные. В России купцы были воз-

1) П. С. Р. Л. XIX, 36.

2) Ист. России, стр. 1673.

3) Зап. о Моск., стр. 150.

мущены этой мерой правительства,— Карамзин говорит: „Жаловались, что государь ищет себе неприятелей, равно как осуждали его и за основание города в земле Казанской“. Прошло много времени, прежде чем ярмарка упрочилась на территории русского государства, около Макарьевского монастыря.

В царствование хана Сафа-Гирея выдвигается ряд военных и дипломатических деятелей. Из числа полководцев русские источники упоминают князя Отуча и ханского воспитателя— „аталыка“ Талыша, которые участвовали в сражении на Итяковом поле. Для заключения мирного договора с русским правительством в Москву были отправлены оглан Апай и князь Бахты-Гильды¹⁾. В марте 1526 года для дипломатических переговоров ездили в Москву послы князь Каы, князь Чура и бакши Тевель²⁾. Осенью 1528 года опять были отправлены в Москву послы— кн. Табай, кн. Данай и бакши Ибрагим; в начале 1529 года новые послы— кн. Мамыш, кн. Курат и кн. Шир-Мирген. Чурачиков— подписали договор с русским правительством, но мир оказался непрочным, и договор был вскоре нарушен³⁾. Русские летописи выражаются глухо: „Царь вскоре свою правду и клятву преступил и послу великого князя Андрею Пильемову нечесть и срамоту учинили велику“⁴⁾, но в чем заключались „нечесть и срамота“, нанесенные русскому послу, летописец не поясняет. Русское правительство задержало отправку в Казань своего представителя, который был должен следить на месте за соблюдением договора, и начало готовиться к войне.

Война вспыхнула в 1530 году. По обыкновению, русские подошли к Казани двумя путями: пехота плыла по Волге в судах, конница двигалась по горному берегу. На помощь казанцам пришли ногайское войско со старшим сыном князя Мамая и астраханское войско с князем Яглычем. 10 июля русское войско подступило к Казани. Русский летописец утверждает, что осаждавшим будто бы удалось взять стену казанского острога по р. Булаку и произвести погром внутри посада, но взять крепости они не могли, так как в это время казанцы взяли в плен все русские ружья, которые подвозились к стрельцам на телегах.— „В те поры туча пришла грозна и дождь был необычен велик, и которой был заряд пищали.. привезен на телегах на обозных к городу, а из них было стреляти по

¹⁾ П. С. Р. Л. VI, 264; VIII, 271.

²⁾ П. С. Р. Л. VIII, 272.

³⁾ П. С. Р. Л. VIII, 272.

⁴⁾ П. С. Р. Л. VIII, 272.

городу, и посошные и стрельцы те пищали в тот дождь пометали, и казанцы, вышед из города, и поимали тот весь наряд¹⁾). Стороны русских было убито 5 воевод, в том числе командир передового полка кн. Ф. В. Оболенский-Лопата. Казанцы потеряли в бою аталаха. К русским были отправлены парламентеры—князь Булат, оглан Апай и князь Табай, и было заключено перемирие. Потеря пищалей, по мнению Соловьева, „могла быть достаточной причиной, почему воеводы приняли предложения казанцев”.

Для мирных перегоров в Москву были отправлены кн. Табай, кн. Тевекель и бакши Ибрагим. Мир был заключен на следующих условиях: обе стороны обязались выдать друг другу военную добывчу и пленных, захваченных в настоящей войне. Однако, казанское правительство своевременно получило донесение, что русские готовятся снова к походу²⁾, и боясь несоблюдения договора со стороны русских, потребовало, чтобы обмен пленными был произведен не одновременно, но чтобы сначала русские выдали захваченную добывчу. Подписание договора ханом не состоялось.

Союз с Россией. Хан Джан-Али. Регентство царевны Ковгоршад. После того, как замысел русского правительства возвратить себе вооружение, попавшее в руки казанцев, и начать с ним новую войну потерпел неудачу, русские отказались от своих воинственных планов и пустили в ход новые средства против хана Сафа-Гирея. Русским дипломатам Ф. И. Карпову и Меншему Путятину удалось привлечь на свою сторону казанских послов, бывших в Москве. В Казань были подосланы агенты узнать образ мыслей виднейших лиц в государстве—мурзы Кичи-Али и князя Булага Ширина. Бакши Ибрагим написал из Москвы возвзвания к казанцам, к черемисам, к чувашам и к Арским князьям, направленные в пользу союза с Россией и против хана Сафы. Русской партии удалось привлечь на свою сторону видных казанцев; во главе движения стал князь Булаг Ширин. Партия сгруппировалась вокруг имени царевны Ковгоршад, сестры хана Мухаммеда-Эмина—единственной уцелевшей в живых представительницы старой династии Улу Мухаммеда. Имя царевны Ковгоршад в глазах казанцев могло быть с успехом противопоставлено иностранной, крымской династии.

/ 1) П. С. Р. Л. VI, 265.

2) П. С. Р. Л. VIII, 275.

Русское правительство обещало поддержку движению, направленному против хана Сафа-Гирея. Оно обещало возвратить всех пленных казанцев, восстановить прежние союзные договоры,—как было государево жалование при Магмед-Амине царе, также и ныне хочет их государь жаловать и беречи землю Казанскую¹⁾); кандидатом на ханский престол русское правительство выдвигало Шах-Али, свергнутого ханом Сафа-Гиреем. 10 декабря 1530 года претендент выехал уже из Москвы в Нижний-Новгород, чтобы каждую минуту быть готовым направиться в Казань и занять ханский престол.

В мае 1531 года заговор был раскрыт казанским правительством, и хан Сафа-Гирей был намерен казнить русских послов; тогда заговорщики решились на открытые действия—„совокупившися в едино место и убить не дали“; эти события ускорили низложение хана Сафа-Гирея,—а Сафа Кирея царя по великого князя ваказу из Казани выслали и царевых советников крымцов и ногай, а иных побили, которые царю думали на лихо²⁾). Таким образом совершился переворот. Хан Сафа-Гирей был обявлен лишенным престола и вместе с женой бежал к ее отцу, князю Мамаю Ногайскому. Казнены были виднейшие представители восточной партии—сибирский князь Раст, аталах хана Сафа-Гирея Али-Шахкул и другие. В Казани образовалось временное правительство, во главе которого стала царевна Ковгоршад, а в состав его вошли мурза Кичи-Али и князь Булат Ширин.

Временное правительство постановило не принимать на престол Шах-Али, кандидатуру которого навязывала Москва, но который был не симпатичен казанцам по своим личным качествам. Заявив отвод против русского кандидата, временное правительство все же осталось в сфере русской ориентации, и в ханы было избрано лицо, проживавшее в России—Касимовский удельный царевич Джан-Али, брат Шах-Али. Для переговоров с русским правительством в Москву были отправлены послы Кул-Чура и Форузат. Проф. Вельяминов-Зернов говорит по поводу происходивших переговоров: „Великому князю не было особенного расчета настаивать непременно на своем: тот или другой брат—в сущности было все равно, лишь бы в Казани сидел человек, преданный России“³⁾). Русское правительство немедленно дало свое согласие,

¹⁾ П. С. Р. Л. VIII. 276.

²⁾ П. С. Р. Л. VIII. 276.

³⁾ Вельяминов-Зернов I. 269.

Шах-Али был вызван из Нижнего-Новгорода в Москву, а Джан-Али отправлен через Нижний в Казань. Присяга в соблюдении союза с Россией была дана им в Нижнем-Новгороде.

Возведение Джан-Али на престол состоялось 29 июня. Вместе с новым ханом возвратилось из России посольство, подготовившее почву для переворота—князья Табай и Тевекель и бакши Ибрагим, а также прибыл русский посол Я. Г. Морозов.

Хан Джан-Али, сын царевича Шейх-Аулиара, родился в Касимове в 1516 году. С воцарением его брата Шах-Али в Казани, в 1519 году, двухлетний царевич был назначен владетельным государем Касимовским и удержал свой удел после низложения брата с престола Казанского ханства. „Казанский Летописец“ сообщает, что Джан-Али вступил на престол в возрасте 15 лет. Вельяминов-Зернов полагал, что сообщение это „очевидно, неверно“, так как в Башмаковской разрядной книге значится, что в 1521 году он начальствовал татарами Городецкими,—„не мог же он быть с ними 4-х или 6-ти лет от роду“, замечает Вельяминов-Зернов¹⁾). Однако, это возражение нельзя считать убедительным, так как, с одной стороны, запись в разрядах малолетнего Джан-Али, как удельного Касимовского царевича, могла не означать его личного присутствия в войске, с другой же стороны мы знаем примеры, когда высокопоставленные младенцы не только считались главнокомандующими, но и в действительности брались из детской в походы.

Юный хан управлял государством, конечно, лишь名义ально. Власть находилась в руках правительства, во главе которого стояла царевна Ковгоршад, в качестве регентши. Русское правительство адресовало грамоты не только хану, но вместе с ним—царевне и князьям²⁾; казанское правительство также писало от имени царевны, князей и всех людей Казанской земли³⁾. Кроме царевны, членами правительства были названные в грамотах по именам деятели государственного переворота—князья Булат и Табай⁴⁾.

Новое правительство поддерживало тесные сношения с русским правительством, но внутри страны не было популярным. Опасались восстания, и правительство решило опереться на русское

¹⁾ Вельяминов-Зернов I, 271.

²⁾ П. С. Р. Л. VIII, 277, 281, 282.

³⁾ П. С. Р. Л. VIII, 282.

⁴⁾ П. С. Р. Л. VIII, 282.

оружие, взятое в плен в 1530 году. В феврале 1533 года в Москву был отправлен посол князь Агиш с просьбой, чтобы русское правительство не требовало выдачи пищалей— „занже государеве земле Казанской другов много, а недрузи есть же”¹⁾). Русское правительство, конечно, дало на это согласие.

В июне того же года в Москву было отправлено посольство— оглан Аппак, князь Кадыш (братья князя Отуча), Касимовский князь Кутлу Булат и бакши Евтек для переговоров о согласии русского правительства на брак хана с ногайской княжной „да и о иных великих делах земских”. Согласие на брак было получено „того ради, чтобы земли Казанская в упокое была”²⁾). В выборе невесты правительство, конечно, руководилось политическими расчетами. Хан женился на дочери нового ногайского князя Юсуфа, княжне Сююн-Бике. Брак по расчету, повидимому, не возбудил любви в 17-летнем супруге; по крайней мере, русский посол при ногайском дворе Д. Губин летом 1535 года доносил своему правительству, что Сююн-Бике переписывалась со своим отцом: „К Юсуфу из Казани дочь присыпала, Янасеева царица. Сказывают, Яналей царь ее не любит”, и что князь Юсуф, недовольный таким отношением к дочери, подстрекал казанцев к низложению Джан-Али³⁾.

К сожалению, летописец не поясняет, какие именно „великие земские дела” требовали переговоров с русским правительством. Русские историки были склонны преувеличивать оценку этого обстоятельства, и Карамзин заявлял, что „важнейшие дела казанские, не только политические, но и земские, решались в Москве государевым словом”. Позволительно думать, что „великие земские дела”, о которых велись дипломатические переговоры, находились в связи с той миссией, которая была прежде всего возложена на послов— с вопросом о женитьбе хана на Сююн-Бике. Женитьба обозначала совершеннолетие хана и влекла за собою упразднение регентства. Установление нового способа правления и договор о направлении новой политики действительно могли явиться предметом дипломатических переговоров с русским правительством; и в этих-то важнейших для государства вопросах скорее всего следует видеть те „великие земские дела”, которые были представлены к обсуждению миссией оглана Аппака и других казанских послов в июне 1533 года.

¹⁾ П. С. Р. Л. VIII, 282.

²⁾ П. С. Р. Л. VIII, 282.

³⁾ Прод. Др. Рос. Вивл., VII, 267.

Низложение Джан-Али. Коалиционное правительство. В декабре 1533 года Василий III скончался. Весной ближайшего года состоялся обмен посольства между Москвой и Казанью для возобновления с новым русским правительством союзного договора; казанскими послами были оглан Худай, Бурнақ и бакши Ходжа Ахмед¹⁾. Перемена правительства в России оказала большое влияние на ход казанской политической жизни. Последующие события показали, что правительство царевны Ковгоршад тяготилось русским засильем, и что переворотом 1531 года русская партия была обязана не искреннему желанию поставить Каанское ханство в зависимость от иностранцев, а стремлению спасти государство от дальнейшей войны и от продолжения агрессивной политики ханов Гиреев. Как только явились возможность освободиться от иностранного гнета, казанское правительство тотчас же решило стать на свои собственные ноги и вести самостоятельную политику, не считаясь с русским правительством.

Перемена царствования в России повлекла за собою события аналогичные тем, какие последовали при кончине Ивана III. Несчастный в войне, но удачливый в дипломатических переговорах, умевший выбирать достойных сотрудников на этом поприще, Василий III уступил место бездарному правительству Елены Глинской и ее фаворита. Перемена режима сразу ясно почувствовалась в Казани, где русские послы немедленно потеряли значительную долю своего авторитета. Одновременно с этим усилилось влияние восточной партии, и приобрели вес лица, связанные с ногайской торговлей. Правительство царевны Ковгоршад не осталось неподвижным в этом общем сдвиге казанской политики. Оно решило освободиться от русской опеки и выступить на путь самостоятельных действий. Правительство, опиравшееся на русские пищали, пошло навстречу казанскому обществу, тяготившемуся русским засильем. Смерть Василия III имела те же последствия, как и приближение кончины его отца: „Ковгоршад царевна и Булат князь и вся земля Казанская великому князю Ивану Васильевичу изменили"²⁾.

Поворот казанской политики сопровождался дворцовым переворотом. На этот раз не произошло русского погрома, но жертвою пал тот, кто олицетворял собою зависимость от иностранного государства: Джан-Али был убит 25 сентября при обстоятельствах,

¹⁾ П. С. Р. VIII, 286.

²⁾ П. С. Р. VIII, 291.

относительно которых русские летописи противоречат друг другу. Недовольные переворотом сторонники союза с Москвою эмигрировали в Россию, мечтая о возведении на престол Шах-Али. К числу эмигрантов принадлежали князья Епанчины (Шабан и Шах-Булат), князья Хурслуловы (Карамыш и Евлуш) и другие. На престол был вновь приглашен хан Сафа-Гирей.

Расчет казанского правительства на слабость России после смерти Василия III был совершенно правильным: русские ничем не реагировали на переворот. Это дало повод казанцам принять вызывающий тон по отношению к соседнему государству, и хан Сафа перешел к наступательным действиям. В январе 1536 года казанский отряд подступил к Нижнему-Новгороду и сжег Балахну¹⁾). Русское войско, вышедшее по направлению к Казани, было охвачено деморализацией и, встретив казанскую армию около Лыскова, не решилось сразиться и отступило без боя; множество русских солдат дезертировало и попало в руки казанцев²⁾). Летом 1536 года казанцы вторглись в Костромскую область, нанесли поражение русским и убили костромского воеводу кн. Засекина³⁾). В январе 1537 года казанцы начали наступать на Муромском направлении и сожгли предместья этого города. Вообще, в 1536—37 г., казанцы действовали налетами небольших военных отрядов, попутно появляясь на трех направлениях: первый удар был направлен в центр—на Нижний и Балахну, второй севернее—на Кострому, третий южнее—на Муром. Налеты имели в виду сжечь города и опустошить страну, но каждый такой короткий удар не преследовал цели осаждать укрепленные крепости. Это заставило правительство Елены Глинской озабочиться укреплением восточной границы Московского государства: в 1536—37 г. были построены новые крепости Буй и Балахна, а также города на крымской границе.

Крымское правительство хана Сагиб-Гирея официально заявило о своем союзе с Казанью. Хан писал Ивану IV: „Я готов жить с тобою в любви, если ты ... примеришься с моей Казанью и не будешь требовать дани с ее народа; но если дерзнешь воевать, то не хотим видеть ни послов, ни гонцов твоих: мы неприятели; вступим в землю русскую, и все будет в ней прахом”⁴⁾). В ответ на за-

¹⁾ П. С. Р. Л. VIII, 291. Царств. Книга. 59.

²⁾ П. С. Р. Л. VIII, 291. Д. К. 59.

³⁾ П. С. Р. Л. VIII, 291—292.

⁴⁾ Дела Крымские, № 8, л. 416—425 и 473—478.

явления хана Сагиб-Гирея о том, что он берет Казань под свое покровительство, русское правительство тотчас же повысило тон. Оно впервые стало ссылаться на свои права на Казань: „Ты называешь Казань своею”, — писало русское правительство хану Сагиб-Гирею — „но загляни в старые летописи: не тому ли всегда принадлежит царство, кто завоевал его? Можно отдать оно другому, но сей будет уже подданным первого, как верховного владыки. Говоря о твоих мнимых правах, молчишь о существенных правах России. Казань — наша, ибо лед мой покорил ее; а вы — только обманом и коварством присвоили себе временное господство над нею. Да будет все по-старому, и мы останемся в братстве с тобою, забывая вины Сафа-Гиресвы”¹⁾). Так впервые московское правительство пытается обосновать свои „права“ на Казань завоеванием 1487 года и об явить Казанское ханство навсегда подчиненным России. Как далека эта идеология от тех действительных намерений, которыми руководилось правительство Ивана III в 1487 году! Тогда русские были очень довольны признанием равенства между ханом и великим князем, теперь их аппетит заметно возрос. В этой новой идеологии ясно виден тот характер, который проявляла московская дипломатия в XVI веке: „Московские дипломаты... любили брать на себя роль критиков по отношению к иностранным державам, забивать приезжающих в Москву послов текстами договоров и ссылками на исторические хроники, наконец, принимать иронический тон и ловить противника на противоречиях”²⁾). Все это уже имеется на лицо в этой исторической справке, сделанной в назидательно-ироническом тоне. В это время московские дипломаты уже усвоили тот девиз, который нашел себе впоследствии выражение в словах Бисквитого: „Московские государи не привыкли уступать кому бы то ни было покоренные ими земли; они готовы на союз, но только не для того, чтобы жертвовать своими приобретениями”.

Однако, громкое выступление русской дипломатии оказалось на первых порах только шумом: московское правительство хотя и потребовало, чтобы хан Сафа признал над собою русский протекторат, но тем не менее согласилось на мирные переговоры, предложенные крымским правительством. Война между Москвой и Казанью, готовая вспыхнуть, не началась, так как крымскому правительству

¹⁾ Дела Крымские № 8, л. 480.

²⁾ Виннер „Иван Грозный“, стр. 75.

удалось энергичным давлением уладить конфликт, и русские прекратили свои приготовления, опасаясь разрыва с Крымом.

Второе царствование хана Сафа-Гирея было весьма неспокойным. В самом составе казанского правительства коренились причины конфликта: сюда входили представители таких различных направлений, как хан Сафа и князь Булат, один из виновников его низложения в 1531 году. Естественно, что хан старался опереться на верную группу преданных ему единомышленников и окружил себя крымскими выходцами. Князь Булат и другие члены правительства, стоявшие у власти еще при Джан-Али, были недовольны крымским засильем, котороеказалось им ничем не лучше русского протектората. Весной 1541 года оформилась оппозиция хану Сафе, во главе с князем Булатом. Оппозиция приняла курс русофильской ориентации и возобновила тайные переговоры с русским правительством о низложении хана Сафы.

В мае месяце оппозиция отправила в Москву делегатов с Чабыки во главе. Протест против режима хана Сафа-Гирея выразился в следующих речах делегатов: „Ныне казанским людем вельми тяжко, у многих князей ясаки поотымал да крымцам подавал, а земским людям великая прода же, копит казну да в Крым отсылает”¹⁾). Русское правительство стало готовиться к войне и организовало штаб армии во Владимире, откуда воеводы должны были секретно сношиться с казанцами. В ответ на эти приготовления последовало обявление Крымом войны против России. Русское правительство не прекратило приготовлений и продолжало стягивать войска ко Владимиру. Однако, война казанцев с русскими все же не состоялась, и дело ограничилось военными действиями крымцев против Москвы. Поход русских против Казани был предотвращен падением правительства кн. И. Бельского в январе 1542 года. Новое правительство кн. Шуйских отличалось слабостью в иностранной политике, и военные приготовления были прекращены.

Положение хана Сафа-Гирея тотчас упрочилось и окрепло. Оппозиция ослабела, и последовало соглашение между обеими течениями казанской политики. В марте 1542 года вожди оппозиции, продолжавшие тайные сношения с Москвой, уже выступили в пользу сближения русских с правительством хана Сафа-Гирея.

Новый конфликт обнаружился в 1545 году. На этот раз выступление оппозиции вызвало со стороны русских военный поход про-

тив Казани. Русское правительство повторило тот стратегический план, который так неудачно был применен в 1469 году: один отряд был двинут из Нижнего-Новгорода, два других из Вятки и Чердыни. Предполагалось, что русское войско появится пред Казанью как раз в тот момент, когда там все будет готово к перевороту, и власть легко перейдет в руки кн. Булата. Однако, в действительности оказалось, что заговор еще не созрел, и переворот не совершился. Поход оказался совершенно безрезультатным; летописец ограничился бессодержательной фразой: „Людей казанских многих побили и кабаки царевы пожгли”¹⁾). На обратном пути русский отряд заходил в устье р. Свияги и разгромил здесь имение князя Муртазы Тевекелева, причем самого князя и сына русские увезли с собой в плен, а жену князя и остальных детей убили. Пермский отряд запоздал к соединению с русскими войсками и был уничтожен казанцами²⁾).

Во время русского похода 1545 года правительство сразу увидело враждебное себе настроение.— „Оттоле нача рознь быти в Казани”³⁾). Правительство не без основания обвинило оппозицию в измене: „Царь почал на князей неверку в измене; вы-де и приводили военвод великого князя”. Начались репрессии, казни. В этот момент сошли с политической сцены и царевна Ковгоршад, и князь Булат. Их место в качестве вождей оппозиции теперь застуpили сеид Беюрган, князь Кадыш (брать князя Отучка) и талантливый деятель Чура Нарыков. Репрессии вызвали сильную эмиграцию: „И они поехали многие из Казани к великому князю, а иные по иным землям”⁴⁾).

Политический кружок, группировавшийся вокруг царевны Ковгоршад и князя Булага, представляет собою интереснейшее явление в жизни Казанского ханства, к сожалению—недоступное для надлежащего изучения по недостатку источников. Этот кружок имел в себе достаточно авторитета и силы, чтобы в течение 15 лет стоять во главе государства и руководить казанской политикой. Свою политическую зрелость, государственный опыт и широту умственных взглядов правительство кн. Булата проявило в идеях коалиционной власти, которая дала Казанскому ханству то, чего ему недоставало в самые тяжелые моменты исторической жизни—примирение политических партий, единение всех казанцев вокруг

¹⁾ Царств. Книга.. 117.

²⁾ Ц. К., 117.

³⁾ Ц. К., 117.

⁴⁾ Ц. К., 118.

своей государственности. Кружок князя Булата боролся с иностранным засильем, как с русским, так и с крымским: он сумел найти выход из трудного положения, в котором государство оказалось в 1531 году, и имел достаточно смелости, чтобы изменить курс политики в 1535 году, когда это властно подсказывалось живыми интересами государства. Возвративши власть хану Сафе, правительство сумело работать с ним вместе, причем неоднократно находило пути к выходу из назревавших конфликтов и обнаружило большую ловкость в дипломатическом искусстве.

Падение коалиционного правительства и поворот политики в сторону восточной партии оказались роковыми для хана Сафы. Репрессии, обрушившиеся на оппозицию в 1545 году, не могли спасти положения и, напротив, доставили победу казалось-бы разгромленной оппозиции. Оппозиция сломлена не была, и уже в июле ее представители поехали в Москву с просьбой о новой военной поддержке. Русское правительство, наученное горьким опытом безрезультатного похода 1545 года, не доверяло казанцам и ответило, что оно пошлет войска после того, как Сафа уже будет низложен¹⁾. Это было равносильно отказу, так как оппозиция предоставлялась своим собственным силам.

Тем не менее, оппозиционное настроение в стране наростало, и в начале января 1546 года переворот совершился. Хан Сафа был вторично низложен с престола. При перевороте в Казани произошел погром, направленный против крымцев: „Казанцы Сафакирея царя с Казани согнали, а крымских людей многих побили“²⁾. В переписке сыновей князя Юсуфа Ногайского с русским правительством имеются следующие сведения о перевороте 1546 года: „Янalia царя убили, а сестру нашу за Сафа-Кирея царя дали. А в то время Сафа Кирея царь пришел был с немногими людьми, и год другой спустя крымских голодных и нагих привел, да над казанскими людьми учал насилиство делати: у кого отца не стало, и он отцова доходу не давал, а у кого брата большого не станет, и он того доходу меньшому брату не давал. А и с тобою долго завоеваясь жил. И тех его дел казанские люди и князи не могли терпети, да от него отступив выехав вон с крымцы завоевалися и побилися, и крымцов в прогоны побили, а иных многих прогонили, а Сафа-Гирея царя с немногими людьми оставили“³⁾.

¹⁾ Царств. Книга, 119.

²⁾ Царств. Книга, 120.

³⁾ Прод. Др. Росс. Вивл. VIII. 269—274.

Правительство сенда Беюргана. Шах-Али. В Казани образовалось временное правительство, в состав которого вошли сейд Беюрган, князь Кадыш и Чура Нарыков. С извещением о перевороте в Москву был отправлен Гамет-Шейх. Хан Сафа-Гирей бежал в Ногайское княжество и встретился в Сарайчике с астраханским сейдом Мансуром. Вступив в переговоры с последним, Сафа-Гирей пробыл в Сарайчике всего лишь несколько дней и отправился в Астрахань. Астраханское правительство окзало поддержку хану Сафе и дало ему военный отряд. С ним Сафа-Гирей возвратился к Казани и осадил город— „У Астраханского царя и у царевича силу взяв, пришед Казань облег, чаял того, нечто-ль де князи и лучшие люди его похотят. С такою надежкою постоял, и казанских князей и лучших людей никто к Сафа-Гирею царю не пошел. И после того пришел да побилися, да ничего не учинил, да и побеждал¹⁾... Разумеется, отряда астраханского войска, без пушек, было недостаточно для того, чтобы взять такую сильную крепость, какою была в то время Казань. Надежда хана Сафа-Гирея на слабость временного правительства и на то, что восточная партия поддержит его, не оправдалась. Поэтому попытка его вернуть себе власть на этот раз оказалась неудачною, в открытом бою он ничего не достиг и ушел в Ногайское княжество— „да приехал к Юсуфу князю“ в Сарайчик, где зимовали его жены. „Казанский Летописец“ говорит о неудачной попытке реставрации хана Сафа-Гирея: „И стояще два месяца приступая ко граду, и не взя града прочь отступи, поиде в ногаи, токмо землю повоева и поплени. И ни мало имущи у себе стенобитного наряду, кто может взяти таков град единою стрелою, без пушек, аще не Господь предаст?²⁾“

Таким образом,циальному правительству удалось успешно отразить нападение хана Сафа-Гирея. По миновении опасности, русское правительство приспало в Казань посольство для возобновления союзных договоров и для переговоров о кандидатуре на ханский престол. В марте 1546 года на престол был избран хан Шах-Али. По мало вероятному сообщению „Казанского Летописца“, когда поднялся вопрос о кандидатах, то одна группа выдвигала кандидатуру кого-либо из крымских царевичей— „овии убо хотяху в Крым послати по царевича какова-либо“, другие— „за турского царя мышляху заложитися“, третья стояли будто-бы за самого Мо-

¹⁾ Прод. Др. Росс. Вавл. VIII, 272—274.

²⁾ П. С. Р. Л. XIX, 56.

сковского великого князя (что явно неправдоподобно), четвертые—за прежнего хана Сафа-Гирея¹⁾. Между тем победили сторонники русского кандидата, и на престол был избран Шах-Али.

Два брата из Касимовской династии на казанском престоле несколько напоминают своею судьбою двух царственных братьев, которыми закончилась династия Улу Мухаммеда. Как там чередовались Эмин, Латыф и снова Эмин, так и теперь престол занимали Шах-Али, Джан-Али и опять Шах-Али; как там младший из братьев безвременно сшел в могилу, так и здесь младший пал от руки убийц. Но на этом аналогии кончаются: сыновья Ибрагима были различны по своим убеждениям, дети Шейх-Аулиара одинаково симпатизировали России; младший из потомков Улу Мухаммеда провел много лет в заключении и сделался жертвою русской интриги, тогда как теперь арест и ссылка выпали на долю старшего брата, убит же был младший при переходе власти в руки хана Сафа-Гирея. Две пары братьев на казанском престоле, представители двух поколений, сделались жертвами иностранной политики и игрушками в руках казанских партий, но на судьбе их ясно виден тот процесс, который происходил в недрах казанского общества: темп политической жизни становился быстрее и лихорадочнее, засиление иностранцев делалось все сильнее,—все это было признаками нарастания внутреннего кризиса в ханстве. В 1490-х годах отсутствовал такой фактор, игравший крупную роль в III периоде, как наличие „крымской“ партии. Во II-м периоде власть принадлежала руссофильским кругам, теперь первое место занимала восточная партия, и вместо одной влиятельной группы боролись две сильных организаций. В этом заключалось усложнение политической жизни страны. С другой стороны, Казанское ханство все больше и больше вовлекалось в связь с иностранными государствами—с Россией, Крымом и Турцией, и колебания внутренних кризисов теперь стали более резко осложняться иностранным вмешательством. Постоянное вмешательство русских в дела Казанского ханства создало наконец в Московском государстве, окончательно вступившем на путь великодержавной политики, стремление поглотить Казанское ханство, и вскоре это стремление становится уже сознательной целью русского правительства.

По низложении с престола в 1521 году Шах-Али жил в Москве, при дворе Василия III. Здесь его видел в 1526 году посол

¹⁾ П. С. Р. Л. XIX, 283.

Римского императора барон Сигизмунд Герберштейн; Шах-Али участвовал в царской охоте на зайцев вместе с императорскими послами. Во время охоты Шах-Али оказывался особый почет: он ехал рядом с Василием III, одновременно с послами спустил собаку на месте стоянки имел отдельный шатер, во время обеда сидел опять рядом с Василием и т. д.¹⁾ Наружность хана Герберштейн описал в следующих нелестных словах: „Великую ненависть к нему подданных умножали безобразие и слабость его тела, ибо это был человек с выпятившимся вперед животом, с редкою бородою, с лицом почти женским: все это показывало, что он несколько не способен к войне“²⁾. В то время Шах-Али был всего 21 год от рождения.

При московском дворе Шах-Али прожил 9^{1/2} лет, пока в Казани царствовали Сагиб и Сафа, а в Касимове правил его брат Джан-Али. В декабре 1530 года, в виду ожидавшегося переворота в Казани, Шах-Али был отправлен в Нижний, чтобы оттуда при первой возможности ехать в Казань и занять ханский престол. Однако, переворот, совершившийся в мае 1531 года, доставил престол не ему, а Джан-Али. Шах-Али был вызван в Москву, где прожил несколько более года, но оказался неприятным для двора и был удален из Москвы: в сентябре 1532 года ему были даны в управление Кошира и Серпухов, куда он и должен был немедленно выехать³⁾.

Шах-Али был недоволен тем, что престол достался Джан-Али, а не ему, и что Касимовского удела он также не получил. Бывший хан начал тайные переговоры с Казанью, надеясь на поддержку там своей кандидатуры— „учал ссылатися в Казань и в иные государства без великого государя ведома“⁴⁾. Для бдительных агентов русского правительства эти сношения не остались тайными, и Шах-Али был уличен в нарушении договора, связывавшего „служилых“ татарских царевичей с великим князем Московским: удельные властители были лишены права вести самостоятельную иностранную политику, и вся их дипломатическая переписка должна была прочитываться Посольским приказом.

¹⁾ Зап. о Моск., с. 196-198.

²⁾ Зап. о Моск., с. 141.

³⁾ П. С. Р. Л. VIII, 280.

⁴⁾ П. С. Р. Л. VIII, 281.

В январе 1533 года Шах-Али был арестован, лишен Коширы и Серпухова и вместе с женой—царицей Фатимою—сослан под конвоем на Белоозеро. Не ограничившись этим, русское правительство произвело страшный разгром среди людей, состоявших на службе у Шах-Али. Огланы, мурзы, князья и другие лица, находившиеся при бывшем хане, были вместе с женами и детьми арестованы и разосланы по тюрьмам в Тверь, Псков, Новгород, Орешек (Шлиссельбург) и Карелу (Кексгольм). Русские летописцы сохранили грустный рассказ о дальнейшей судьбе этих несчастных. В Пскове „того же (1535) лета, месяца июня в 26 день посадиша татар царя Шигалея людей 73 в тюрьму, в Середнем городе под Бурковским костром (башнею) от Великие реки, на смерть, и малых деток 7 в том же числе, и ти изомроша в день и в нощь, и выкидаша их вон, а восемь живы оставася в тюрьме, ни поены, ни кормлены на многи дни, а тех прибиша; а катуней (жен) посадиша в иную тюрьму, легчае и виднее, у Трупеховых ворот к Василью Святому, на горку“¹⁾. Что значит выражения „посадиша на смерть“ и „ти изомроша в день и в нощь“, видно из более краткой записи, имеющейся в другой псковской летописи: „Того же году татарок крешиша; а мужей их утушили (удушили) в тюрьме 72 человека“²⁾. Жутко веет от этих слов летописца. Посадили в тюрьму 73 человек „и малых деток 7 в том же числе“, а затем в течение суток произвели в тюрьме ужасную бойню—всех их задушили „и выкидаша их вон“; уцелевших 8 человек морили жаждой и голодом в течение нескольких дней и, не сумевши заставить их умереть, убили...

В Новгороде происходило то же: „Бысть их в Новегороде восемьдесят и более, и пометаша их в тюрьму; они же, по своей скверной вере, в пять дней все изомроша, также и во Пскове семьдесят вскоре изомроша“³⁾. Пощажен был один татарин Хасан, еогласившийся креститься в православную веру. Для женщин русское правительство приготовило другую участь: „Тоя же зимы (1536 г.), по Крещении Господни, архиепископ Великаго Новагорода и Пскова владыка Макарий приехал во Псков на 4-ый год, и упроси у великого князя Ивана Васильевича всея Русии и у его матери великой княгини Елены, у вдовы, на свое бремя татар Шигалея людей и жен, кои сидели в тюрьмах в Новегороде и в Пскове, и подаваше их священником и повеле их крестити во християнскую

¹⁾ П. С. Р. Л. IV, 300—301.

²⁾ Псков. Погод., 187, цит. Вел.—Зери. I, 283.

³⁾ П. С. Р. Л. VI, 297.

веру; и бысть радость велия в людех о новокрещеных, и начаша их священники давати замуж, а оне к вере христианстей добры быша¹⁾). Другой летописец—едва ли не сам виновник этого насильственного крещения—прикрыл все это дело лицемерно-благочестивыми фразами: „Онех прежереченных татар жены же их видевше мужей своих, по своей скверной вере, скорую и нужную (принудительную) смерть и погибши же душею и телом, они же яко от злого сна воспрянувше и начаша приходяща молитися боголюбивому архиепископу Макарию, просити святаго крещения... А кресташася числом в Великом Новегороде жен 43, а детей 36, а во Пскове крешиша жен и детей 50 и един, в Орешке 12, а в Кареле 30; и се елико множество душ избыша козни лукавого диавола и познаша святую православную веру!“²⁾). Это крещение происходило в тот момент, когда Шах-Али был уже на свободе. Несчастных татарок, по инициативе архиепископа Макария, было приказано выпустить из тюрем, но тотчас же крестить и выдать замуж за русских. Поэтому слишком осторожными кажутся предположения проф. Вельяминова-Зернова: „Быть может, тогда было разрешено им, в знак особой милости, креститься, или же вдовы и сироты казненных лиц, не предвидя другого исхода своим бедствиям, решились сами принимать христианскую веру“³⁾. Всего было казнено по процессу татар Шах-Али не менее 200 человек. Поразительна та жестокость, с которой русское правительство произвело расправу над арестованными. Тяжесть репрессий над татарами настолько не соответствовала обвинению Шах-Али, что не подлежит никакому сомнению, что возбужденному делу придавалось какое-то особенное политическое значение. Так печально окончилось дружественное покровительство Василия III, проявлявшего прежде почет и внимание к Шах-Али; разгром служилых татар внутри русского государства, разумеется, не мог способствовать усилению Московского великого княжества.

Шах-Али, сосланный на Белоозеро, находился под арестом около 3 лет. Вольяминов-Зернов справедливо отметил: „Эпоха эта была самая тяжелая в жизни Шах-Алия. Если не ему самому, то его татарам, которые были заключены с ним в опалу, привелось

¹⁾ П. С. Р. Л. IV, 301.

²⁾ П. С. Р. Л. VI, 299.

³⁾ Вел.-Зерн. I, 285.

вытерпеть много горя" ¹⁾). Улучшение в судьбу Шах-Али было внесено переменой на казанском престоле с убийством его брата Джан-Али. Шах-Али оказался единственным кандидатом со стороны партии, сочувствовавшей союзу с Россией. Мысль об освобождении его из-под ареста подали казанские эмигранты, приехавшие тогда в Москву; они заявили — „Государь бы нас пожаловал, Шигалею бы царю гнев свой положил и к себе бы ему велел на Москву быти; и коли будет Шигалей у великого государя на Москве, и мы со-вокупимся с своими советники, кои в Казани, и тому царю крымскому в Казани не быти" ²⁾). Правительство Елены Глинской пашло это целесообразным, и по постановлению боярской думы Шах-Али был освобожден в декабре 1535 года. В Москве состоялся официальный прием хана и царицы Фатимы великим князем и регентшей, но далее дело не двинулось, так как в Москву прибыло посольство от князя Сафы и заключило договор с русским правительством. Шах-Али получил в управление свой прежний Касимовский удел. В качестве претендента на казанский престол он участвовал в русских походах против Казани: в 1537 году он был в штабе русской армии во Владимире, в 1540 году действовал против казанцев на Муромском направлении, в 1541 году был вновь на сборном пункте русских войск во Владимире. В 1543 году Шах-Али владел Коширой (может быть, вместе с Касимовым). При вторичном вступлении на казанский престол Шах-Али был в возрасте 35 лет.

„Казанский Летописец" сообщает интересные сведения об условиях, заключенных казанским правительством с Шах-Али при избрании его на престол в 1546 году: „Поиде с казанскими воеводы на царство ...не просто же, но на вере и роте", т. е. по договору и присяге. Условия перечислены следующие: 1) „да не убиен будет от них", 2) „тако же они от него разгневаны да не будут, никакой же вины прошлыя не мстити", 3) „да идет к ним не в величай силе" ³⁾). Таким образом, хан не должен был вводить с собою в Казань иностранного гарнизона и обязывался не мстить и не преследовать за прежние вины, а казанцы гарантировали ему личную безопасность. В общем, условия сводились к взаимному обеспечению личной неприкосновенности. Заключение подобного договора представляется весьма вероятным.

¹⁾ Вел-Зери, I, 282.

²⁾ Ц. К., с. 52.

³⁾ П. С. Р. Л., XIX, 51.

Составитель „Казанского Летописца“ довольно отчетливо характеризует вновь наступившее русское засилье в Казани, когда сообщает, что хан двинулся в свою столицу, не взявши с собою ни большого войска, ни артиллерии, ни русских стрельцов: „не взя с собою царь ни силы многия, ни стенобитного наряду, ни огненных стрельцов“—он взял с собою только 3000 касимовских татар и 1000 русских солдат под начальством воеводы, которые должны были охранять его особу и составлять хансскую гвардию; посол великого князя должен был совершить церемонию возведения на престол. Разумеется, эта свита являлась прямым нарушением только что заключенного договора, по которому Шах-Али обязался „да идет к ним не в велицей силе“, и летописец разочарованно сообщает, что вместо 4-тысячного войска казанское правительство позволило хану ввести в столицу лишь 100 касимовских татар. Русского воеводу, начальника ханской гвардии, совсем не пустили в Казань, а послу отвели квартиру не в крепости, а в посаде, хотя оставили его на свободе—„не брежаху: да како хощет“¹⁾), однако, ездить к хану ему было запрещено. Очевидно, правительство сената Беюргана, князя Кадыша и Чуры Нарыкова, представлявшее русскую партию, не утратило своего национального самосознания и, держа русских в известных границах, смотрело на союз с Москвой лишь как на неизбежную необходимость, но не питало какой-либо сердечной привязанности к соседнему государству.

Хан прибыл в Казань по полой воде, и церемония возведения на престол была совершена 13 июня в присутствии русских послов. С официальным извещением о воцарении хана в Москву был командирован мурза Чапкун Огучев, затем к русскому правительству было отправлено посольство в составе оглана Аллах-Берды, князя Тевекеля и бақши—сына муллы Агиша (Агиш-молла-заде).

Автор „Казанского Летописца“, недовольный правительством сената Беюргана за то, что оно не пустило в Казань русского гарнизона, постарался изобразить Шах-Али в положении пленника в каком-то стане разбойников: „И бысть тогда в Казани царь един, в лето 7054, не яко царь, но яко пленник изыман и крепко брегом, и не испушаху его из града гуляти со своими его никакоже... и в царское место власти смиряющиеся пред ними, и повиновавшиеся, и ни в чём же им пререковаше, и славны пиры на них творяще по вся дни, и дарове им подаваше, не царствовати уже хотя, но тем

¹⁾ П. С. Р. Л. XIX, 286.

некако хотя от смерти горькия избыти¹⁾). Рассказ полон наивных подробностей: „Они же царскую честь и дары и смирение ни во что же вмениху, но и сосуды его сребряные и златые, расставленные пред ними на столах, разграбляху, сердце его раздражающе, злии, даром, что им речет и они вскочивше ту и рассекут мечи, аки сыроядцы звери, его овча или козлы расторгнут“²⁾). Религиозный летописец не отказал себе в удовольствии сочинить даже следующий вымысел: „И ведев се царь, от казанцев неизбытною бедою одержима, и тужаще, и плакаше, и таи бога небесного моляша по вере своей, *но и русских святых на помочь призываše*, и мыслише, како свободитися от напрасныя смерти“³⁾). В заключение идет сентенция: „Но царская смерть без ведома божия не бывает... никто же может от человек убити до уреченнего его дни“⁴⁾).

Если отбросить все эти фантастические подробности, все же остается впечатление крайней слабости правительства: Шах-Али продержался на престоле всего 1 месяц⁵⁾). Хан Сафа-Гирей успел заключить договор с Ногайским правительством, получил в свое распоряжение значительный воинский отряд и сделал попытку вернуть себе казанский престол. Бессильное правительство Шах-Али не смогло оказать ему никакого сопротивления, и русской партии пришлось, по всей вероятности, пожалеть о том, что 4-тысячная гвардия Шах-Али в свое время не была впущена в город.

Беззащитному хану пришлось бежать из Казани, и русское правительство, получивши сообщение об этом, в течение долгого времени не знало его местонахождения: его ждали либо с казанской границы, либо из Вятки, так что встречать его были посланы гонцы в разные стороны. Оказалось, что Шах-Али бежал из Казани вниз по Волге на судах; на Волге ему удалось встретить касимовских татар и на их лошадях добраться до русской границы. Он поселился в Касимове.

В Казань беспрепятственно вступил хан Сафа.

Сафа-Гирей. Утамыш-Гирей. Регентство Сююн-Бике. Правительство оглана Кучака. По справедливому замечанию Н. П. Загоскина, „новое царствование открылось террором“⁶⁾). Казнены были князь Чура Нарыков, князь Кадыш, князь Баубек и другие сторонники союза

¹⁾ П. С. Р. Л. XIX. 287.

²⁾ П. С. Р. Л. XIX. 287.

³⁾ П. С. Р. Л. XIX. 288.

⁴⁾ П. С. Р. Л. XIX. 288.

⁵⁾ Царств. Книга, с. 123.

⁶⁾ „Спутник по Казани“, с. 61.

с Россией¹⁾). В сентябре в Москву прибыла партия эмигрантов—князья Кулыш, Терегул, Бурнаш, братья Нарыковы и другие, в числе 76 человек. Новое правительство составилось из крымских татар.

Партия сторонников союза с Россией, работавшая непрерывно с 1531 года, в течение 15 лет, оказалась разгромленной. Восточная партия, удерживавшая власть в течение 10 лет, с 1535 по 1545 г., вернула себе преобладание. Политика русской партии потерпела крушение, кружок царевны Ковгоршад и князей Булаты Ширин и Чуры Нарыкова окончил свое существование. Если когда в Казани происходила ожесточенная борьба, так это именно в промежуток от 1530 по 1546 год. Из борьбы вышли победителями сторонники союза с Турцией, а не с Россией. Коалиционное правительство, существовавшее 10 лет, рухнуло в 1545 году; репрессии хана Сафы по отношению к князю Булату повлекли за собою падение восточной партии, но после двукратных попыток она вернула себе власть, и в результате победа осталась за фанатически настроенными националистами.

В ответ на реставрацию хана Сафа-Гирея русское правительство предприняло небольшой набег на казанские земли—воеводы доходили до устья Свияги, разграбили и сожгли ряд селений—„Казанские места многие повоевали и привели к Москве сто человек черемисы“²⁾, но напасть на Казань не решились. Между Казанским ханством и русским правительством восстановились добрососедские отношения, какие были и во второе царствование хана Сафа-Гирея. В марте 1549 года хан Сафа-Гирей скоропостижно скончался. Он имел всего 42 года и был в расцвете сил и здоровья. По поводу неожиданной смерти составитель „Казанского Летописца“ не преминул сочинить целую басню: „И царствова два лета, изверже окаянную свою душу вон от себе. Оле судеб божиих! Его же меч и копье не уби—а многажды на рати смертные раны возложаху и на—той же пиян, руце свои и лице и нози умывая, напрасно запеня погама своим, и ударися во умывальный теремец главою своею, и заразился весь о землю, и вся составы тела его расслабеша, не успевшим предстоящих ему ухватити. И от того умре того же дни, рече сие: яко кровь христианская уби мя“²⁾). Если откинуть вымышленные подробности, мы имеем дело со скоропостижною смертью: с ханом

1) Царств. Книга, с. 126.

2) Царств. Книга, с. 126.

произошел внезапный удар, и он быстро скончался. Вымышленная бытоваia деталь—упоминание о том, будто хан споткнулся от того, что был пьян—должна быть приписана тому излюбленному автором „Казанского Летописца“ насмешливо-злому тону, с каким он постоянно изображает несчастия и неудачи казанцев, и потому отнесена к области фантазии.

Крымский историк XVII века Мустафа аль-Дженнаби дал следующую оценку деятельности покойного хана: „Сафа-Гирей хан был одним из величайших и могущественнейших государей. Правил он в продолжении 27 лет; в его время государство благоденствовало, и под защитою его победоносного оружия владения процветали“¹⁾.

Со смертью хана Сафа-Гирея на очередь стал вопрос о престолонаследии. У хана было несколько жен. В переписке кн. Юсуфа Нагайского с русским правительством упоминается о женах хана Сафы, которые зимовали в 1546 году в ногайских улусах²⁾. Одна из жен была дочерью Шейх-Мамая Ногайского, и в 1535 году она возвратилась с мужем в Казань³⁾. Другая жена была вдова Джан-Али, царица Сююн-Бике, dochь Юсуфа Ногайского. Еще одна из жен хана Сафа-Гирея, на которой впоследствии (в 1551 г.) женился хан Шах-Али, упоминается в „Царственной Книге“⁴⁾. Составитель „Казанского Летописца“ перечисляет 5 жен хана Сафа-Гирея, но трудно решить, насколько этот список правдоподобен: тут мы не видим дочери Шейх-Мамая, но видим и царевну сибирскую, и царевну астраханскую, и крымскую княжну из рода Ширии, и русскую плениницу—„дщерь некоего славного князя“, умершую в Казани в третье царствование Сафа-Гирея; последнюю названа Сююн-Бике.

По смерти Сафа-Гирея у него осталось несколько сыновей, из которых трое было взрослых и один младенец—сын Сююн-Бике. Два взрослых церевича, Мубарек и Булюк, жили в Крыму при дворе хана Сагиб-Гирея; один—сын русской плениницы—не имел права на ханский престол; младший, Утамыш, родился в 1546 году. Вопрос о престолонаследии был довольно запутан. Если верить „Казанскому Летописцу“, не обошлось без борьбы и соперничества различных придворных влиятельных: „И по смерти цареве восста брань велика в Казани, в вельможах его крамола и губительство зло: не хотят бо казанцы меньшии больших слушати и покорятися им, коим царство-

¹⁾ Рукопись Авиат. Музей Ак. Наук № 528, л. 450, пис. Вел.-Зерв. I, 374.

²⁾ Прод. Др. Рос. Вивл., VIII, 274.

³⁾ И. С. Р. Л. VIII, 277; Никон VI, 242; Лв. III, 408; IV, 62, 63.

⁴⁾ Царств. Книга, с. 197—199.

приказано быть берещи; все бо творяхуся велики; властовати в Казани хотяху, за сие друг друга убиваше, ини же убежаху из Казани к Москве, на имя царево самодержцево, служити ему¹⁾.

Мухаммед-Риза в „Ассеb-о-ссейяр“ сообщает, что по смерти хана Сафы казанцы послали в Крым предложить престол сыну Сафы царевичу Булюку Гирею, но что хан Крымский Сагиб не согласился отпустить царевича и заключил его в тюрьму²⁾. Мухаммед-Риза добавляет, что хан Сагиб сообщил в Константинополь о предложении казанцев. Целью хана Сагиба, по словам Мухаммеда-Ризы, было то, чтобы султан Турецкий назначил ханом в Казань жившего тогда при оттоманском дворе Даулет-Гирея, сына Мубарека Гирея и внука Менгли-Гирея. Сагиб боялся Даулета и думал погубить его, когда он прибудет в Крым, проездом в Казань. Уловка хана Сагиба была, по словам Мухаммеда-Ризы, одной из причин его собственной гибели. Султан, уже сердитый по различным причинам на хана Сагиба, действительно назначил Даулета ханом Казанским, по только для вида; в действительности же определил его ханом Крымским. Даулет прибыл в Крым и сверг хана Сагиба³⁾. Русские источники также упоминают, что по смерти хана Сафы казанцы „в Крым послали многих послов просити помочи—сверстного царя“, и одно из таких посольств—„Урак с товарищи“—было перехвачено русскими⁴⁾.

Таким образом выходит, что после смерти хана Сафы на престол был избран царевич Булюк, живший в Крыму, но хан Сагиб не дал согласия на эту кандидатуру и испросил у султана Сулеймана назначения на казанский престол царевича Даулета, жившего в Константинополе. Царевич Булюк был арестован и заключен в Инкерманскую крепость. События эти подробно изложены крымским историком XVIII в. Сеид-Мухаммедом Ризой: „Сахыб-Герай знал, конечно, по опыту, что всякий член их Герайского дома, проживающий в Порте на пенсии, в сущности, есть соперник царствующего хана и кандидат в преемники ему. Во время его ханствования там находился племянник его Девлет-Герай, уехавший в Стам-

1) П. С. Р. Л. XIX, 56.

2) Семь Планет, стр. 94, цит. Вел. Зерн. I, 236.

3) Цит. Вел.-Зерн. I, 237.

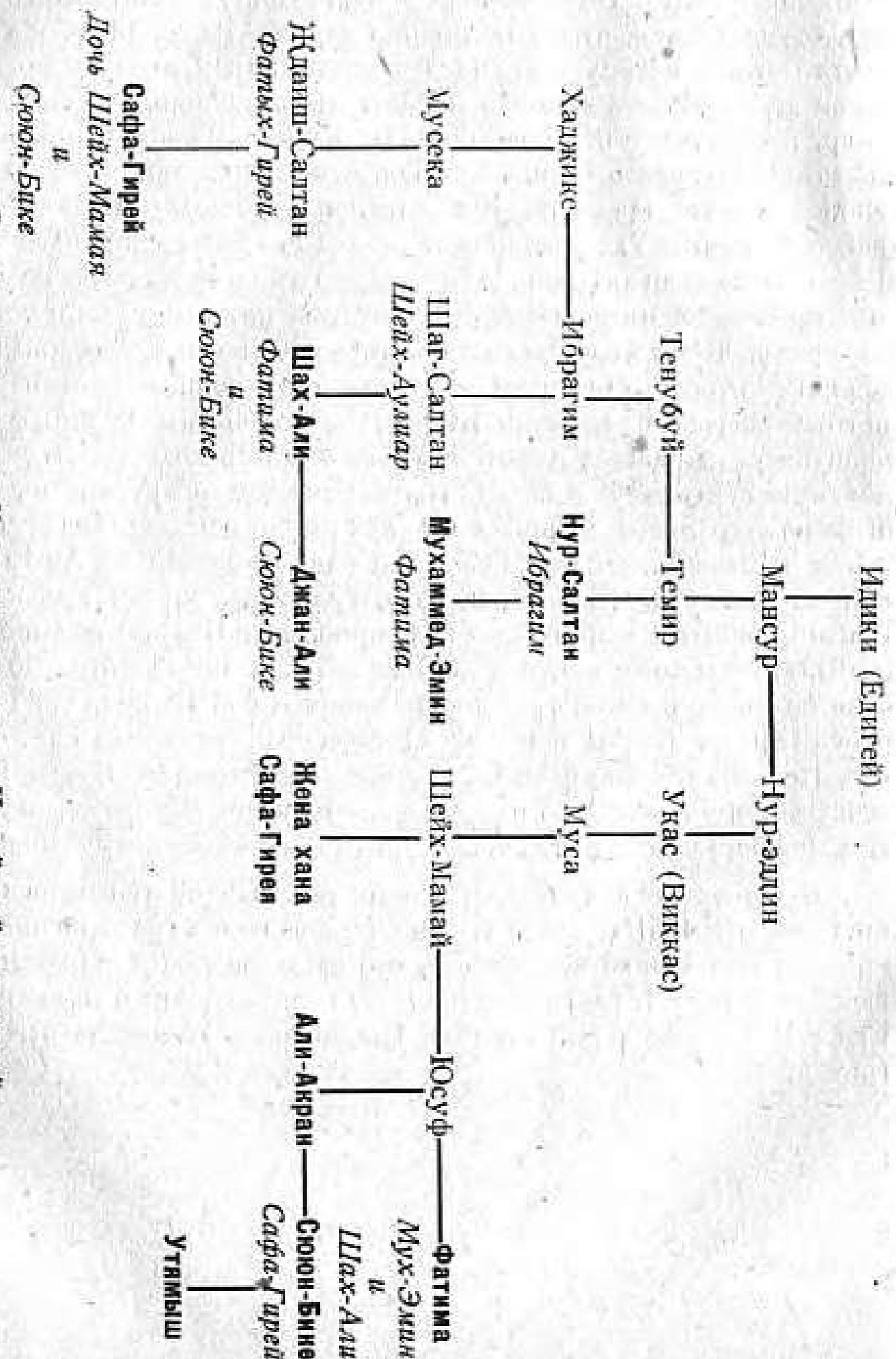
4) Царственная Книга, с. 151.

был с вотчимом и дядей своим Се'адет-Гераем. Он пользовался расположением султана. Сахыб-Гераю нужно было удалить этого человека оттуда, с тем, чтобы потом при случае, может быть, и совсем извести его, и потому он вошел с ходатайством в Порту о назначении Девлет-Герая ханом в Казань, ибо тамошний хан Сафа-Герай умер, а сыновей его Булюк-Герая и Мубарек-Герая, вопреки ходатайству казанцев о назначении первого из них ханом, заключил в Инкерманскую крепость. В Порте поняли уловку Сахыб-Герая и воспользовались ею, как средством для его собственной погибели. Ему был послан ферман, в котором изъявлялось согласие на его ходатайство о назначении Девлет-Герая казанским ханом, а в то же время, чтобы его самого удалить из Крыма, был послан другой ферман, которым ему предписывалось итии войною против мятежного черкесского племени Жанэ. Хан, довольный успехом своих политических планов, двинулся со всею татарскою ордою чрез таманскую персправу в поход. В то время Девлет-Герай, назначенный на его место ханом, идет как-будто для занятия ханского трона в Казани... Девлет-Герай на одном корабле из Ак-Кермана прибыл в Гёзлев (Евпаторию) и оттуда на лошадях прискакал в Бакчэ-Сарай; а на другом корабле пришел в Балаклаву Кан-бирды (его агент) и тоже приехал в Бакчэ-Сарай, предварительно выпустив из инкерманской тюрьмы сидевших в ней Булюк-Герая и Мубарек-Герая... Потом и войска Сахыб-Герая изменили ему; сам он предательским образом был задушен мстительным Булюк-Гераем собственоручно"...¹⁾ Впоследствии царевич Булюк „был убит собственоручно Девлет-Гераем по самому ничтожному поводу“²⁾.

Воцарение хана Даулета в Крыму и убийство хана Сагиба произошло в 1551 году. В Казани не дождались разрешения этого кризиса: как только выяснилось, что сюда не приедет царевич Булюк, в том же 1549 году ханом был провозглашен сын царицы Сююн-Бике, маленький Утямыш. Царица была об'явлена регентшей государства.

¹⁾ Семь Планет, 94—95; Краткая История, л. 35—36 в.—цит. Смирнов, „Ист. Крым. ханства“ с. 420—422.

²⁾ Смирнов „Ист. Крым. хан.“, с. 423.

Родственные связи Казанских ханов с Ногайской династией

Сююн-Бике

и

Сафа-Гирей
Дочь Шерх-Мамая

Утамыш

Правительство сформировалось в прежнем составе—из крымских татар. Во главе его стал оглан Кучак (Кошак)—начальник крымского гарнизона, составлявшего ханскую гвардию при хане Сафе. Соединение в одном лице высшей должности в государстве с командованием ханской гвардией является весьма характерным для эпохи регентства царицы Сююн-Бике: новое правительство опиралось на вооруженную силу, говоря по-современному—„на штыки“. В государстве, повидимому, не было таких слоев, которым правительство могло бы вполне доверить и найти в них поддержку.

Составитель „Казанского Летописца“, несмотря на свое благочестие, не преминул вставить в свое произведение особую главу „О любви блудной со царицею улана Кошака“, в которой развил мысль, что Кучак был фаворитом царицы-регентши¹⁾. Есть основания не доверять этому сообщению, и в нем легко можно видеть не исторический факт, а обычный вымысел автора, обладавшего неистощимой фантазией. Трудно думать, что царица Сююн-Бике призвала к власти своего фаворита. Скорее всего, Утамыша провозгласила ханом именно ханская гвардия, и Кучак вручил власть царице Сююн-Бике, а не получил ее от царицы. Крымцев приблизил к престолу еще хан Сафа в 1546 году, и теперь власть оставалась за ними. Понятным становится избрание в ханы царевича Булюка, жившего в Крыму. Когда это не удалось, крымская гвардия провозгласила ханом малолетнего Утамыша, чтобы сохранить свое положение. Правление Сююн-Бике было естественным продолжением царствование хана Сафы, опиравшегося на крымцев; только тогда государство возглавлялось энергичным ханом Сафою, а теперь—двухлетним Утамышем, т. е. значение крымцев еще более возросло. В Казани оказалось правительство, составленное из иностранцев.

То обстоятельство, что правительство имело военный характер, вполне оправдывалось опасностью, угрожавшею государству. Казанцы имели основания ожидать нападения со стороны России, и в этот момент было особенно необходимым возрождение военной мощи Казанского ханства. Но беда была в том, что последнее правительство хана Сафы, принявшее исключительно военный характер и передавшее этот характер в еще большей степени правительству Сююн-Бике, опиралось не на местное, а на наемное, иностранное войско. Засилье иностранцев всегда неприятно для населения, военный режим всегда бывает тяжелым, и новое правительство не было популярным в стране.

Правительство сформировалось в июне 1549 года, и в Москву было отправлено с послом Бақшандой официальное извещение о воцарении Утамыша. Русское правительство в это время было охвачено самыми воинственными намерениями. Еще в последний год жизни хана Сафы русские пытались произнести нападение на Казанское ханство, но эта попытка потерпела полную неудачу. Только что об'явленный совершеннолетним и провозглашенный царем Иван IV в конце 1548 года начал зимний поход против казанцев. Вдохновителем этого похода, как и дальнейших, был митрополит Макарий—тот самый, который, будучи архиепископом Новгородским, в 1536 году крестил татарок, сидевших в тюрьме; русские источники говорят, что царь „умыслил поход вместе с митрополитом“¹⁾—молодой государь был проводником тех широких замыслов, которые возникали у митрополита Макария.

Приготовления к походу, по русскому обыкновению, запоздали, и царь выступил из Владимира в Нижний лишь в январе, а далее двинулся с артиллерию по Волге 2 февраля, но прошел только 2 дня и достиг лишь Работок: „Некоим смотрением божиим прииде теплота велика, и мокрота многая, и весь лед покры вода на Волзе и пушки, и пищали многие провалияшися в воду, многаа бо вода речная на лед наступи, и никакож по леду никому поступити не возможно; и многие люди в продушинах потопоша, занеже под водою продуши не знати“²⁾). Русская армия стояла в Работках 3 дня, „ожиная путного шествия“, но впереди предстояла весна, и полководцы решили возвратиться обратно. 10 февраля царь вернулся в Нижний, а 7 марта—в столицу. Более удачными оказались действия южного отряда, днинутого из Касимова Шах-Али и В. Воротынским: Южный отряд соединился с царской рехотой при устье Цивили и достиг Казани, но войско, конечно, не могло достигнуть никаких результатов без артиллерии, возвратившейся в Нижний. Русские, стояще сколько града (Барани сень днеb; воюи), взяли т. пись богатырь Хаджисса, по принуждены были вернуться в Россию. Так неудачно окончился первый поход Иоанна IV на Казань, организация похода оказалася совершившою беспроводной.

На следующую зиму русское правительство организовало снова поход—на этот раз уже против Угамыча и Сюри-Бике. Поход начался 14 января 1550 года выступлением армии из Нижнего-

1) Царств. Книга, с. 345.

2) Доброт. Книга, с. 146—147.

Новгорода. В походе участвовали Шах-Али и астраханский царевич русской службы Ядыгар. Как и в прошлом неудачном походе, правительство заставило принимать личное участие самого царя, присутствие которого в армии должно было поднимать воинственный дух. 12 февраля русские достигли Казани и начали осаду, причем были убиты из пушек царевич—сын хана Сафы¹⁾ и крымский князь Челбак, но опять началась ранняя весна—дожди по вся дни бываши, и теплота, и мокрота великая; речки малые попортило, а иные и прошли²⁾. Оттепель и распутица заставили русских прекратить начавшуюся осаду, и 25 февраля царь отступил от Казани. Поход был затеян крайне неудачно для русских и при громадных затратах не принес им никакой выгоды. Однако, и казанцы не сумели воспользоваться удобным случаем нанести удар русскому войску: исприятельская армия была слишком большой, а крымская гвардия—малочисленной. Казанцы только оборонялись, но не наступали и не преследовали врагов.

Отразив нападение, правительство Сююн-Бике и оглана Кучака спокойно управляло страной в течение года. Кризис наступил в 1551 году: русское правительство, наученное неудачами двух последних походов, перешло к новой системе. На этом кончается обычный ход истории Казанского ханства. Начинается новый период—падение ханства. Ему мы посвятим особую главу, теперь же попробуем подвести некоторые итоги трем первым периодам.

Из договоров, которыми заканчивались русско-казанские войны, видно, к чему стремились воевавшие стороны. В момент наибольшего военного могущества Казанского ханства, в 1445 году, казанцы ограничились наложением дани на русское государство; в 1521 году также Москва обязалась платить дань „по уставу древних времен“, т. е. так, как это было со временем хана Бату. Да и в эпоху наибольшего расцвета татарского ига супернитет татар над Россией ограничивался взиманием дани; татары никогда не посягали ни на политическую автономию русского государства, ни на власть русских князей, ни на их военную организацию, ни на религию, ни на язык. Казанское правительство в эпоху Улу Мухаммеда стремилось лишь к установлению данической зависимости Москвы от Казани и к наделению уделами татарских царевичей; последняя тенденция с течением времени уничтожилась.

¹⁾ Повидимому, от русской пленницы.

²⁾ Царств. Книга, с. 157.

Равным образом, и Россия стремилась также к немногому. При Иване III—к признанию своей независимости и политического равенства между обоими государствами. Русское правительство постоянно стремилось обеспечить добрососедские, союзные отношения между ханством и русской землей, а также—выручить из рабства русских людей, попавших в неволю и бывших предметом широкого сбыта на азиатские рынки. Претензии носили чисто экономический характер. Позднее, при Василии III, явилось желание формально установить суверенитет над ханством Казанским—то самое, к чему стремились казанцы по отношению к русским. Но к замене ханской власти властью русского государя русское правительство не стремилось. В 1530 году московские дипломаты заявили казанцам: „Государь наш велел вам говорить: только бы тот царь был нам послушен, да была бы в нем правда, и мне его чего ради не хотели на Казани?“¹⁾ Свои претензии на суверенитет над Казанью русское правительство впервые попыталось обосновать „правом“ завоевания в 1537 году, но и теперь оно не думало об уничтожении Казанского ханства: в 1546 году провозгласило ханом Шах-Али. О присоединении Казанского ханства к русскому государству, в качестве его непосредственной части, не было речи ни при Иване III, ни при Василии III, ни в малолетство Ивана IV. Русское правительство заявляло лишь о своем суверенитете над ханством, которое мыслилось вполне автономным, с ханом во главе. Передом в идеологии московского правительства наступает позднее.

Таким образом, правительство Казанского ханства никогда не стремилось к завоеванию русского государства; оно стремилось лишь к установлению диплических отношений между Москвой и Казанью. Так было в первом периоде истории Казанского ханства, при ханах Мухаммеде, Махмуде, Халиле и Ибрагиме, а в третьем периоде при ханах Сагибе и Сафе, так было и в моменты наиболее полного торжества казанцев над русскими, когда великий князь находился в пленау казанского хана, и когда казанское войско стояло у ворот русской столицы. Во втором периоде при Мухаммеде-Эмине и Шах-Али и в третьем периоде при Джан-Али и Шах-Али казанское правительство отказывалось и от своих претензий на взимание дани с русской земли и признавало полное равенство двух государств. Русское правительство до конца 1540-х годов также не стремилось к

¹⁾ П. С. Р. Л. VIII, 275.

уничтожению Казанского ханства; оно желало сначала — признания своей независимости от Казанского ханства, затем — признания верховной власти русского государя над ханом Казанским.

В одинаковой степени войны между Казанью и Москвой с обоих сторон нельзя назвать завоевательными. Казанское правительство трижды совершило вторжения во внутренние области русского государства — в 1439, 1445 и 1521 годах, но все эти походы совсем не имели в виду присоединения русской территории к Казанскому ханству. Русское правительство предпринимало большие продолжительные походы к Казани 5 раз — в 1469, 1487, 1506, 1524 и 1530 годах (мы не считаем малых походов 1478, 1523 и 1545 годов, не состоявшегося похода 1537 года, а также кратких походов Ивана IV в 1549 и 1550 годах), и эти походы также не имели в виду присоединения Казанского ханства к русскому государству.

Обычно с основанием Васильсурска соединяют начало завоевания Казанского ханства. С. М. Соловьев писал: „Василий, построив Васильсурск, сделал первый шаг к совершенному покорению Казанского ханства, сын его Иоанн, как увидим, построением Свияжска сделает второй, третьим будет взятие самой Казани”¹⁾. В новейшей литературе имеются следующие указания: „В Москве XV—XVI в. нас поражает еще одна черта государственной техники, напоминающая приемы древне-восточных держав. Подобно завоевателям ассирийским и персидским, московские строители имели обыкновение подготовлять занятие новой территории постройкой грозной крепости на краю границы или даже на самой вражеской земле. Так Иван III в 1492 г. выстроил Ивангород против Нарвы, подготавливая завоевание финского побережья, к которому приступил его внук, Грозный, 66 лет спустя. Пресемники Ивана III таким же приемом подвигаются к Казани. Василий III строит Васильсурск, Иван IV — Свияжск”...²⁾) Для нас составляет еще вопрос, имело ли основание Ивангорода наступательное, а не оборонительное значение. Что же касается Васильсурска, то старое мнение, будто он явился первою базою к завоеванию Казанского ханства, следует решительно отклонить. То, что справедливо по отношению к Свияжску, не может быть отнесено с тем же основанием к Васильсурску. Васильсурск никогда не был военною базою, и значение его в русских походах совершенно ничтожно. Цель его основания была тою же,

¹⁾ Ист. России, с. 1636.

(Виппер „Иван Грозный”, стр. 16.)

что и при основании правительством Елены Глинской ряда крепостей вдоль казанской и крымской границы—Буя, Балахны, Мокшанска и Пронска: правительство хотело обезопасить себя от внезапного нападения, и Васильсурск был пограничным форпостом на Волге, не больше. Ему придавалось оборонительное и наблюдательное, а не наступательное значение. Самая мысль о завоевании территории Казанского ханства была в то время настолько чужда русскому обществу, что захват клочка казанской земли при построении Васильсурска вызвал серьезное возмущение в Москве против Василия III, и только один митрополит Даниил, глава русского духовенства, осторожно развивал действительно завоевательные замыслы, остававшиеся для большинства непонятными. Применение той техники, о которой говорилось проф. Вишнером, началось в действительности позднее, при Иване IV, и первым случаем ее применения было именно построение Свияжска, а не Ивангорода и не Васильсурска.

Из 13 войн между Москвой и Казанью, в 7 случаях инициатива войны исходила от русских (1467, 1478, 1487, 1530, 1545, 1549, 1550 г.) и в 6 случаях—со стороны казанцев (1439, 1445, 1505, 1521, 1523 и 1536 г.). Таким образом, обвинять Казанское ханство в завоевательных замыслах против России нельзя. Россия была не менее, чем Казань, повинна в тех войнах, которые возникали в Поволжье.

Военная история Казанского ханства распадается на следующие периоды:

I период (1438—1487 г.)—1) царствование Улу Мухаммеда, походы 1439 и 1445 годов, 2) мирный период—царствование ханов Махмуда и Халиля, 1446—1466 г., 3) царствование Ибрагима и Али, оборонительные войны 1467—69 г., 1478 и 1487 г.

II период (1487—1521 г.)—мирный период, царствование Мухаммеда-Эмина, Абдул-Латыфа и Шах-Али (эпизодическая вспышка войны лишь в 1505—1507 г.).

III период (1521—1550 г.)—1) царствование Сагиба и Сафы, наступательные войны 1521 и 1523—24 г., 2) период партийной борьбы, царствование Джан-Али, Сафы, Шах-Али и Сафы, войны 1530, 1536 и 1545 г. 3) начало русского наступления, походы 1549 и 1550 г.

В I периоде государство было сильным и могущественным, во II периоде преобладали торговые интересы, которые связали страну с русским Поволжьем и поставили государство под иностранный протекторат; III период—период роста национального самосознания, фанатизма и патриотизма. Затем начинается натиск извне, и государство гибнет под ударами иностранных завоевателей.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

✓ Падение Казанского ханства (1551—1556 г.).

Завоевательная политика русского правительства. Мы видели, что до конца 1540-х годов русская политика по отношению к Казанскому ханству не имела территориально-завоевательного характера. В конце 1540-х годов совершается перелом, и русское правительство приходит к мысли о территориальном завоевании Казанского ханства, о включении его в состав русского государства. Соответственно этому, изменяется вся схема русско-казанских взаимоотношений, и для русских начинается настоящая завоевательная, империалистическая война.¹ Неудачные походы 1549 и 1550 годов были первыми, неумелыми шагами на этом пути, но они не смогли нарушить обычного хода казанской истории и направить ее по новому руслу. Первые военные неудачи не охладили завоевателей; русские специалисты вырабатывают рациональный план новой кампании, государственные деятели готовят присоединение ханства к России, разрабатывают проект управления новой частью русского государства. Для казанского народа начинается борьба за независимость, для Казанского государства — борьба за существование. С того момента, как русское правительство сумело подготовиться к предстоявшей борьбе и создать действительную угрозу Казанскому ханству, начинается последний период истории ханства.

Корни завоевательных замыслов против Казани таились в сфере религиозного фанатизма, чаще всего приводящего к национальной и расовой ненависти. Духовенство, бывшее самой образованной частью русского общества, тяжелее всего переживало гнет татарского ига и больше всего скорбело о нем в проповедях, поучениях, летописях, житиях и прочих произведениях своей мысли, несмотря на то, что в материальном отношении духовенству жилось при татарах легко, сравнительно с остальной частью народа. Для духовенства казанцы были теми же ненавистными „безбожными“, „погаными“ татарами, которые наложили на русских татарское иго, и как только русский народ почувствовал свою силу, в среде духовенства возникла мысль о мести и о борьбе с иноверцами-мусуль-

машами. Религиозные перегородки часто обостряли такие жизненные отношения, которые при обычных условиях оставались бы прочными и благожелательными; для русского купца татарский торговец был таким же человеком, каков он сам, для духовенства же он был „поганым“, и между ними не могло быть никакой солидарности. Поэтому не удивительно, что первый открытый намек на завоевательную политику послышался из уст главы русского духовенства, митрополита Даниила, который в 1523 году предначертал путь дальнейшей политики, сказав, что „великий князь всю землю казанскую возьмет“. Русское правительство прислушалось к тому, что ему было подсказано духовенством, и через 25 лет после того, как митрополитом Даниилом были сказаны эти слова, они стали очередной программой русской политики. Правительство было обязано своей широкой программой уму образованного духовенства.

В декабре 1546 года, после смены одного за другим правительства Бельского, Шуйских и Глинских, Иван IV, по совету митрополита Макария, об'явил себя совершеннолетним и приступил к управлению государством. Фактически власть перешла в руки русского духовенства, во главе которого стоял Макарий. Историк Ивана IV говорит: „С 1542 года начинается митрополитство знаменитого Макария, вышедшего из школы Ивана III (род. в 1482 г.). Под его влиянием Иван IV об'явлен в 1547 году совершеннолетним, но вместе с тем поставлен под опеку священника Сильвестра, которая еще на шесть лет (1547—1553 г.) оставляет в тени неоперившегося, нерасправившего свои гениальные дарования и свои порочные наклонности будущего Грозного. Десятилетие 1542—1553 г. можно с известным основанием назвать эпохой клерикальной политики. Все реформы, все вопросы практической жизни получают направление от высшего духовного авторитета... Так, напр., борьба с дикими степными кочевниками, с Крымом и Казанью, которые после времененного разлада при Иване III опять соединились и повисли угрозой над Москвой, проповедуется в качестве крестового похода против неверных, лежащего великим долгом на совести молодого царя“¹⁾). Действительно, стоит лишь заглянуть в „Царственную Книгу“ и в „Казанский Летописец“, чтобы понять, как трактовались события их русскими современниками. Первая завоевательная, империалистическая война, веденная русским правительством на территории, не заселенной русским народом, была освящена bla-

¹⁾ Виппер „Иван Грозный“, стр. 34—35.

гословением церкви и фанатической целью обратить мусульман в христианство. Уже перед походом 1550 года царь „совет сотворяет со отцем своим Макарием митрополитом“; перед началом похода „Макарий митрополит да владыка Крутицкий Савва с своим собором приехали в Володимер, и царя великого князя Ивана Васильевича митрополит благословил на земское дело итти, на клятвопреступников казанцев“; перед армией митрополит произносит речи— „поучает и благословляет митрополит бояр и воевод и князей всех людей воинства царева“¹⁾.

Митрополит Макарий, фактически стоявший во главе русского государства с 1547 г., являлся одним из замечательных людей своего времени. Глубоко образованный, великий знаток литературы, отличный писатель, он был также выдающимся государственным деятелем, политиком и мыслителем. На всех поприщах его церковной, литературной и общественной жизни деятельность митрополита Макария была ознаменована крупнейшими трудами и цennыми вкладами в национальную культуру своего народа. Митрополит Макарий был инициатором созыва всероссийских церковных соборов и канонизации русских святых; в области литературы он известен, как составитель „Четьих Миней“—большой энциклопедии древне-русской литературы, и как автор многих оригинальных произведений; в области политической мысли ему принадлежит главная заслуга по проведению в жизнь идеи „Москва—третий Рим“ посредством провозглашения Ивана IV царем²⁾.

Пришедшее на смену Глинских правительство митрополита Макария было одним из наиболее замечательных правительств в России. Оно развило законодательную деятельность, оставившую глубокий след в жизни страны: созвало первый земский собор, издало новый Судебник, предприняло перепись населения, ввело по-всеместно земское самоуправление, учредило в России первую типографию, вызвало из-за границы ремесленников и ученых. Правительство митрополита Макария впервые в русской истории было проникнуто сознанием того, что „русское государство не есть только государева вотчина, а известная организация, имеющая в виду обеспечение интересов общества, что дело государственное есть дело земское, а не только государево“³⁾—при этом прави-

¹⁾ Царственная Книга, стр. 153 и 155.

²⁾ Относительно роли митрополита Макария в деле провозглашения Ивана царем см. Голубинский „История русской церкви“, т. II, ч. I, стр. 766—768.

³⁾ Проф. Любавский „Русская история до конца XVI в.“ стр. 251.

тельстве в России сделала большие успехи государственная идея.

К 1547—1549 годам относятся политические проекты неизвестного автора, скрывшегося под псевдонимом Ивана Пересветова. Политическая программа этого публициста легла в основу государственной деятельности Ивана IV. В области внешней политики И. Пересветов, тесно связанный с правительством митрополита Макария, требовал завоеваний: „Казанское царствоказалось помешичьему публицисту прямо чуть не раен—подрайской землицей, всем угодною“, и он весьма цинически заявляет, что „таковую землицу угодную“ следовало бы завоевать, даже если бы она с Русью „и в дружбе была“. А так как казанцы, кроме того, и беспоконили Русь, то значит, и предлог есть отличный, чтобы с ними расправиться. Так писатель XVI века за 300 лет безжалостно разбил ту, хорошо нам знакомую, историческую схему, которая из интересов государственной обороны делала движущую пружину всей московской политики: уже для Пересветова эта „государственная оборона“ была просто хорошим предлогом, чтобы захватить „вельми угодные“ земли¹⁾). Русские историки весьма обстоятельно доказали принадлежность И. Пересветова к числу дворян—мелких помещиков, выступивших на борьбу против бояр и князят. М. Н. Покровский следующим образом вскрывает подкладку завоевательных замыслов, возникавших в то время: „Дворянский публицист настаивал на энергичной внешней политике. Он требовал завоеваний. Прежде всего—завоевания Казани, а затем вообще наступательной, завоевательной войны... Для небогатых землевладельцев той поры не было другого источника достать денег для первоначального обзаведения хозяйством, как получая из казны жалование. Жалование давалось за походы“. Отсюда для массы „убогих воинников“ походы представлялись желательными, не говоря уже о том, что во время походов можно было грабить, и что последствием завоеваний был захват обширных земель, где помещики надеялись найти выход из земельной тесноты. То, что Казань действительно была завоевана вместе с Поволжьем до Астрахани именно в это время, показывает, что пожелания мелко-дворянской массы не были пустым звуком, что с ее требованиями достаточно считались. В то же время мы видим, что ее интересы сходились с интересами торгового капитала. Если помещику нужна была земля под Казанью, то торговому капиталу нужна была Волга, как торговый путь из

¹⁾ М. Н. Покровский „Русская история“, т. I, стр. 315.

России на Восток, откуда тогда шел в Европу шелк и разные другие очень ценившиеся в Европе товары. Помещики имели, таким образом, могучего союзника в лице торгового капитала¹⁾.

Таким образом, завоевательная политика была результатом совпадения интересов дворян-помещиков, духовенства и торгово-промышленного капитала. Эта политика была впервые формулирована И. Пересветовым, на долю которого вынадает честь считаться изобретателем русского империализма, осуществление же этой программы было проведено в жизнь правительством митрополита Макария. Руководитель правительства—фанатик, в 1536 году крестивший в Новгороде и Пскове татарок, сидевших в тюрьме, консерватор, председательствовавший на Стоглавом соборе, который укрепил реакционное направление в русской церкви, патриот, провозгласивший русского государя царем, пошел навстречу завоевательным проектам, автор которых совсем не был фанатиком, и программа И. Пересветова была принята правительством митрополита Макария, как в общем, так и в деталях. Трудно поэтому смотреть на членитные И. С. Пересветова только как на памфлет—как думают обыкновенно: серьезность, с которой отнеслось правительство к этим проектам, заставляет видеть в них не памфlet, а деловую программу.

В состав правительства фактически входили, как ближайшие советники Ивана IV, кроме царя „отца”—митрополита, духовник государя протоиерей Сильвестр (переведенный в Москву из Новгорода митрополитом Макарисом) и незнатный костромской дворянин А. Ф. Адашев, который выдвинулся, благодаря каким-то личным талантам, оставшимся до настоящего времени не выясненными. Ввиду важного значения проектов И. Пересветова для истории русской политики, в частности—для русско-казанских отношений, коснемся в нескольких словах вопроса о личности этого публициста. Вследствие того, что программа И. Пересветова была почти полностью осуществлена, по большей части—правительством митрополита Макария,—частью же позднее самим Иваном IV, не подлежит сомнению тесная близость публициста к царю и к правительству митрополита Макария²⁾. В числе членов правительства было лицо,

¹⁾ М. Н. Покровский „Русская история в самом сжатом очерке”, изд. 2-ое, стр. 60.

²⁾ Сочинения И. Пересветова до сих пор не вполне правильно истолкованы и обяснены. Так например, проф. Виннер считает, что под вельможами, стремящимися отклонить государя от сближения с войском, публицист разумеет „избранную ради”, т. е. правительство митр. Макария („Иван Грозный”, стр. 56), тогда как в действительности публицист разумеет здесь бояр и князят.

по своим классовым интересам совпадавшее с публицистом—А. Ф. Адашев, мелкий помещик, костромской дворянин. Между И. С. Пересветовым и А. Ф. Адашевым, осуществившим его проекты, несомненно, имеется тесная внутренняя связь, которая кажется далеко не случайной, и невольно напрашивается мысль о тождестве этих двух лиц. При справедливости такого предположения получила бы разгадку тайна внезапного приближения А. Ф. Адашева к Ивану IV, и неограниченное влияние его на царя получило бы обяснение в глубоком уме, широких общественных взглядах и литературном таланте выдающегося публициста. В конце 1550-х годов А. Ф. Адашев разошелся с Иваном IV по вопросу о продолжении завоевательной политики русским правительством, и это могло бы послужить препятствием к отождествлению его с И. Пересветовым, но, как мы дальше увидим, имеются веские данные считать, что взгляды А. Ф. Адашева на данный вопрос как раз должны были значительно измениться после опыта Казанской войны.

Походы 1549 и 1550 годов потерпели полную неудачу, и русское правительство занялось пересмотром своей военной программы. Зимой 1550-51 года военные действия не были возобновлены, и правительство основательно готовилось к осуществлению серьезного предприятия. В составлении плана присоединения Казанского ханства к России участвовали боярин Иван Васильевич Шереметев, Алексей Федорович Адашев и дьяк Иван Михайлов. Первый из них был военным специалистом, второй являлся представителем гражданских властей, третий был авторитетным дипломатом; по своему общественному положению это были представители трех разных сословий—бояр, дворян и дьяков, которые могли обсуждать вопрос всесторонне, с различных точек зрения. Эти три лица рассматривали все предварительные проекты, и в их коллегии обсуждались все дела, касавшиеся Казанского ханства.

Как видно из дальнейших событий, был выработан следующий план завоевания Казанского ханства: весенняя программа заключала в себе 1) блокаду Казани путем временной оккупации всех речных путей Казанского ханства и 2) основание русской крепости недалеко от Казани (при устьи Свияги); программа политических действий заключала в себе следующие пункты: 1) низложение с казанского престола Крымской династии 2) освобождение из рабства всех русских плеников, 3) присоединение к России правого берега Волги, 4) замену хана русским наместником. План был расчитан на постепенное выполнение, сопряженное с наименьшей

затратой военных усилий. Он был составлен умно и осторожно, но не был лишен большой дозы самонадеянности: русские правильно оценили слабость Крымской династии, но не предусмотрели силы стихийного сопротивления, которая исходит из народных масс при борьбе за независимость. План был построен черезчур схематично и отвлеченно. Творцы его вряд-ли могли реально представить себе положение тех казанских крестьян, которые, проживая в Свияжском уезде, считались бы по отношению к Казани в другом государстве, или положение столицы, стоящей на берегу реки, другая сторона которой принадлежала бы иностранныму государству.

К обсуждению деталей военной программы были привлечены многие лица, считавшиеся специалистами, в том числе и казанские эмигранты, хорошо знакомые с местными условиями: „И нача государь со своими бояры мыслити, како с Казанию промышляти? И призвати почал казанских князей, которые из Казани приехали к нему служити—Кострова князя с товарищи, и почал мыслити, чтобы город поставить на Свияжском устье, на круглой горе; и сам государь, от Казани едучи, видел, что место стройно и пригоже быти граду“¹). Новая крепость Свияжск мыслилась, как военная база: „И умыслил государь город поставить на Свияже на устьи, на круглой горе, промеж Щучия озера и Свияги реки, и рать свою послати в судах многую, и конную; да запасы свои царские посылати великие, да и *перед к его приходам готов том запас*“²).

Военная организация и техника были усовершенствованы и преобразованы. И. Пересветов проектировал создание по примеру Крыма и Турции особого отборного войска из 20 тысяч „юнаков храбрых с огненной стрельбой, гораздо учиненного“, и в 1550 году правительство действительно организовало особый корпус стрельцов, поставленный под команду дворян.

Стрельцы были поставлены под команду особых голов (офицеров), в количестве тысячи человек, на $\frac{1}{10}$ набранных из провинциальных дворян. Эта знаменитая тысяча, наделенная особыми привилегиями, составила ядро служилого класса и опору его в борьбе против феодальной аристократии.

В походе стрельцы составляли часть особого назначения—гвардию войска под названием Государева или Царского полка: всегда они должны быть готовы на посылки, т. е. исполнять различные

¹) Царств. Книга, с. 162.

²) Царств. Книга, с. 162.

поручения. Чтобы иметь непосредственно под руками и наилучше вознаградить этот отборный состав помощников, царь испоместил всех, кто не имел подмосковных владениями в ближайших окрестностях столицы в пределах 70-верстного радиуса от Москвы.

Этой военной реформой дворянство пробивало себе дорогу к власти. Так осуществлялись проекты И. Пересветова сломить силу бояр и князят: учреждая постоянное войско, правительство подрывало частную военную службу у родовитых вельмож и создавало решительный перевес в пользу дворян, давая им в руки регулярное войско, вооруженное огнестрельным оружием.

Техническая сторона военного дела была усовершенствована усилением артиллерии, которой предстояло сыграть решающее значение при осаде такой неприступной крепости, как Казань; были вновь привлечены западно-европейские специалисты, которые ввели в военное дело новейшие инженерные изобретения, в том числе подкопы и мины под стены крепости. Пересмотрены были причины неудач последних походов 1549 и 1550 годов, и в дальнейшем командование отказалось от практики зимних походов, первоначально представлявшихся более легкими в техническом отношении и экономичными для населения, так как они не отрывали крестьян от полевых работ.

По проекту И. С. Пересветова, во главе армии непременно должен был стоять сам государь, который мыслился им как неуточимо воинственный царь, живущий душа в душу со своей армией, причем сам Пересветовставил в пример турецкого султана Мухаммеда II Завоевателя¹⁾). Правительство приняло во внимание и этот пункт проекта и заставило юного Ивана IV лично участвовать в походах 1549, 1550 гг. и в большом последнем походе против Казани, хотя царь не отличался личною храбростью. Конечно, фактическое начальство принадлежало авторитетным специалистам, и присутствие двадцатилетнего царя в армии во время похода носило демонстративный характер. Душою похода были князь Владимир Иванович Воротынский и Иван Васильевич Шереметев, командовавшие Государевым полком, т. е. стоявшие во главе штаба и гвардии. И. В. Шереметев, как мы видели, принимал видное участие в разработке военного плана кампании; брат Владимира Воротынского Михаил командовал главными силами армии—Большим полком. Эти лица—Шереметев и братья Воротынские и были, по всей вероятности,

¹⁾ Вишпер „Иван Грозный“, стр. 55 и 59.

главными руководителями в предстоявшем походе, к которому энергично готовилось правительство митрополита Макария.

К выполнению военной программы русское правительство приступило ранней весной 1551 года. Внутри России была произведена заготовка строительных материалов для постройки крепости при устьи Свияги, и весной лес был сплавлен по Волге. Одновременно с тем приняты были меры к установлению блокады Казани. В апреле царь отдал приказание военному отряду ити к устью Свияги, „а с Вятки велел принести Бактеяру Зюзину с вятчаны на Каму, да сверху Волгою государь прислашь многих казаков; а велел стати по всем перевозам по Каме, по Волге и по Вятке реке, чтобы воинские люди из Казани и в Казань не еадили“¹⁾). Оккупация речных путей Казанского ханства таким образом началась. Кроме того, был двинут отряд касимовских татар „полем“ на Волгу ниже Казани, чтобы они, сделав на Волге суда, пошли вверх по Волге „воевати казанских мест“ и соединились бы с русским войском в Свияжске²⁾).

17 мая русский отряд занял Круглую гору при устьи Свияги. Разведка, посланная к Казани, не обнаружила никакой угрозы для русских: в столице не было заметно никаких военных приготовлений. При русском отряде находились казанские эмигранты—князь Костров, князь Чапкун Отучев, Бурнаш и другие, до 500 человек³⁾ а также Шах-Али, претендент на ханский престол. 24 мая при устьи Свияги, внутри Казанского ханства, была заложена русская крепость.

Окрестному населению было объявлено от имени русского государя, что местные жители приглашаются „у Свияжска города быти“. Чуваши и черемисы просили, чтобы русский царь „воевати их не велел“ и „пожаловал бы их государь—в ясакех полехчили“⁴⁾). Русские летописцы сообщают об успехах русской политической агитации—среди инородцев и даже среди татар нашлись лица (Мухаммед Бузубов, Аккубек Тугаев и др.), которые изменили Казанскому ханству, заявили о принятии русского подданства и получили за это свободу от податей на 3 года и подарки—жалование, шубы и деньги⁵⁾). Русские воеводы в Свияжске приводили к присяге жителей окрестных селений, причем одним из условий прися-

¹⁾ Царств. Книга, с. 165.

²⁾ Царств. Книга, с. 166.

³⁾ Царств. Книга, с. 164—165.

⁴⁾ Царств. Книга, с. 170, 171.

⁵⁾ Царств. Книга, с. 171.

ти было освобождение русских рабов— „полону им русского никак у себя не держать, весь освобождать“¹⁾. Захват русскими отрядами перевозов через Волгу, конечно, нарушил всю жизнь приволжских селений, у которых луга были расположены за рекой: „Невозможно было во все лето переехати с горние на луговую сторону“. Свияжские воеводы придумали средство испытать верность „горных людей“: они заставили их ити без артиллерии против такой крепости, как Казань в то время, как русские сделали набег на Гостиный остров.— „Казанцы же вывезли на них из города пушки и пищали, да учали на них стреляти, и горние люди— чуваша и черемиса— дрогнули и побежали... а горние люди все прибежали ко царю (Шах-Али) и воеводам“²⁾. Русские агенты, посланные наблюдать за верностью чуваш и черемис во время сражения, донесли, что „горние люди государю служили прямо“³⁾.

Русское правительство организовало в самых широких размерах подкуп черемис и чуваш. Свияжские воеводы отправляли их группами в Москву представляться ко двору государя, „а государь их жаловал великим жалованьем, кормил и поил у себя за столом. Князей и мурз и сотных казаков жаловал шубами с бархаты с золотом, а иным чуваше и черемисе камчатные и атласные, а молодым однорядки, и сукна, и шубы белые, а всех государь пожаловал доспехи и коньми и деньгами... а государево жалованье к ним не оскудевает, но паче государь прибавляет многое множество раздававше, паче же своих воинов жалуючи“⁴⁾. Правительство митрополита Макария не скучилось на щедрые подкупы, и такая политика привлекла на сторону русских многих чуваш и черемис.

Падение оглана Кучака. Правительство оглана Худай-Кула. Оккупация русскими водных путей парализовала всю жизнь страны. Столица оказалась в блокаде, селения— разобщенными друг от друга. Прекратился торговый обмен, нарушился подвоз продуктов, волжская торговля была уничтожена: всюду стояли заставы, плавание по рекам было запрещено, товары осматривались и отбирались. Для казанцев наступила „нужда великая: со все стороны их воюют, и проезду ни из которого государства нет; ни отколе себе помохи не чают; понеже бо люди великого князя Волгою от

1) Царств. Книга, стр. 173.

2) Царств. Книга, стр. 173—174.

3) Царств. Книга, стр. 174.

Василя-города и по Каму, а Камою вверх по Вятку, и Вяткою вверх по всем перевозам дети боярские и стрельцы и казаки крепко стоят, умышлением государским, а службою и дозором воеводским¹⁾). Русское правительство охватило страну кольцом непроходимой блокады.

В июне в Казани начались волнения. „Чуваша арская“ (повидимому, Арские вотяки) приходили в столицу к ханскому двору „с боем на крымцов“ и требовали подчинения русским требованием („о чём де не бьете челом государю“), но правительство оглана Кучака разогнало толпу мятежников—„с ними бились и побили чувашу“. В Казани увеличивалось число недовольных непримириимым правительством, которое вызвало блокаду столицы и довело жителей до такой крайности. Правительство почувствовало, что почва ускользает у него из-под ног. Происходили волнения, и сорня на день можно было ждать переворота.

Положение оглана Кучака и прочих крымцев стало безвыходным. Тогда крымский гарнизон решился на бегство. Триста человек „уланов и князей, и азеев, и мурз, и казаков добрых, опричь их людей“, оставивши свои семьи в Казани („жены и дети поместав“), внезапно выехали из Казани. Судьба их оказалась очень печальной. Доехав до Камы, они наткнулись на русские заставы и не могли переправиться через реку. Тогда они поехали по лесам вдоль берега Камы, ища перевоза, и добрались до устья Вятки. Не заметивши русской заставы—„стояли бо утаясь по сторожам“, крымцы поделали плоты и стали переправляться чрез Каму, но в этот момент на них напали русские „да их побили на голову и потопили“. В плен попали сам Кучак, оглан Барболсун, князь Торчи, мурза Богадур, Шах-Ахмет и другие. В Москву было отправлено 46 человек. Русское правительство расправилось беспощадно и всех их казнило. Таков был конец крымского засилья в Казани; крымцы, составлявшие опору для хана Сафы и для Сююн-Бике, окончили дни на плахе в русской столице.

После бегства крымского гарнизона дни крымской династии на казанском престоле были уже сочтены. Власть перешла к сторонникам мира с Россией. В Казани образовалось временное правительство, во главе которого стали оглан Худай-Кул и князь Нур-Али Ширин (сын кн. Булата). Новое правительство немедленно вступило в мирные переговоры, и в Свияжск была отправлена депутация—глава духовенства Кул-Шериф и князь Бибарс

¹⁾ Царств. Книга, с. 175.

Растов, приглашать Шах-Али на престол. Шах-Али заключил с казанцами перемирие на 20 дней и предложил отправить послов в Москву. В июле в Москву был отправлен послом мурза Енбарс Растов. Казанское правительство соглашалось признать ханом Шах-Али, выдать русским хана Утамыша, царицу Сююн-Бике и оставшиеся в Казани семейства бежавших крымцев, а также освободить всех русских плённых, со своей же стороны требовало снятия блокады и восстановления свободы передвижения— „в неволю б государь, пожаловал, не имал.“ Русское правительство дало согласие на эти условия, и в Москве был заключен договор, по которому казанцы обязывались „царя и царицу отадут государю и крымцов всех достальных и детей их: а полону русского ни в которой им неволе не держати и всем дати воля; а князем всем полон привести на Казанское Устье да отдати бояром, а достальной полон, как царь Шигалей на царстве будет, весь освободить, казанцом всех отпустить, а в неволи не держати“ ¹⁾). В то же время русское правительство приспало в Свияжск свою инструкцию, согласно которой хан Шах-Али должен был управлять лишь луговой стороной и Арской землей, тогда как горная сторона целиком должна принадлежать к русскому государству „понеже государь божий милосердием взял, до их члобития“ ²⁾). Об этих условиях казанское правительство не было извещено, и в договоре оно не было упомянуто.

Шах-Али, узнав в том, что Казанское ханство должно разделиться на две части, „того не залюбил, что горная сторона будет у Свияжского города, а не у него к Казани“ ³⁾. Очевидно, даже и этот уроженец и постоянный сторонник России, чуждый Казанскому ханству, был озадачен таким странным проектом. Однако, воеводы категорически заявили, что иначе быть не может: „и бояре ему по государеву приказу отмолвили, что тому делу иначе не быть“. Мотивом послужила ссылка на то же „право“ [завоевания, или, вернее, захвата, которое указывалось русским правительством крымскому хану в 1537 году, а впоследствии развивалось выдающимся дипломатом, дьяком Висковатым, в 1559 году— „что государю бог дал, того ся сму не попустит“ ⁴⁾], т. е. что попало в руки

¹⁾ Царств. Книга, с. 178.

²⁾ Царств. Книга, с. 179.

³⁾ Царств. Книга, с. 179.

⁴⁾ Царств. Книга, с. 179.

правительства, от того оно уже никогда не откажется. Только если в прошлом московские дипломаты ссылались на своеобразно истолкованное „завоевание“ Казани в 1487 году, то теперь они подкрепили свое захватное право более реальными доводами—постройкой Свияжска на казанской земле.

Шах-Али и русские воеводы пригласили казанское правительство прислать в Свияжск уполномоченных для заключения окончательного договора. Переговоры состоялись 9 августа; в Свияжск были командированы мулла Қасим, Бибарс Растов и другие лица—князья, мурзы и шейхи. Шах-Али произнес пред ними „от государя жалованную речь“, т. е. об'явил решение московского правительства. Неожиданное об'явление условия, касавшегося присоединения горной стороны к русскому государству, произвело подавляющее впечатление на казанцев. Посольство заявило, что многое является неприемлемым, и это не было пустой фразой, как представил дело русский официальный источник, который сослался на то, что „обычай им (казанцам) бяше изначала лукавствовать... как бы им что лукаво сделать, везде бо их изначала злонырство“¹⁾). Государство действительно переживало решительную минуту, и послы сознавали, что родина подвергается величайшей опасности. Шах-Али не стал вступать в пререкания „и велел им итти с бояры в боярские шатры и делати по государеву наказу“, в случае же отказа от принятия русских условий грозил разрывом переговоров и немедленным наступлением русского войска. Посольство делало отчаянные попытки спасти государство,—„и с бояры казанцы много говорили“. В течение 115 лет казанцам много раз приходилось вести дипломатические переговоры, но никогда еще эти переговоры не были столь роковыми.

От казанцев требовали согласия на раздел государства и на подчинение одной половины иностранному государству. Чувствуя превосходство своего положения, русские дипломаты были непреклонны и ни в чем не уступили: „Бояре ж по божию милосердию государевым наказам твердо делали, ни во едином их лукавстве не поступили“. Казанским послам удалось добиться отсрочки решения вопроса о горной стороне на несколько дней. Договор был подписан на тех же условиях, на каких Енбарс Растов подписал его в Москве, вопрос же о горной стороне, с согласия обоих сторон, ре-

1) Царств. Книга, с. 179, 180.

шено было передать собранию „всей земли,” которое должно было быть созвано на устьи Казанки, т. е. на границе спорной территории.

11 августа временное правительство выдало русским хана Утмышса, царицу Сююн-Бике, двух детей оглана Кучака и сына оглана Ак-Мүхаммеда. Они были отправлены из Казани в Свияжск в сопровождении кн. Бибарса Раствова и хаджи Али-Миргена. Представитель русского правительства кн. П. С. Серебряный встретил их на устьи Казанки. На следующий день пленники были отправлены из Свияжска в Москву в сопровождении кн. Серебряного, кн. Кострова, хаджи Али-Миргена, боярских детей и отряда стрельцов. 5 сентября пленники достигли Москвы.

Курултай 14 августа 1551 года. Проект присоединения Казанского ханства к России. 13 августа Шах-Али и русские воеводы высадились на устьи Казанки, в 7 верстах от Казани. Хан послал в город своих дворецкого и конюшего с имуществом приготовить дворец. 14 августа на устьи состоялось народное собрание—курултай, которое должно было выразить волю всего государства по вопросу о горной стороне. В собрании принимали участие следующие группы казанского населения: 1) духовенство—Кул-Шериф¹⁾ сын сенда Мансура, шейхи, шейх-заде, муллы, муллы-заде, хаджи и дервиши, 2) огланны, во главе с Худай-Кулом, 3) князья и мурызы, с Нур-Али сыном Булата Ширин во главе.

Собрание началось чтением русскими боярами договорных условий, предложенных московским правительством. Казанцы „все стали о горной стороне говорить, что того им учинити не можно, что земля разделити“.—„Много о том спорных слов было“, но русские упорно стояли на том, что „бог государю то учинил“, что „тому уже иначе не бывать, как его бог учинил“ и достигли того, что казанцы согласились на русские предложения. Договор был подписан. Горная сторона отошла к русскому государству. Кроме того, было отменено христианское рабство, и все русские пленники, находившиеся в пределах Казанского ханства, должны были получить освобождение. В первую очередь, немедленно, должны были быть освобождены пленники, которыми владели в Казани князья, об остальных же невольниках казанцы дали обязательство, что они будут освобождены все до одного, „а уведает государь полон христианской в работе бусурманской, и у кого вымут, того казнити“.

¹⁾ В печатном издании Царственной Книги титул Кул-Шерифа приведен в искаженной форме „Има-атег сенд“, не поддающейся нашей дешифровке.

смертью". В случае неполного освобождения казанцами пленных русское правительство немедленно об'являет войну. Таким образом, казанцам было запрещено, под страхом смертной казни, владеть русскими невольниками. Отмена христианского рабства составляла крупнейшую реформу в экономической жизни Казанского ханства, и эта реформа была обусловлена не внутренними потребностями страны, а давлением иностранного государства.

После подписания договора началась поголовная присяга казанцев новому порядку вещей—„и к правде (присяге) пошли все люди казанские по сту человек и по двести и по триста, а не вдруг; · и к правде ходили три дни, а правду давали на том, на чем и большине люди их правду давали“¹⁾.

16 августа состоялся в'езд Шах-Али в столицу. Вместе с ним в Казань был введен иностранный гарнизон—300 человек касимовских татар и 200 русских стрельцов. Они были расквартированы близ дворца. 17 августа представители русского правительства предложили хану приступить к освобождению пленных. Хан послал приставов и приказал собрать всех пленных к себе на двор и об'явил им свободу. В этот день было освобождено 2700 человек. По спискам русского правительства, веденным в Свияжске при выдаче хлебного довольствия, во всем Казанском ханстве было освобождено 60 тысяч невольников²⁾. Пленные должны были явиться в Свияжск и оттуда уже „все по своим местам, кому куда ближе, туды пошли“—вверх по Волге, в Нижний, Балахну, Кострому, в Галич, Вятку, Устюг, в Муром, Касимов и т. д.

В Казани осталось русское посольство „для полону и иных для управных дел“—боярин И. И. Хабаров (вскоре он был заменен кн. Д. Ф. Палецким) и дьяк Иван Выродков. Русские войска были уведены, заставы сняты, и блокада отменена. В Свияжске было введено русское управление.

Казанцы, испытавши тяжесть блокады и подчинившись насилию, дали, скрепя сердце, вынужденное согласие на отторжение горной стороны, но в душе не могли примириться с потерей половины государственной территории и были единодушно уверены в том, что присоединение горной стороны к русскому государству останется лишь nominalным. Первым шагом правительства Шах-Али было послать в Москву от имени хана благодарность „на государе-

¹⁾ Царств. Книга, с. 183.

²⁾ Царств. Книга, с. 184—185.

ше жалованы, что его учинил царем в Казани" и одновременно с этим просить— „чтоб его пожаловал, придал ясаков с горной стороны", т. е. разрешил бы собирать подати с горной стороны не в пользу России, а в пользу казанской казны. В сентябре в Москву были посланы гонцы— мурза Кулай Раствор и мурза Нур-Али есаул касимовский, с целью получить согласие на приезд в Москву посольства для возобновления дипломатических переговоров. В октябре в Россию действительно было отправлено посольство в составе виднейших лиц: большой караби князь Нур-Али сын Булата Ширин, ханский дворецкий князь Шах-Абас Шамов и бакши Абдулла. Посольство просило 1) чтобы русское правительство уступило горную сторону, 2) если не уступит, то разрешило бы собирать подати (хотя бы часть) в пользу казанской казны, 3) чтобы царь прнес присягу в соблюдении договора, на котором присягнули казанцы. Со стороны русского правительства последовал ответ, что 1) оно не может отдать с горной стороны ни одной деньги в пользу казанской казны, 2) царь даст присягу в соблюдении договора тогда, когда казанцы освободят всех невольников, 3) что послы останутся в Москве в качестве заложников впредь до полного освобождения всех русских плеников.

В Казани возбуждение не утихало. Сентябрьские и октябрьские донесения русских послов упоминают о том, что Шах-Али боится волнения и поэтому не очень энергично следит за освобождением пленных. Пред казанским правительством стояла трудная задача успокоить страну, попавшую в непривычные условия существования. Оно оказалось между молотом и наковальней: с одной стороны русские настойчиво требовали освобождения пленных и упорно не уступали горной стороны, с другой— казанцы требовали возвращения отторгнутой территории и скрывали своих рабов („куют и по ямам полон хоронят"). В октябре в Казани уже в среде самого правительства возник раскол. Во главе оппозиции стали сибирские князья Бибарс Раствор с братьями. Они вступили в сношения с ногайцами. Заговор был направлен против хана и русского посла, но был скоро раскрыт. При обысках была найдена переписка с ногайцами. Расправа с заговорщиками была обставлена с необычайным коварством, и в этом нельзя обвинять одних казанцев: русское посольство, несомненно, знало о предстоящей расправе, которая не могла быть учинена вопреки их согласию; поэтому ответственность в этой резне разделяет с Шах-Али и русский посол кн. Д. Ф. Палецкий. Хан пригласил заговорщиков на пир во дворец, и верные ха-

ну князя произвели во время пира резню; успевшие выскочить во двор были убиты русскими стрельцами, окружившими ханский дворец. Убийства были произведены также и в частных домах. В числе заговорщиков погибли братья Растворы—князь Бибарс, мурза Енбарс и мурза Кулай, затем богатырь Кадыш, оглан Карамыш, всего в течение двух дней было убито 70 человек. Многие успели эмигрировать в ногайские степи. К этой же эпохе „Казанский Летописец“ относит казнь сеида, который возмущал народ и оказывал сопротивление хану („возмущающа всем народом и царю не покоряющусся“), о которой говорит один только этот источник: „И повеле царь Шах-Али в той же час главу ему отсечи, и богатства его все в казну, переписав, самодержцову взяти повеле“¹⁾). В виду того, что главой духовенства в Казани в то время был сын сеида Мансура, способствовавшего низложению Шах-Али в 1546 году, сообщение „Каванского Летописца“ можно было бы признать вероятным, за исключением конфискации средств в пользу русского государя, но мы видим Кул-Шерифа во главе казанского духовенства и в следующем 1552 году. В ответ на сообщения о заговорах и о репрессиях, русское правительство советовало Шах-Али обезопасить себя усилением русского гарнизона,

Положение хана стало безвыходным. Он дал слово казанцам „выпросить“ у русских горную сторону и хорошо сознавал, что спокойствие не наступит, пока не будет возвращена горная сторона. На все же просьбы он получал от русских категорический отказ: правительство заявляло, что царь ее не отдаст—„ему ее Бог дал“, „да если и отдать, то как же быть Свияжскому городу?“ и т. д. Кроме того, русское правительство упрекало хана в несоблюдении пункта договора об освобождении всех невольников и постоянно пугало угрозой войны.

В это время русское правительство решило приступить к осуществлению последнего пункта своей программы, выполненной в течение 5 месяцев: оставалось заменить хана русским наместником и произвести присоединение к русскому государству остальной половины Казанского ханства. В Москве обсуждался вопрос о реальном осуществлении этих проектов. Сторонники русского правительства, находившиеся в Свияжске—князь Чапкун Отучев, Бурнаш и др.—советовали русским открыть военные действия против Казани, казанское же посольство, задержанное в Москве (кн. Нур-Али Булатов Ширин, кн. Костров, хаджи Али-Мирген) рекомендовали низло-

¹⁾ П. С. Р. Л. XIX, 75.

жить Шах-Али и назначить в Казань русского наместника. Это более соответствовало намерениям русского правительства, желавшего покончить с казанцами без войны, и в январе 1552 года московское правительство привлекло казанское посольство, задержанное в России, к обсуждению вопросов о причинах недовольства ханом, о способах устранения хана, о том, „наместнику у них коим обычаем быти“, и как ему присягать. Казанцы рекомендовали следующие мероприятия: 1) если хан Шах-Али не захочет добровольно оставить престол, то отзывать из Казани русский гарнизон и тогда хан, лишившись защиты, сам покинет столицу, 2) как только произойдет низложение хана, необходимо отправить одного из казанцев, живущих в Москве, посланником к земле казанской 3) по принятии присяги, в'езде наместника и сдачи крепости русским пусть будет определено, кто из казанцев должен жить в столице и кто по деревням, 4) русский наместник будет ведать всеми доходами казанской земли, 5) наделение казарцев выморочными и свободными землями производится не наместником, а самим царем. Таким образом, будущее устройство Казанского ханства под властью русского государя мыслилось вполне автономным, и представители русской партии предполагали в своей программе 1) сохранение в Казани мусульманской администрации, причем русскому наместнику предоставлялось право назначений и увольнений—он определял, кто из казанцев должен находиться на службе в Казани, кто на службе по деревням, и кто удалялся в отставку в свои поместья; 2) сохранение автономии Казанского ханства в финансовом отношении—казной распоряжался наместник, а не центральное правительство русского государства; 3) прерогатива наделения землями предоставлялась не наместнику, а самому царю—единственный пункт программы, ограничивавший автономию местной администрации. В общем, проект присоединения ханства к России, выработанный самими казанцами, сводился к установлению личной унии между обоими государствами, и внутренняя организация Казанского ханства должна была остаться неприкасновенною; все сводилось к замене хана русским наместником, назначавшимся царем из числа русских людей, и к осуществлению основных пожеланий русского правительства—вечного мира между обоими государствами и уничтожения христианского рабства; казанцы получали вновь воссоединение обоих частей своего государства, так как на искусственное отторжение горной стороны русское правительство могло смотреть лишь как на временную, а не постоянную меру.

Проект, составленный казанским посольством, задержанным в Москве и действовавшим не от имени правительства, а от себя лично, был одобрен комиссией И. В. Шереметева, А. Ф. Адашева и И. Михайлова и принят русским правительством. К осуществлению его было тотчас же приступлено. В феврале 1552 г. в Казань прибыл русский посол—сам А. Ф. Адашев, с целью низложить хана с престола. Адашев предложил хану впустить в город русского наместника и сдать ему крепость. Шах-Али решительно отказался передать власть и крепость наместнику,— „и много о том речей спорных было“. Шах-Али заявил: „Я—мусульманин и не хочу восстать на свою веру“¹⁾), но дал согласие на отречение от престола. 6 марта он вывел русский гарнизон из Казани и вместе с ним уехал в Свияжск. Под фальшивым предлогом ему удалось вывести с собой из Казани 84 князей и мурз; их он передал русским в качестве заложников.

В тот же день в Казани была опубликована царская грамота о том, что 1) „по казанских князей·челобитью“ государь низвел хана с престола и дал им своего наместника, 2) наместником назначен свияжский воевода князь Семен Иванович Микулинский, 3) все казанские „лучшие люди“ должны явиться в Свияжск и привести присягу наместнику. Обявление акта о присоединении Казанского ханства к России было встречено в столице с видимым спокойствием. Казанцы с огланом Худай-Кулом во главе дали согласие и просили наместника прислать в город князей Чапкуна Отучева и Бурнаша, которые привели бы казанцев к присяге.

7 марта Чапкун Отучев, Бурнаш и стрелецкий голова Иван Черемисинов приехали в Казань и привели казанцев к присяге. 8 марта они возвратились в Свияжск, и кроме того туда отправилось посольство—муллы, князья и оглан Худай-Кул, которые приняли от наместника и других воевод присягу в том, что на казанских „добрых людей“ распространяются все привилегии русских „добрых людей“, т. е. бояр и дворян. Вслед затем в Казань снова прибыли И. Черемисинов и переводчик для того, чтобы приводить всех людей к присяге, а также князья Чапкун Отучев и Кул-Али и 4 детей боярских, чтобы следить за порядком перед в'ездом наместника и приготовить дворы для размещения русского гарнизона. Шах-Али, always покинувший свою столицу, вызвал в Свияжск свою жену, „чтобы царица в те поры в городе в Казани не была, как князь

¹⁾ Царств. Книга., с. 193.

Семен в город приедет¹⁾). Вечером наместнику доносили, что в городе все спокойно, царица укладывается, ханский дворец опоражнивают, а сельские люди, дав присягу, раз'езжаются по домам. Ночью в Казань прибыл багаж наместника—„кош легкой с ествою“ и 70 казаков—„они на цареве дворе пригодятся на всякое дело“²⁾. На утро был назначен в'езд в Казань русского наместника.

Переворот 9 марта 1552 г. Правительство Чапкуна Отучева. 9 марта утром наместник выехал из Свияжска в Казань. Вместе с ним ехали воеводы, двигался военный отряд, позади следовали заложники, выведенные Шах-Али 6 марта. На Волге у Крохова острова наместника встретили и приветствовали князья Шамся и Хан-Кильды и другие казанцы. Затем на пути повстречалась ханша, ехавшая в Свияжск. Из Казани к наместнику постоянно скакали русские гонцы с донесениями. В городе все было спокойно, И. Черемисинов продолжал приводить казанцев к присяге. Когда наместник приехал на Бежбаду (деревня, расположенная на месте Адмиралтейской слободы), трос из сопровождавших его казанцев—кн. Ислам, кн. Кебек и мурза Алике Нарыков (братья покойного Чуры Нарыкова) попросили у него разрешение схать вперед. Разрешение было дано, и они уехали в город.

Приехав в Казань, Ислам, Кебек и А. Нарыков заперли крепостные ворота и распространили ложный слух, будто русские намерены устроить резню и перебить всех казанцев. Этот слух произвел смущение среди казанцев, и многие стали вооружаться. Между тем, воеводы и русский отряд медленно приближались к Казани, двигаясь по открытой равнине, отделявшей Бежбаду от столицы. Наместник под'ехал к Казани, и на Булаке его встретили выехавшие навстречу из города князь Кул-Али и И. Черемисинов, который доложил: „Лиха есмя по сесь час не видали; а те, перво как прибежали от вас князи, так лихие слова почали говорiti, и люди замешались, иные на себя доспех кладут“³⁾). Бояре под'ехали к крепости, к Царевым (Ханским) воротам. Ворота были заперты. Перед воротами наместника встретили оглан Худай-Кул, князь Алиман и другие князья. Они успокаивали бояр, просили не волноваться („почали бити челом, чтобы ся не кручинили“), говорили, что воз-

1) Царств. Книга, с. 197.

2) Царств. Книга, с. 198.

3) Царств. Книга, с. 200.

мутили народ лихие люди, и просили подождать, пока успокоятся. Из ранее прибывших казанцев к восставшим примкнул князь Чапкун Отучев.

Озадаченные бояре послали в крепость оглана Худай-Кула и кн. Бурнаша спросить, почему казанцы изменили, а также уверить, что русские никакого зла никому не причинят. Казанцы ответили, что жители боятся резни, слушать обяснений не пожелали и выпустили оглана Худай-Кула и кн. Бурнаша с ответом из крепости. Русские неоднократно пытались начинать переговоры—“много было ссылок и речей с ними”, но не добились никаких результатов: „видят воеводы, что доброго дела нет“. Тогда наместник приказал арестовать оглана Худай-Кула, князя Алимана с сыном, кн. Шамсю, кн. Чуру Кадыева, удельного Арского князя Богдана¹⁾, кн. Хан-Кильды и других видных лиц, а также всех прежних заложников. Воеводы стояли у ворот весь день и переночевали в посаде. Утром переговоры возобновились и продолжались до полудня без всякого результата: князь Чапкун решил не сдавать Казань русским без боя. Русские стрельцы и имущество воевод, присланное в Казань, были задержаны в крепости.

Видя безнадежность своего предприятия, кн. С. И. Микулинский решил возвратиться в Свияжск. Русским не оставалось делать ничего другого—брать крепость силой они не могли, и нареченный наместник с немалым конфузом вернулся обратно, однако на прощанье русские ни посада не сожгли, никого не убили и не разграбили—“ни одному человеку лихо не учинили”, так как все еще надеялись на соглашение—“чаяли сделки”. По возвращении русских в Свияжск, все арестованные казанцы были заключены в тюрьму.

Проект унии рухнул. Присоединить Казанское ханство к русскому государству добровольно, мирным путем, русским не удалось. Казанцы в последний момент не пожелали покончить со своей независимостью, и свобода была спасена. Этот порыв не мог изменить соотношения сил между обоими государствами, и, как впоследствии оказалось, лишь отсрочил, но не предотвратил падения Казанского ханства. То, что не смогло произойти добровольно, через 7 месяцев совершилось насилиственno, но последствия новой войны были ужасны, и судьба казанского народа оказалась несравненно

¹⁾ Это имя транскрибировано в русских документах неправильно, переделано на русский лад и должно было звучать по другому.

более тяжкой. Уния не состоялась, и казанцам пришлось заплатить за это страшной ценой...

В тот день, когда казанцам предстояло расстаться навеки со своей независимостью, среди них царило, несомненно, крайне тяжелое, подавленное настроение. То спокойствие, о котором говорили русские донесения, было насыщено мрачною жутью и не предвещало ничего хорошего. И в этот самый момент нашлись безумные смельчаки, которые ощутили в себе достаточно силы, чтобы бросить в народ горячий призыв к спасению, и народ мгновенно воспламенился, увидев неожиданный выход из безнадежного положения.

Переворот был произведен с поразительным хладнокровием. С суровой решимостью три смельчака испросили позволения ехать вперед, ничем не возбудили подозрения, доскалькали до города и в течение нескольких минут, пока иностранный наместник приближался по двухверстной равнине, лежавшей между городом и Бежбадой, они успели захлопнуть ворота, ворваться в город, возбудить народ, и никто не догадался арестовать этих безумцев. Русские растерялись от неожиданности. Иван Черемисинов совершил непростительную ошибку, побоявшись остаться в крепости среди возбужденной толпы и выскав навстречу наместнику. Бояре, слишком уверенные в том, что через несколько минут русский наместник вступит хозяином в ханский дворец, оказались совершенно сбитыми с толку и не сумели ничего предпринять.

Герои переворота были обязаны своей удачей многим причинам—своей решимости и искренности порыва, самонадеянности русских и их растерянности, но больше, всего, конечно, тому, что они угадали народное настроение и сумели воспламенить упавших духом казанцев. Тот момент, когда сердца дрогнули и вспыхнули любовью к отчизне, воля же была достаточно крепкою, чтобы сдержать громадный порыв, и чтобы в иностранного наместника, стоявшего перед воротами, не было сделано ни единого выстрела—поистине является одним из величайших моментов казанской истории. Как бы велики ни были упреки казанцев в недостатке патриотизма, и в том, что общественные группы в ожесточенной борьбе за свои интересы оказались неспособными возвыситься до сознания общегосударственной пользы, одного этого момента достаточно для того, чтобы оправдать казанский народ и снять с него упрек в отсутствии национального чувства. Казанцы могли справедливо гор-

диться геройским подвигом этих люде, спасших независимость своей родины.

Состязание упорной решимости и ликующей самоуверенности, происходившее между казанцами и русскими пред запертыми крепостными воротами, окончилось в пользу решимости. Никто не пытался сломить оружием горсть храбрецов, и наместник не отдал приказа итии на приступ. Борьба решилась без пролития крови, и самоизаданность русских разбилась о моральную стойкость казанцев. Это была огромная моральная победа казанцев над русскими, но изумленные и разочарованные русские воеводы нашли в себе достаточно благоразумия, чтобы отступить, не причинивши бесполезного вреда беззащитным казанцам, жившим в посаде.

Добровольное подчинение казанцев России не состоялось, и попытка казанских князей войти в соглашение с иностранцами неожиданно провалилась, а сами князья оказались у русских в тюрьме. На смену унывавшего и малодушного, не отличавшегося благородством правительства Худай-Кула, в Казани было образовано новое правительство, полное пламенного патриотизма и энергично выхватившее из рук иностранцев инициативу. Во главе правительства стал князь Чапкун Отучев. Своей задачей оно поставило спасение независимости и национальную оборону.

После бескровной победы над русскими и удаления нареченного наместника от Казани, русские стрельцы и другие лица, оказавшиеся в городе в момент переворота—„Пунков с товарищи“, всего 180 человек, были убиты. Привезенную в ханский дворец „рухлядь воеводскую“ казанцы поделили между собою. Правительство немедленно занялось вопросом об избрании хана, и на престол был приглашен астраханский царевич Ядыгар-Мухаммед, живший в Ногайском княжестве; к нему было тотчас же снаряжено посольство.

Правительство Чапкуна Отучева решило перейти к наступательным действиям, с целью выгнать русских с горной стороны, из пределов Казанского ханства. Сначала казанцы потерпели неудачу — отряд князя Шах-Чуры и мурзы Шамая был разбит, и предводители его, попавшие в плен, были русскими казнены, но затем вся горная сторона отложилась от русских, и только Свияжск остался у них в руках.

Московское правительство не растерялось, увидев, что почти все результаты его годичных усилий свелись к нулю. По прежнему политическая программа оставалась невыполненною: казанский пре-

стол был предоставлен враждебному хану, горная сторона воссоединилась с Казанью, и из всех приобретений русские удержали только Свияжск да освобожденных из плена невольников. Общее же положение и реальное соотношение сил изменилось в пользу казанцев, так как место прежних слабых правительств теперь заступило активное правительство Чапкуна. Приходилось снова начинать блокаду речных путей, и так как нельзя уже было надеяться на добровольное присоединение казанского ханства к России, правительство стало готовиться к серьезной войне.

Немедленно по открытии навигации, русскими была возобновлена оккупация речных путей и установлена блокада Казани; заставы были поставлены, как и в предыдущем году, по берегам Волги, Камы и Вятки. В Свияжск были немедленно двинуты оборонительная артиллерия и обширный запас продовольствия, из которого должно было отпускаться снабжение всем оккупационным отрядам.

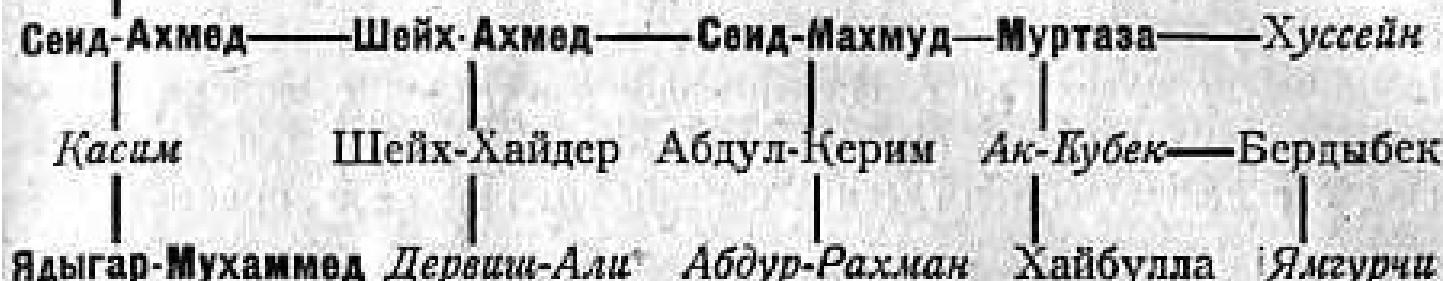
Русские донесения гласили: „Все изменили горные люди, а сложились с Казанью“. Казанцы захватили на лугах у Свияжска стада, привезенные русскими для заготовки питания; посланная в погоню сотня казаков потеряла 70 человек, вооруженных пищалями. В Свияжске вспыхнула цынготная эпидемия. Казачий отряд из 30 человек, ехавший в Свияжск за продовольствием для главной камской заставы, попал в плен к казанцам и был доставлен в столицу, где все пленники были убиты. На Каме русские прозевали хана Ядыгара, который незаметно переправился через реку, благополучно приехал в Казань и занял ханский престол.

Хан Ядыгар происходил из Астраханской династии, принадлежавшей к роду хана Тимура Кутлу. Он был внуком Сарайского хана Сейд-Ахмеда и сыном астраханского хана Касима, убитого при неожиданном набеге на Астрахань черкесов в 1532 г. В царствование астраханского хана Абдур-Рахмана, в 1542 году Ядыгар выехал на службу в Россию¹⁾. Он пробыл в России 8 лет и участвовал в русском походе против Казани в 1550 году, но в том же году оставил русскую службу и уехал в Ногайское княжество. В 1551 году братья Растовы и другие казанцы наметили его кандидатом на казанский престол и вели с ним переписку, за-

¹⁾ Вел. Зерн I. 316 и 370.

что и подверглись жестокой расправе со стороны Шах-Али. В 1552 году Ядыгар имел от рождения не менее 30 лет.

Ахмед

Родословная таблица Астраханской династии

Правительство при хане Ядыгаре составилось из следующих лиц: Кул-Шериф, кади, князь Чапкун Отучев, кн. Алике Нарыков, ногайский князь Зенист, сибирский князь Кебек и кн. Дервиш.

С прибытием хана в Казани царило бодрое настроение. Казанцам удалось совершить удачное нападение на главную камскую заставу, и русские были серьезно встревожены постигавшими их неудачами. В гарнизоне Свияжска дисциплина совершенно упала, и в войске происходила деморализация. Новопостроенный город имел вид военного лагеря, но успел наполниться маркитантами, поставщиками на армию и дельцами всякого рода: здесь было „купцов бесчисленное множество, с различными живностями и со многими товары, приплыши, идеже бяше всего достаток, чего бы душа восхотела“¹⁾). В городе было много различных товаров, но не было хлеба, и армия голодала. Свияжск был окутан нездороюю атмосферою военного городка, наполненного солдатами, торговцами и освобожденными из Казани пленными мужчинами и женщинами, которые не имели определенных занятий, получая пайки и слонялись без дела, в ожидании отправки на родину. В Москве не на шутку встревожились и решили поднять расшатавшуюся дисциплину. Правительство митрополита Макария решило создать моральный подъем и очистить атмосферу призывом к религиозному чувству. С этой целью оно обратилось к тем самым мерам, которые суеверному автору „Казанского Летописца“, составителю официальных записей „Царственной Книги“ и даже таким людям, как кн. А. М. Курбскому, чудились в стане казанцев, а именно — к ма-

¹⁾ Кн. Курбский „История князя великого Московского“, стр. 15.

тическим действиям. В Москве по случаю неудач были организованы торжественные процесии— „совершают молебные службы на много время, и святят воду со всех мощей и крестов”... Чудотворную воду в конце мая доставили из Москвы в Свияжск, и вместе с тем было опубликовано послание митрополита к Свияжскому гарнизону, составленное в сильных и трогательных выражениях. Послание произвело на солдат большое впечатление, войска подтянулись, азартные игры были запрещены, пьянство и разврат ослали, а с наступлением лета и с подвозом припасов прекратилась цынга.

Война за независимость. Падение ханства. Русское правительство стало готовиться к наступательным военным действиям в мае, царь же выехал из Москвы в армию в середине июня. Крымское и турецкое правительства не остались безучастными к судьбе Казанского народа и оказали поддержку казанцам, совершив нападение на Россию, хотя эта поддержка и не дала больших результатов. В тот самый момент, когда русская армия выступила в поход против Казани, хан Даулет с крымским войском и турецкими янычарами неожиданно для русских вторгся в Россию и быстро дошел до г. Тулы. Русские принуждены были прежде, чем начать поход против Казани, двинуть свои главные силы— правый фланг, авангард и половину царской гвардии против крымцев и турок. Рассчет хана Даулета не удался: он полагал, что русское войско успело уже продвинуться на восток, и что путь на Москву свободен. В виду приближения значительных русских сил, осада Тулы была прекращена, и хан Даулет отступил. Вельяминов-Зернов говорит об этом походе следующее: „Война эта, начатая крымцами с участием и турок (янычары их находились в ханском войске) в ту минуту, когда Иван собирался итти на Казань, была предпринята с прямою целью задержать государя и подать руку помощи Казани. Говорили это даже пленные крымцы, попавшиеся в ту пору в руки русских. Вообще следует заметить, что видимое тогда расширение русской власти сильно тревожило все окрестные мусульманские земли. В особенности были озабочены Турция и Крым. В памятниках, касающихся эпохи, близкой ко времени падения Казани, встречаем частые известия как о сношениях Турции и Крыма на счет России, так и о посольствах, которые оба государства эти снаряжали к ногайцам и даже в Астрахань, с целью поднять их про-

тив нас и убедить в необходимости стать всем мусульманам заодно, чтобы противодействовать возрастающей силе России¹⁾.

После отступления хана Даулета прерванный поход русских против Казани был возобновлен. Войско было напутствовано митрополитом Макарием, который трактовал эту завоевательную войну, как святое, божие дело, направленное к обращению „безбожных“ и „поганых“ мусульман в христианство и к освобождению плеников из неволи²⁾, воинов же, павших в этом священном походе— как мучеников за веру. Русскому правительству стоило огромных усилий организовать этот грандиозный поход, и дело не обошлось без заминок: новгородцы заявили, что они отказываются итти в поход, так как им, находящимся в походе с весны и бывшим в боях, невозможно быть так долго в пути и стоять под Казанью. Правительство заявило, что кто не желает участвовать в походе, тот может вернуться обратно, но что участники похода будут наделены поместьями под Казанью („кто походит с государем пойти, тех государь хощет жаловати и под Казанию перекормити“) и в заключение составило список, кто сколько насчитывает земельной задолженности за государством³⁾. Мера подействовала, и все новгородские дети боярские, мелкопоместные дворяне, изъявили единогласно желание итти в поход. Правительство осуществляло программу И. Пересветова относительно „подрайской землицы, вельми угодной“ для мелких дворян.

5 августа русская армия переправилась через Суру под Баранческим городищем и вступила в пределы Казанского ханства. На границе царя встретили гонцы из Свияжска и депутация „горных людей“. 13 августа русская армия достигла Свияжска. Из Свияжска в Казань были получены с пленим казанским купцом письма от Шах-Али к хану Ядыгару и от царя к Кул-Шерифу, с увещанием сдаться. Через несколько дней хан послал ответ, о содержании которого летописцы сообщают в следующих выражениях: „Пишет гордые и скверные слова, веру православную и царя благочестивого поносит и укоряет, також и Шигалея похуляет и себя

1) Вельяминов-Зернов, I, 372—373.

2) В официальном источнике — „Царственной Книге“ приведена речь царя произнесенная во время смотра перед походом; в этой речи царь объяснил солдатам: „Агаране (мусульмане), они бога не имеют... мы же имеем владыку своего господа бога; аще за ним его постражем, да венцы мученически увязнемся“ (стр. 226).

3) Царств. Книга, с. 235.

на брань готова возвещает¹⁾). С 16 по 20 августа производилась переправа русского войска через Волгу; 20 августа царь высадился на устьи Казанки, близ заводи Тирен-Узяк („глубокий проток“)²⁾.

Казанское правительство основательно подготовилось к обороне, и в городе было заготовлено много запасов. Для применения излюбленной тактики—тревожить тыл осаждающих набегами конницы, в 15 верстах на северо-восток от Казани, на Высокой горе, была устроена укрепленная позиция в виде засеки, которая должна была являться базой для отряда князя Япанчи, мурзы Шунака и Арского князя Эйюба. Казанцы были полны непреклонной решимости отстаивать свою независимость до конца. Все предложения сдать город врагами были отвергнуты, и правительство без колебаний шло к смерти или к победе.

Это была пятая по счету осада русскими столицы Казанского ханства (1487, 1524, 1530, 1550 г.); в 1469, 1506 и 1545 г. попытки обложить город им не удавались. В 1487 году город был сдан, в 1524, 1530 и 1550 годах осада была кратковременной и безуспешной. Теперь русские готовились к долгой осаде и были намерены даже зимовать под Казанью. Осада была подготовлена тщательным оборудованием военной базы в Свияжске, где были устроены громадные склады продовольствия и снаряжения; без этой базы осада была бы немыслима. Русские двинули в дело огромную армию и многочисленную артиллерию и создали значительный перевес над казанцами: количество осаждавших (150 т. ч.) почти в 5 раз превосходило число защитников (33 тыс. чел., в том числе 30 т. казанцев и 3 т. ногайцев союзников), казанская артиллерия также значительно уступала русской, насчитывавшей 150 орудий, но главную особенность военной организации у русских составляло применение новейших технических изобретений, в том числе—подкопов и мин при помощи пороха, и эти усовершенствования сыграли решающую роль при осаде Казани. Русское правительство позаботилось о том, чтобы поставить осадное дело наравне с западно-европейской техникой, и руководителем минных подкопов был, по преданию, английский инженер по фамилии Бутлер. Осада оказалась менее долговременной, чем ожидалось: крепость не могла устоять против разрушительного действия подкопов под стены, взрывавшихся при помощи пороха!.

23 августа русская армия произвела окружение города. Попытки казанцев помешать обложению не удались. В течение недели

1) Никонов. Лет. VII, 149.

2) П. С. Р. Л. VI, 306; Вел.—Зерн. I, 386.

русские сооружали окопы и ставили туры, где же нельзя было поставить туры, строили тын. Казань была обнесена сплошным кольцом тур и окопов. Артиллерия начала обстреливать город.

Удачные действия казанской конницы заставили русских 1 сентября совершить операцию против Высокой горы. Засека была взята и уничтожена, вслед за тем русский отряд совершил набег на Арск и на Арскую землю, захватил много добычи и возвратился к Казани.

4 сентября был произведен опыт эффектного взрыва порохового подкопа под источник воды внутри крепости. Взрыв оказался удачным, но цели своей не достиг, так как Казань была богата обширными водоемами внутри города в виде озер. После первого опыта русские приступили к сооружению новых подкопов.

30 сентября был взорван подкоп под стены, и русские пошли на приступ, но приступ был отбит. Новый подкоп и приступ состоялись 2 октября. На этот раз русским удалось ворваться в город. На улицах шел рукопашный бой: „Быщеся царевы воины во всех местах от всех ворот мужествене, за руки имаяся, копии и саблями в теснотах, ножи режущеся. Во многих улицах со обоих стран христианам и татарам ударившеся во многия копия и на мног час стояще на копиях, ни единим поступившим“¹⁾). Русские не особенно охотно шли в бой, и очевидец писал: „Много нас ко штурму поидоша, а мало под стены градныя приидоша: некоторые возвращающеся, множество лежаще и творящеся (притворяясь) побиты и ранены“²⁾). Как только русские ворвались в город, начался тотчас же грабеж — „многие слабые емлют сокровища казанские“³⁾. Участник осады писал: „А войско наше, яже было отстало вне града, яко увидело, иже мы уже во граде, а татаровя с стен побегоша, во град ринулось: и лежащие, глаголемые ранены, воскочиша и творящиеся мертвые воскресоша. И со всех стран не токмо те, но и со станов, и кашевары, и яже были у конех оставлены, и друзья, яже и с куплею приехаша, все сбегоша во град, не ратного ради дела, но на корысть многую: бо то место воистину полно было дражайших корыстей, златом и сребром и камением драгоценным, и собольими кипело и другими великими богатствы“⁴⁾.

1) Царств. Книга, стр. 305.

2) Курбский, стр. 26 - 27.

3) Царств. Книга, стр. 306.

4) Курбский, стр. 27.

Увидев, что русские увлеклись грабежом, казанцы воспользовались этим и перешли в наступление. Успех казанцев немедленно вызвал панику среди русских.— „И як видевше бусурманы, иже христианского войска мало оставает, мало не все на корысти палоша: мнози, яко глаголют, по два крат и по три в станы отходжаху с корыстями и паця возвращаҳуся, храбры же воины беспрестанно бьющеся; видевше же сие бусурманы, иже утрудишася уже воины храбрые, и начаша крепце налегати, ополчающеся на них. Корыстовники же оные предреченные, егда увидели, что наши по нужде уступают по малу, бранящеся бусурманом, в таковое абиे бегство вдашася, яко во врата многие не попали; но множайшие и с корыстями чрез стену метались, а иные и корысти повергоща, только вопиюще: „секут! секут!”¹⁾). Русское командование приказало убивать мародеров— „многих ближних забивати тех, да не падают на сокровищах, также и помогают своим”²⁾), и этими мерами паника, была остановлена. Русские опять перешли в наступление.

Отчаянный бой произошел у главной мечети Кул-Шерифа, на Тезицком овраге. Кул-Шериф пал в бою. Последний бой произошел на ханском дворе. Хан Ядыгар был взят в плен. Вместе с ним попали в плен карачи князь Зениет и два ханских имильдаша, т. е. молочных брата, считавшихся ближайшими родственниками хана. Под напором русского войска казанцы были оттеснены в дальний, северо-восточный угол двора и, хлынув вниз по горе с кремлевского бугра к Елбугиным воротам, смяли русских, ворвавшихся в крепость чрез эти ворота, но в самых воротах русские их задержали. Тогда казанцы стали прыгать чрез стену и выбежали из крепости к р. Казанке. Перейдя в брод через мелководную речку, они пробились сквозь русское войско, рассыпались по лугам и скрылись в заречном лесу. Это был единственный отряд казанского войска, уцелевший от гибели.

Сражение было окончено. В городе была произведена страшная резня, так как русское командование распорядилось произвести поголовное избиение всех мужчих: „В полон имати жен и дети малые, а ратных избивати всех”³⁾). Все мужское население было уничтожено, но было немало убито и женщин: „Сечаху нещадно нечестивых мужей и жен”⁴⁾). Город представлял ужасное зрелище:

¹⁾ Курбский, стр. 28.

²⁾ Царств. Книга, стр. 303.

³⁾ Царств. Книга, стр. 308.

⁴⁾ Царств. Книга, стр. 306.

пылали пожары, дома были разграблены, улицы были завалены трупами, везде виднелись потоки крови— „по удолием крови текаху“¹⁾.— „Побитых во граде толикое множество лежаше, яко по всему граду не бе, где ступати не на мертвых; за царев же двором, где на бегство предалися, и с стен градских и по улицам костры (груды) мертвых лежаше с стенами градными ровно. Рвы же на той стороне града полны мертвых лежаше и по Казань реку и в речке, иза рекою по всему лугу мертвии погани лежаша“²⁾). Для въезда Ивана IV в город смогли „едину улицу очистити к цареву двору от Муралеевых ворот мертвых поснести, и едва очистили“³⁾), несмотря на то, что расстояние от ворот до дворца было не более 100 сажен.

Такова была жестокая расправа победителей с побежденными. Все мужское население громадного города было истреблено.. Из мужчин был оставлен в живых лишь один хан Ядыгар. С женщинами было поступлено также жестоко: царь отдал их в полное распоряжение своим солдатам: „Вся же сокровища казанская, и жены их и дети велел всему своему воинству имати“, ⁴⁾— и „толь множество взяша полону татарского, яко же всем полком русским наполнитись; у всякого человека полон татарский бысть“⁵⁾). Грабеж начался с первого же момента, как только русские ворвались в город.

В тот же день русский царь въехал в крепость чрез ворота Нур-Али и посетил ханский дворец. Он приказал прекратить пожары и разграбить все имущество казанских жителей— „многая сокровища казанская велел всему своему воинству имати“⁶⁾ В государственную казну были взяты лишь знамена и пушки. Посетивши ханский дворец, Иван IV возвратился в свою ставку за городом.

Чудовищное избиение жителей взятой Казани составляет одну из самых тяжелых страниц русской истории. Такою колоссальною гекатомбою человеческих жертв закончился „крестовый поход“ христиюбивого воинства против казанцев, первое выступление русского государства на путь территориальных завоеваний. Кроме огромного количества человеческой жизней, насильственно унесенных в могилу, кроме безчисленных слез, страданий и горя, пережитых казанским народом, печальный день 2 октября знаменовал

¹⁾ Царств. Книга, стр. 306.

²⁾ Царств. Книга, стр. 308—309.

³⁾ Царств. Книга, стр. 311.

⁴⁾ Царств. Книга, стр. 313.

⁵⁾ Царств. Книга, стр. 308.

⁶⁾ Царств. Книга, стр. 313.

собою гибель материального благосостояния, накопленного целыми поколениями, и утрату культурно-бытовых ценностей, которые теперь были безжалостно извлечены из укромных уголков, где они бережно сохранялись, без сожаления были изломаны, изуродованы, потеряны, уничтожены. Тысячи драгоценностей, ювелирных украшений, тканей, произведений высокого мастерства и искусства безвозвратно погибли. Богатству народа был нанесен страшный удар, от которого он едва-ли мог бы оправиться. Громадный город сделался жертвой солдатского грабежа.

12 октября Иван IV двинулся в обратный поход. По свидетельству современника, царь не послушался мудрых и разумных советников, предлагавших ему остаться на зиму в покоренном городе и, повидимому, предугадывавших, что война еще не закончена. В Казань был назначен наместник—князь А. Б. Горбатый-Шуйский „в царства место управлявати“.

Продолжение войны за независимость Али-Анрам. С падением столицы борьба не закончилась. Шансы борьбы, правда, изменились в пользу русских: погибло правительство, было уничтожено войско, разрушена государственная организация, но это не сломило казанцев, и теперь борьба принимает стихийный характер—ее продолжает вести сам народ.

В декабре чуваши и черемисы на дороге из Свияжска в Васильсурск убили много русских гонцов, купцов и людей, сопровождавших обозы с казенными грузами. Русское правительство, получив донесение о неприязненных действиях, отвечало террором: приказано было сыскать участников падения и всех повесить. В Свияжск было приведено 74 человека цивильских чуваш; все они были повешены, а имущество их было отдано доносчикам¹⁾. Около Казани партизанскую войну вели „Тугаевы дети с товарищи“. Против них был послан мурза Камай, перебежавший к русским перед самой осадой Казани; он взял в плен 38 человек, и они были повешены русским наместником.

Русское правительство не понимало положения дела. Оно считало край окончательно присоединенным к России и приступило к выполнению своих административных обязанностей. Обязанности же эти, по понятию русских властей, сводились прежде всего к со-

¹⁾ Царств. Книга, с. 332.

бианию податей. Немедленно в разные волости были посланы сборщики податей. В окрестностях Казани „ясаки собрали сполна“. но в феврале 1553 года обнаружилось, что „казанские люди луговые ясаков не дали“ и сборщиков убили. Собралось войско казанцев, которое укрепило засеку на Высокой горе, в 15 верстах от Казани. Можно думать, что остатки конного отряда кн. Яшанчи послужили основой организованвшейся армии. Военные действия казанцев были удачны: они одержали победу над посланными из Казани двумя русскими отрядами в 800 человек; оба отряда были уничтожены: „пришли на них арские люди и луговые, да их побили на голову и убили 350 стрельцов да 450 казаков“¹⁾). Казанцы решили соорудить крепость, и место для нее было выбрано на верхнем течении р. Меши, в 70 верстах на восток от Казани. Горная сторона Волги была также охвачена восстанием против русских; здесь действовали отряды казанцев под предводительством Зейзайта и богатыря Сары, пришедшие с луговой стороны. Они одержали победу над посланным против них из Свияжска отрядом Б. И. Салтыкова. Сам Салтыков был взят в плен, убито было 36 детей боярских, 170 чуваш, в плен было взято 200 человек и т. д.

Во главе восстания стал Мамыш-Берды один из казанских правителей (сотных голов) луговой стороны. Собравши отряд в несколько тысяч, он ходил на Волге выше Казани и прервал сообщение между Свияжском и Васильсурском. Мамыш-Берды избрал центральным местом своего пребывания Чалымскую крепость, построенную на правом берегу р. Волги, на высокой Сундырской горе (близ с. Малого Сундыря, в 15 верстах ниже г. Козмодемьянска).

Природные укрепления делали город почти неиступным: „Гора весьма высока и утесиста; с юго западной стороны выказываются из не огромные скалы“. У подножия горы протекала Волга и находилась пристань, имевшая важное торговое значение так как город служил главным пунктом торговли солью, привозившейся из России в Казанское ханство. С. Михайлов, давший в 1852 г. описание развалин этого города, говорит: „Укрепление начинается первоначально с западного края горы едва приметным рвом, сравнявшимся с землею, который, простираясь на юг, становится значитель-

нее, а далее в южную сторону, примерно на четверть версты, огибает полукругом земляной вал, вышиною местами аршина в два, а ров глубиною более аршина идет рядом с валом, и достигают они оба до северного края горы, совершенно их отсекающей своим крутым утесом к волжской стороне; самая средина вала и рва перерезана: по всей вероятности, существовали тут ворота или какое-нибудь другое отверстие для вылазок. Опаснейший пункт, без сомнения, был с юга, на котором отсюда простирается равнина, обращенная в пашни, и с которой удобно было нападать русским на укрепление; по сей причине и укрепление с этой стороны принимает вид оборонительный, а прочие края горы, по крутизне их, неприступны, лишь от времени они довольно обвалились и обваливаются по слабости грунта земли. Уцелевшая площадь теперь в окружности не более как на версту...¹⁾ Высокий крутой обрыв в сторону Волги составлял очень удобное условие для обороны: по преданию, „при нападении русских с р. Волги жители города катали на них с вершины горы огромные дубовые крижи, которыми и низвергали их в волны р. Волги“²⁾.

Мамыш-Берды решил восстановить разрушенную государственную организацию и возобновить ханскую власть. На престол был приглашен ногайский мурза Мухаммед, сын мурзы Измаила. К нему было отправлено посольство, которое поднесло подарок, свидетельствовавший об успешной борьбе против русских—доспехи, снятые с взятого в плен и казненного русского воеводы боярина Б. И. Салтыкова. Однако, мурза Мухаммед, отец которого мурза Измаил склонялся в пользу союза с Россией, отказался от ханского престола. Тогда казанцы выбрали на престол брата царицы Сююн-Бике, мурзу Али-Акрама. Али прибыл из Сарайчика в Чалым с 300 ногайцев и был введен на престол. Таким образом, верховная власть в Казанском ханстве была восстановлена, столица же была временно перенесена на 160 верст от Казани вверх по течению Волги, в город Чалым.

Князь Юсуф Ногайский решил поддержать своего сына, хана Али, и собирал громадное войско для того, чтобы осенью 1553 года вступить в пределы России. К союзу казанцев и ногайцев примкнуло также Астраханское ханство, правительство которого обещало дать ногайцам суда для переправы через Волгу и выставить отряд в 500

¹⁾ „Сундырская гора“—Каз. Губ. Вед. 1852, № 30.

²⁾ Там же.

человек. Этот поход против русских не осуществился так как мурза Измайл, пользовавшийся большим влиянием в Ногайском княжестве, заявил о своем союзе с Россией и отказался выступить против русских, угрожая войной князю Юсуфу.

Русское правительство было вынуждено начать новую войну для действительного завоевания Казанского ханства. Летом 1553 г. по берегам Волги, Камы и Вятки ходили оккупационные отряды под начальством Д. Ф. Адашева. На всех перевозах они убивали казанцев и инородцев, захватили в плен 240 человек и терроризовали страну. В сентябре 1553 года русское правительство двинуло против казанцев целую армию под начальством прежних воевод — кн. С. И. Микулинского, И. В. Шереметева и др. Москва поняла, что со взятием столицы Казанское ханство еще не было покорено, и возобновила войну.

Район военных действий охватил всю территорию, населенную казанскими татарами — на 250 верст вверх по Каме. Русские отряды беспощадно опустошали страну. Они шли от селения к селению, уничтожая все на пути, сжигая деревни, отбирай скот, уводя всех жителей в плен. Война принял характер какой-то чудовищной бойни, в которой обе стороны были крайне ожесточены: казанцы упорно отстаивали свою независимость, и их поддерживали инородцы, соединившиеся против чужеземных завоевателей; русские шаг за шагом продвигались вперед, предавая все огню и мечу. Зимой 1553—54 года русские взяли и сожгли крепость на р. Мёше. Они «страшно опустошили всю страну» и взяли в плен 6,000 мужчин и 15,000 женщин и детей¹⁾). Обезумевшее от ужаса население принуждено было присягнуть русскому государю и заплатить подати русским.

Летом 1554 года война возобновилась, причем к Мамыш-Берды примкнули черемисы луговой стороны. Русские пытались послать против них присягнувших жителей Казанского ханства, но этот план потерпел полную неудачу, так как они не пошли на братоубийственную войну и примкнули к сражавшимся против русских. Война вновь охватила всю территорию. Повстанцы убили всех, кто сочувствовал русским, убили русских рыбаков, промышлявших на Каме, напали на сторожевой полк русской армии и появились под самой Казанью. Против них русские отправили отряд под начальством кн. И. Ф. Мстиславского. В течение короткого

¹⁾ Соловьев „Ист. России“ II, 88.

времени он страшно опустошил громадную территорию—22 волости и уничтожил несколько десятков селений. Взятые в плен, в количестве нескольких тысяч, были все казнены. В Арском крае построен был ряд башен, острогов и укреплений, в которых были размещены вооруженные отряды русских солдат, но военные действия кн. И. Ф. Мстиславского против Мамыш-Берды и хана Али были безрезультатны.

В 1555 году война не возобновлялась: население было подавлено обрушившимися на него страшными бедствиями, но весной 1556 года жители Казанского ханства подняли восстание против завоевателей. Мамыш-Берды с 2000-ым войском повел наступление, но в апреле месяце русские под начальством П. В. Морозова открыли военные действия против г. Чадыма. Неприступная крепость была взята, как и Казань, при помощи взрыва подкопов¹⁾. После падения Чадыма перевес окончательно перешел на сторону русских, и борьба за независимость становилась уже безнадежною. Инородцы, в особенности чуваши, стали переходить на сторону русских. Хан Али был убит. Чуваши хитростью захватили Мамыш-Берды и выдали его русским. Вождь борьбы за независимость был отправлен в Москву и казнен.

В мае 1556 года русские разбили повстанцев в Арской земле— П. В. Морозов снова „опустошил все Арские места, побил многих людей, плених вывел бесчисленное множество“, при чем русские „брали в плен одних женщин и детей, мужчин всех побивали“, т. е. умерщвляли²⁾. В июне последовала вторая карательная экспедиция, и в результате Арская и Прикамская сторона „опустошены были в конец“. После гибели Мамыш-Берды вождем повстанцев стал богатырь Ахмед. Он повел наступление на горную сторону, но потерпел поражение, был взят в плен и казнен. Силы казанцев были окончательно истощены. Народ, доведенный до отчаяния, отказался от продолжения бесплодной борьбы, и в 1557 году война уже не возобновилась. Край был присоединен к русскому государству.

Русские начали прочно устраиваться в завоеванном kraе. Проекту Нур-Али относительно дружного сожительства казанцев и русских под ушией Московского государя, разбитому 9 марта 1552 г. тремя пылкими патриотами, не суждено было осущест-

¹⁾ Разукрашенное легендарным подробностями предание об этом приведено в статье Сп. Михайлова „Судырская гора“—Каз. Губ. Вед., 1852 г., № 30.

²⁾ Соловьев „Ист. России“, II, 89—90.

виться. У русского правительства оказался свой план устройства присоединенного государства, и взаимоотношения завоевателей и покоренных вылились в самые тяжелые формы, какие только могли существовать между победителями и побежденными. В столице Казанского ханства русские применили крайне жестокую меру: опасаясь покушений, они категорически запретили казанцам жить и даже входить внутрь города, обнесенного крепостной стеной. Всем уцелевшим жителям города было приказано выселиться за пределы городской черты, и для поселения им было отведено место за р. Булаком, в так называемой Кураишевой слободе (ныне Старо-Татарская слобода). Принудительное выселение из прежних домов, несомненно, внесло новую разруху в разоренное население, пережившее ужас разграбления и погрома. Конечно, не все дома разрешено было разобрать и перенести из города на новое место — владельцам лучших домов, занятых русскими учреждениями, чиновниками и солдатами было запрещено ломать дома и перевозить за Булак. Не многие могли построить заново или хотя бы восстановить на новом месте перенесенный из города дом, и большинство жителей окончательно разорилось, впало в нищету или было принуждено рассеяться по деревням. Город пришел в упадок и опустел. В 1557 году из 30—40 тысяч жителей в Казани осталось лишь 6 тысяч татар, к которым прибавилось 7 тысяч русских. Таким образом, город потерял не менее $\frac{1}{2}$ своих прежних жителей, и общее количество его населения уменьшилось более, чем на половину.

Принудительное выселение татар из Казани и запрещение им даже входить в город сопровождалось фанатическим приказом русского правительства — „все мечети пометать и в конец их извести“. Первые два года русские не чувствовали себя прочно в покоренной столице, но после опустошения Арского края князем И. Ф. Мстиславским, с 1555 года русские начали устраиваться в Казани как следует. В этом году правительство митрополита Макария позаботилось о присоединении только что покоренного края и в религиозном отношении: в Казани была учреждена кафедра архиепископа, и предполагалось начать обращение жителей в христианство. Митрополит Макарий недаром в торжественной речи при возвращении Ивана IV из казанского похода сравнил его подвиг не только с победами Димитрия Донского и Александра Невского, но также с деятельностью великого князя Владимира „просветившего русскую землю святым крещением“ очевидно, у митрополита,

еще в 1536 году занимавшегося крещением татарок, сидевших в тюрьме, уже созрел план обращения в христианство жителей Казанского ханства. С. М. Соловьев говорит об отправлении вновь назначенного архиепископа из Москвы весною 1555 года: „Это направление было необычное, первое в русской истории: архиепископ ехал в завоеванное, неверное царство распространять там христианство... Этот духовный поход.. соответствовал отправлению греческого духовенства из Византии и Корсуня для просвещения Руси христианством при Владимире; он был завершением покорения Казани“¹⁾.. Для обращения казанских татар в христианство архиепископ получил от митрополита Макария подробный наказ, причем рекомендовалось „новокрещенных к себе приучать, кормить, поить, жаловать и беречь во всем, дабы прочие неверные, видя такое бережение и жалование, поревновали христианскому праведному закону и просветились св. крещением... Когда новокрещенные из-под учения выйдут, архиепископу звать их к себе обедать почаще, поить их у себя за столом квасом, а после стола отсылать их поить медом на загородный двор. Которые татары станут приходить к нему с челобитьем, тех поить и кормить у себя на дворе квасом, а медом поить на загородном дворе“²⁾. Миссионёры должны были избегать насильственных мер, но зато изжившим желание перейти из мусульманства в христианство были обещаны гражданские льготы и привилегии, и таким образом русское правительство действовало при помощи той же системы подкупов, которой оно старалось привлечь в русское подданство жителей горной стороны после построения Свияжска. Завоеватели стали энергично хозяйствовать в столице бывшего ханства. Вызванными с западной границы псковскими мастерами была начата постройка каменной крепости на кремлевском бугре³⁾. Рядом с ханским дворцом был начат постройкой христианский собор—„громадное, столичных пропорций здание, затеянное великой державой после победы“, „демонстративная эмблема московского могущества“⁴⁾. Наместник поселился не в ханском дворце, стоявшем на окраине города, а ближе к центру, на другом конце кремлевского бугра, около бывшей главной мечети, над Тезицким оврагом.

1) Соловьев „Ист. России“ II, 409.

2) Соловьев, „Истор. России“ II, 410.

3) Строителем крепости и собора был архитектор Чосник Яковлев—специалист по сооружению церквей и крепостей („церковный и городовой мастер“). Ему же была поручена в 1555 г. постройка храма Василия Блаженного в Москве, сооруженного в память взятия Казани.

4) А. И. Анисимов „В поисках древне-русской живописи“—Казанский Музейный Вестник, 1920 г., № 3—4, стр. 29.

В 1557 году, тотчас же вслед за покорением ханства, русское правительство произвело раздачу казанских земель русским людям. Конфискованы были ханские земли и владения казанских князей и помещиков.

Раздел был произведен между следующими категориями: часть земель была отписана на государево имя, часть — на имя наместника, обширные владения были отданы архиепископу, церквам и монастырям, остальными землями были наделены участники походов, дети боярские, имевшие недостаток в земле внутри русского государства, наконец были вознаграждены все изменники, новокрещены и лица, оказавшие различные услуги русским при покорении ханства (напр. мурза Камай). В край хлынул поток русских переселенцев.

Участник войны 1552 года кн. А. М. Курбский в следующих восторженных выражениях описывал богатство и благосостояние Казанского ханства: „В земле той поля великие и зело преизобильные и гобзующие на всякие плоды; тако же и дворы княжат их и вельможей зело прекрасны и воистину удивления достойни, и села часты; хлебов же всяких такое там множество, воистину вере ко исповеданию неподобно: аки бы на подобие множества звезд небесных; тако же и скотов различных стад бесчисленные множества и корыстей драгоценных, напаче от различных зверей, в той земле бывающих: бо тамо рождаются куны дорогие и белки и прочие звери ко одеждам и ко ядению потребные; а мало за тем далей соболей множество, также и медов: не вем, где бы солнцем больше было¹⁾). Завоевательные походы 1553—54 и 1556 годов нанесли страшное опустошение краю. Десятки, быть может, сотни селений были превращены в развалины, запасы хлеба испепелены, скот разогнан, имущество разграблено, жители истреблены. Г. Перетяткович говорит: „В XVI столетии в писцовых книгах Казанского и Свияжского уездов (1565—1567 г.г.) встречаем огромное число пустошей, свидетельствующих наглядно о том, что этот край до опустошительных войн, происходивших в нем при завоевании Казани и во время восстаний здешнего населения против Москвы, не был беден людьми²⁾). Население отхлынуло в леса, расположенные к северу от Казани. Тогда-то именно заселились казанцами берега р. Шошмы и ее притоков, а вокруг Казани образовалась широкая 50-верстная полоса опустевших земель, которые стали быстро расхватываться русскими переселенцами.

¹⁾ „История князя великого Московского”, с. 23.

²⁾ „Поволжье в XV и XVI веках”, с. 245.

Разоренные жители, уцелевшие от погрома, начали понемногу восстанавливать свое разрушенное хозяйство, но прошло много десятилетий прежде, чем край оправился от разорения. Громадная убыль людей и неисчислимый материальный урон нанесли страшный удар казанским татарам. Погибли почти все культурные сокровища, накопленные прежними поколениями, беженцам из много-людной прежде столицы, оставшимся в живых, пришлось доживать свои дни в глухих лесных деревушках, думая не о культурных приобретениях, а лишь о суворой борьбе за существование. В отдаленном селении Ошла-Сардык (Шудинской волости) сохранилась могила казанской царевны (хан-кызы), спасшейся от погрома и скончавшейся в этой бедной деревне: В нужде и лишениях угасло последнее поколение образованных казанских людей, носителей старины культуры, и грустью полны слова татарского летописца этой эпохи: „Иш-Мухаммед сын Тугк-Мухаммеда был праведный человек. В деревне Адай 36 лет руководил школой, которая процветала при нем и привлекала много учеников... Между тем в течение 20 лет из знающих этот путь и причастных ему никого не осталось...“ В войне за независимость погибли тысячи жизней, казанский народ лишился лучших своих сыновей, не говоря уже о материальных потерях, и прошло много лет, прежде чем он, вынужденный перейти от городского быта к крестьянскому, утративший свои культурные приобретения, приспособился к новым условиям существования. Страшное понижение культурного уровня, экономический регресс, сопровождавшийся переходом к примитивным формам хозяйства и сокращением всех потребностей, упадок промышленности и торговли, обеднение населения, отвычка от активного участия в строительстве государственной и общественной жизни—вот те последствия, которые принесло казанским татарам русское завоевание.

Для русских результаты первого опыта завоевательной политики также принесли немало разочарований. Надежды правительства, выражением которых были проекты И. Пересветова, не оправдались. М. Н. Покровский говорит: „Раньше всего, повидимому, рухнули надежды средних и мелких помещиков на великие и богатые милости, связанные с покорением Казани. Во первых, покорение это оказалось далеко не столь легким делом: население Казанского ханства еще 6 лет после падения своей столицы ожесточенно сопротивлялось, и русские города, построенные в новопокоренной области, все время „в осаде были от них“. Серьезность восстания свидетельствуется тем, что инсургентам удалось уничтожить

целое большое московское войско, с боярином Борисом Морозовым во главе, которого они взяли в плен, а потом убили. По словам Курбского, при усмирении погибло столько русских служилых, что и поверить трудно: „иже вере неподобно”. А затем, первыми, кто выпользовался ю, оказались не помещики, а крестьяне. Гораздо раньше, чем страна была настолько усмирена, чтобы можно было завести там правильное помещичье хозяйство, по следам русских отрядов потянулись на восток длинные вереницы переселенцев. Они гибли десятками тысяч, но воля была так соблазнительна, а вольных земель в центральных областях оставалось так мало, что гибель передовых не останавливалась следующих. По некоторым признакам можно заключить, что отлив населения на восток начался параллельно с казанскими походами, не дожидаясь их успеха¹⁾). Разочарование дворян в результатах завоевания достаточно об'ясняет отрицательное отношение А. Ф. Адашева к Ливонской войне, тогда как проекты И. Пересвистова настаивали на завоеваниях. Еще в 1554 году А. Ф. Адашев и дьяк И. Михайлов, которым принадлежало видное участие в составлении плана завоевания Казанского ханства, готовились к покорению Балтийского побережья и предъявляли „исторические” права на Ливонию, но к началу Ливонской войны (1558 г.) А. Ф. Адашев уже выходит из состава правительства и высказываетя против дальнейших завоеваний. Эта перемена во взглядах А. Ф. Адашева хорошо об'ясняется разочарованием в плодах завоевательной политики на востоке, результаты которой как раз в это время были подсчитаны.

Войны за освобождение Казани. Ни одно из мусульманских государств Восточной Европы не могло оставаться равнодушным к падению Казанского ханства: Турция, Крым, Астраханское ханство, Ногайское княжество—все были опечалены гибелью мусульманского государства в Среднем Поволжье и постарались оказать ту или инную поддержку единоверным и единоплеменным собратьям.

Крымский историк XVI века Мустафа Джеваби говорит: „Сагиб-Гирей, услышав о приключившемся в Кааани, послал к высочайшему двору (Оttоманскому). Неверные, велел он сказать там, овладели Казанью; нам и его величеству султану следует избавить правоверных от этого бедствия; пришлите к нам двоюродного моего брата (читай: племянника) Даулет-Гирея, сына Мубарек-султана, сына Менгли-Гирей хана, для того, чтобы мы могли от-

¹⁾ „Русская история”, I. 320—321.

править его к Казани с многочисленным войском, ее высвободить из рук неверных, а его посадить там ханом¹⁾). Хотя это сообщение страдает анахронизмом, так как хан Сагиб послал за царевичем Даулетом в 1551 году, но все же оно показывает, что в Турции и в Крыму интересовались событиями, происходившими в Казанском ханстве. В 1552 году крымцы и турки напали на Россию перед самым началом похода против Казани. В 1553 году русские ожидали нападения со стороны Крымского ханства, но дело ограничилось дипломатическими переговорами. Война началась в 1555 году. Хан Даулет начал наступление на Тулу и одновременно с этим русские стали наступать из Белева по Муравской дороге. Отряд И. В. Шереметева, оказавшийся в тылу у крымцев, захватил крымский обоз, но в 150 верстах к югу от Тулы крымско-турецкое войско разбило отряд И. В. Шереметева. В 1556 году русские первыми начали наступление на Ислам-Кирмень и Очаков, но безрезультатно, а Вишневецкий с русским отрядом укрепился на острове Хортице (на Днепре). Турецкие войска в 1557 г. выбили Вишневецкого с Хортицы, а в декабре 1558 г. крымцы перешли в наступление. Русский отряд под начальством Д. Ф. Адашева сделал набег на берега Крыма, спустившись на лодках по Днепру в море.

Астраханское ханство в международных отношениях не играло значительной роли и находилось большую частью в зависимости от обширного Ногайского княжества. Мы уже видели, что князь Ногайский Юсуф поддерживал казанцев в борьбе за независимость: 3000-ный отряд ногайских татар был послан им на помощь хану Ядыгару и участвовал в защите Казани; после взятия в плен Ядыгара казанцы избрали в ханы ногайских князей, и сын Юсуфа—Али стал ханом Казанским; вместе с ним в г. Чалым пришел ногайский отряд. В 1553 г. ногайское правительство в союзе с Астраханским ханством готовилось к войне с Россией, но мурза Измаил, заинтересованный в союзе с Россией, расстроил замыслы князя Юсуфа. Измаил откровенно заявил о своих торговых связях с Москвой: „Только мне завоеватися, и мне самому ходити нагу, а которые люди умирать станут, тем и саванов не будет“²⁾—очевидно, ногайцы получали от русских холщевые ткани. В 1554 году, опираясь на союз с мурзой Измаилом, русское правительство объявило войну Астраханскому ханству, и низложивши хана Ямгурчи представило престол царевичу русской службы Дервиш-Али, хотя не преминуло заявить о своих правах на Астраханское ханство: мос-

¹⁾ Рукопись Азиатского Музея № 528, л. 450—451. цит. Вел.-Зери, I, 374—375.

²⁾ Др. Росс. Вивл. IX, Перетяткович, с. 209—210.

ковские дипломаты упомянули, что Астрахань—„древнее отчество” т. е. вотчина русского государя, довольно неудачно отождествивши Астрахань с Тмутороканью. Междоусобная война среди ногайцев зимой 1554—55 года, решилась победою Измаила, но сын князя Юсуфа Юнус продолжал вести борьбу. Рассчеты русских на хана Дервиша не оправдались: весною 1556 года он уже вступил в союз с князем Юнусом и с Крымским ханством. Русский посол был изгнан из Астрахани, и союзники одержали победу над Измаилом. Сарайчик был занят, и князь Юнус был провозглашен государством Ногайском. Хан Дервиш получил поддержку от Крыма и Турции—артиллерию и 1000 солдат, в том числе 300 янычар, вооруженных ружьями. В 1556 году война между русскими и астраханцами произошла, но русские одержали победу, и одновременно с Казанским ханством Астрахань была присоединена к русскому государству.

В 1561 году турецкое правительство предполагало иттивойной против России для освобождения Астраханского ханства, но этот проект был осуществлен лишь в 1569 году. Осенью этого года соединенное турецко-крымское войско заняло Астрахань, но не могло ее удержать, и в 1570 году русское правительство посредством дипломатических переговоров добивалось мира с турецким султаном. Русское правительство уничтожило свою крепость, построенную в Кабарде, но султан требовал освобождения Казани и Астрахани или же того, чтобы русский царь признал себя даниником Турции. Того же требовал крымский хан Даулет, который подкрепил свое требование победой над тестем Ивана IV черкесским князем Темрюком.

Весной 1572 года крымское войско вторглось в Россию, обходным путем переправилось через Оку и направилось к Москве. Царь бежал с фронта мимо Москвы в Ярославль. 24 мая Москва [была сожжена вся до тла, уцелел только кремль. Так совершилась расплата с русскими за взятие ими Казани. При последовавших затем мирных переговорах хан Даулет заявил: „Кгү и пустошу Россию единственно за Казань и Астрахань...” М. Н. Покровский дал следующую оценку этой войне: „По своей непосредственной разрушительности крымский набег далеко оставлял за собою все, что могли чажечь и награбить литовские партизаны ¹⁾. Весь Московский посад

татары выжгли дотла, и, как мы помним из рассказов Флетчера¹⁾, 17 лет спустя он не был еще вполне восстановлен. Целый ряд других городов постигла та же участь. По тогдашим рассказам, в одной Москве с окрестностями погибло до 800 тысяч человек, в плен было уведено 150 тысяч. Общая убыль населения должна была превышать миллион—а в царстве Ивана Васильевича едва ли было 10 миллионов жителей. При том опустошению подверглись старые и наиболее культурные области; недаром потом московские люди долго считали от татарского разорения, как в XIX веке долгое считали от „двенадцатого года“²⁾. Со времени своего набега на Москву хан Даулет получил среди татар прозвище „Взявший столицу“³⁾.

Русское правительство отказалось от Астраханского ханства и выставило требованием лишь установления совместного с Крымским ханством протектората над Астраханью. В виду затянувшихся дипломатических переговоров, хан Даулет снова вторгся в Россию. Совершенно неожиданно для русского войска переправившись через Оку, крымцы уже подходили к Москве. В 50 верстах от русской столицы, на р. Лопасне крымцы проиграли сражение (1 августа 1572 г.) и были принуждены отступить. При последовавших затем мирных переговорах хан Даулет заявил Ивану IV: „Долго ли враждовать нам за Астрахань и Казань? Отдай их, и мы друзья навеки. Тем спасешь от греха, ибо, по нашим книгам, не можем оставить царств мусульманских в руках у неверных“. Русское правительство, воспользовавшись последней победой, отвечало вполне отрицательно, и крымское правительство отказалось от освобождения Казанского ханства, продолжая настаивать на восстановлении лишь Астраханского ханства. Таким образом, судьба Казанского ханства была окончательно решена через 20 лет после взятия русскими его столицы.

В 1582 году, население бывшего Казанского ханства предприняло громадное восстание против завоевателей. Причины этого восстания с исчерпывающей полнотой освещены проф. Н. Н. Фирсовым⁴⁾. Русский летописец вынужден был констатировать печальную репутацию, которую заслужили победители в завоеванном kraе:

1) Флетчер в книге „О государстве русском“ в 1588 г. писал: „После осады и пожара видны обширные пустые пространства в особенности в южной части города, которые еще недавно были покрыты домами“.

2) „Русская История“, I, 347.

3) Смирнов, Ист. Крым. ханства“, с. 427.

4) „Чтения по ист. Ср. и Ниж. Поволжья“, стр. 113—116 и 120.

Тридцать один год прошел от покорения Казани, и окаянны басурманы не захотели жить под государевою рукою, воздвигли рать, пленили много городов. Царь, видя их суворость, послал в Казань бояр и воевод с приказом пленить их. Но пораные, как звери дикие, сопротивлялись рати московской, побивали московских людей то на станах, то на походах; бояре и воеводы не могли их усмирить¹⁾. Восстание было усмирено лишь с построением целой линии крепостей в черемисской земле в 1584 году (Царевосанчурск, Царевококшайск, Уржум и Малмыж).

Дальнейшая судьба ханов Казанских. После падения Казанского ханства в живых оставалось три хана Казанских из различных династий—Шах-Али, Утямыш и Ядыгар.

Покинув престол 6 марта 1552, Шах-Али уехал в Свияжск. Он предполагал провести здесь весну, но русское правительство вызвало его в Москву и привлекло его к участию в заседаниях боярской думы при обсуждении плана предстоящей кампании. Из Москвы хан был направлен в Касимов речным путем, на судах—„понеже царь (Шах-Али) велие тело имяше и не могий скоро на конех ездити; разумичен же царь преизлише, но не храбр сый на ратех, и дружине своей не податлив“²⁾. В походе 1552 года Шах-Али командовал касимовским войском. При переправе через Волгу он получил приказание занять Гостинный остров, во время осады он находился на самом ответственном фронте, вместе с полками Большим и Передовым, со стороны Арского поля, но на приступ касимовские татары, по распоряжению штаба, не были поведены и были отправлены в тыл для охраны обоза и штаба и на случай преследования вылазки из Казани по Арской и Чувашской дорогам. Хан участвовал во всех военных советах во время осады. При общем ликовании русских после взятия города царю принес поздравление и Шах-Али, но в довольно сдержаных выражениях,—он кратко сказал: „Буди, государь, здрав, победив сопостаты, и на своей вотчине на Казани вовеки!“ на что Иван милостиво ответил, что хану самому известно, сколько раз посылались войска против Казани, известно также ожесточение казанцев, и вот теперь бог сотворил свой праведный суд—русским показал свое милосердие, а казанцам отмстил за кровь христианскую³⁾.

¹⁾ Никоновск. Лет. VIII. 4.

²⁾ Царств. Книга, стр. 225.

³⁾ Царств. Книга, стр. 311.

По окончании похода Шах-Али возвратился в Касимов, к управлению своим. уделом. В феврале 1552 года ему было обещано русским правительством за добровольную сдачу Казани наместнику „чего у государя похочет, тем его государь пожалует“ ¹⁾). Хотя тогда хан не сдал добровольно Казани, а только оставил престол, но в мае 1552 года русское правительство наградило его всем, чего он просил. Просил он „в Мещере сел многих“ и разрешения взять себе в жены царицу Сююн-Бике ²⁾).

Проект выдать Сююн-Бике за Шах-Али возник у русского правительства еще в 1550 году и затем вновь в феврале 1552 г., о чем оно известило ее отца, князя Юсуфа. В мае 1552 г. князь Юсуф просил выдать Сююн-Бике и Утамыша ему, но русское правительство ответило: „И мы для Юсуфа князя и вас для всех царицу жалуем, а хотим ее дать за Шигалея царя того для, чтобы вы о том порадовались“ ³⁾). В июне Иван IV писал мурзее Измайлу: „Прислал еси к нам просить Юсуфовы дочери Сююнбек царицы, чтобы нам ее к вам отпустити. И мы се хотели к вам отпустити. И Шигалей царь нам был челом, что и Сююнбек—юрт (удел) его, что была за братом его за Еналеем царем, и по вашему закону пригоже за ним быти. И мы вашу дружбу к себе помамяговали, Сююнбек царицу полонянкою не захотели держати. Учинили есмъ царице добрую честь вас для, и дали ее за брата своего Шигалея царя, и Отемиш Кирея царя дали есмъ сий же кормити. И ви б, слыша то наше добро к себе, порадовалися“ ⁴⁾). Отцу и брату Сююн-Бике русское правительство даже писало, что Сююн-Бике по собственному желанию вышла за Шах-Али ⁵⁾.

Этот брак был, разумеется, не добровольным и обусловливался всецело политическими расчетами: русское правительство хотело устраниТЬ Сююн-Бике и ее сына от видов на казанский престол, соединивши этих представителей Крымской династии с верноподанным касимовским ханом. Сам Шах-Али едва ли любил Сююн-Бике, так как после изгнания ее, в 1551 году, когда возникал аналогичный проект, он „у себя ее держати не захотел“ и Сююн-Бике была отправлена вместе с сыном в Россию.

¹⁾ Царств. Книга, стр. 195.

²⁾ Царств. Книга, стр. 218. Никон. Летопись VII, 115.

³⁾ Прод. Др. Росс. Визл. VIII, 310—311.

⁴⁾ Продолжение Др. Росс. Визл. VIII, 334—336.

⁵⁾ Прод. Др. Росс. Визл. IX, 10—15.

До князя Юсуфа доходили тревожные слухи, будто Шах-Али, по приказанию Ивана IV, замучил Сююн-Бике до смерти, отрезал ей нос и т. п., и по этому поводу между русским и ногайским правительствами возникла целая переписка. Русское правительство решило отправить ногайских послов в Касимов, где они лично убедились бы в невредности Сююн-Бике. Иван IV писал при этом Шах-Али: „Писали к нам Исмаил мирза и Касай мирза и Юнус мирза—сказали де Юнусу князю, будто ты, брат наш, по нашему слову Сююнбек царицу казнил, носа ей срезал и поруганье великое учиня убил ее до смерти. И того для де Юсуф князь на нас гневается, послов и гостей к нам не посыпает. А наши казаки Бахтеяр Баимаков с товарищи нам сказывали тоже, будто сказали Юсуfu князю, что дочь его казнена. А вожь Сююндюка-Тулусупова Карамыш Мустоянов нам сказывал, что Сююнбек-царицына мать сама ему говорила, что дочь ее казнена. И мы нынче ногайских послов отпустили в Ногай, а Юнус-мирзину человеку Зиен-Алею, да Али-мирзину человеку Бахты-Гильдею велели есмя заехать к тебе. И как Юнус-мирзин¹⁾ Зиен-Алей и Бахты-Гильдей к тебе приедут, и ты б ему велел быти у себя да и у царицы бы если у своей у Сююнбек велел им быти, чтобы они ее видели, и отпустил бы еси их из Городка с ногайскими послы вместе. А будет Сююнбек царице пригоже от себя к отцу и к матери своей послати грамоты о своем здоровье известити и о их здоровье вспросити, и ты бы ей велел послати грамоты, каковы пригоже быти, да и поминок, что пригоже¹⁾, но при этом русское правительство требовало представления копий с писем Сююн-Бике к ее родителям, а также с писем Шах-Али к его тестю, если хан пожелает ему написать.

Шах-Али был ханом Касимовским до конца своих дней. В июле 1553 года он был вызван в Коломну, в виду ожидавшегося нападения крымских татар. С осени 1553 до конца 1557 он жил безвыездно в Касимове, в конце же этого года, при начале Ливонской войны, Шах-Али был призван в армию и отправлен на фронт.— „Войска наши в январе 1558 г. вступили в Ливонию, произвели в ней страшные опустошения, подходили к Дерпту, несколько раз разбивали немцев, были недалеко от Ревеля и Риги и наконец, обремененные добычей и обагренные кровью, в феврале вышли об-

¹⁾ Прод. Др. Росс. Вивл. IX, 145—149.

ратно на русскую границу”¹⁾. Немецкие современники—Геннинг в „Lifländische Churländische Chronica“ и Бреденбах в „Livonicae historiae compendiosa series“, а также их последователи Ниагн, Келч и др. приписывали Шах-Али все жестокости, совершенные русскими при завоевании Ливонии. Более правильный взгляд высказал Б. Руссов в „Chronica der Provintz Lyflandt“, в которой он говорит об опустошениях, произведенных в Ливонии русским войском под начальством Шах-Али, но прямо его не обвиняет и не приводит примеров его жестокости. Рижский бургомистр Франц Ниенштедт в „Lifländische Chronik“ даже хвалил Шах-Али и называл его человеком разумным: „Dieser war ein ansehnlicher, grosser Mann von Persohn, und auch verständig und bescheiden“²⁾ („он был значительной, важной особой, а также разумным и умеренным“). Летом 1558 года Шах-Али был вызван в Москву, и здесь ему был оказан почетный прием, как герою победоносной войны, а затем он возвратился в Касимов.—„Возвратившись в Касимов, Шах-Али зажил своею прежнею спокойною жизнью. Чуть ли не безвыездно пробыл он в Городке вплоть до начала 1562 года“³⁾. В 1562 году он опять был призван в армию и двинут на польский фронт, в Смоленск. „По приходе в Смоленск, хан должен был прибывшее с ним войско отправить... воевать Литву, ему же самому велено было оставаться в городе“⁴⁾. В конце 1562 года Шах-Али участвовал в походе, предпринятом самим Иваном IV и увенчавшемся взятием Полоцка; вероятно, вместе с царем он возвратился в Россию, в 1564 году он стоял в Вязьме, из Вязьмы был передвинут в Великие Луки, где и провел зиму 1564—65 года. Вскоре затем он был демобилизован, вероятно—вследствие недоровья. По возвращении в Касимов он прожил не долго и скончался 20 апреля 1567 года.

Шах-Али умер бездетным. Одно время при нем жила племянница, казанская царевна—дочь Джан-Али, которую он принял к себе в дом и воспитывал, как дочь. В 1550—52 г. ее сватал ногайский мурза Измайл за своего сына, но свадьба эта не состоялась, так как русское правительство не разрешило выдать казанскую царевну за границу. В мае 1552 года царевна была выдана замуж за астраханского царевича Хайбуллу, выехавшего на службу в Россию.

¹⁾ Вельяминов-Зернов, I, с. 428.

²⁾ Отзывы немецких современников о Шах-Али приведены В.-З. I., 431-445.

³⁾ Вельяминов-Зернов, I, с. 448.

⁴⁾ Вельяминов-Зернов, I, с. 456.

сию и получившего в управление г. Юрьев¹⁾). Кроме дочери Джан-Али, Шах-Али воспитал еще двух близких родственниц (но не дочерей) Хан-Султан и Маги-Султан.— „Первая из них умерла в девицах в 1558 году, 27 лет от роду, другая пережила Шах-Али и в эпоху его кончины была еще не замужем”²⁾. Вскоре после кончины Шах-Али русское правительство предлагало крымскому хану Даулету женить сына или внука на Маги-Султан³⁾ и взять в приданое г. Касимов.

От эпохи Шах-Али в Касимове сохранились его усыпальница с надгробными памятниками и минарет Ханской мечети. Памятник на могиле Шах-Али поставлен его приемною дочерью Маги-Султан.

Хан Утамыш, родившийся в 1546 году и провозглашенный ханом двух лет от рождения, в 1551 году был низложен и отправлен вместе со своей матерью, царицею Сююн-Бике, в Россию. В следующем году Сююн-Бике была выдана замуж за Шах-Али, и русское правительство писало ее отцу, князю Юсуфу: „Сына ее Утемешь Кирея царя ей же кормити дали... А Утемешь Кирея царь как подрастет, и мы его хотим тогда юртом устроити”, т. е. дать ему удел⁴⁾, но после взятия Казани 7-летний ребенок был разлучен с матерью. 8 января 1553 года он был крещен в Чудовом монастыре с именем Александра, — „и царь благоверный пожаловал царя Александра Сафакиреевича, вилел жити у себя в царском своем дому, и повеле его учити грамоте, понеже юну ему сущу, да навыкнет страху божию и научится закону христианскому”⁵⁾. В конце 1553 года Иван IV сообщал князю Юсуфу, что „внука его у себя держим за сыно место”⁶⁾.

Несмотря на это, Утамыш-Александр прожил недолго и умер в Москве 11 июня 1566 года, в возрасте 20 лет. Он был погребен с членами царской фамилии в Архангельском соборе в кремле.

Хан Ядыгар, взятый в плен 2 октября 1552 года, был подковыром доставлен в Москву. В январе 1553 года, ему предложено было креститься, за что была предложена свобода и почетное положение. 26 февраля 1553 года хан Ядыгар торжественно принял крещение, для чего должен был окунуться в прорубь на Москве-ре-

¹⁾ Царств. Книга, с. 202.

²⁾ Вед.-Зернов I, с. 486.

³⁾ Прод. Др. Росс. Вивл. VIII, 310—311 и 334—336.

⁴⁾ Цар. Книга, с. 333.

⁵⁾ Прод. Др. Росс. Вивл. IX, 145—148.

же у Тайницких ворот; при крещении ему было дано имя Симеон, — и царь и великий князь царя Симеона пожаловал, дал ему двор в городе (кремле) и учинил у него в боярское место Ивана Петровича Заболоцкого и всех чиновников по чину государского, и учинил его не так, как пленных держат, как царя и царского сына по его достоинию¹⁾.

Хан Ядыгар-Симеон скончался в Москве 26 августа 1565 и был погребен в Благовещенской церкви Чудова монастыря.

У Ядыгара был брат — царевич Казы-Булат, непримириимый враг русских. Он придерживался дружбы с Гиреями и жил одно время в Крыму. Последний хан Астраханский Дервиш-Али в 1555 г. вызвал его из Крыма и назначил своим преемником. После оккупации русскими Астрахани Дервиш-Али эмигрировал в Азов и в Аравию (остаток жизни он провел в Мекке), а Казы-Булат уехал в Ногайское княжество. В 1558 г. русское правительство предлагало Казы-Булату добровольно переселиться в Россию, но он на это не согласился.

Таким образом, все трое бывших ханов Казанских, попавших в Россию, умерли один вслед за другим на протяжении 1565—1567 годов. Из них лишь одному Шах-Али, усердному стороннику русской власти, удалось окончить два мусульманином в родном ему Касимове. Что же касается двух остальных, то правительство митрополита Макария не могло отказать себе в удовольствии заставить их принять христианство. Крещенные ханы по смерти были погребены в кремлевских церквях — таково было соединение формального почета с издевательством над судьбой, в духе того фанатичного века.

¹⁾ Цар. Книга, с. 334.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Внутренний строй Казанского ханства.

Казанские ханы. Казанское государство сложилось из двух составных элементов—из старой болгарской основы с ее населением и культурой, и из новосного татарского элемента, сообщившего старому оседлому населению новую государственную организацию.—Эта организация опиралась на пришлое, татарское войско, которое было выведено из Крыма Улу Мухаммедом и впоследствии пополнялось такими же пришлыми элементами. Казанское ханство унаследовало от Золотой Орды военно-монархический характер верховной власти. Носителем этой власти, опиравшейся на военную силу, являлся хан—неограниченный повелитель, титул которого русские документы почтительно переводили как и титул ханов Сарайских, Астраханских, Крымских, Сибирских, Монгольских и др., словом „царь“, приравнивая его к римским и византийским цезарям—императорам.

При рассмотрении списка ханов, царствовавших в Казани, поражает частая смена этих лиц на престоле: в течение 118 лет (1438—1556 г.) сменилось 15 ханов, причем некоторые из них царствовали по 2 и по 3 раза (Мухаммед-Эмин, Шах-Али, Сафа-Гирей). Это объясняется политическим расслоением внутри государства, вызывавшим постоянную борьбу за верховную власть и искусственно обрывавшим начавшееся царствование того или другого лица. Принесенная в край извне ханская власть попала в зависимость от местных партийных течений, складавшихся по линиям экономических интересов, и военная диктатура Улу Мухаммеда при его преемниках превращалась по большей части в орудие, которым владели различные партии.

Многочисленные казанские ханы были очень слабо связаны с местным краем как по происхождению, так и по воспитанию. Первые два поколения казанских ханов—Улу Мухаммед и Махмуд родились и выросли в Сарае и прибыли в Казань уже в зрелом воз-

расте. Только членов следующих двух поколений (Халиль, Ибрагим и Али) можно считать казанскими по рождению и воспитанию. Младшие же сыновья хана Ибрагима (Мухаммед-Эмин и Абдул-Латыф) воспитывались опять за границей, первый — в России, второй — в Крыму. Династия Улу Мухаммеда в лице 7 представителей, принадлежавших к 4-м поколениям, является единственной Казанской династией, как ветвь Чингизидов, обосновавшаяся специально в Казани. Она владела казанским престолом в течение 80 лет и прекратилась не вследствие естественного вымирания ханского рода, а при содействии со стороны враждебно настроенного иностранного государства, вмешавшегося во внутренне дела Казанского ханства. Старшая ветвь династии попала в Россию в качестве пленников, из младшей же ветви один хан скончался бездетным, а другой погиб безвременной смертью в России.

С прекращением династии Улу Мухаммеда перед казанцами встал вопрос о замещении ханского престола. Этот вопрос возникал также несколько ранее, во время обострения партийной борьбы — при перевороте 1495 года. В случае прекращения династии на престол избирались члены царствовавших домов из других татарских ханств — Сибири, Крыма, Астрахани, Касимова. Обычно же, если происходило не насильственное свержение династии, а ее прекращение, оставлявшее без изменений соотношение партийных течений, на престол избирались ближайшие родственники угасшей династии. Так, с прекращением династии Улу Мухаммеда на престол был выдвинут сводный брат Мухаммеда-Эмина царевич Сагиб-Гирей, после Утямыш-Гирея был выдвинут его дядя Али-Акрам. Некоторые обстоятельства заставляют думать, что для кандидатов на ханский престол требовалось два формальных условия — 1) происхождение из рода Чингиза и 2) принадлежность к мусульманской религии. В силу первого обстоятельства на казанский престол до последнего времени не приглашались ногайские князья, происходившие от Идике — не из ханского рода; это условие было нарушено лишь при крайней нужде, во время последней борьбы за независимость. Второе условие ни разу не нарушалось; когда потомки Улу Мухаммеда, жившие в России, приняли христианство, они утратили свои права на казанский престол, и династия прекратилась со смертью Мухаммеда Эмина. Такой же порядок существовал и в других татарских государствах: везде правили Чингизиды, за исключением Ногайского княжества, где утвердилась династия Идике; иноверец не мог считаться государем над мусульманами, и когда один из ханов

Касимовских Саин-Булат в 1573 году принял христианство, он немедленно лишился престола.

Борьба за верховную власть, которую вели казанские партии при поддержке иностранных правительств, выдвинула после прекращения династии Улу Мухаммеда еще претендентов, которые конкурировали с ближайшими родственниками угасшего рода. В противовес Гиреям, на казанском престоле пытается обосноваться Касимовская династия потомков Тимура Кутлу. Эта борьба продолжалась 33 года, причем за все это время в Казани не было ни одного хана, который получил бы местное воспитание: 2 представителя Касимовской династии воспитывались в России, из 3-х представителей Крымской династии два воспитывались в Крыму, а третий младенцем лишился престола. Борьба двух династий завершилась в 1552 году отречением от престола хана Шах-Али. На очередь поставлен был вопрос о соединении Казанского ханства с Россией в виде личной унии, т. е. о признании ханом иностранного, и при том—христианского государя. Этот план готов был осуществиться, но вызвал народное возмущение, и на престол был избран хан Ядигар—из Астраханской ветви потомков Тимура Кутлу. С его сдачею русским в плен на престол был возведен Али-Акрам, не принадлежащий к потомству Чингиза, но ближайший родственник последних членов Крымской династии в Казанском ханстве.

Каждая беспорядочность и путаница династических отношений на казанском престоле, таким образом, выясняется. Пятнадцать ханов, занимавших казанский престол, принадлежали к 6 различным линиям, более или менее родственным между собою. Из этих линий три были связаны ближайшим родством и наследовали друг другу по праву преемственности: династия Улу Мухаммеда—Гирей—Али-Акрам. Три другие линии выдвигались по политическим соображениям различными партиями во время переворотов, причем казанский престол предоставлялся ханам из других татарских государств: Сибирской династии Шейбани, Касимовской и Астраханской ветвям потомков Тимура Кутлу.

Из 6 ханских линий только три, выдвинувшие более, чем по одному представителю на казанском престоле, могут быть названы династиями, царствовавшими в Казани,—род Улу Мухаммеда (7 ханов), Касимовская ветвь потомков Тимура Кутлу (2 хана) и Крымская династия Гиреев (3 хана). Ни одна из ханских линий не прекратилась путем естественного вымирания. Все они были устранены с казанского престола вследствие партийной борьбы и при воору-

женном вмешательстве со стороны иностранцев. Большинство ханов царствовало непродолжительно. Только пятеро ханов правили сравнительно долго: Улу Мухаммед (8 лет), Махмуд (около 20 лет), Ибрагим (12 лет), Али (8 лет), Мухаммед-Эмин (24 года) и Сафа Гирей (20 лет). Половина ханов пребывала на казанском престоле лишь временно и окончила дни не в Казани: ханы Али, Абдул-Латыф, Шах-Али, Утямыш-Гирей и Ядыгар скончались в России, хан Мамук — в Сибири, Сагиб-Гирей — на Кавказе (могила его в Салачике в Крыму), Али-Акрам погиб в одной из деревень Черемисского края. В Казани скончались лишь семеро ханов.

Личности ханов недостаточно ясно обрисовываются в дошедших источниках, и это обстоятельство вполне соответствует той бледной роли, которую играли казанские ханы в государственном управлении, где они по большей части являлись игрушками в руках различных партий. При незначительности этой роли в историческом процессе экономической борьбы не следует особенно сожалеть о невозможности дать характеристику ханов. Тем не менее, нельзя забывать, что это были живые личности, изучение которых может представлять интерес для психологов и беллетристов. Личности некоторых ханов уже привлекали к себе внимание различных писателей. Сагиб-Гирею посвящена специальная биография-панегирик „Тарихи Сахыб-Герай-хан“, составленная его другом Кайсунизадэ Недан-эффенди (Реммал-Ходжа), но в ней слишком мало затронут казанский период жизни этого хана. Герберштейн в своей книге „Записки о Московии“ уделил некоторое внимание Шах-Али, с которым ему приходилось встречаться. Личность этого хана привлекала внимание и позднейших историков. Г. С. Губайдуллин написал монографию о Шах-Али (историко-психологический этюд), а османский драматург Хайдар-Али — пьесу „Шах-Гали“, но, к сожалению, оба эти произведения не увидели света: книжка Г. С. Губайдуллина была подвергнута конфискации русским правительством, а пьеса Хайдар-Али до сих пор не напечатана.

Фигуры Казанских ханов проходят перед нами бледными гениями, и большинство из них для историков совсем проходит. Прежде всего, остается неясною личность первого Казанского хана Улу Мухаммеда. Это был дальновидный политик, талантливый организатор и опытный полководец. Он сумел правильно понять положение целой страны, оценить шансы на ее независимое существование, энергично принял за дело, и успешно провел свои замыслы в жизнь. Интерес, который представляет личность Улу Мухаммеда,

вызывается тем, что он оказался выражителем производительных сил страны и дал новый толчек самостоятельному развитию местного края как в Крыму, так и в Среднем Поволжье. Разрушая централизацию Сарайского ханства и опираясь на местное население, он достиг замечательных результатов—никто из ханов татарских после Улу Мухаммеда уже не достигал такого прочного могущества над Россией.

Еще менее известна личность хана Махмуда. В молодости он был храбрым воином, героем Белевской и Сузdalской битв, в дни своего царствования—“царем-миротворцем”, не имевшим ни одного столкновения с русскими. В его правление окрепло торговое могущество Казанского ханства. Совершенно в тени остается личность хана Халиля, рано угасшего от какой-то безвременной смерти. Более заметным является хан Ибрагим—последний могущественный государь из династии Улу Мухаммеда. В его царствование талантливыми полководцами были выработаны приемы защиты и нападения, ставшие основой военного искусства казанцев. Хан Али был непримиримым противником русских, и ему первому пришлось испытать унижение иностранного плена. В противоположность ему, Мухаммед-Эмин, воспитанный среди русских, названный сын Ивана III, был искренне привязан к России. Он отличался умом, хитростью и осторожностью. Его упрекали в деспотизме, расточительности и свободном отношении к женщинам; все эти привычки могли легко быть усвоены им в России, при дворе Ивана III. Абдул-Латыф получил воспитание совершенно иное: он вырос в Бахчисарае, среди османских влияний. Русских он не любил и пал жертвой ответной ненависти со стороны иноземцев.

Шах-Али—одна из самых колоритных фигур на казанском престоле. Это был неудачник, которого обижали и природа, и люди. Карикатурная внешность вызывала отталкивающее чувство к нему. Его никто не любил, многие ненавидели, все презирали. Будучи безвольным рабом иностранцев и совершенно чуждым Казани, он не мог никому внушить уважения. Общая неприязнь сделала его необщительным, озлобленным и угрюмым. Мустафа Дженнаби говорит: „Владелец этот был человек жестокий, крутой и кровожадный“ ¹⁾. Он возбудил против себя даже русское правительство, и подвергнут был ссылке на Север. Ему трижды пришлось оставить казанский престол, и большую часть жизни он привел в незавид-

¹⁾ Рукопись Азиатского Музея № 528, л. 450—451. Цит. Вел.-Зерн. I, 374.

ной роли претендента. Тем не менее, этот несчастливый человек не был лишен хороших задатков. В решительный момент казанской истории он выказал неожиданную стойкость и отказался сдать столицу и власть иностранцам; в Касимове он построил большую мечеть и, не имея детей, воспитал двух своих родственниц Хан-Салтан и Маги-Салтан.

Сагиб-Гирей был одним из замечательнейших ханов в Казани, но не успел здесь себя проявить. Он обладал широким умом, обширными знаниями, способностями даровитого преобразователя, а также был храбрым воителем. Человек высокой османской культуры, он не дорожил своей северной столицей и, отправившись в Константинополь, нашел себе более блестящее поле для деятельности. Последним выдающимся ханом Казанским был Сафа-Гирей. Непримиримый противник России, он был талантливым администратором и отличался широкими взглядами. В целях общей выгоды, в его царствование произошло примирение различных политических партий, и правительство сумело высоко поднять свое значение в глазах иностранцев.

Хан Ядыгар постоянно колебался между русскими и татарами. Он выехал из Астрахани на русскую службу, затем порвал свои связи с Россией и ушел в свободные степи. Казанцы избрали его своим вождем в борьбе за независимость, но в решительную минуту казанской истории он выказал постыдное малодушие и отказался разделить геройскую участь своего народа. Не решившись ни на смерть, ни на бегство, он трусливо сдался в плен врагам, и спася себе жизни, пережил весь позор унижения. Последний хан Али-Акрам продолжил борьбу за независимость, но было уже поздно; ему не удалось сломить несравненно сильнейших врагов, и он пал как жертва неумолимого хода истории.

Таковы неясные облики казанских ханов. Среди них были грозные воители и слабые юноши, крупные администраторы с широким умом и твердой волей и безвольные личности, носители османской культуры и воспитанники России, убежденные сторонники иностранцев и стойкие борцы с чужеземным засильем. Легко различаются две группы ханов, получивших крымское и русское воспитание (с одной стороны—Абдул-Латыф, Сагиб-Гирей и Сафа-Гирей, с другой—Мухаммед-Эмин, Шах-Али и Джан-Али), но третья, самая интересная, группа ханов местного, казанского воспитания (основоположники его Улу Мухаммед и Мухмуд, далее—Халиль, Ибрагим и Али) остается совершенно в тени.

Еще менее ясны женские образы—портреты казанских цариц или ханш, носивших титулы „бикем“ и „ханым“. Это вполне понятно, так как женщины на Востоке играли менее видную (но не менее крупную) роль, чем на Западе: их значение ограничивалось чаще всего закулисным влиянием, и такое влияние отмечено было русским автором еще в XVI веке: составитель „Казанского Летописца“ приписал жене Мухаммеда-Эмина энергичное воздействие на политику мужа и изобразил ее, как виновницу погрома 1505 года. Как бы то ни было, татарские женщины сумели вписать свои имена в историю Казанского ханства. Иностранные (русские) летописи сохранили память о Нур-Салтан, двух ханшах Фатимах, о Ковгоршад и Сююн-Бике. Источники освещают наиболее ярко личность царицы Нур-Салтан, но наибольшим вниманием пользуется как в народной памяти, так и у историков ханша Сююн-Бике, явившаяся последним могущественным монархом на казанском престоле: ее низложение было одним из наиболее ярких моментов падения ханства и глубоко врезалось в память народа. Ханше Нур-Салтан посвящена статья Н. М. Бережкова. „Нур-Салтан, царица Крымская“¹⁾, Сююн-Бике—многочисленные легенды живущие как среди татар, так и среди русских, и специальная книжка Атласова „Сююн-Бике“.

Нур-Салтан была Ногайской княжной и, дважды овдовев на, казанском престоле, вышла замуж за Крымского хана Менгли-Гирея. До нас дошла (в русских переводах) замечательная переписка Нур-Салтан с сыновьями и с Иваном III, сохранившаяся в Крымских делах Московского Архива б. Министерства Иностранных Дел и опубликованная в 41-м Сборнике Русского Исторического Общества. Письма эти представляют большой интерес, так как сквозь официальную форму дипломатической переписки можно различить следы личных переживаний. Под деликатной любезностью ханши бьется живое сердце любящей матери, тревожащейся за своих сыновей и готовой на всякие жертвы для них. Материнское чувство заставляет Нур Салтан забывать о своем высоком положении и вставлять в письма к Ивану III униженные просьбы о детях. Кроме того, замечателен общий тон глубокого чувства гуманности, которым насквозь проникнуты письма Нур-Салтан. Приведем отрывок из ее переписки. В 1491 году она писала Мухаммеду-Эмину в Казань: „Славу богу, на отцовом юрте ся еси учил: от недруга бы

¹⁾ „Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии“ № 27—1897 г.

сердце на месте было! В той земле мати у тебя и брат у тебя есть; не можно ли тебе послать спросити? Почаешь меня, что я здалече отошла: ино у тебя один брат был, и ты бы велел того отшатти (т. е. справиться о нем), душа моя. И нынеча Абды Латиф к брату к большому мыслит ехати: ся земля лиха, блюстися ея; аж даст бог, и сами хотим отпустити; не ведаю, как тебе будет пригоже. И нынеча слышали есмя, за себя у Мусы мыры дочерь емдешь, князь велики Иван женит тебя, у посла слышали мы; бедная мати, богомолца твоя, рада если вельми, бог дай в добрый час¹! В заключение письма Нур-Салтан просила Мухаммеда-Эмина о присыпке различных вещей: хочется-де ей послать подарки турецкому султану Баязиду, а в Крыму добыть приличных подарков (вероятно, мехов) не удалось²). Н. М. Бережков говорит: „Так писала царица мать к своему сыну царю то с легким упреком, то больше с ласкою и любовью, то с просьбами о гостинцах³). На вопрос Нур-Салтан к Мухаммеду-Эмину, советует ли он ей отпустить из Крыма Абдул-Латыфа и примет ли его к себе в Казань, Мухаммед-Эмин ответил согласием, но политические обстоятельства сложились так, что Абдул-Латыф был отправлен в Россию.

В 1494—95 годах Нур-Салтан совершила большое путешествие на Восток. Она посетила Аравию и Египет вместе со своим братом князем Хусseinом, побывала в Медине и Макке. Мустафа Дженнаби пишет: „В 900 году гиджры Менгли-хан отправил жену свою на поклонение святым местам. Ова посетила Египет и была отлично принята тамошним владельцем; при ней находилась свита, состоявшая более чем из 50 человек⁴). Как лицо, совершившее паломничество ко гробу пророка, Нур-Салтан получила звание „Хаджи“, и с этого времени в дипломатической переписке она всегда называлась этим именем (в русской передаче—Ази). Возвратившись из путешествия по Востоку, Нур-Салтан прислала Ивану III в подарок того коня, на котором сделала путь: „Сухой бы поклон не был, моля, к Макке на котором иноходце сама ездила, с Ахчюрою есми к тебе послала⁵). Н. М. Бережков говорит: „Повидимому, в глазах царицы это был особенно интересный поминок, в знак особенной дружбы к московскому государю⁶). В 1510—11 го-

¹) Сборник Русского Исторического Общества XL, стр. 61—62.

²) Бережков, стр. 7.

³) Рукопись Азиатского Музея Ак. Наук № 528, 448 л.—Цит. Вел. Зерн. I, 103

⁴) Сборник Русского Исторического Общества XL, стр. 273.

⁵) Бережков, стр. 11.

дах Нур-Салтан совершила второе большое заграничное путешествие, на этот раз — на Север. Она посетила Москву и Казань, по-видимому со своими сыновьями. Русское правительство оказалось престарелой ханше, пользовавшейся большим уважением, почетный прием. Скончалась она в 1519 году¹⁾.

Из двух известных казанских ханш, носивших имя Фатимы, обе — жена Ибрагима и жена Шах-Али — имели печальную участь. Они претерпели от русских арест и ссылку на Белоозеро, но первая там и скончалась, вторая же получила свободу и в 1536 году удостоилась почетного приема при московском дворе²⁾.

Царевна Ковгоршад, последний отпрыск династии Улу Мухаммеда в Казани, была недовольна правлением Крымской династии и уже в старости, когда ей было более 50 лет, была вовлечена в политическую борьбу и поставлена во главе государства в качестве регентши юного Джан-Али. Правление женщины не составляло какого-либо исключения в татарских государствах. В. В. Григорьев говорит: „Жены и матери властивущих ханов играли всегда значительную роль в правлении, имели огромное влияние на дела государственные, на все милости, исходившие от трона, наконец на самое избрание государей, ибо видем, что в Великой Орде и Персии они участвовали и по законам Яса должны были участвовать во всех курилтах или государственных сеймах, собирающихся как для избрания нового императора или хана, так и в случае других каких-либо важных событий. По кончине же императоров или ханов участие их вдов в правлении увеличивалось еще более. До собрания сейма и избрания нового государя правительница государства оставалась всегда одна из жен покойного“³⁾. В. В. Григорьев приводит примеры регенства ханши Туракин после смерти Угедэ; ханши Огул-Гаймиш по смерти Куюка; ханша Сююркуктени в малолетство хана Менгу управляла государством с редким благородством и приобрела большое уважение; по смерти Кара-Гулагу ханша Органа была регентшей 10 лет; по кончине Хубилая регентшей оставалась жена его Гокчин, после Тимура регентшей была жена его Булуган. Число подобных примеров можно еще увеличить. Царевна Ковгоршад и по окончании своего регенства (1531—1533 г.) не утратила влияния на государственные дела и сохраняла его еще в течение 12 лет. Правительство Ковгоршад при первой возможно-

¹⁾ Бережков, стр. 17.

²⁾ Описание этого приема см. Царств. Книга, стр. 53—58

³⁾ „Россия и Азия“, стр. 216.

сти избавилось от иностранной опеки, устранило Джан-Али, привало на престол хана Сафа-Гирея и создало национальную власть, в то же время сумев сохранить мирные отношения с иностранцами.

Имя Сююн-Бике, ногайской княжны, бывшей замужем за Джан-Али и Сафа Гиреем, хорошо известно своею печальною участью. Бесспорно это—самая популярная личность из исторических деятелей Казанского ханства. Легенды о ней начали появляться еще при жизни: составитель „Казанского Летописца“ изобразил Сююн-Бике, как непримиримую противницу русских; она предсказала Сафа-Гирею падение Казанского ханства¹), она же посыпала к оракулу узнать о судьбе государства²), она же поднесла ненавистному Шах-Али ядовитое кушанье и отправленную рубашку³). Печальный отъезд Сююн-Бике из столицы вдохновил составителя „Казанского Летописца“ на составление поэтических „плачей“ ханши при прощании с Казанью у гробницы Сафа-Гирея и на пути из Казани в Свияжск. В этой скорбной и витиеватой лирике оплакивающей Казань, Сююн-Бике выступает, как центральная фигура эпохи. Окруженное легендарными сказаниями, имя знаменитой парицы прочно врезалось в память пришельцев-завоевателей.

В момент низложения Сююн-Бике было около 35 лет, и дальнейшая судьба этой женщины сложилась несчастно. Доставленная под конвоем в Москву, она через 1½ года была выдана замуж за нелюбимого Шах-Али и разлучена со своим маленьким сыном. Остаток жизни она прожила в Касимове, возбуждая сильнейшую тревогу за свою участь со стороны ее близких родных. Один из русских авторов говорит: „Народная мольва создала из нее поэтический образ очаровательной женщины в блестящей царской обстановке, испытавшей в своей жизни много страданий и горя“⁴).

В стране, где женщины были затворницами, казанские ханши сумели принять участие в государственной жизни и заслужить себе память потомства. Нур-Салтан пользовалась глубоким уважением в Казани, Крыму и России, а известность ее простиралась на Ногайское княжество, Турцию, Аравию и Египет. Ковгоршад и Сююн-Бике, стояли во главе управления, причем современники поняли низложение Сююн-Бике, как падение Казанского ханства.

¹⁾ П. С. Р. Л. XIX, с. 66—67.

²⁾ П. С. Р. Л. XIX, с. 317—319.

³⁾ П. С. Р. Л. XIX, с. 74—75.

⁴⁾ Шингарин „Казань в ее прошлом и настоящем“, стр. 366—367.

Еще некоторые ханши упоминаются в источниках без обозначения их имен: 1) вдова хана Махмуда, вышедшая замуж за его брата Касима и после смерти последнего возвратившись в Казань; 2) жена хана Али, сосланная вместе с ним в Вологду и после смерти Али вышедшая за Мухаммеда-Эмина; составитель „Казанского Летописца“ приписывает ей большое влияние на политику ханства в 1505 году; 3) жена Шах-Али, после отказа его от престола в 1552 г. увезенная им в Россию. Вообще, ханские жены разделяли участь своих мужей—сопровождали их в изгнание за границу—в Россию или в Ногайские степи, а также в иноземную неволю и ссылку. Большею частью, это были ногайские княжны. По смерти ханов-мужей, их брали в жены братья и преемники последних, и в положении их по внешности ничто не изменилось, но мы знаем, что ханшам приходилось при этом переживать немало личных трагедий. Только одна Нур-Салтан, слух о красоте и уме которой распространился далеко за пределы отечества, сумела, трижды овдовев, счастливо окончить жизнь, окруженная всеобщим почетом и уважением.

В общем же, положение ханов и ханш в течение второй половины истории Казанского ханства было весьма неустойчивым, и судьба их была полна превратностей. Обычно ханам рано приходилось вступать на престол (Мухаммед-Эмин и Сагиб-Гирей—18 лет, Абдул-Латыф и Джан-Али—15 лет, Шах-Али и Сафа-Гирей—13 лет, Утямыш-Гирей—2-х лет от роду). Опасное соседство русского государства постоянно погрясало государственный организм и болезненно отзывалось в ханском дворце. Иностранные оказывали сильнейшее влияние на судьбу казанских ханов, и при столкновении с ходом политики их жизнь безжалостно разбивалась. Нередко ханам приходилось поспешно упаковывать свой дорожный багаж и вместе с любимыми женами, а иногда и одному, экстренно покидать свой дворец и пускаться в изгнание, подвергаясь случайностям невольного путешествия, в поисках иноземного гостеприимства. С течением времени колебания судьбы становились все резче и резче, и расшатанный престол падал под ударами завоевателей. Борьба партий внутри Казанского ханства, натиск со стороны соседнего государства, тяготение к дружественным народам—все столкновения этих сил делали ханов жалкими жертвами внутренней и внешней политики.

При вступлении хана на царство совершалась особая церемония, носившая религиозный оттенок (она происходила в мечети).

Точное представление о такой церемонии дает дошедшее до нас описание подобного торжества в Касимове, так как придворные обычай в обоих ханствах были сходны между собою. Это об'ясняется единством происхождением обоих ханств (Касим был казанский царевич) и чередованием одних и тех же лиц на обоих престолах (Шах-Али и Джан-Али царствовали и в Касимове, и в Казани). В Касимове господствовала всецело культура Казанского ханства. Описание церемонии возведения хана на престол помещено в анонимном „Сборнике Летописей,” изданным И. Н. Березиным¹⁾.

— „Всё от малого до великого присутствовали при этом торжестве. Толпа народа была огромная. Мулы, даншименды, хафизы, бики, мурзы, словом все мусульмане собрались в каменной мечети. Внесли и разостлали золотую кошму. Тогда из старого еще дворца сеид начал провозглашать хотбу. Затем четыре человека, взявшись за четыре конца золотой кошмы, подняли на ней хана. Все мусульмане, от малого до великого, знать, муллы и старшие лица в городе, находившиеся при совершении обряда, огласили мечеть радостными криками. Потом карачи, аталахи и имильдаши осыпали хана деньгами, и все присутствовавшие принесли ему поздравления. До самого конца месяца, в продолжении нескольких суток, днем и ночью, хан предавался забавам и удовольствиям.

В это время даны им были большие пиры; на них мед и водка лились без меры; лошадей, баранов и коров зарезано было множество. На пирах толпились приглашенные; каждому из них назначено было, сообразно его званию, особое место. Мулл и хафизов, вдов и сирот, бедных и несчастных хан осыпал милостями; при этом же случае отпустил он на волю многих заключенных, озабочивал он себя добрыми и богоугодными делами”.

Самую существенную часть церемонии составляло поднятие хана вверх, на руках знатнейших сановников. Выражение „хан кютермэк“ (поднять хана) до сих пор в языке казанских татар означает понятие „избрать хана“. Поднятие на кошме было древним монгольским обычаем; в Ногайском княжестве возводили государей на престол таким же способом; в Бухаре этот обычай сохранился до последнего времени. Эта часть церемонии составляет интересную параллель римскому обычаю возводить императора на престол посредством поднятия его вверх (на щите), при громких кликах присутствовавших.

1) „Библиотека восточных писателей“, т. II, Казань, 1854 г., стр. 166—169. Цит. Вельяминов-Зернов, II, 402—404.

Вопрос о том, существовали ли у ханов Казанских какие-либо регалии, т. е. внешние знаки ханского достоинства, решить затруднительно, за неимением точных данных. Корона царства Казанского, хранящаяся в Оружейной Палате в Москве, сооружена уже русскими, после завоевания Казанского ханства. В Азиатском Музее Академии Наук в Петрограде хранится скипетр из „рыбьего зуба“ (моржовой кости), сверху и снизу оправленный резным позолоченным серебром; длина его 1 аршин с небольшим¹⁾). В музейном каталоге 1741 года этот предмет назван „Sceptrum Tattaricum“, т. е. скипетр татарский. В начале XIX века русские ученые предполагали, что это скипетр ханов Казанских, и со слов акад. Френа академик Дорн в печатном каталоге 1846 года обозначил его следующим образом: „Der Scepter-eines, wie man glaubt, tatarischen Chanes von Kasan“, т. е., „скипетр, как думают, одного из татарских ханов Казани“²⁾). Вельяминов-Зернов по этому поводу говорит: „Но скипетр—едва-ли казанский. Если ханы Казанские и употребляли когда-либо скипетры (что, впрочем, очень сомнительно, потому что они вообще не в ходу на востоке у государей мусульманских), то наш скипетр слишком беден для таких ханов, какими были Казанские“³⁾). После взятия Казани русскими Иван IV распорядился взять для себя, т. е. в пользу правительства, только пушки и ханские знамена, но о регалиях при этом не упоминалось⁴⁾).

Принадлежность ханского достоинства составляла печать или, вернее, штемпель—„нашан“, красного цвета, прикладывавшийся к ярлыкам и вообще ко всем документам, издававшимся от имени хана. Согласно древней традиции, ханский „нашан“, имел квадратную форму. К ярлыку Сагиб-Гирея приложен штемпель, имеющий 13,5 см. в длину и ширину. Все пространство квадрата заполнено надписью куфическими письменами, причем надпись состоит из двух частей: середину „нашана“ занимает квадрат, сторона которого равна 8 сантиметрам; в этом квадрате помещен титул хана;

¹⁾ Вельяминов-Зернов, I, таб. 3.

²⁾ Dorn „Das Asiatische Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg“ Слб. 1846, стр. 135. № 11.

³⁾ Вельяминов-Зернов, II, стр. 433.

⁴⁾ В Иенском музее (Германия) хранится часть так называемой „Джанибековой короны“, найденной в 1840—45 г.г. в Саратовской губернии. В действительности она являлась женским головным убором и никакого отношения к хану Джанибеку не имеет. См. А. А. Спицын „К вопросу о Мономаховой Шапке“ (Записки Отд. Рус. и Слав. Арх. Имп. Рус. Арх. О-ва, т. VIII, вып. I, стр. 169—170).

по краям же „нашана“ идет широкой каймой священное изречение, вачинающееся в верхнем правом углу и окружающее средний квадрат, причем слова покрывают сначала верхнюю кайму, затем левую, нижнюю и наконец правую. Внутренний квадрат ограничен одной линией, внешний же квадрат—двойной чертою. Титул хана Сагиб-Гирея на печати гласит: „Султан могущественный, знаменный во вселенной и вере, великий завоеватель Сахыб Гирей хан—герой—пусть Бог вечно хранит его государство и возведет его царствование!“ Надпись на кайме гласит: „Во имя всемилостивого милосердного Бога. Нет бога кроме Аллаха, Мухаммед посланник божий“. В тексте ярлыка хан поименован титулом „аль-газы“ т. е. воитель.

Печать хана Сагиб-Гирея не имеет тамги—родового герба Гиреев в виде трезубца, напоминающего букву Ш, какой обычно встречается на печатях ханов крымских. Существование постоянного герба Казанского ханства является сомнительным; тамги же ханов менялись с переменой династии на ханском престоле. Позднейший герб царства Казанского, в виде дракона, увенчанного царской короной, представляет собою чисто-русское изобретение, ничего общего не имеющее с ханством Казанским. Этот герб был составлен московскими придворными геральдистами, вышедшими из школы митрополита Макария, вслед за покорением ханства. Геральдисты Ивана IV воспользовались для этого случая фигурой дракона, имевшейся в московском гербе (Георгий Победоносец, поражающий дракона копьем); по мысли московских книжников того времени, дракон в гербе Казанского царства должен был служить изображением враждебного государства. В настоящее время национальном гербом казанских татар считается лук с натянутой тетивою и со стрелою, обращенною вверх.

Прерогативу ханской власти составляло упоминание имени хана во время ежедневной молитвы (хутбэ) в мечетях. Хан жил во дворце, в северной части кремлевского бугра—на этом месте в настоящее время находится дворец бывшего губернатора. Ханский двор обслуживался штатом придворных чиновников, из которых русские летописи упоминают дворецкого и конюшего: в 1551 году, при Шах-Али эти должности занимали князь Шах-Абас сын Шаама и князь Батикэ. К числу придворных также принадлежали „ата-лык“—воспитатель ханских детей и „имильдаш“—молочные братья ханов и их детей; русские документы передают эти названия терминами „дядька“ и „мамич“. На должность воспитателя ханских

детей назначались сановники, обладавшие выдающимися личными качествами; аталақ хана Сафа-Гирея Талыш был полководцем, участвовал в сражении на Итяковом поле в 1524 году и погиб во время войны 1530 года; воспитатель детей Сафа-Гирея аталақ Али-Шахкул упоминается в русских источниках, как видный сановник. Одни из городских ворот в Казани имели название Аталаковых. Молочные братья пользовались среди татар большим уважением и считались близкими родственниками, например, ногайский князь Тинбай в письме к Ивану IV писал о своих молочных братьях: „А у меня приближенные они люди... И ты бы тех двух человек пожаловал, как и меня“¹⁾, добавляя о каждом в отдельности: „великой он у меня человек“¹⁾). При взятии Казани два имильдаша хана Ядугара сдались в плен вместе с ханом в ханском дворце, как члены ханской семьи.

Ханские жены носили титул „бикем“ или „ханным“, сыновья имели титул „султан“, дочери — „ханике“. Русские документы всегда называли их царицами, царевичами и царевнами. Для практической выработки навыков к самостоятельной жизни ханы иногда отсылали своих сыновей за границу для службы при дружественных иностранных дворах: сыновья Сафа-Гирея Булюк и Мубарек жили в Крыму, царевича Абдул-Латыфа хан Менгли-Гирей отправил на службу в Россию; эмигрировавший в Россию царевич Мухаммед-Эмин был также назначен на службу. Порядок престолонаследия в Казанском ханстве часто нарушался вследствие давлений извне, но обычно хану наследовал сын или, за неимением сына, брат. При ханах из династии Улу Мухамеда как-будто намечалась борьба очередного порядка наследования с единонаследием, но этой борьбы нельзя отчетливо отделить от конфликта партийных течений. Ни Мухаммед-Эмин, ни Шах-Али, ни Сагиб-Гирей во время царствования в Казани сыновей не имели, и двум первым ханам наследовали их братья Абдул-Латыф и Джан-Али, хан же Сагиб-Гирей покидая престол, вызвал себе в преемники племянника — Сафа-Гирея. По смерти Сафа-Гирея наследниками были признаны его сыновья Булюк, а затем Утамыш. Хан непременно должен был быть мусульманином, и члены династии, перешедшие в христианство, утрачивали свои права на престол. Так лишились прав на престол царевич Худай-Кул, крестившийся в 1505 году, и его племянники Василий и Федор, сыновья Мелик-Тагира.

¹⁾ Прод. Др. Росс. Винкл. XI, 130—131.

Каачи и эмиры. Власть хана считалась неограниченною, но она несколько умерялась советом (диван), составленным из важнейших особ. Члены этого совета носили название „каачи“ которое Абуль-Гази производит от слова „қарамәк“—смотреть¹⁾). Форма „каачи“ в этом случае значит „смотритель“, подобно другим формам, обозначающим действующее лицо и оканчивающимся на „чи“, напр., тамгачи, ямчи, туфанджи, ильчи и т. п. Такие советы имелись и в других татарских государствах—в Крыму, в Сибири, в Касимовском ханстве. Сибирские документы переводят слово „каачи“ выражением „думный“, сопоставляя ханский совет с боярскою думой²⁾). Польский историк Броневский называет крымских каачи „сопшагиц“, т. е. советниками³⁾). Герберштейн говорит о них следующее: „Татарские цари имеют четырех мужей (*viros*), с которыми преимущественно советуются в важнейших делах“⁴⁾). Среди каачи выделялся „улу каачи“— большой каачи. Такое звание носили князь Булат Ширин—каача Казанский большой и его сын князь Нур-Али— большой каача Казанский. В Крымском ханстве звание каачи также было наследственным и передавалось из поколения в поколение в четырех наиболее княжеских родах (Ширин, Аргын, Барын и Кипчак; впоследствии род Кипчак прекратился, и на его место стали два рода—Мангыт и Седжсугт, а еще позднее место Мангыт занял род Мансур). Судя по передаче звания „улу каачи“ от отца к сыну в роду Ширин, а также по аналогии с Крымским ханством, следует считать, что звание каачи в Казани было наследственным.

Русские историки считали, что в Казанском ханстве родов каачи было, как в Крыму, четыре, и что они были теми же самыми что и в Крыму, но это предположение не имеет достаточных оснований. Правда, в царствование Сафа-Гирея и Утямыша звание „улу каачи“ принадлежало, как и в Крыму, роду Ширин, а при Абдул-Латыфе в 1508 году находились члены крымских родов каачи, но это не значит, что в Казани не могло быть каачи из иных родов. Наоборот, при Ядыгаре одним из каачи был ногайский князь Зениет, который едва ли мог принадлежать к членам крымских фамилий. Отождествлять четырех казанских князей, восставших в 1495 году против Мухаммеда-Эммана, с четырьмя фамилиями крымских каачи,

¹⁾ Вельяминов-Зернов. II, стр. 436.

²⁾ Вельяминов-Зернов, II, 97—102.

³⁾ Вел.-Зерн. II, 423.

⁴⁾ Записки о Московии, стр. 167.

как это делает Вельяминов-Зернов¹), также нет достаточных оснований. Очень возможно, что число караби было четыре, но присутствие среди них ногайского князя Зениета препятствует отождествлению их с крымскими фамилиями караби. Вельяминов-Зернов обратил внимание на „Мангитских князей“, бывших в Казани в 1552 году и упомянутых в переписке русского правительства с ногай-гайским князем Юсуфом; Иван IV писал также князю Юнусу: „Хотели есмъ тебя юртом устроити, как были прежде сего в Казани Мангитые князья“²). Вельяминов-Зернов отождествляет „Мангитских князей“ с родом Мангыт и говорит: „Чем же могли быть „Мангитские князи в Казани“, место которых обещано было Юнусу, как не князьями, биками особого дворянского рода Мангыт, утвердившегося в Казани?“³) В действительности же под „Мангитскими князьями“ следует разуметь не князей из рода Мангыт, а вообще ногайских князей, так как по-татарски „Мангыт“ означает ногайцев. В этом случае делается вполне понятным сопоставление князя Юнуса с другими ногайскими князьями в Казани; Иван IV обещал ему „на княженье устроити“, „юртом устроити“, то есть дать удел в пределах Казанского ханства.

Крымский историк XVII в. Сенг-Мухаммед Риза отождествляет с названием „караби“ термин „эмир“, т. е. владетельный князь: при описании похода Менгли-Гирея против хана Сенг-Ахмеда он говорит— „Из четырех эмиров, так называемых караби, мир-лива Ширин со своими людьми шел в передовом полку.., другие же эмиды караби, именно Аргын, Барын и Кипчак, составляли левое крыло“⁴). В ярлыке Сагиб-Гирея, открытом С. Г. Вахидовым, на первом месте в числе должностных лиц стоят эмиры. Русские летописцы выделяют среди казанской аристократии 1499 года князя Урака названием „князь Казанских князей“, что соответствует понятию „эмир“, т. е. владетельный князь, и нет оснований сомневаться в принадлежности его к числу караби.

Соединение определенных государственных должностей с принадлежностью к знатнейшим родам составляет характерную черту государственного строя Казанского ханства и дает повод татарским историкам говорить о феодализме в Казанском ханстве. Несмени-

¹) Вельяминов-Зернов, II, стр. 426.

²) Прод. Др. Росс. Вып. IX, 11—13.

³) Вел.-Зерн. II, 425.

⁴) „Ассеб-о-ссейяр“ (Семь планет), Казань 1832 г., с. 75.

смость, пожизненность и наследственность высших административных чинов является важнейшей особенностью государственного строя Казанского ханства. Этот строй характеризуется, таким образом, резко выраженным аристократизмом, отличшимся в чрезвычайно неподвижные, консервативные формы. Замкнутость высшего круга администрации делала государственный аппарат крайне негибким и хрупким. Состав высшего управления, определявшийся не личными качествами, а происхождением, во многих случаях оказывался недостаточно стойким и энергичным для сопротивления внешним врагам и для проведения крупных реформ. Внутри административного аппарата также должны были возникать трения, вследствие несменяемости высших чинов, и эти трения тормозили нормальный ход государственного управления. Известен ряд крупных конфликтов, возникавших при расхождении во взглядах между ханом и карачи: таковы конфликты между Мухаммедом-Эмином и князем Ураком в 1496 году, между Сафа-Гиреем и князем Булатом в 1531 году. Конфликты, возникавшие внутри правительства, осложнялись переворотами, причем несменяемость высшей административной касти приводила к тому, что сменялись ханы — столкновения 1496 и 1530 г. завершились низложением ханов. Совет карачи имел значение законосовещательного органа, но фактически размеры его влиянияарьировались в широком масштабе и находились в тесной зависимости от личного состава совета, политических обстоятельств, личного характера хана и т. д. Значение карачи особенно возрастало в тех случаях, когда хан был малолетним — в такие моменты вся полнота власти сосредоточивалась в руках совета.

Курултай. Кроме постоянного законосовещательного органа, совета карачи, Казанское ханство знало орган законодательный или даже учредительный, с более широким составом, созываемый в некоторых важнейших случаях государственной жизни, для решения определенных вопросов. Это было народное собрание, называемое у татар „курултай“. В русских источниках (в Царственной Книге) это собрание называется „вся земля Казанская“¹⁾. До нас дошло описание одного из таких собраний, состоявшегося 14 августа 1551 года для обсуждения вопроса об избрании на престол хана Шах-Али и об отступке России горной стороны р. Волги. Ввиду исключительных условий момента, осложнившихся положением внешней политики, собрание происходило не в городе, а под от-

¹⁾ Царств. Книга, с. 180 и 181.

крытым небом, при устьи Казанки, на берегу Волги—на границе спорной территории. Обычное же собрание происходило, по всей вероятности, на кремлевском бугре, в главной мечети или во дворце, а летом, быть может, на открытом воздухе. Состав курултая был следующим: 1) духовенство во главе с Кул-Шерифом, 2) огланы во главе с Худай-Кулом, 3) князья и мурзы во главе с „улу“ карачи-Нур-Али Ширин. Нормальный состав собрания возглавлялся ханом, но в данном случае, вследствие междуцарствия, этого не было.

Таким образом, курултай был собранием трех сословий—духовенства, войска и землевладельцев, и при том собранием не представительным, но таким, на котором все три сословия присутствовали в полном составе. Прочие слои населения в курултае представлены не были, и название его народным собранием или собранием всей земли не отвечает действительности. Насколько несовершенным было волеизъявление народа при помощи курултая, видно из событий 1551 года: курултай 14 августа формально признал, под давлением угроз со стороны русских, уступку России нагорной стороны, но самое население с этим не могло примириться и фактически отказалось признавать действительность этого акта. Выражением воли народа курултай не являлся, и в нем находили выражение стремления и пожелания лишь привилегированных слоев казанского населения.

Мы не знаем, как часто происходили созывы курултая, но в русских источниках имеются некоторые намеки, позволяющие составить определенное представление о целях его созыва. Тот термин, которым русские переводчики обозначали курултай—„вся земля Казанская“, встречается несколько раз. Это—стучан междуцарствия, когда в Казани организовывалось временное правительство, которое и управляло страной иногда в течение нескольких месяцев. В официальных сношениях временного правительства с иностранными государствами всегда говорилось, что правительство действует от имени „всех людей Казанской земли“, а мы видели, что этим термином в русских источниках обозначался курултай, считавшийся единственным выразителем народной воли. В документах также перечислялись те группы населения, от имени которых действовало временное правительство, и в конце этого перечня стояла формула „все люди Казанской земли“, как бы подводившая итог этим группам. Перечислялись карачи, огланы, князья, мурзы и бакши, то есть те самые группы, которые участвовали и в ку-

рултае, и таким образом временное правительство действовало от имени курултая и считалось получившим свои полномочия от него.

Повидимому, в периоды междуречествия полнота верховной власти считалась принадлежащую курултая. Из истории Сарайского ханства и империи Чингиз-хана известно, что курултай собирался для избрания нового хана. До вступления нового хана на престол в Казанском ханстве курултай передавал обязанности высшего управления временному правительству, которое заканчивало свои полномочия с прибытием нового хана в Казань.

В русских источниках термин „вся Казанская земля”, от имени которой производились дипломатические сношения, упоминается 14 раз: 1) в 1496 году после низложения хана Мамука князья казанские прислали в Москву посольство „от всей земли” с извещением об избрании на престол Абдул-Латыфа¹⁾; 2) в 1516 году после избрания Абдул-Латыфа в наследники Мухаммеду-Эмину „вся земля Казанская” прислая присягу на верность союзу с Россией²⁾; 3) в 1518 году после смерти Мухаммеда Эмина в Москву прибыло посольство „от всех Казанских людей” для выяснения вопроса о желательном кандидате на ханский престол³⁾; 4) в начале 1519 г. „вся земля Казанская” избрала на престол Шах-Али и отправила с извещением об этом в Москву послов, которые дали присягу в том, что они „со всею Казанскою землею” будут верны союзу с Россией⁴⁾; по прибытии хана в Казань „все земские люди” дали такую присягу⁵⁾; 5) в 1524 году после оставления престола Сагиб-Гиреем в Москву прибыло для заключения мира посольство „от всей земли Казанской”⁶⁾; 6) в 1530 году для переговоров о признании Сафа-Гирея ханом Казанским в Москву прибыло посольство „от всех людей Казанские земли”⁷⁾; 7) в 1531 году „всей земли Казанские люди” низложили Сафа-Гирея⁸⁾; 8) в том же году послы „от всех людей Казанские земли” заявили об избрании на престол Джан-Али, и русское правительство потребовало присяги со стороны „всех Казанских людей” в верности союзу с Россией⁹⁾; 9) в

¹⁾ П. С. Р. Л. VIII, 232.

²⁾ П. С. Р. Л. VIII, 260.

³⁾ П. С. Р. Л. VIII, 266.

⁴⁾ П. С. Р. Л. VIII, 266.

⁵⁾ П. С. Р. Л. VIII, 267.

⁶⁾ П. С. Р. Л. VIII, 271.

⁷⁾ П. С. Р. Л. VIII, 274.

⁸⁾ П. С. Р. Л. VIII, 276.

⁹⁾ П. С. Р. Л. VIII, 277.

1535 году „вся земля Казанская“ низложила Джан-Али и возвела на престол Сафа-Гирея¹⁾; 10) в 1541 году „вся земля Казанская“ прислала в Москву просьбу о военной поддержке для низложения Сафа-Гирея²⁾; 11) в 1546 году после низложения Сафа-Гирея „вся земля Казанская“ набрала на ханство Шах-Али³⁾; 12) в том же году по требованию русского правительства „вся земля Казанская“ принесла присягу Шах-Али и союзу с Россией⁴⁾; 13) в 1551 году „вся земля Казанская“ решила низложить Утамыша и снова принять на престол Шах-Али⁵⁾; 14) 14 августа 1551 года „вся земля Казанская“ дала присягу „в Горнюю сторону не вступатися“⁶⁾.

Таким образом, „вся земля Казанская“ выступала в качестве действующего лица в наиболее важные моменты истории—1) при низложении хана (1530, 1535, 1541, 1551 г.), 2) при избрании на престол нового хана (1496 г., 1516 г., 1518 г., 1519 г., 1531 г., 1535 г., 1546 г., 1551 г.), 3) при заключении договоров с иностранными государствами (1516 г., 1519 г., 1524 г., 1530 г., 1531 г., 1546 г., 1551 г.), причем все эти договоры были связаны с династическими вопросами.

Трудно сказать, во всех ли случаях выражение „вся земля Казанская“ заключало в себе реальное содержание и обозначало действительно курултай, или же в некоторых случаях это было лишь обычным способом выражения для обозначения всего населения государства, а не определенного законодательно-учредительного органа. В некоторых случаях состав „всей земли Казанской“ отличался от состава курултая 14 августа 1551 года, напр., грамоты „всей земли Казанской“ к русскому правительству в январе 1546 года и в июле 1551 года были написаны от более широких групп населения, чем те три сословия, которые принимали участие в курултае 14 августа: в первом случае кроме трех привилегированных сословий указаны еще „казаки“, т. е. рядовые воины⁷⁾, во втором случае—также „казаки“, „тарханы“ и инородцы⁸⁾. Однако, участие войска, привилегированных тарханов и инородческих князей в курултае нисколько не изменяет его аристократического состава и не влияет на характеристику государственного строя Казанского ханства.

1) П. С. Р. Л. VIII 291. Царств. Книга, стр. 51.

2) П. С. Р. Л. VIII. 295. Царств. Книга, стр. 78.

3) Царств. Книга, стр. 120.

4) Царств. Книга, стр. 121.

5) Царств. Книга, стр. 178.

6) Царств. Книга, стр. 183.

7) Царств. Книга, стр. 120.

8) Царств. Книга, стр. 178.

В русских источниках нашли упоминание далеко не все случаи, когда должен был действовать курултай. Первое выступление „всей Казанской земли“ в русских летописях значится под 1496 годом, последнее—14 августа 1551 г., но нет оснований сомневаться, что при аналогичных обстоятельствах выступления „всей Казанской земли“ совершались неоднократно и ранее, и позднее, и в пределах этих двух дат, например, при низложении Мухаммеда-Эмина (1496 г.) и Шах-Али (1521 г.), после смерти Сафа-Гирея (1549 г.), при избрании Ядыгара (1552 г.). Нет также поводов думать, что курултай—институт, занесенный в Казань из Сарайского ханства, не функционировал в течение 1439—1496 годов, когда являлось также немало вопросов учредительного и династического характера.

Резко выраженный аристократический характер государственного строя лишал Казанское ханство малейших признаков демократизма. Это была военная монархия, возглавлявшаяся неограниченным повелителем; высший законосовещательный орган носил узко-замкнутый аристократический характер, и участие в нем было наследственным; законодательный орган, который решал важнейшие политические вопросы и должен был представлять волю всего населения, в действительности являлся узко-классовой аристократической формой организации, направленной к эксплоатации низших сословий и инородческого населения; народная масса была совершенно лишена активного участия в государственной жизни.

Государственный строй Казанского ханства страдал огромными недостатками и отличался большим архаизмом. Он представлял собою окаменевшие пережитки каких-то древних установлений, сложившихся вне Казанского государства. Совет потомственных карачи являлся остатком происходившей некогда, в отдаленном прошлом, борьбы за власть и был красноречивым свидетельством решительной победы, одержанной аристократическими родами, которые установили навсегда участие своих потомков в управлении государством. Всеподданнейший тип верховной власти нисколько не соответствовал торговому характеру страны и был принесен извне Улу Мухаммедом. Проф. Н. Н. Фирсов считает, что „корни государственного строя Казанского царства скрывались не в Золотой Орде, а в древней Волжской Болгарии“ и сопоставляет совет карачи с теми четырьмя подвластными болгарскому хану эмирами, которых видел в Булгаре Ахмед Ибн-Фадлан в 922 году, и с четырьмя князьями, которые погибли с последним болгарским ханом при взя-

тии Булгара Булат-Тимуром в 1361 году¹⁾). Это мнение едва ли является справедливым, так как совет караби существовал и в Крыму, и в Касимовском ханстве, и в Ногайском княжестве, и в Сибири, и его нельзя считать за местный, болгарский институт.

Несменяемость и наследственность караби обуславливалася постоянный состав правительства в Казанском ханстве, и таким образом государственный строй был наследственной олигархией. Некоторые из таких олигархов достигали громадного значения, как например князья Кель-Ахмед и Булат Ширин. Неподвижный состав правительства очень стеснял проявление ханами власти, и в противовес ему энергичные ханы старались выдвинуть тех лиц, которым они доверяли, так что состав правительства расширялся неофициальным путем. Такую доверенную роль играл в конце царствования Сафа-Гирея не принадлежавший к числу князей оглав Кучак, по смерти Сафа-Гирея ставший полновластным временщиком.

Обладавший огромными недостатками и несовершенствами государственный строй Казанского ханства не мог служить средством к укреплению и развитию страны. Находясь в противоречии с торгово-промышленным характером населения, он задерживал его экономический прогресс. Отсталость Казанского ханства в политическом отношении способствовала ослаблению государства, вызывала частые внутренние осложнения и явилась одной из причин экономического и политического подчинения Казанского ханства России. Попыток реформировать государственный строй и приспособить его к потребностям населения на протяжении всей истории Казанского ханства мы не замечаем.

Духовенство. Господствовавшей религией во внутренних областях Казанского ханства являлось мусульманство, и мусульманскому духовенству принадлежало почетное место в государстве.

На должность главы духовенства всегда избиралось лицо, принадлежавшее к числу сеидов, т. е. потомков пророка Мухаммеда (от дочери его Фатимы и халифа Али). Герберштейн говорит: „Сеид—высшая духовная особа у татар”, и вследствие этого русские историки обычно считали, что сеид—название главы мусульманского духовенства в Казани. В действительности сеидов могло быть в Казани одновременно несколько человек, тогда как глава духовенства был только один. В русских источниках упоминаются имена некоторых глав духовенства: Бураш (1491—1507 г.), Шах-Хуссейн

¹⁾ Н. Н. Фирсов „Чтения по истории Ср. и Ниж.-Поволжья”, с. 70.

(1512—1516 г.), Беюрган (1546 г.), Мансур (1546 г.) и его сын Кул-Шериф (1552 г.). Глава духовенства считался после хана первым лицом в государстве, и в моменты междуцарствия он, в силу своего высокого положения, обычно становился во главе временного правительства. Перечисленные главы духовенства, кроме последнего—сына Мансура, стояли формально во главе государства, а Бураш и Шах-Хуссейн кроме того принимали активное участие в государственной деятельности, совершая поездки в качестве послов за границу, в Москву. Дипломатические поручения, которые они выполняли, требовали от них выдающейся образованности, глубокого ума и широкого опыта.

К числу лиц духовного звания принадлежали шейхи, муллы, имамы, дервиши, хаджи, хафизы, данишмэнды, а также шейх-задэ и мулла-задэ¹). Шейхи—проповедники мусульманства (миссионеры) и вообще благочестивые старцы; муллы и имамы—лица, совершающие богослужение в мечетях; дервиши—мусульманские монахи; хаджи (в русской передаче—ази)—лица, совершившие паломничество в Мекку; хафизы—профессиональные чтецы Корана; данишмэнды²)—учителя, наставники (мударрисы); шейх-зада и мулла-задэ—сыновья и ученики шейхов и мулл. Все эти лица принадлежали к сословию духовенства и имели право участвовать в курултае, как видно из перечня участников собрания 14 августа 1551 года³).

На мусульманском духовенстве лежала важная культурная миссия—ему было поручено все дело народного просвещения в Казанском ханстве, так как государство не знало иных школ, кроме духовных. Таким образом, к крайнему аристократизму государственного строя прибавлялся еще клерикализм, имевший важное значение в управлении ханством и в культурной жизни страны, но в этом отношении Казанское ханство не составляло какого-либо исключения в Восточной Европе, так как и в России гражданская школа возникла лишь 1½ века спустя после падения Казанского ханства.

По преданию, приведенному Марджани, в Казани при главной мечети, где совершал богослужение глава духовенства, находилось учебное заведение⁴). Знаменитая школа, в которой в течение 36

¹⁾ П. С. Р. Л. XIX, с. 391.

²⁾ Цар. Кн., с. 120.

³⁾ Цар. Кн., с. 182.

⁴⁾ „Мустафад эль-Ахбар“. Казань, 1900 г. Часть II, стр. 2.

лет преподавал шейх Иш-Мухаммед сын Тугк-Мухаммеда, находилась в д. Адаеве близ Ишменева-Маскары (в Малмыжском уезде).

Большим распространением в Казанском ханстве пользовался суфизм—мистическое учение с будийским оттенком, занесенное сюда из Туркестана. Казанские суфиты были последователями известного туркестанского учителя Ахмеда Сеюви (Ясави). В книге Хисамуддина записаны имена суфитских наместников, которые являлись главою суфитов в пределах Казанского ханства и преемственно передавали один другому это высокое звание, полученное ими от Ахмеда Ясави: 1) Бейраш сын Ибраша, непосредственный ученик Ахмеда Ясави, 2) Иш-Мухаммед сын Тугк-Мухаммеда, ученик Бейраша, 3) Идрис сын Зуль-Мухаммеда, 4) Касим сын Ибрагима, 5) Файзулла-эфенди из Бухары, 6) Ахунд Шаам сын Иштебряка. Из этих лиц Касим и Файзулла окончили жизнь и были похоронены в самой Казани, Бейраш и Иш-Мухаммед близ Ишменева-Маскары в Малмыжском уезде, а Идрис и Шаам—в д. Тирбердины Челны Лашевского уезда. Суфиты оказали большое влияние на распространение мусульманства среди инородцев и на развитие народного просвещения в крае.

Одну из самых светлых сторон в общественной жизни Казанского ханства составляла полная веротерпимость, которая находилась в тесном соответствии с торговым характером городского населения, с традициями Волжско-Камской Болгарии, а также с государственным и общественным строем Сарайского ханства. В самой Казани находился христианский храм—армянская церковь; до сих пор уцелели надгробные плиты расположенного в Казани армянского кладбища. К язычникам-инородцам мусульмане относились с полной терпимостью и никогда не пытались насильственно обратить их в мусульманство. Проповедь мусульманских миссионеров среди инородцев совершалась мирным путем: суфитские шейхи ходили по деревням и своими проповедями обращали язычников в мусульманство. В знак того, что в Казанском ханстве обращение жителей в мусульманство совершилось мирным путем, мулла во время молитвы (хутбе) в мечетях Казанского края стоит, опираясь на посох странника, а не на меч воина, как в Туркестане, где обращение жителей в мусульманство было совершено огнем и мечом. Свою проповедь суфитские шейхи закрепляли основанием школ. В тех селениях, где жители принимали мусульманство, одновременно с мечетью должны были сооружаться и школы. Знаменитая школа в Адаеве принадлежала суфитам.

Мусульманство делало большие успехи среди инородцев, и принятие его составляло один из моментов распространения в крае татарской культуры. Жители инородческих деревень, перешедшие в мусульманство, подвергались ассимиляции и усваивали татарский язык и культуру. Целый ряд татарских селений в пределах Бурецкого района (волости Сардыкбашская и Кошкинская) имеет жителями отатарившихся вотяков и черемис, принявших мусульманство и татарский язык в эпоху Казанского ханства, но сохранивших расовые особенности своего происхождения. Культурное влияние мусульманства распространялось широкой волной и среди инородцев-язычников, которые при постоянном общении с более культурными татарами невольно воспринимали их привычки, обычай, верования, воззрения и религиозные представления. Примерами такого влияния могут служить всеобщее почитание пятницы, как сжеведельного праздника, у черемис и вотяков, а также кult некоторых мусульманских святых, распространенный среди инородцев язычников (напр. почитание черемисами шейхов Бейраша и Иш-Мухаммеда под именами Шикавы и Ахматыра).

Как привилегированное сословие, обладавшее немалыми материальными средствами, мусульманское духовенство Казанского ханства имело в своем владении поместья и земли. Следы этого землевладения до сих пор сохранились в ряде названий селений Казанского края: от слова „сейд“ происходят названия Сеитово, Кульсейтово; от „ходжа“—Ходяшево, Мамли-Козяковы Челны, Маматкоино; от „шейх-задэ“—Шихзада, Арышихазда; от „дервиш“—Дербышки, Алдербыш и т. д.

Князья и помещики. Князья в Казанском ханстве составляли 4 группы—эмиры, бики, мурзы и инородческие владетельные князья. Эмиры, число которых ограничивалось немногими лицами—по одному члену знатнейших родов, занимали наследственные должности, карачи. Особенность знати у казанских татар, как и у других турецких народов, состояло то, что титул отца передавался по наследству лишь к старшему сыну, младшие же сыновья не наследовали ни титула, ни привилегий отца. После эмиров по степени знатности следовали бики; младшие сыновья бика имели титул „мурза“ или „мирза“—слово, составленное из персидских „эмир“ (князь) и „задэ“ (сын), т. е. сын князя. Состав титулованной аристократии в Казанском ханстве был довольно разнообразным. Сюда вошли прежде всего местные болгарские князья, представители старой туземной аристократии, к числу которой принадлежали известные бики

Алтун, Галим и Али. Затем вился ряд княжеских крымских родов, пришедших из Крыма вместе с Улу Мухаммедом, например, род эмиров Ширина. Впоследствии состав князей постоянно пополнялся и обновлялся—сюда вливались князья сибирские (Раст с сыновьями, Кебек и др.), ногайские (Зениет), касимовские (мурза Нур-Али Городецкий), крымские (мурза Бегадур, кн. Челбак и др.) и т. д.

Местные, инородческие князья также входили в состав признанной знати. Самыми значительными из них были князья Арские, владевшие уделом в Вотской земле, по верховьям р. Казанки; из этих князей русские летописи называют по именам Богодана (Багаудина?) и Эйюба (Еуп, Явуш). Число чувашских, черемисских и вотских князей было очень значительно. Предания сохранили имена некоторых черемисских князей (Акпарс, Адай, Полдыш, Ишкэ, Аксаран, Алтыбай и т. д.).

Число титулованных лиц в Казанском ханстве—биков и мурз—достигало нескольких сот семейств, так как они могли даже эмигрировать целыми десятками, напр., в 1545 году в Россию прибыло 75 князей-эмигрантов, в 1546 году во время резни погибло 70 князей. К сожалению, согласно с татарским обычаем, документы не отмечают родовых фамилий князей, за исключением князей Ширина, обозначая лишь отчество каждого князя, и поэтому нет возможности установить родство отдельных лиц между собою и проследить его на протяжении нескольких поколений. Тем не менее, известно, что некоторые фамилии успели выдвинуть по нескольку выдающихся государственных деятелей, например, князь Булат Ширин и его сын Нур-Али, князь Раст с сыновьями, братья Нарыковы, наконец, тот княжеский род, к которому принадлежали братья Отуч и Ка-дыш, сын Отуча Чапкун и племянник Чапкуна Шунак.

Эмиры, бики и мурзы составляли главный контингент крупных землевладельцев в стране, земельную аристократию, и в качестве таковой явились одним из важных составных элементов государственного, общественного и экономического строя Казанского ханства. Земельные владения князей передавались по наследству от отца к сыновьям, и хан Сафа-Гирей в 1545 году поплатился престолом за то, что у кого отца не стало, и он, отцова доходу не давал; а у кого брата большого не станет, и он того доходу меньшому брату не давал¹⁾). Какого рода „доходы“ следует разуметь

¹⁾ Прод. Др. Росс. Вивл. VIII, 269—274.

в данном случае, показывает сообщение летописца о недовольстве казанских князей в 1541 году тем, что Сафа-Гирей „у многих князей ясаки поотымал да крымцам подавал“¹⁾). Из этого видно, что под „доходами“ подразумевались ясаки, сбор которых совершался князьями на определенной территории их владений. Князья получали „доходы“, т. е. поместья за службу, и правительство Сафа-Гирея рассматривало эти поместья не как вотчинные, родовые владения служилых людей, но лишь как временное жалованье, подлежащее отчуждению со смертью должностного лица или с передачею должности другому лицу. Сами же князья привыкли смотреть на свои поместья и на должности, как на наследственные привилегии и оказали сопротивление правительству Сафа-Гирея. Таким образом, и в среде провинциальных чиновников господствовал тот же сословный, аристократический строй, который составлял отличительную особенность верхнего слоя знати, центрального органа государственного управления—совета карачи.

Помимо титулованной знати—эмиров, биков, мурз и инородческих подвластных князей, в Казанском ханстве имелся довольно значительный разряд привилегированных лиц, обладавших земельною собственностью и освобожденных от государственных податей и повинностей всякого рода. Эти лица назывались тарханами. Дошедший до нас документ—тарханская грамота (ярлык) Сагиб-Гирея, открытый в 1912 г. С. Г. Вахитовым, дает представление о привилегиях, которыми обладали тарханы²⁾). В ярлыке говорится о том, что некие Шейх-Ахмед с сыном и Сейид-Ахмед с племянником и тремя сыновьями, явившись к хану Сагиб-Гирею, заявили о том что они были тарханами в предшествовавшие царствования, и прошли подтвердить их привилегии. Правительство исполнило их просьбу и дало им следующие привилегии: 1) названные лица и их имущество пользуются охраною со стороны государственной власти — „К названным лицам на дорогах, в жилищах, в пути, дома, во всякое время, к их людям, полям, возам, скоту не смеют пусть прикоснуться злые намерения и не вмешиваются злые поступки и действия ни одного человека.. К имуществу, собственности, деньгам,

¹⁾ П. С. Р. Л. VIII, 295.

²⁾ Сейид Габдулминиевович Вахидов, положивший много труда и энергии на разыскание и приобретение этого единственного дошедшего до нас ярлыка Казанских ханов, в настоящее время готовит к печати специальное исследование об ярлыке. Пользуемся случаем высказать свою уверенность в том, что правительство Татарской республики найдет возможность достойным образом издать этот драгоценный памятник старины.

водам, землям никто пусть руки не протягивает... Ни с каких сторон вреда и притеснений (им) не причинять... Всякого рода насилий, бед, вреда, беспокойства не причинять... 2) тарханы освобождаются от разного рода налогов, податей и повинностей—перечисляются 9 видов налогов и податей, квартирная повинность по размещению прослужающих чиновников и натуральные повинности по доставке продовольствия и фуражка. Охрана тарханов гарантируется правительством в следующих выражениях: „Если же кто, не слушая повелений ярлыка, причинит насилия, беды, вред, беспокойство, тем хорошего не будет“. Освобождение от всяких государственных повинностей сословие тарханов имело только одну обязанность, обозначенную в ярлыке: „Пребывая в спокойствии, вечером, утром, днем и ночью, они воссыпали бы молитвы и добрые пожелания нам (т. е. хану) и нашим потомкам“. Таким беззаботным представляется, согласно документу данной эпохи, существование этих привилегированных лиц, обладавших значительным имуществом и состоянием и выдвинутых на высшие ступени благополучия.

Следы аристократического землевладения до сих пор сохранились в названиях различных селений Казанского края. Среди них встречаются имена как ханов (Шигалеево, Едигерово, Ядыгар), так и князей: Исламово, Кильдеево, Девликеево, Мурали, Гильдеево, Князь-Камаево, Кулаево, Гайша-Бике, Бердыбековы Челны, Япанчино, Кудашево, Кутлу-Букашевы Челны, Карамышево, Мурзиха, Мурза-Бирлибаш и т. д. В инородческих местностях крупные землевладельцы были известны под татарским названием „бай“, т. е. богач. Черемисские князья обычно отмечались татарским эпитетом „Ак“, т. е. белый—по признаку инородческой национальной одежды. Таковы князья Акбай (Ахпай), Аксаран, Акбатыр (Ахпатыр), Алтыбай, Индыбай и др., воспоминания о которых сохранились до настоящего времени. В преданиях современных русских крестьян черемисские князья характеризуются, как „помещики“, т. е. крупные землевладельцы.

Составить представление о размерах помещичьего землевладения в Казанском ханстве помогают русские писцовые книги. Немедленно вслед за покорением Казанского ханства, в 1557 году русское правительство фактически вступило в распоряжение завоеванным краем, и все земли, находившиеся во владении казанских помещиков, были конфискованы русским правительством и разданы русским служилым людям. После этого раздела, в 1563—1567 годах русское

правительство предприняло составление писцовых книг, которые должны были закрепить новый порядок и установить, какие земли кем заняты, и какие лежат впусте никем не занятые, „а вперед в поместье раздати доведется”. Русское правительство при конфискации казанских земель придерживалось следующих принципов: 1) все ханские земли были отписаны на имя русского государя, 2) земли тех казанских помещиков, которые не хотели добровольно признать власть завоевателей и принимали участие в войне за независимость, а также те крестьянские земли, которые оказались пустопорожними вследствие поголовной гибели населения во время войны или же вследствие бегства в более спокойную местность, были розданы во владение чиновникам и детям боярским, согласно проектам И. С. Переображенова. Новая власть постаралась экспроприировать все, что только было возможно, и что плохо охранялось крестьянами, например, 51 десятина пашни и перелога и 300 копен сена, принадлежавшие чувашину Мердяну с товарищами, были приписаны к поместью соседней деревни на том основании, что они были смежны с полем поместья, „а от чувашской земли отошли за лесом”¹⁾. Подлинные писцовые книги хранятся в Архиве б. Министерства Юстиции в Москве: книга бывших ханских владений, присвоенных государством (1563 г.)—под № 643, а книги помещичьих земель (1565—67)—под № 848 г., а также под № 556/404 вотчинного III архива (писцовая книга луговой стороны) и под № 485/432 того же архива (писцовая книга горной стороны).

Согласно писцовым книгам, русские помещики и духовенство получили: на горной стороне—17769 четвертей пашни, 575 дес. перелогу, 26000 копен покосов и 1809 кв. верст лесу, а на луговой стороне—34785 четвертей пашни, 195 дес. перелогу, 45710 копен покосов и 12773^{3/4} кв. верст лесу. Переводя в десятины (считая, что 2 четверти=1 десятине, 10 копен также=1 дес., и 1 кв. верста=104,17 дес.), получим следующие цифры:

Горная сторона. Луговая сторона.

Пашни	8884 ^{1/2} дес.	17392 ^{1/2} дес.
Перелогу	575 .	195 .
Покосов	2600 .	4571 .
Лесу	188443 ^{1/2} .	1330641 ^{1/2} .
Всего .	200,503 дес.	1,352,800 дес.

¹⁾ „Список с писцовой и межевой книги г. Сияйска и уезда”, стр. 71.

В итоге получается огромная цифра свыше 1¹/₂ миллионов десятин. Это пространство составляло четвертую часть территории, населенной татарами (ок. 6 миллионов десятин). Помещичьи земли были довольно равномерно распределены по обоим берегам Волги: на горной стороне, занимавшей ок. 850 тыс. дес., они составляли 23,5%, на луговой стороне, занимавшей ок. 5,150 тыс. дес., они составляли несколько более 26%. Эти цифры, несмотря на их неточность вследствие изменений, внесенных войной и конфискацией запустевших крестьянских земель, все же могут дать, в общем, понятие о размерах помещичьего землевладения в Казанском ханстве. Как мы видим, помещикам принадлежала почти четверть татарской земли.

Ошибка, происходящая от включения в наш подсчет захваченных русскими крестьянских земель, по всей вероятности, вполне уравновешивается ханскими землями, которые в этот подсчет не вошли. К сожалению, в нашем распоряжении не имеется цифр, которые можно извлечь из книги дворцовых земель 1563 года. Несомненно, что хан являлся самым крупным помещиком. Ханские земли упоминаются в документах, напр., на горной стороне знатятся „в татарской и чувашской деревне в Нурдулатове (Нур-Даулет) порожние земли, что была царевская Магмед-Аминевская... а после казанского взятия эту землю пахали полоненники, а жили в д. Нурдулатове“¹). Название селений „Шигалеево“ и „Царицыно“ говорит о принадлежности первого—Шах-Али, а второго—одной из ханш, о чём сохранилось также предание. Самые большие дворцовые вотчины после завоевания русскими образовались на Каме—около г. Елабуги и около Рыбной Слободы. Эти дворцовые земли заставляют предполагать существование здесь значительных ханских поместий в эпоху Казанского ханства. Предания указывают ханские имения и в других местах, как например, селение „Царевщина“ на Волге близ „Царева“ кургана, который получил свое название также от ханов².

Огланы и казаки. Наряду с духовенством и титулованной знатью, привилегированное положение, в государстве занимали огланы, также имевшие право участвовать в курултае. Огланы являлись военным сословием, несшим ответственную и руководящую службу по армии.

¹⁾ „Список писцовой и межевой книги г. Свияжска и уезда“, стр. 104.

²⁾ Лепехин „Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства“, ч. 1. Изд. 2-ое, Спб. 1795 г., стр. 234. Вельяминов-Зернов, I, стр. III.

Повидимому, огланы стояли во главе конных частей, так как до настоящего времени название „улан“ сохранилось для обозначения некоторых кавалерийских полков. Слово „оглан“ происходит от „огл“, т. е. сын. В официальных документах огланы постоянно упоминаются наряду с духовенством и князьями, и во времена междусоюзов государственные акты писались от имени сеида, князей и огланов. По временам, в особенности в конце существования Казанского ханства, когда особенно чувствовалась потребность в усиении военной организации для обороны страны, огланы становятся даже во главе управления государством—таковы огланы Кучак (1546—1551) и Худай-Кул (1551—1552 г.). В качестве привилегированного сословия, огланы обладали поместьями, дававшимися им в качестве жалованья за службу. Названия селений Уланово (в Куланско-Казанской волости Казанского уезда, в Клячинской и Ульянковской вол. Свияжск. уезда), Кощаково (Казанск. у.) и т. п. свидетельствуют о землевладельцах-огланах. Однако, по сравнению с обширными владениями биков и мурз, поместья огланов являлись мелкими и малодоходными. Выдающееся значение огланов в государственной жизни страны об'ясняется той исключительной ролью, какую огланы имели при организации Казанского ханства. Возрождение Болгарского государства Улу-Мухаммедом было совершено посредством сильной военной организации, которая опиралась именно на огланов. Поэтому государственный строй Казанского ханства получил воинский характер, и огланы были поставлены в нем наряду с руководящими культурными и административными силами—духовенством и крупными землевладельцами.

В непосредственной связи с огланами находились „казаки”— постоянный кадр войска, состоявший под командой огланов. Проф. В. В. Вельяминов-Зернов об'ясняет термин „казак“, встречающийся в документах данной эпохи, как „простой татарин“: „Простые татары, приходившие в Россию вместе со своими царевичами, а равным образом и простые татары казанские, крымские и пр. обыкновенно звались у русских казаками, да и сами они называли себя казаками“¹⁾). Термин „казаки“ постоянно употреблялся в тех случаях, где речь шла например, о служилых татарах в России. Об'яснение проф. Вельяминова-Зернова нуждается в некотором ограничении: на службу в Россию вместе с татарскими царевичами приходили собственно не простые татары, под которыми можно

¹⁾ Вел. Зернов, I, с. 74.

было бы подразумевать основную массу крестьянского населения, а татары-солдаты, из которых и состоял кадр служилого войска. Этой особенностью—военным характером своей профессиональной службы—казаки отличались от массы „простых татар“ и в силу своего значения для государства получали по временам доступ к участию в курултае вместе с огланами, напр. в январе 1546 и в июле 1551 года.

В некоторых случаях термин „казаки“ детализуется: различаются казаки „дворные“ и „задворные“, т. е. служившие при дворе, в столице, и вне двора, в улусах, по деревням. Татарские термины, соответствующие русскому переводу „дворные“ и „задворные“— „ички“ (внутренние) и „исъники“ (внешние). В некоторых случаях русские документы отмечают отдельно ички, дворных и задворных казаков, но чередование терминов „ички“ и „дворные казаки“¹⁾, при тождестве их значений, подтверждает их идентичность. В некоторых случаях, напр. после смерти Мухаммеда-Эмина в 1518 году официальные документы упоминают об участии в решении государственных вопросов только „ички“, т. е. столичного гарнизона без упоминания задворных казаков, т. е. провинциальных солдат. Д. В. Смирнов склонен был относить эпитет „ички“ не к простым казакам, а к князьям, находившимся при дворе²⁾, но взаимное чередование терминов „ички“ и „дворные казаки“ не дает оснований к этому толкованию.

Чиновники. Среди русской читающей публики распространено представление о Казанском ханстве, как о совершенно безформенной, аморфной стране, в которой был лишь один город—Казань, а население состояло частью из степных кочевников—татар, частью из полудиких инородцев звероловов, ютившихся в дебрях лесов. Такое представление о государстве совершенно не соответствует действительности. Страна была покрыта лесами, а не степями. Идавна оседлое население жило в улусах и аулах, т. е. в деревнях. Ни о кочевьях, ни о войлочных юртах не может быть и речи в этой лесистой стране. Всё население, как татарское, так и инородческое, занималось здесь хлебопашеством, в городах же—торговлею и ремеслами.

¹⁾ П. С. Р. Л. XIX, 392.

²⁾ П. С. Р. Л. XIX, с. 393—394, прим.

Из Сарайского ханства в Казань была принесена сложная система административного управления, обслуживавшаяся значительным штатом должностных лиц и чиновников всякого рода. Золотоординские ярлыки ясно рисуют всю эту систему, унаследованную турко-татарами от монгольского государства, впитавшего в себя традиции китайской письменности и административного дела. Государственная власть преследовала исключительно фискальные интересы, направленные к пополнению ханской казны, и вся страна была покрыта сетью податных учреждений или отдельных чиновников. Всюду были поставлены должностные лица, ведавшие определенными сборами в данном пункте или районе — в последнем случае они совершали периодические об'езды своих деревень. Писцы, книжники, уставодержальники, собиратели, данщики, таможники, поборщики, приказники, заказники, пошлининики, поплужники, весовщики и т. п. чиновники непрерывно производили большую работу. Страна была усеяна таможнями и заставами, на перевозах через реки стояли побережники и лодейники, взимавшие пошлину в казну за переход и перевоз грузов, на заставах поджидали проезжих заставщики и таможники, собиравшие пошлину с провозимых товаров. Строго обдуманная и превосходно наложенная система налогового обложения требовала громадного кадра чиновников, хорошо подготовленных, вполне грамотных, опытных в своем деле и привычных к служебной дисциплине. Все это заставляет предполагать наличие как в Сарайском, так и в Казанском ханстве прекрасно поставленной школы, из которой выходили служилые люди.

Сарайское ханство передало Казани превосходно наложенную систему кадастров, и многочисленные специалисты — писцы, периодически производившие поголовную перепись населения, брали всех жителей на учет, и никому не представлялось возможности избежать податей и налогов. Как бы далеко от столицы ни жили татары или инородцы, они всегда с точностью знали, входят ли они в состав Казанского государства или же нет. Если мы в настоящее время не знаем границ Казанского ханства, то это не значит, что их не существовало: хотя в то время не было укрепленных постоянной стражей границ, и линия, разделявшая соседние государства, являлась чисто условной, но фикция эта прочно держалась в сознании местных жителей, так как она немедленно обращалась в живую реальность, лишь только появлялись государственные чиновники, и население того или другого пункта было принуждено платить аккуратно подати и налоги. Таким образом, представление о Ка-

занском ханстве, как об аморфной стране, лишенной всякого подобия европейской государственности, совершенно не отвечает действительности.

В столице существовали центральные управления, ведавшие отдельными отраслями государственной жизни, и следует глубоко пожалеть о том, что до нас не дошли архивы этих учреждений. О существовании архивов в Сарае имеются положительные указания: в 1840-ых годах при раскопках Терещенко „в одном месте были открыты листы бумаги, на которых находились кусочки восковых печатей и синие шнурки, плетеные серебряно-золотою нитью“, в другом месте „найдены были чернильницы и кусочки писаной бумаги, украшенные золотом и незабудками“, далее были открыты „песочницы, чернильницы, монеты, пережженая бумага и листки целой с выписанными на ней золотыми незабудками и золотыми по краям ободками; вверху одного листа заметны писаные золотом буквы“, потом обнаружена „перетлевшая бумага, свинцовая печать с изображением на ней тигра“, затем—„кипы бумаги, исписанной по-татарски“¹⁾, на конец описывается находка просто целого архива²⁾. К сожалению, эти замечательные находки Терещенко пропали для науки бесследно, и рукописи, которые сохранились невредимо в земле в течение нескольких столетий, погибли, как только рука человека извлекла их из земли. Проф. Лихачев говорит: „Где находятся теперь все эти остатки, драгоценные для дипломатики и сфрагистики, я не мог узнать, да и сомневаюсь, сохранились ли они!“³⁾ Архивы центральных учреждений должны были сосредотачивать огромное количество материала, при исключительном господстве письменного делопроизводства: вся общественная и частная жизнь была строго регламентирована, и деловые сношения между отдельными лицами облекались в форму писанных договоров, контрактов и актов, которые скреплялись печатями, тамгами и подписями, а сверх того, в важных случаях, ротою и шерстью, т. е. присягой и клятвой.

Особенной тонкостью отличалась служба чиновников на дипломатическом поприще, требовавшая выдающихся качеств—ума, на-

¹⁾ «Археологические поиски в развалинах Сарая»—Записки С.П.Б. Археологического Общества, т. II, стр. 346, 388, 378 и 382. Извлечение из этой статьи—«Четырехлетние археологические поиски в развалинах Сарая», Журнал Мин. Вн. Дел, 1847 г., кн. 9.

²⁾ «Археологические поиски в развалинах Сарая», стр. 401.

³⁾ Н. П. Лихачев «Палеографическое значение бумажных водяных знаков» СПБ. 1899 г., ч. I, стр. I.XIII.

ходчивости, упорства, умения ориентироваться в непривычных условиях, отлично владеть собою, сохранять чувство собственного достоинства, и кроме того подразумевавшая превосходную образованность и специальную подготовку. Послами при иностранных дворах постоянно выступали почетные лица, принадлежавшие к числу знатнейших фамилий и являвшиеся носителями лучших культурных традиций, но среди различных имен можно заметить некоторых специалистов, опыту которых казанское правительство доверяло в течение целого ряда лет,—таковы, например, бакши Бозек, сеид Шах-Хусейн и др. Обычно посольства в иностранные государства состояли из 3 уполномоченных—князя, оглана и специалиста-чиновника, так называемого „бакши“, соответствовавшего русским дьякам того времени.

Ярлык Сагиб-Гирея, открытый С. Г. Вахидовым, заключает в себе ряд названий различных должностных лиц и чиновников, существовавших в Казанском ханстве. Всего перечислено 13 категорий в следующем порядке: 1) эмир, 2) хаким, 3) сеид, 4) казы, 5) мауали-заавель-ихтирам, 6) воқиль, 7) макааман, 8) ильчи, 9) бакчачи, 10) кшти-баанан, 11) гузэр-баанан, 12) тутқагул, 13) тамгачи. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что большая часть этих названий носит не национальный турецко-татарский характер, а взята с арабского языка и при том снабжена персидскими окончаниями множественного числа, тогда как в ярлыках Сарайских и Крымских ханов названия чиновников выражены по-татарски. Таким образом мы встаем лицом к лицу с фактом более сильного в Казанском ханстве, чем в Крыму и даже в Сарае, арабско-персидского влияния, укоренившегося не только в книжной начитанности, но и проникшего в виде арабско-персидских терминов в государственный и административный обиход Казанского ханства. Такое сильное арабско-персидское влияние об'ясняется старинными связями Среднего Поволжья с арабско-персидской культурой, окрепшими еще в эпоху Болгарского царства, задолго до возникновения Сарайского ханства.

Благодаря присутствию арабских терминов, список должностных лиц в ярлыке Сагиб-Гирея значительно отличается от ярлыков Сарайских и Крымских, и это создает большие затруднения при выяснении характера должностей. Из 13 терминов, бывших употребительными в Казанском ханстве, совпадают с Сарайскими только немногие: сеид, казы, ильчи, тутқагул, тамгачи. Из остальных некоторые термины находят себе аналогию в турецко-татарских на-

званиях Сарайских и Крымских ярлыков, но часть терминов не находит себе явственных параллелей, да и о значении их можно только догадываться.

Об эмирах и о сеидах мы уже говорили—это высшие должностные лица по гражданскому и духовному ведомствам, притом сан их являлся наследственным. „Хаким“ и „казы“—судебные должности, и о различиях между ними позволительно думать, что хакимы составляли более высокую инстанцию, так как они поименованы в числе первых, даже выше сеидов, а казы (араб. кади) являлись местными, провинциальными судьми. Труднее всего обяснить названия мауали-заавель ихтирам, вакиль, макааман ильчи. Все они обозначают каких-то чиновников, но арабские термины ничего не дают для выяснения тех различий, которые существовали между ними. „Мауали-заавель ихтирам“ означает почетных лиц, „вакиль“ и „ильчи“—уполномоченных, „макааман“—чиновников на местах. Судить о характере должностей, обозначенных такими понятиями, невозможно. Следующие 5 терминов поддаются обяснению с меньшим трудом: „бакчачи“—чиновники, имевшие наблюдение за садами и огородами, „кшти-баанан“—чиновники, собиравшие подать с полей, „гузэр-баанан“—чины наружной полиции, наблюдавшие за порядком, „туткагул“ и тамгачи—податные чиновники, собирающие пошлины на заставах и в таможнях.

Перечисленными чиновниками, разумеется, далеко не исчерпался обширный штат должностных лиц. Специальный характер документа, данного лицом, по всей вероятности, постоянно проживавшим в провинции, уделяет большое внимание низшим, провинциальным чиновникам, тогда как столичные чины могли быть оставлены в стороне, за исключением высших лиц центрального управления.

Податное сословие. Духовенство, князья, огланы и чиновники составляли тот привилегированный, господствовавший слой населения, который в русских источниках носит название „больших людей“, в противоположность податному разряду, получившему наименование „меньших людей“¹⁾. В состав этого разряда входили различные группы городского и сельского населения—торговцы, ремесленники, крестьяне и всякого рода вольнонаемные рабочие. В государственном управлении народная масса никакого значения не имела, и хотя курултай официально считался собранием „всей

¹⁾ П. С. Р. Л. XIX. 49.

Казанской земли", но в действительности земские люди были совершенно отстранены от всякого участия в курултае, и соответственно этому, мы не находим перечисления податных слоев населения в составе курултая. Как мы уже говорили, казаки, участвовавшие в курултае, принадлежали к военному сословию, а инородцы— «чюваша, и черемиса, и отяки, и мордва» были представлены только князьями и административными лицами.

Податное население было обложено многочисленными повинностями в пользу казны. Ярлык Сагиб-Гирея перечисляет 13 видов различных податей, налогов и повинностей, от которых были избавлены тарханы: 1) ясак, 2) клан, 3) салыг, 4) кулуш, 5) култыка, 6) бач, 7) торговый налог (харадж хараджат), 8) деревенский налог (сала-хараджи), 9) земельный налог (ерь-хылясы), 10) подать с трубы (тютынъсяны), 11) продовольствие (сусун), 12) фураж (гулюфэ), 13) постой. Судить о характере всех этих податей и повинностей можно только отчасти, так как, по недостатку источников, трудно вложить какое-либо определенное содержание в официальные термины. Мало помогают делу и аналогии, взятые из ярлыков Сарайского и Крымского ханства, так как и там смысл стариных названий утрачен.

В отличие от древне-русской системы податного обложения, татарами практиковалась подушная подать, которую вносили поголовно все жители каждого населенного пункта, без различия своих занятий. Кроме того, доходные предприятия и недвижимое имущество подвергались особому дополнительному обложению, откуда и происходило разнообразие всяких налогов. Основной податью являлся «ясак», который в отношении инородцев переводится проф. И. Н. Березиным, как «дань десятинная»: «Десятина была всеобщая подать, в мирное время, конечно, составлявшая главный источник дохода. Перепись народная для десятины производилась неоднократно¹⁾. Таким образом, ясак определяется, как 10%-ный подоходный налог. В качестве основного источника обложения, ясак удержался в стране и после падения Казанского ханства, так как русское правительство его не отменило, постепенно лишь повышая норму ясачного обложения.

«Клан» переводится русскими, как «оброк», и по словам И. Н. Березина «в русских постановлениях дань— «ясак» отличалась

¹⁾ И. Н. Березин „Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева“—Труды Вост. Отд. Имп. Арх. О-ва, ч. VIII, с. 474. СПБ. 1864 г.

от оброка—«клан»¹⁾). В Сарайском ханстве различался клан в пользу хана, ханской жены, князей, высших чиновников, даруги, ильчи и т. д.²⁾ Трудно судить, что такое представляли собою подати «салыг», „кулум”, „култыка” и „бач”. Подати эти существовали и в других татарских ханствах, но характер их остается невыясненным. Далее идет ряд специальных налогов—торговый, деревенский, поземельный („поплужное” русских источников), подворный (с трубы). Это—налоги на доходные предприятия и недвижимое имущество, составлявшие дополнение к ясачному обложению. Особый разряд составляли различные натуральные повинности—продовольствие (сусун) казенных чиновников, проезжающих по служебным делам, фураж (гулюфэ) для их лошадей и квартирная повинность, принуждавшая отводить помещения для постоя чиновников и лошадей. Эти повинности существовали и в Сарайском ханстве—их отметил проф. И. Н. Березин, но он ошибочно придал терминам „сусун” и „гулюфэ” обратное значение, перемешав их между собою³⁾. Квартирная повинность (постой), в ярлыке Сагиб-Гирея не названная специальным термином и выраженная лишь описательно, имела в Сарае название «кунак тушун». Тесно связанные с описанными повинностями поставки лошадей и экипажей для казенных подвод—«улак» и «ям», существовавшие в Сарайском ханстве, в ярлыке Сагиб-Гирея не названы, но их существование вполне естественно предполагать.

Помимо податей, налогов и повинностей, перечисленных в ярлыке Сагиб-Гирея, из русских источников известно о существовании еще нескольких торговых налогов, существовавших в Казани первые годы после завоевания русскими, причем можно думать, что по крайней мере один из этих налогов был установлен еще в эпоху Казанского ханства. В 1565 году с торговых помещений в Казани взимались «амбарщина», «тепловой оброк» и «соровой оброк»⁴⁾, причем «под именем сорового разумеется плата метельщикам, которые обязаны были очистить гостиный двор от сора и грязи»⁵⁾; кроме этих налогов, лавки казанского торга обложены были „Еналеевщиной”—ежегодным налогом в 4 алтыва⁶⁾). П. Заринский отметил связь „Еналеевщины” с именем хана Джан-Али и высказал

¹⁾ Там же, с. 471.

²⁾ Там же, с. 475.

³⁾ Там же, с. 473 и 475.

⁴⁾ „Список с писцовых книг по г. Казани с уездом”, Казань, 1877 г., стр. 58.

⁵⁾ П. Заринский „Очерки древней Казани”, 1877, с. 162.

⁶⁾ „Список с писцовых книг по г. Казани с уездом”, стр. 57.

следующее предположение: «Не была ли эта подать установлена в царствование Джан-Али на какие либо особые городские расходы или же, может быть, эта подать наложена русскими и обращена была в пользу семейства убитого за преданность России Джан-Али?»¹⁾ Из этих предположений первое является более вероятным, так как ко времени взятия Казани „семейство“ убитого Джан-Али в виде единственной его дочери, было уже достаточно обеспечено: царевна была выдана замуж за астраханского царевича русской службы, получившего в управление г. Юрьев Польский „и с данию“ т.е. со всеми доходами.

В числе налогов, перечисленных в ярлыке Сагиб-Гирея, отсутствуют пошлины—тамга, весовой сбор и т. п., существовавшие в Сарайском и Крымском ханствах. Отсутствие этих пошлин в тексте тарханной грамоты вовсе не означает того, что они не существовали в Казанском ханстве: возможно, что тарханные привилегии как раз не распространялись на освобождение от этих пошлин. Напротив, имеются положительные указания на то, что „тамга“—пошлина на товары в Казанском ханстве именно существовала, так как в тексте того же ярлыка среди перечисленных должностных лиц упомянуты „тамгачи“—таможенные чиновники.

Крепостные и рабы. Мы уже говорили о помещиках-землевладельцах, сосредотачивавших в своих руках крупную земельную собственность. Обработка земли, требовавшая большого количества рабочих рук, заставляет предполагать наличие в Казанском ханстве крепостных крестьян, т. е. таких, которые зависели от помещиков не имели собственной земли и занимались обработкой хозяйственных полей. Ярлык Сагиб-Гирея действительно подтверждает существование в Казанском ханстве крепостных крестьян: тарханская грамота ставит под покровительство государственной власти „людей (киши), поля, возы и скот“, принадлежащие тарханам. Кого же можно разуметь в данном случае под „людьми“ (киши), как не крепостных, работавших на помещиков, почему они и поименованы наряду с полями, возами и стадами, принадлежавшими тарханам? Подтверждают существование крепостных крестьян также русские писцовые книги, в которых указаны крестьяне, жившие на помещичьих землях, отмежеванных русским правительством дворянам и духовенству. В Казанском уезде (на луговой стороне Волги) во владение архиепископу было отведено несколько дерев-

¹⁾ П. Заринский „Очерки древней Казани“ 1877 г., с. 162.

вень, в которых уцелели 32 двора татарских и 33 двора чувашских, которые не были закрепощены вновь, а переданы во владение архиепископу вместо прежних татарских помещиков¹⁾.

Помимо крепостных крестьян из татар и инородцев, помещики применяли для обработки земли военнопленных—рабов, которые с этой целью сажались на землю и прикреплялись к поместьям. Далеко не все пленики продавались казанцами на азиатские рынки, и применение дарового труда пленных должно было производиться помещиками в самых широких размерах. При освобождении русских-рабов в 1551 году было возвращено на родину, по официальным сведениям, 60 тысяч человек, и нет никакого сомнения, что большая часть этого количества не могла постоянно находиться в Казани, а проживала по деревням, где рабы обслуживали своим трудом хозяйства помещиков. Тем не менее, после освобождения рабов-военнопленных, в Казанском ханстве осталось немало русских „полонянников“, которые настолько прочно осели на землю и занялись хлебопашеством, что они не возвратились в Россию, а предпочли остаться на прежних местах, и здесь их застало русское завоевание. При составлении писцовых книг в 1565—67 годах „писаны земли полонянничные в татарских и в чувашских селех и в деревнях, которые полонянники живут с татарами и с чувашею вместе“²⁾. Запись по Свияжскому уезду—на горной стороне Волги—была произведена следующим образом: „В Свияжском же уезде в татарских и чувашских селех и в деревнях живут полоненики с новокрещеными и с татарами и с чувашею вместе, а наши свои полонянники пашут не в разделе с татарскими и чувашскими пашнями смесь по полосам. А государевы службы полоненики не служат, а дают своих пашен с земли и с бортных ухожаев оброк в Казани и в Свияжском городе в государеву казну диаком по воеводским грамотам и по книгам. И в тех в татарских и чувашских селах и в деревнях не во многих полонянники во дворех по имянам и полоненичные наши и сена писаны по сказке, выспрашивая полонеников и новокрещенов и татар и чуваш. А не мерили, и от татарских и от чувашских земель полоненичных пашен отмежевывать было нельзя, потому что полоненики пахали пашню с татарскими и чувашскими смесь по полосам, да и потому что многие татарове и чуваша в те поры были на государеве

¹⁾ „Список с писцовых книг по г. Казани с уездом“ 1877 г., с. 69.

²⁾ „Список с писцовой и межевой книги г. Свияжска и уезда Н. В. Борисова и Д. А. Кикина“, Казань, 1909 г., стр. 66.

службе, а без них полонеником одним верити нельзя для ссоры. И в поместья князем и детем боярским те полонничные пашни все не разделены, а велено полонеником с тех их пашен и с бортных ухожьев давати оброки в Свияжском городе во государеву казну диаком по оброчным грамотам и по книгам до государева указу¹⁾). Через 10—15 лет после падения Казанского ханства русские плениники оказались на горной стороне Волги в следующих селениях, не принадлежавших помещикам: в с. Карагаеве, в д. Салтыках, д. Клерях, д. Бахлычееве и в сельце Барышеве. Кроме того, не мало бывших военнопленных оказалось на помещичьих землях. Герберштейн, записавший ходившие среди русских страшные слухи о том, что попавшие в плен „старцы и немощные, за которых нельзя много выручить, и которые негодны для работы, отдаются у татар, все равно как зайцы молодым собакам, юношам, которые учатся на них военному делу и побивают их камнями или бросают в море или убивают их каким либо другим способом“, сообщает далее: „Те же, которые продаются, принуждены целых шесть лет пробыть в рабстве; по истечении этого срока они становятся свободными, однако не смеют уйти из страны²⁾). Таким образом, если верить Герберштейну, то выходит, что продолжительность рабства была ограничена всего 6 годами, по истечении коих раб становился свободным, хотя и неполноправным гражданином. Из русской писцовой книги мы видели, что полонянники „государевы службы не служат“, и что они пахали пашню, тогда как „многие татарове и чуваша в те поры были на государеве службе“. Нет сомнения, что в этих чертах сохранились следы положения, существовавшего в Казанском ханстве до завоевания—военнопленные не привлекались к военной службе казанским правительством.

Проживая долгое время в плену, рабы и вольноотпущенники забывали свою родину и привыкнувши к местному краю не имели желания возвратиться „домой“, где все для них уже стало чужим, и где они потеряли имущество. Бывали случаи, что долгие годы неволи истребляли у плеников не только память о родине, но заставляли даже забыть и отцов: по русской писцовой книге 1565—67 г. в д. Нурдулатове жили русские полонянники, „а отцов своих имен, которого рода, сказали не помнят“³⁾). Многие плениники переходили из христианства в мусульманство: среди них встречаются

¹⁾ „Список с писцовой и межевой книги г. Свияжска и уезда“, с. 106.

²⁾ Зап. о Моск., с. 144.

³⁾ „Список с писцовой и межевой книги г. Свияжска и уезда“, с. 104.

имена Сабанчайко, Девлятьдайко, Янчура, Теребердей и т. п.¹⁾ Сам автор „Казанского Летописца“, усердный противник татар и мусульманства, во время 20-летнего пребывания в плену принимал мусульманство²⁾. После завоевания Казанского ханства русское духовенство вспомнило об отпавших и позаботилось об их возвращении в христианство. В 1593 году казанский митрополит Гермоген писал „многие-де русские полоняники и неполоняники живут у татар и у черемисы и у чуваши, и пьют с ними и едят с одного и женятся у них... и те-де все люди также крестьянские веры отпали и превратились у татар в татарскую веру“³⁾.

Кроме документальных сведений о русских военноимленных, имеются сведения о рабах (кул), проживавших в поместьях. Предания говорят, например, что д. Кулларово в Малмыжском уезде получила свое название от рабов („кул“), живших здесь и принадлежавших помещикам, обитавшим в селении Байлангар („сыновья богача“). Селение с названием „Кулларово“, т. е. „рабское“ встречается несколько в Казанском крае.

Экономический строй. Основным занятием жителей Казанского ханства являлось, вне всяких сомнений, земледелие. Не только старое болгарское население, но также чувashi и финские инородцы издавна жили земледельческим бытом. Переход края под власть татар не изменил характера этого быта, и хлебопашество по-прежнему оставалось основой хозяйственной жизни. Лучшим изображением земледельческого быта страны является описание кн. А. М. Курбским Арской земли — северной окраины Казанского ханства: „В земле той поля великие и зело преизобильные и гобзующие на всякие плоды; тако же и дворы княжат их и вельможей зело прекрасны и воистину удивления достойни, и села часты; хлебов же всяких такое там множество, воистину вере ко исповеданию неподобно: аки бы на подобие множества звезд небесных; также и скотов различных стад бесчисленные множества“⁴⁾. Среди русской читающей публики распространено представление, приписывающее болгаро-татарам кочевые привычки, а инородцам финского происхождения — охотничий образ жизни на подобие дикарей. В действительности же болгаро-татарская культура является чисто-

¹⁾ Там же, с. 107.

²⁾ Кунцевич, стр. 558.

³⁾ Акты Археогр. Эцса, т. I, № 358, стр. 438.

⁴⁾ Курбский „История кн. кн. Московского“, — Сказания, изд. З стр. 23.

оседлой и земледельческой, подтверждением чему служат обильные археологические находки в виде земледельческих орудий—плугов, серпов, кос и т. п., а также многовековое существование постоянных пунктов оседлости, обусловленное земледельческим бытом. Волжско-Камский край перешел к оседлости и земледелию еще в до-историческую эпоху, почти на самой заре появления здесь человека—задолго до расселения народов турецкого и финского происхождения. У финских инородцев вся их культура, весь быт, вся религия с ее молитвами и праздниками—все это свидетельствует о том, что черемисы, вотяки и мордва с незапамятных времен жили оседло и занимались всегда земледелием. Князь Курбский при описании похода 1552 года упоминает о черемисском хлебе, который „обретется сладостнейший паче драгоценных калачей“ для утомленного русского войска.

Земледелие отличалось экстенсивным характером, причем у инородцев, в частности у вотяков, существовала двупольная система хозяйства.

Вслед за земледелием важнейшую роль в экономической жизни страны играла торговля—внутренняя, ввозная, вывозная и транзитная. Счастливые географические условия—наличие мощных водных путей, соединивших Московско-Новгородскую Русь и обильное пушниной Прикамье с Прикаспийским Востоком, составляли выдающуюся особенность Казанского государства. С древнейших времен, восходящих еще к неолитической эпохе, в Поволжье совершался торговый обмен. Край, богатый лесом, мехами и медом, отправлял товары на юг, получая в обмен предметы культуры, моды и роскоши. Этим путем были занесены в свое время первые металлические орудия, медные украшения и средиземноморские фабрикаты. Та же схема торговых сношений оставалась в течение следующих тысячелетий—Север давал сырье продукты и получал предметы высокой культуры. Менялись века, сменялись народы, но характер торговых сношений в Поволжье оставался все тем же. Волжская торговля создала прочные связи Болгарии с Персией и арабами, вызвала распространение здесь арабско-персидской культуры и мусульманства. Торговое могущество Волжской Болгарии, перешедшее впоследствии к Казанскому ханству, было основано на том обстоятельстве, что главный узел торговли завязался на северном конце средне-волжского плёса, где торговый путь раздваивался, направляясь посредством верхней Волги на северо-запад, к Балтийскому морю, а посредством Камы—на северо-восток, в Приуралье. Таким обра-

вом. Болгария и Казанское ханство держали в своих руках все нити волжской торговли—к ним стекались товары с запада, северо-востока и юга, и местные капиталисты регулировали сбыт и обмен всех товаров, владели рынком и были хозяевами торговли, скучая сырье у инородцев и перепродаю его за границу. Расцвет болгарской торговли был обусловлен посредничеством, которое приходилось на долю болгар, между Новгородом, Прикамьем и Персией. В эпоху Казанского ханства видную роль наряду с Новгородом имела Москва, а на юго-востоке крупное значение приобрело Ногайское княжество с хорошо поставленным коневодством.

Приволжские города были обязаны своим возникновением и расцветом исключительно волжской торговле и великой многоводной реке. Подобно тому, как в западной половине русской равнины пролегал водный путь „из варяг в греки“, в восточной половине шел не менее мощный путь из Скандинавии в Персию и в Персию из Перми. В главном центре страны постоянно проживали купцы-иностранцы, и рынок пестрел предметами заграничного ввоза. Н. А. Фирсов говорит, что в Казани „было постоянно много русских купцов, которые вывозили оттуда в Россию меха, преимущественно беличьи, и бухарские ткани, доставляя взамен того татарам европейские шерстяные произведения; там монеты русские находились в большом обращении, как показывают разыскания нумизматов, и надо полагать, что большая доля их получалась там путем торговых сношений русских с казанцами“¹⁾. В 1552 году во время осады Казани русскими в городе оставались купцы-иностранцы: „Казанцы... пять тысяч с собою затвориша иноземских купцов—бухар и шамохи, и турчан и армян и инех“²⁾. В Казани, как и в Булгаре, существовала целая слобода, населенная армянами (ныне Армянская улица), и следы армянского кладбища уцелели до настоящего времени.

Постоянная торговля в Казани периодически, ежегодно, получала особенный под'ем оживления. С незапамятных времен в Поволжье происходила ежегодная ярмарка, перенесенная в Казань из Булгара. На ярмарку приезжали одновременно купцы из России, Армении, Персии, Ногайского княжества и из Туркестана, и таким образом значение ярмарки сводилось к колоссальному международному товарообмену. Эту роль посредника в торговом обмене между

¹⁾ Н. А. Фирсов „Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве“. Казань, 1866 г., с 944.

²⁾ П. С. Р. Л. XIX, 130.

Западом и Востоком, Европой и Азией, после падения Казанского ханства унаследовало известное „всероссийское торжине“—Макарьевская ярмарка, до настоящего времени происходящая в Нижнем-Новгороде. Автор „Казанского Летописца“ сообщает, что ярмарка происходила ежегодно 24 июня—на тон же день съехдахуся в Казань изо вси Русский земля богати купцы и многие иноземцы дальние и торговаху с Русью великими драгими товары, не ведующи русских люди беды на себя никакия, без боини живущи в Казани, надеющиеся яко на своего царя и не боящеся его¹⁾). Об этой же ярмарке говорит Герберштейн, в связи с указом Василия III в 1523 году о запрещении русским купцам сздить в Казань и участвовать в этой ярмарке. Герберштейн сообщает, что ярмарка происходила „около Казани на острове купцов“, со слов русских названном им также Гостиным островом „то есть островом, который называется островом купцов, находящимся на Волге недалеко от казанской крепости“²⁾). Гостиный остров, на котором происходила ярмарка, неоднократно упоминается в русских летописях и в писцовых книгах. Он находился на Волге против самой Казани. Таким образом, ярмарка происходила не в самом городе, а в 5—6 верстах от него, но за то для волжских купцов положение ярмарки непосредственно на берегу составляло большое удобство: не требовалось перегружать транзитных товаров на берег и вновь на суда, а также не требовалось везти их за несколько верст в Казань. Ярмарка происходила в летнее время, по спаде весенней воды, весною же ярмарочная территория со всем Гостиным островом затоплялась разливом, как и в настоящее время затопляется Макарьевской ярмаркой в Нижнем-Новгороде. Автор „Казанского Летописца“ дает следующее описание ярмарочного оживления: „Граждания все, мужи и с женами, гуляюще по их, пиюще в корчемницах царевых, покупающе на цены, прохлаждахуся. Много же народу обирающеся, чремисы на праздники тых с рухлом своим из дальних улусов и торговаху с градскими людьми, продающе, и купующе, и меняюще“³⁾.

Судя по международному характеру волжской торговли, преобладающее значение в Казанском ханстве имел внешний, а не внутренний товарообмен, и руководящая роль принадлежала крупным капиталистам—оптовикам, производившим скопку товаров боль-

¹⁾ П. С. Р. Л. XIX, 23.

²⁾ Герберштейн, с. 146 и 150.

³⁾ П. С. Р. Л. XIX, с. 26.

шими партиями и поставлявшим их на рынки через мелких посредников. Во внутреннем товарообмене наиболее видное место занимали распределение заграничных товаров, преимущественно бакалеи и галантереи, а также продажа сельскими жителями пушных мехов, которые попадали в руки агентов крупного капитала и составляли партии грузов для вывоза за границу.

Помимо частной торговли, в Казанском ханстве существовали и казенные лавки, например, в русских источниках упоминаются казенные питейные заведения, обеспечивающие верный доход ханской казне: по словам „Казанского Летописца“, во время ярмарки в Казани жители выпивали „в корчевницах царевых“ ¹⁾, во время одного из походов русские „кабаки царевы пожгли“ ²⁾.

Внешняя торговля Казанского ханства имела очень крупный характер. Страна ввозила из России—соль, лен и западно-европейские фабрикаты, из Персии, и Туркестана—шелковые и хлопчато-бумажные ткани, ювелирные изделия, книги и другие предметы комфорта, из Закавказья—изюм, виноград, вино и дамасскую сталь. Герберштейн говорит о ввозе в Казанское ханство из России следующее: „В Татарию ввозятся седла, узды, одежды, кожи, оружие же и железо вывозятся только украдкой или, по особому позволению областных начальников, в другие, северо-восточные страны. Однако, они (русские) возят к татарам суконные и полотнянные одежды, ножи, топоры, иглы, зеркала и т. п.“ ³⁾. Запретивши в 1523 г. русским купцам ездить на Казанскую ярмарку, правительство Василия III рассчитывало, что это „нанесет большой вред казанцам, и что отняв у них возможность покупать соль, которую татары получали от русских только на этой ярмарке, можно их принудить к сдаче“ ⁴⁾. Льняные ткани—холст и полотно ввозились из России не только в Казанское ханство, но проникали и далее на восток, в Ногайское княжество; об этом свидетельствует следующий отрицательный ответ кн. Измаила ногайского на предложение начать войну против русских: „Только мне завоеваться, и мне самому ходити шагу, а которые люди умирать станут, тем и саванов не будет“ ⁵⁾. Очевидно, ногайцы одевались в русские ткани и нуждались в льняных изделиях.

¹⁾ И. С. Р. Л. XIX, с. 26.

²⁾ Царств. Книга, с. 117.

³⁾ Зап. о Моск., с. 90.

⁴⁾ Зап. о Моск., с. 150.

⁵⁾ Перетяткович „Поволжье в XV и XVI веках“, с. 209–210.

В царствование хана Махмуда, в 1455 г. митрополит Иона отправил в Казань транспорт „с рухлядью“, т. е. с мануфактурным товаром для сбыта¹⁾. Через Новгород шли в Казанское ханство западно-европейские (фламандские) сукна. Напротив, с востока ввозились легкие ткани—„камка кизильбашская“, т. с. персидская, находившая сбыт и в Россию. Вообще, персидские и закавказские товары привозились в Россию через Казанское ханство, и следствием запретительного указа 1523 г. в России „были дороговизна и недостаток в весьма многих вещах, которые привозились из Персии и Армении“²⁾. Изобилие привозной восточной мануфактуры было заметно в Казани даже при русских, и П. Заринский обясняет им множество шелковых и полушелковых материй, использованных русскими для церковного обихода в Казани в первые годы после завоевания: „Отсюда-то такое изобилие бухарских тканей в церковных описях Казани“³⁾. Герберштейн, говоря о восточном ввозе в Москву, сообщает: „Товары большую частью состоят из серебряных слитков, сукон, шелку, шелковых и золотых материй, жемчуга, драгоценных камней, золотой канители“⁴⁾. Громадное значение для внешней торговли имел вывоз из Казанского ханства рыбы, мехов и кожевенного товара. Рыбные промыслы на Волге привлекали не только местное население, но и заграницных, а именно русских рыбопромышленников. Известный указ русского правительства в 1523 году вызвал острую дороговизну и недостаток „преимущественно в отличной рыбе, в том числе и в белуге, которая ловится в Волге по сю и по ту сторону Казани“⁵⁾; зависимость русского рынка от волжского рыболовства была тем более ощутительна, что в данную эпоху русские исправно соблюдали посты. Меховой и кожевенной торговлей Казань славится до настоящего времени. Юфть и сафьян вывозились не только в Россию, но и на Восток,—в Туркестане лучшими сортами сафьяна считались „булгари“, т. с. казанские. Среди транзитных товаров следует еще упомянуть о бумаге и о лошадях. Писчая бумага ввозилась в Казанское ханство и Ногайское княжество из России: до нас дошел ряд документальных известий о ввозе западно-европейской писчей бумаги в Ногайское княжество, напр. в 1537 г. кн. Сейд-Ахмед Ногайский (Ший-

¹⁾ Акты Археогр. Эксп. I, № 42. и Акты Исторических, I, № 67.

²⁾ Герберштейн, с. 150.

³⁾ „Очерки древней Казани“, с. 162, прим. 7.

⁴⁾ Зап. о Московии, с. 90.

⁵⁾ Зап. о Моск., с. 150.

дяк) просил русское правительство отправить ему 1000 листов бумаги, в 1549 г. кн. Юсуф просил прислать 500 листов бумаги, в 1551 г. кн. Юсуфу был отправлен из Москвы транспорт бумаги, в 1577 г. мурза Схан Урусов просил у русского правительства писчей бумаги, и т. д.¹⁾; в конце XVI в. (1595 г.) писчая бумага отправлялась из России даже в Персию²⁾. Относительно ввоза в Россию лошадей из Ногайского княжества имеются указания в летописях, напр., в 1532 году „приидоша на Москву послы ногайские, Баубек с товарыщи, а с ним гости с коньми от Кошюм мурзы и от иных мурз, и били чслом великому государю, чтобы князь великий их пожаловал, ослободил торговати; и как гости исторговали, и князь великий послов ногайских отпустил к их государю“³⁾. О размерах конской торговли, производившейся ногайцами, дает представление запись 1534 года: „Приидоша из ногай, от Шидяк мурзы и от иных 70 мурз 70 послов, а гости с ними многие, а всех их и с гостьми 4000 да 700, а коней 8,000“⁴⁾. Такие огромные транспорты лошадей целые табуны, пригонялись в Россию из ногайских степей через территорию Казанского ханства. Торговля Казанского ханства с Россией контролировалась некоторыми мерами русского правительства, ставившегося обложить ввозные товары пошлинами. Русское правительство разрешило ввозить товары лишь через два пограничных пункта—Нижний-Новгород на волжском пути и Муром на пути через „поле“. Здесь были учреждены таможни, и товары подвергались обложению пошлиной. Внутри России для восточных купцов учреждена была ярмарка, происходившая в Холопьем городе при устьи Мологи (около Рыбинска). Герберштейн говорит: „На этом месте бывает ярмарка, наиболее посещаемая во всем владении московского государя; сюда стекаются кроме шведов, ливонцев и московитов еще татары и весьма многие другие народы из восточных и северных стран. Они ведут только меновую торговлю потому что эти народы редко или почти совсем не употребляют золота и серебра. Готовые платья, иглы, ножи, кастрюли, топоры и т. п. они обменивают большую частью на меха“⁵⁾.

¹⁾ Прод. Др. Росс. Винк., VIII, 26, 176, 239; Ногайские статейные списки, книга № 8, л. 74—Цит. Н. П. Лихачев „Палеографическое значение бумажных водяных знаков“ I, Спб. 1899 г., Стр. LXIV—LXV.

²⁾ Труды Вост. Отделения, 2. XX, стр. 311.

³⁾ П. С. Р. Л. VIII, 280.

⁴⁾ П. С. Р. Л. VIII, 287.

⁵⁾ Зап. о Моск., с. 119.

Особую отрасль казанской торговли составляла торговля рабами. Предметом работорговли служили главным образом пленные, в особенности женщины, которые находили сбыт в гаремы всех стран, расположенных вокруг Каспийского моря.

Внутри России работорговля также существовала, и по всей вероятности не случайно место, где происходила ярмарка восточных купцов, получило название Холопьего города, т. е. города рабов или города, где торгуют рабами. Составитель „Казанского Летописца“ говорит, что казанцы „приводяще к себе русь плениную... яко скот толпами привязанных держацу и на торгу продавацу иноязычным купцам“¹⁾—„продаваша мирский полон в дальние срачины (сарацины, т. е. мусульмане), им и выйти не могуще“²⁾. В 1521 году, по сообщению Герберштейна „Саип Гирей, царь казанский, продал татарам всех пленников, которых увел из Московии, на астраханском рынке“³⁾. Русское правительство постоянно боролось с торговлей военнопленными на невольничих рынках и в 1551 году добилось формальной отмены христианского рабства и освобождения пленных рабов.

При обзоре торговли Казанского ханства обращает на себя внимание то обстоятельство, что ханство не чеканило собственной монеты, несмотря на широко развитую торговлю. Монету чеканили как Болгарское царство, так и Сарайское ханство, и отсутствие собственных денежных знаков в Казанском ханстве может вызывать недоумение⁴⁾. Вопрос этот нуждается в тщательном изучении. Заслуживает большого внимания гипотеза Б. В. Зайковского о том что так называемые „мордовки“ являются казанскими монетами частного выпуска.

Что касается промышленности Казанского ханства, то в ней явно преобладание добывающей над обрабатывающей. Важнейшими отраслями добывающей промышленности являлись охота за пушными зверями и рыболовство. Обилие пушнины в лесах, покрывавших страну, служило главным источником экономического благосостоя-

¹⁾ „Сказание о зачатии царства Казанского“, изд. Васильева, л. 42.

²⁾ П. С. Р. Л. XIX, с. 47.

³⁾ Зап. о Московии, с. 144.

⁴⁾ Один из монетных дворов Сарайского ханства находился в мордовском городе Мухши (Мокша, ныне с. Наровчат), который вошел в состав Казанского ханства.

ния в крае и развития внешней торговли. Вокруг Казани по обеим сторонам Волги существовали „бобровые гоны“, которые значились напр. в Свияжском уезде по писцовой книге 1565—67 годов¹⁾. Рыбный промысел привлекал в пределы Казанского ханства множество иностранных, а именно—русских промышленников. Составитель „Казанского Летописца“ говорит о русских рыболовах: „Ловяще рыбу на Волге под горами Девичими и до Змиева камня и до Увека за 1,000 от Казани верст—заехавши бо тамо живяше лето все, на диких водах, ловяща, и в осень на Русь возвращающиеся, наловившиеся и обогатившиеся“²⁾). Он определяет число русских рыболовов, работавших в Казанском ханстве в 1521 году, в 10 тысяч человек.

Кроме пушного промысла, леса доставляли благоприятную обстановку для развитии „бортных ухожаев“, т. е. пчеловодства, а также для рубки леса и сплава его вниз по Волге, в безлесные Астраханские степи.

Среди отраслей обрабатывающей промышленности первое место занимало кожевенное производство, унаследованное казанцами от древних болгар и процветающее до настоящего времени: съе в 985 году русские воины „лапотники“ отказались воевать с болгарами, обутыми в сапоги³⁾). Таким образом, кожевенная промышленность, засвидетельствованная еще в X веке и дожившая до XX-го, существует в Казанском крае у болгаро-татар целое тысячелетие. Юфть, т. е. выделанные кожи, сафьян—тонкие цветные сорта вывозились в Россию и на Восток, где казанский сафьян славился под названием „булгари“. Кожевенная промышленность в Казанском ханстве достигала крупных размеров, тогда как прочие отрасли производства не выходили за пределы кустарного промысла.

Из ремесел были развиты, несомненно, плотничье и столярное дело, гончарное ремесло, слесарное и кузнечное мастерство. Высшей ступени развития достигли, повидимому, те ремесла и мастерства, которые были связаны с культурными потребностями населения и с повышенным уровнем требований. Сюда принадлежат ювелирное дело, искусство резьбы по камню и переписка книг. Ювелирное дело, для которого производился ввоз уральских дра-

¹⁾ Список с писцовой и межевой книги г. Свияжска и уезда, стр. 65.

²⁾ П. С. Р. Л. XIX, с. 33.

³⁾ „Иде Володимир из болгары с Добрынею... И рече Добрыня Володимиру: соглядах цолодник (плениных), и суть все в сапозех; сим дани нам не платити, пойдеве искать лапотник“ (П. С. Р. Л. IX, с. 42).

гощенных камней, достигло высокой степени совершенства, и настоящие шедевры искусства, до настоящего времени еще не изданные и не изученные, находили достойных ценителей в утонченных и изысканных вкусах и потребностях местного татарского населения. Спрос на ювелирные украшения, коренящийся в этнографических особенностях казанского народа, обусловил расцвет ювелирного мастерства и создал из него крупнейшую отрасль искусства¹⁾.

Искусство резьбы по камню, также унаследованное казанскими татарами от болгар, оставило ряд датированных памятников, дошедших до нас. Более редкими являются рукописи, сохранившиеся от Казанского ханства: множество их погибло во время войны за независимость и дальнейших восстаний, но рукописи конца XVI и начала XVII веков могут составить довольно правильное представление о достижениях казанских каллиграфов и переписчиков в эпоху самостоятельности. В общем же, все перечисленные ремесла представляли собою ничто иное, как кустарные промыслы, не достигавшие массового фабрично-заводского производства.

В экономическом отношении Казанское ханство распадалось на две части, резко отличавшиеся одна от другой—1) территорию, населенную самими татарами, и 2) окраины, населенные инородцами. Инородческое население жило всецело натуральным хозяйством. Масса инородческого населения не принимала в торговом обмене никакого участия, потому что не продавала, а отдавала даром, и виде дани, продукты земледелия, охоты и чловодства; торговля не затрагивала почти никаких потребностей инородческого населения, так как все необходимое оно создавало собственно ручно, отираясь на рынок только избытки и выменивав гам только предметы роскоши. Более сложной являлась экономическая жизнь коренного татарского населения. Деревенские жители занимались сельском хозяйством, но уже были вовлечены и в торговый обмен. В широких размерах развивалась добывающая промышленность, находившаяся всецело в руках крупных капиталистов представителей внешней торговли. Внешняя торговля обогащала купцов и сосредоточивалась в единственном крупном экономическом центре—Казани. Следует думать, что Казань имела значение не только торгового пункта, но здесь также концентрировалась единственно развитая отрасль обрабатывающей промышленности—коже-

¹⁾ Центром ювелирного производства в Казанском крае до настоящего времени является Рыбная Слобода—бывшая ханская вотчина на р. Каме.

венное производство. Деревня экономически тяготела к столице, которая руководила экономическою жизнью страны. Крупным капиталистам и землевладельцам принадлежала вся политическая власть в государстве. В области коренного татарского населения первенствовало городское хозяйство—торговля, а на окраинах, среди инородцев, деревенское — хлебопашество и добывающая промышленность.

Добывающая промышленность Казанского ханства была рано подорвана иностранцами, которые захватили в свои руки лучшие пушные и рыбные промыслы. В северных лесах, представлявших неисчерпаемый источник пушнины, русские утвердились почти одновременно с болгаро-татарами: в 1361 году возникает Каринское княжество, а в 1374 г.—русская колония на Вятке. Попытка казанцев вернуть себе северные леса во время войны 1467—1469 года, когда казанцы захватили временно Хлынов и делали наступление на Устюг, окончилась безрезультатно. Через 20 лет северные леса окончательно переходят в руки Московского государства: немедленно после установления русского протектората в Казани (1487 г.) совершается присоединение к Москве Вятки и Каринского княжества (1489 г.). Таким образом, лучшие лесные богатства Севера пошли к московским промышленникам. Рыбные промыслы на Волге также оказались к концу XV века в руках русских рыбных ватаг—артелей. В начале XVI века русские ватажники работали не только по всем Среднем, но и также и в Нижнем Поволжье, вплоть до Узека (Саратова).

Добывающая промышленность не предполагает собою развития промышленного капитализма. Организация ее представляет артели кустарного типа, работающие на скопщика—капиталиста. Таким образом, мы имеем дело с эксплуатацией мелких промышленников землевладельцев, охотников или рыбаков крупными купцами—представителями торгового капитала. Если прибавить к этому, что и обрабатывающая промышленность Казанского ханства, даже в наиболее развитых ее отраслях, имела кустарный, а не фабрично-заводский характер, ясным становится, что страна находилась всецело в стадии развития торгового капитала.

Руководящую роль в торгово-промышленной жизни играли крупные капиталисты-купцы, а не мелкие промышленники-кустари. В интересах торгового капитала борьба русских за Поволжье являлась не столько завоеванием новых пушных и рыбных промыслов, сколько приобретением удобных путей для беспрепятственной

перевозки местных продуктов и иностранных товаров. Это была не столько борьба за Поволжье, сколько за самую Волгу, как путь для транзитной торговли.

Мы видели, что две главных отрасли добывающей промышленности Казанского ханства находились по преимуществу в руках иностранцев. На долю местных капиталистов оставалась обрабатывающая (кожевенная) промышленность и торговля. Таким образом, основные интересы казанских капиталистов были связаны почти исключительно с волжской торговлей. Торговля, а не промышленность составляла ось государственной жизни, вокруг которой вращалась политика.

Поэтому в сфере торговых интересов следует искать объяснения и политического расслоения руководящих верхов казанского населения. Существование в Казани политических партий было впервые указано Г. Перетятковичем в 1877 году: „В разное время перевес имели в Казани разные партии: сначала партия ногайская, потом московская, затем партия шибанских татар, с князем Ураком во главе; но скоро большинство этой партии, возмущенное грабежом и убийствами шибанского царя Мамука отстает от него и соединяется с русскою партию, и русский претендент опять вступает на казанский престол. После этого борьба начинается уже между крымскою партиею и московскою; борьба эта идет с переменным счастием и наконец завершается разгромом Казани и присоединением Казанского царства к России“¹). Партийное расслоение мыслилось по преимуществу только в сфере внешней политики, и причины расслоения совершенно не поддавались объяснению. Перетяткович говорил: „Среди казанской аристократии находились представители самых разнообразных партий, кроме только одной—которая имела бы в виду и преследовала бы интересы самого Казанского царства“²). Эти слова можно в настоящее время принимать лишь с известной оговоркою.

Анти-русская партия всегда имела в виду интересы Казанского ханства и поддерживала союз с Крымом и с Ногайским княжеством не ради этих государств, а для собственной выгоды. Руссофильская партия также руководилась соображениями государственной пользы и, прочно держась за союз с Россией, в благоприят-

¹) Перетяткович „Поволжье в XV и XVI веках“, стр. 129—130.

²) Перетяткович, стр. 129.

ный момент немедленно освобождалась от тягостной опеки со стороны иностранного государства: события 1535 года служат убедительным доказательством этого.

В настоящее время излишне доказывать, что партийное расслоение объяснялось ничем иным, как различием экономических интересов. Эти интересы оказывали решающее влияние на политику и очень отчетливо выступают документальных источниках. Еще Перетяткович отметил, что „когда Юсуф (ногайский) предложил Измаилу принять участие в этом походе (против русских в 1553 г.), то последний и на этот раз отказался, мотивируя отказ различием в торговых выгодах своих и Юсуфа, торговавшего в Бухаре, между тем как он вел торговлю в Москве“¹⁾.

Партийное расслоение не может быть объяснено другими мотивами, например, сословным различием обоих партий. В действительности, обе партии, были одинаковы по своему составу, и преобладающую роль в обоих играли князья, т. е. крупные капиталисты. Обе партии были торговыми, и одна из них была связана с русским рынком, а другая — с восточным. Обе партии стремились к сохранению мирных отношений с Россией, и восточной партии нельзя приписывать постоянного желания вести наступательную войну против русских. В 1495, 1546 и 1551 гг., при переходе власти в руки восточной партии, разрыва с Россией не последовало. Обе партии заботились о своей личной выгоде, и в этом отношении Перетяткович прав, говоря, что среди казанцев отсутствовала партия, преследовавшая интересы „самого Казанского царства“, как единого целого. Но понимать эти слова так, как будто казанцы заботились лишь о выгоде иностранцев, конечно, нельзя.

Военное дело. Проф. М. И. Покровским дана следующая характеристика военного искусства татар: „Степняки не умели брать городов и даже напав врасплох на Киев в 1096 году, они не смогли в него ворваться и должны были ограничиться опустошением окрестностей. Если в их руки попадали изредка укрепленные центры, то только мелкие, вроде Прилук, Посечена и т. д. Только в 1203 г. им удалось похозяйничать в самом Киеве, но туда привели половцев русские князья. Иным противником были татары. Степные наездники, также легко и свободно передвигавшиеся, как и половцы, они усвоили себе всю военную технику их времени. Еще в своих китайских войнах они выучились брать города, окруженные ка-

¹⁾ Перетяткович, стр. 209.

мennыми стенами. По словам Илано-Карпини, каждый татарин обязан был иметь при себе шанцевый инструмент и веревки для того, чтобы тащить осадные машины. Приступая к какому-нибудь русскому городу, они прежде всего „остолпляли“ его—окружали тыном; затем начинали бить таранами („пороками“) в ворота или наиболее слабую часть стены, стараясь в то же время зажечь строения внутри стен; для этого последней цели они употребляли, между прочим, греческий огонь, который они, кажется, даже несколько усовершенствовали. Прибегали к подкопам, в некоторых случаях даже отводили реки. Словом, в отношении военного искусства, по справедливому замечанию одного французского писателя, татары в XIII веке были тем же, чем пруссаки в середине XIX. Самые крепкие русские города попадали в их руки после нескольких недель, иногда только нескольких дней осады¹⁾). В эпоху Казанского ханства военное искусство татар находилось в упадке. Монгольские традиции, принесенные из Китая династией, были очень слабы; воинская знать давно превратилась в земельную аристократию и в крупных капиталистов. Торговый же характер коренного болгарского населения мог только способствовать усилинию склонности к мирному образу жизни и заставить забыть воинственные привычки предков.

При наступательных действиях против России казанцы чаще всего ограничивались нападением лишь на пограничные города: Муром, Нижний, Кострому и Галич. В случае удачи, наступление углублялось: от Галича шел путь к Устюгу, взятие Нижнего открывало путь во внутренние области русского государства, т. е. на Москву. Два раза казанцам удалось вторгнуться в Московскую область и дойти до русской столицы—в 1445 и 1521 годах. Малочисленность татарской пехоты заставляла казанцев действовать по большей части лишь системой коротких ударов или налетов, причем главное значение имела конница, составлявшая главную силу казанского войска. В XIII веке „татары были великими врагами городов, и летописцу-гражданину Батысу нашествие казалось венцом всех ужасов, какие только можно вообразить“²⁾). Теперь же Россия мало-по-малу покрылась сетью каменных крепостей, против которых было бесполезно действовать без артиллерии. Пушки у казанцев были, но лишь в ограниченном количестве, и артиллерия

1) М. Н. Покровский „Русская история“, т. I, с. 104—105.

2) М. Н. Покровский „Русская история“ I, с. 105.

ни в коем случае не могла конкурировать с русскою, руководимою иностранными—немецкими и итальянскими артиллеристами. Артиллерию составляла самое слабое место казанцев и, напротив, давала главное преимущество для России.

Зато несравненными боевыми качествами отличалась казанская конница. Татары являются большими знатоками и ценителями лошадей. Все они—превосходные наездники, и с татарскими лошадьми в крае не могут сравниться никакие другие. Герберштейн приводит со слов русских характерный рассказ, показывающий, насколько высокою репутациею пользовались казанские кавалеристы в глазах своих противников. Он имеет в виду один эпизод из осады Казани 1524 года, когда шестеро всадников сделали вылазку из осажденного города и с успехом сумели отбиться от *двух тысяч* русских солдат¹⁾.

Не располагая ни достаточной пехотой, ни артиллерией для прочного наступления вглубь России, казанцы имели в своем распоряжении превосходную конницу, пригодную лишь для коротких ударов, какими был, в сущности, и такой серьезный поход, как 1521 года; поэтому они были принуждены вести преимущественно оборонительную войну, и в этой отрасли военного дела сумели выработать достаточно умелую тактику. Приемы обороны, практиковавшиеся казанцами, сводились к хорошо разработанной системе засад, и в изобретении различных военных хитростей казанские полководцы были неистощимы. Для русского войска, двигавшегося по Волге к Казани, засада была приготовлена на пути; в такие засады попали флотилии кн. Ярославского в 1469 году и кн. Налецкого в 1524 году, и обе потерпели страшное поражение. Если русским удавалось достигнуть Казани, то под стенами ее их ждала опять засада—нападение конницы с тыла; таковы были действия конницы, нанесшей поражение русским в 1506 году, таковы же были нападения отрядов кн. Али-Газы в 1487 г. и кн. Иначи в 1552 г. Казань, расположенная на крутых утесах, была сильно укреплена самой природой, и стены постоянно находились в превосходном оборонительном состоянии. Казанская крепость по справедливости считалась неприступною, и осада ее представляла для русских непреодолимые трудности. Из 8 попыток осады Казани русским лишь два раза удалось овладеть крепостью—в 1487 году,

¹⁾ Зап. о Московии, с. 149.

когда казанцы сами отворили ворота, и в 1552 году, когда русские применили действие пороховых подкопов под стены Казани.

Русские много раз предпринимали походы в Казани, но большинство этих походов было организовано недостаточно основательно и не мало рассчитывать на успех. Отправление войска к Казани производилось частями, и русские страдали от несогласованности в действиях отдельных отрядов: казанцы разбивали их по частям, как было в 1506 и 1524 годах. Оба раза русские потерпели наиболее тяжелые поражения. Далее, русские не могли правильно организовать снабжение своей армии продовольствием, и это парализовало военные действия с их стороны. Наконец, среди русских солдат нередко возникало нежелание итти воевать, как это было в 1552 году, и походы постоянно запаздывали, а с упущением удобного времени они были обречены на неудачу, как это было в 1548 и 1549 годах, когда зимние походы начались перед самой весной: в одном случае артиллерия не могла быть доставлена по льду к Казани, а в другом не могла быть поставлена против крепости. Лишь путем долгого и горького опыта, после затраты огромных средств и живых сил на организацию целого ряда безрезультатных походов, русским удалось найти правильное решение своей задачи. Для достаточного снабжения армии была сооружена постоянная укрепленная база—Свияжск. Военная оккупация речных путей сторожевыми заставами в тылу у казанцев, организация регулярных стрелецких полков, усиления технических средств иностранными инженерами—таковы были успехи русской военной организации в 1550—52 годах, доставившие наконец перевес над казанцами.

Поход от Мурома до Свияжска—впервые пехота шла напрямик, „полем“, а не была отправлена по воде—продолжался 24 дня. Огромная русская армия шла тремя путями, по дорогам, пролегавшим по большей части лесами. Трудную задачу составляло снабжение армии продовольствием. Хотя официальный историк писал, что „такое многое воинство всюду яко богом уготованну пищу обретаху в поли, убо всяким благовонным овоющим довляхуся, от животных же лоси, яко самозванни на заколение приходаху, в реках же множество рыб ловяху, от воздуха же множество бесчисленное птиц прилетаху и во всех ползех на землю припадаху, яко сами дающиеся в руце человеком на пищу, ими же все бесчисленное воинство не трудно довляется“; с наступлением же Успенского поста вся эта скромная пища, сама падавшая с неба, внезапно исчезла, и на смену ей явилась иная—„егда же приспе пост святые

Богородицы, и в ты дни не видаху никакого ж, ни птицы, ни лосей, живущие же в тамоших странах черемиса и мордва и прочие... вся потребная приношаху, хлеб и мед, и говяды, ова дарованием, иная же продаваху¹⁾), но участник похода дает несколько иную картину: „Аки бы по пяти неделях со гладом и с нуждою многою дойдохом Суры реки великия“—там соединились все части армии, и того дни хлеба сухого наядохомся со многою сладостию и благодарением, ово зело дорогаго купующе, ово позычающе (застинуще) от сродных и приятель и другов: бо нам бы его не стало аки бы на 9 дней, и господь бог препитал нас и войско, ово рыбами, ово иными зверьми: бо в пустых тех полях зело много в реках рыб²⁾). От Суры „шли есмъ с войском 8 дней полями дикими и лубровами, негде же и лесами, а сел со живущими зело мало: понеже у них села при великих крепостях (чащах) ставлены и неизримы, аще и по близку ходящим; и ту уже нам привожено и, по странам езя, добывано купити хлеба и скотов; аще и зело дорого плачено, но нам было, яко изнемоглым от гладу, благодарно; а мальвазии (вина) и любимых трунков (напитков) с марципаны (конфетами) тамо не вспоминай! Черемисский же хлеб сладостнейший, паче драгоценных калачей, обретеся³⁾). Составитель „Казанского Летописца“ также отмечает тягость похода: „Тяжек явися ему (Ивану IV) путь той и всему воинству его: от конских бо ног взимасму на высоту песку и не бе видети солнца и небеси и всего воинства идущаго, и тоска велика все воинство обдержаше; мнози же человечы изомроша от солнечного жара и от жажды водныя, иссохша бо вся дебри и блата, и малыя реки польския не тешаху путем своим, но разве мало воды в великих реках обреташеся, во глубоких смутех, но и то сосудами, коры, и котлы, и пригорщами в час един до суха исчерпаху, друг друга бьюще и угнетающе и задавляюща; ини же росу лизаху, и тако жажду свою с нуждою утоляху⁴⁾.

Благополучно достигнув Казани, русское войско начало осаду предполагая в случае надобности, зазимовать. Военный специалист отмечает: „Переходя к рассмотрению влияния инженерного искусства на действия осады, мы с первого взгляда видим, что во время взятия Казани осадное искусство в России находилось в переход-

¹⁾ Царств. Книга, с. 253—254.

²⁾ Курбский „История кн. цел. Московского“, стр. 14.

³⁾ Курбский, с. 15.

⁴⁾ П. С. Р. Л. XIX, с. 115.

ном состоянии. Во всех почти распоряжениях и действиях осады по искусственной части, заметно смешение прежнего способа атаки с новым¹⁾). К числу старых, средневековых приемов, относятся 1) „башни, террасы и другие принадлежности прежних осад, совершенно оставленные другими народами“. 2) обложение города посредством тына и тур, 3) устройство осадной башни огромных размеров. К новым приемам принадлежали 1) применение многочисленной артиллерии, 2) „русские употребили в первый раз закопы или траншеи и повели медленные подступы для приближения к наружному краю рва“, 3) применение подкопов и взрывов под стены посредством пороха. Осаду решило именно применение этих взрывов. В лице английского инженера западно-европейская военная техника нанесла поражение искусству восточных народов. Порох дал перевес европейским войскам над туземцами во всех частях света.

Культурное влияние татар на Россию. При перезде из Московского государства в Казанское ханство путешественник попадал в такую же лесную страну, только реки здесь были еще многоvodнее, берега их—пустыннее, но общий характер местности не изменился. Только ниже Казани хвойные леса сменились лиственными, а приволжские горы еще более выростали. Горная сторона была довольно густо покрыта чечерскими, чувашскими и мордовскими деревнями, разбросанными среди лесов и полей. При завоевании^{*} край был страшно опустошен, и Перетякович говорит: „В XVI столетии в писцовых книгах Казанского и Свияжского уездов встречаем огромное число пустошей, свидетельствующих наглядно о том, что этот край до опустошительных войн, происходивших в нем при завоевании Казани и во время восстаний здешнего населения против Москвы, не был беден людьми“²⁾. Центральная часть Казанского ханства имела вид довольно культурной страны—обширные распаханные поля, большие многолюдные селения с остроконечными башнями минаретов, оживленное движение по дорогам, бойкий товарообмен на базарах, зажиточные поместья биков и мураз. Татарские деревни насчитывали жителей тысячами, как напр. по преданию, деревня Ия, после падения ханства распавшаяся на 5 отдельных селений (2 Ия-Баш, 2 Азяка и Иски-Крылай). Цветущее состояние Казанского ханства в эпоху самостоятельности засвидетельствовано кн. А. М. Курбским в описании Арской земли-

¹⁾ Богдановский „Инженерно-исторический очерк осады Казани 7060—7061 г.“.

²⁾ „Поволжье в XV и XVI веках“, стр. 245.

Административная организация, сеть казенных учреждений, значительный штат должностных лиц, правильно функционирующая система суда и податных учреждений—все говорило о государственной жизни, не менее организованной, чем в русском Верхнем Поволжье. Правда, здесь не было каменных крепостей, как в России, не было златоглавых церквей, но зато были изукрашенные нарядными арабесками мечети с высокими островерхими минаретами, имелись ярко расписанные хоромы князей и купцов. Из городов Восточной Европы Казань уступала по величине, населению и богатству только Москве да Новгороду, быть может—Вильне, но не следует забывать, что Казань была на 2½ века моложе Москвы и лет на 500 моложе Новгорода... Нельзя представлять себе жизнь казанцев, как дикую некультурность. В школах шло обучение грамоте и суфийской премудрости. Грамотность среди татар была распространена довольно широко, так как в каждом селении, где имелась мечеть, существовала также и школа. В kraе существовала своя литература, от которой дошли до настоящего времени книги „Нагыдж эль-Фарадыз“, „Юсуф“, „Бедвам“ (книга против язычества), „Башла Гали“, „Насыхат эс-Салихин“, новогодние песни „Науруз Банты“, сборник стихов „Шагир Булгар Газыларэ“ („Воители из Булгара“) и другие, пользующиеся большой популярностью среди казанских татар, но почти не встречающиеся у жителей других стран, имеющих мусульманское население¹). Культурные связи Казанского ханства с Туркестаном, Персией, Турцией и Аравией не прерывались. Из Персии доставлялись в Казань книги, благочестивые паломники совершали путешествие в Мекку, купцы и дипломаты ездили в Астрахань, Бахчисарай и Константинополь. По Волге шло большое движение торговых судов и плотов. Ближе всего по культуре и по природным условиям к Казанскому ханству стояло Ногайское государство—страна липовых лесов, Южного Приуралья и приволжских степей. Ногайская дорога из Казани в столицу Ногайского княжества Сарайчик и далее в Туркестан являлась важнейшим сухопутным торговым путем.

Татарское население резко отличалось от инородцев своим богатством, зажиточной и комфортабельной жизнью. Эти особенности сохранились казанскими татарами до настоящего времени, не-

¹) Шигабуддин Марджани „Мустафаэль-Ахбар“, ч. I, стр. 13. Книга „Нагыдж эль-Фарадыз“ (Ключ к раю) принадлежит Махмуду сыну Али из Булгара и относится к 1358 г.

смотря на века унижения и иностранного ига. Старая земледельческая культура болгар нашла себе отражение в национальном весеннем празднике „Сабан-Туй“, когда происходят спортивные состязания молодежи—упражнения в беге, борьбе, лазанье по шестам, в конских ристалищах. Древние пережитки кочевников сохранились лишь в любви к коневодству и в антипатии татарской деревни к древесным насаждениям, в чем как-будто сквозят отголоски воспоминаний о безлесных степях. Сказочный татарской мир легендарной фантастики неисчерпаем, но мы не считаем возможным распространяться о творчестве казанских татар в области народной словесности. В области же материальной культуры им принадлежат затейливые узоры чеканных сосудов, ажурное плетенье ювелирных украшений, стройные шатровые кровли минаретов, красочные переливы материй, тонкие письмена каллиграфических рукописей, сложные арабески книжных миниатар...

Казань и Россия—два соседние государства, расположенные по течению одной великой реки, были связаны самыми тесными узами. Положительное влияние татарской культуры на русскую только недавно впервые указано и до настоящего времени еще не изучено. Помимо косвенного влияния татар на внутреннюю жизнь русского государства, выразившегося в упразднении вечевого устройства, в создании и укреплении московского единодержавия и т. п., необходимо отметить черты непосредственного заимствования русскими культурных приобретений и достижений у своих восточных соседей. Проф. М. Н. Покровским отмечено, например, что московским правительством унаследована от татар система податного обложения и сошного письма: „Татары, не довольствуясь прежними способами сбора—отчасти по аппетиту берущего, отчасти по сопротивлению дающего, организовали правильную систему раскладки, которая на много веков пережила самих татар. Первые переписи тяглого населения непосредственно связаны с покорением Руси ордой; первые упоминания о „сошном письме“, о распределении налогов непосредственно по тяглам („сога“—2 или 3 работника), связаны с татарской данью XIII века... Московскому правительству впоследствии ничего не оставалось, как развивать далее татарскую систему, что оно и сделало“¹). В последнее время целый ряд различных заимствований, взятых русскими у турко-татар, указан проф. Вишером²).

¹⁾ „Русская история“, I стр. 106.

²⁾ „Иван Грозный“, стр. 7 и 14—16.

Вряд-ли когда-либо будут определены размеры взаимных культурных влияний между до-татарскою Русью и Волжской Болгарией, хотя указания на эти влияния и имеются, напр., известно, что Андрей Боголюбский был женат на болгарке, и что для предпринятых им архитектурных работ белый камень привозился из Волжской Болгарии. О тех же влияниях свидетельствуют восточные мотивы рельефных изображений и арабесок, покрывающих наружные стены храмов Владимира-Суздальской области. Соседившие друг с другом Русь и Болгария стояли приблизительно на равной ступени развития, и между ними существовало взаимное равновесие. Соотношение обоих сторон резко изменилось с завоеванием Восточной Европы монгольской династией. Ошеломленные беспримерной жестокостью завоевателей, русские убедились, что подпали надолго под иностранное иго, и бороться с могуществом Великого Хана было для них безнадежным. В глазах русских хан был государем, которого можно было сравнивать лишь с византийским монархом, и русские не нашли для него более подходящего титула, как „царь“, каким они величали тогда императоров. Государственная система, введенная завоевателями в побежденной стране, представляла собою верх обдуманности и дисциплины по сравнению с тем патриархальным укладом, какой существовал на Руси до татар. С основами государственной культуры русские познакомились через татар: впервые все население было взято на учет посредством переписей, принудительная система податей, налогов и пошлин не оставляла желать ничего лучшего по точности своего применения. Поголовные переписи населения, впервые введенные в России татарами, требовали огромного кадра хорошо грамотных и опытных чиновников—и этом оказались традиции китайской культуры,—и ничего подобного не могла себе представить старая до-татарская Русь, где грамотность существовала лишь среди духовенства, купцов и великих князей. Самый масштаб обще-государственного предприятия был не по плечу раздробленной на мелкие части удельной России с ее бедными государями, которые, разумеется, и не мечтали о колоссальных доходах, собиравшихся ханами с покоренных народов.

Вопрос о влиянии татарской культуры на государственное и бытовое строительство Московской Руси далеко еще не изучен, и в настоящее время его можно лишь намечать. В большинстве случаев приходится говорить вообще о татарах, не отличая эпохи Сарайского ханства и его распадения. Тем не менее, мы считаем себя

в праве затронуть данный вопрос в настоящей работе, так как некоторые черты государственного устройства Московской Руси находят себе объяснение в материалах, почерпнутых именно из истории Казанского ханства, что же касается бытовых заимствований, то не подлежит никакому сомнению, что большая часть культурных влияний шла в Россию именно через Казанское ханство, которое было тесно связано с соседней страной торговым обменом.

Многое, может быть, обясняется простым параллелизмом, возникшим при близких условиях в двух смежных государствах, но нельзя не отметить этого глубокого сходства, существовавшего между ними. Характеристика неограниченной власти московского государя, приведенная Герберштейном¹⁾, приложима в одинаковой степени и к ханам татарским, так что нетрудно убедиться в восточном происхождении московского деспотизма, чуждого до-татарской Руси, и недаром А. К. Толстой вложил в уста киевского Потока-богатыря следующие слова по адресу московского государя: „Что за хан на Руси своеолит?.. Следует также думать, что и в деле принятия русскими государями царского титула оказала некоторое влияние не только византийско-книжная традиция, но также стремление подражать татарским ханам, которых в России называли царями: принимая титул царя, московские государи не только обявляли себя наследниками византийских императоров, но вкладывали в этот титул и более реальное содержание, открыто выражая им свои претензии на Казанское „царство“. Хотя Иван III не решился после свержения татарского ига назвать себя царем и в 1487 г. ограничился титулом „князя Болгарского“, но программный характер московских титулов хорошо известен из применения термина „всех Руси“, которым русское правительство открывало наступление против Литвы так же, как титулом „царь“ оно было против татар²⁾.

Хотя боярская дума находит себе близкую параллель в совете караби, бояре и дети боярские—в князьях и огланах (вплоть до тождества терминов „дети боярские“ и „оглан“, т. е. сын), а местничество—в родословных счетах татарской аристократии, но мы не решаемся судить о причинах такого параллелизма. Более сущ-

¹⁾ Зап. о Московии, с. 28.

²⁾ В 1498 году Иван III венчал своего сына Димитрия Ивановича на царство. Характерно, что при этом в качестве царского венца была употреблена золотая шапка татарского происхождения (получившая впоследствии название Мономаховой). См. А. А. Спицын „К вопросу о Мономаховой шапке“. (Записки Отд. Рус. Истор. Археологии Имп. Рус. Арх. О-ва, т. VIII, вып. I Спб. 1906).

ственным нам представляется вопрос о влиянии курултая на земский собор. Из описания курултая 14 августа 1551 года, приведенного в „Царственной Книге“, мы знаем о составе собрания „всей Казанской земли“. Нет сомнения, что собрания в таком же составе были известны казанцам и ранее, и мы уже отмечали случаи употребления этого термина в документах.

В России земский собор появился на кануне падения Казанского ханства, и нельзя не обратить внимания на тождество состава первых земских соборов и курултая. „Стоглав 1551 года был соединением „властей“ (духовенства), „синклита“ (боярской думы) и представителей воинства“ ¹⁾, а в курултае также участвовали духовенство, князья и огланы.

Трудно думать о случайности совпадения в составе двух этих собраний, состоявшихся в одном и том же году. Вопрос о том, откуда направлялось заимствование, очевиден: для Казанского ханства собор „всей земли“ был старым, привычным учреждением, для нарождавшейся новой России он был нововведением. Русские историки говорят: „Установлены в науке и предшественники „совета всей земли“: это—соединение разных разрядов воинства, образчик которого дал Иван III в 1471 г. и, с другой стороны, освященный собор, совет высшей иерархии“ ²⁾. Не следует ли к этим образцам добавить еще более близкий—совет „всей земли“, практиковавшийся у татар, ближайшим образом—в Казанском ханстве? Вопрос этот должен быть разрешен авторитетными специалистами.

В настоящее время является вполне установленным, что переписи населения заимствованы русскими у татар. Развитое письменное делопроизводство, составлявшее характерную особенность вообще восточных культур—китайской, персидской и т. д.— нашло себе обширное применение и на Руси, в противоположность средневековому Западу. Цитированный нами проф. Виппер говорит: „Особенно поразительным казалось московское судопроизводство англичанам, у которых суд, построенный на precedентах, на старых решениях, хранившихся в архивах, требовал громадной памяти от судей и адвокатов и создавал благодаря этому обширный класс профессиональных ходатаев. Уже первый из описавших Москвию англичан, Чанслер, одобряет русское судопроизводство в том отношении, что здесь нет юристов, которые бы вели процессы на

1) Виппер „Иван Грозный“, с. 61.

2) Виппер „Иван Грозный“, с. 61.

суде, каждый сам правит свое дело и подает челобития и ответы письменно, противно английскому судопроизводству"¹). Проф. Виппер видит в судебниках Ивана III (1497 г.) и Ивана IV (1550 г.) „сильнейшее влияние византийских образцов“, но при этом он забывает примеры восточного законодательства с точными кодексами писанных законов (Яса). Суд с его инстанциями—„хаким“ и „казы“ занимал почетное место в татарском государстве, как видно из ярлыка Сагиб-Гирея, и мы вправе заподозрить и здесь распространение татарской культуры на русскую государственность.

Письменное делопроизводство, огромные переписи всего населения—все это решительно устраивает обычные представления о татарах, как о полудиких кочевниках. Мы уже видели какое громадное потребление бумаги было в Ногайском княжестве—оно разумеется, предполагает развитое делопроизводство и хорошую грамотность.

Еще в одной области также можно наметить влияние татарской культуры на русских—в области дипломатии. Напомним характеристику московской дипломатии, данную профессором Виппером: „Московские дипломаты во всяком случае не чувствовали смущения перед европейцами, напротив, любили брать на себя роль критиков по отношению к иностранным державам, забивать приезжающих в Москву цослов текстами договоров и ссылками на исторические хроники, наконец, принимать иронический тон и ловить противника на противоречиях... Первый из послов отправленных в Англию для заключения договора, Иван Непея, до известной степени показался англичанам типом хитрого, неуловимого, себе на уме, русского человека²). Правильнее было бы сказать—„восточного человека“. В этих чертах нетрудно узнать хорошо знакомый облик татарина-торгаша, прототип московского дипломата. Первые дипломатические сношения московскому государству пришлось вести исключительно лишь с татарами, и у кого же им было учиться дипломатическому искусству, как не у татар? Кто знаком с приемами татарской торговли, тот легко разгадает, откуда взялись черты дипломатов, приведенные проф. Виппером—критика, начётческая ученьсть, ирония, хитрость: все это применяют восточные покупатели, когда прицениваются к товару, и делают огромный „запрос“, когда

¹⁾ Виппер „Иван Грозный“, стр. 19.

²⁾ Виппер „Иван Грозный“, с. 76.

выступают, как продавцы. Недаром, на западно-европейцев московская дипломатия производила всегда впечатление чисто восточной, не европейской.

Многое было заимствовано русскими у татар в военном деле, но мы ограничимся лишь краткими указаниями. Московская армия организовала по татарскому образцу „ертоул“ — саперную часть, которая в походах строила гати, настилала мосты, выискивала броды и т. д. Незадолго до завоевания Казанского ханства, в 1550 году, русское правительство организовало стрелецкое войско — регулярную пехоту с огнестрельным оружием, и это новое войско было учреждено по проекту И. С. Пересветова, который постоянно рекомендовал в качестве образца турецкую армию. Следует думать, что постоянная пехота огневых стрельцов была организована по образцу янычаров и крымских стрельцов „туфандчи“ (от „туфандж“ — ружье), которые упоминаются в ярлыках крымских ханов. Заимствование огнестрельного боя и регулярной пехоты шло, таким образом, из Крыма в Россию, а не от русских к татарам.

Относительно влияния татар на Россию в области искусства (архитектуры) мы упомянем в VI главе. В сфере царского обихода на счет татарских влияний следует отнести обычай „бить чесом“, выбор невесты посредством смотрина, коронационный обряд — осыпанье монетами и т. д. Следы многочисленных культурных влияний на русскую жизнь татары остали в языке. От них перешло множество слов, относящихся преимущественно к торговле и домашнему обиходу, в частности — к предметам роскоши и комфорта. В области торговли русские заимствовали у татар слова: алтын, амбар, аршин, базар, бакалея (мелочная торговля), балаган, балчуг (рыбный базар), барыш, батман, деньга, караван, кошечь, лабаз, майдан, маклак (посредник), могарыч (угощенье) и т. п. Татары познакомили русских со следующими принадлежностями костюма, тканями и ювелирными украшениями: башлык, башмак, бешмет, кисет, кошель, кушак, архалук, гайтан, япача и т. п., атлас, бахта (ваты), бязь, Кайма, камка, кандаус, канифас, кармазин, кумач, сафьян и т. п., алмаз, басма, бирюза, жемчуг, капторга и т. д.¹⁾ В военном деле татары дали названия: атаман, есаул, казак, богатырь, ертоул,

¹⁾ К числу ювелирных произведений, вывезенных в Россию из Золотой Орды в XIV веке, принадлежит золотая шапка, получившая впоследствии название Мономаховой. По всей вероятности, она была привезена в Москву сестрою хана Узбека, царевной Кончакою, вышедшей в 1318 году замуж за Московского царя Юрия Даниловича (брата Ивана Калиты).

кремль, бахтерец, кинжал, кобура и т. д. В скотоводстве—аргамак, аркан, буланый, караковый, кошира (загон для скота), отара (стадо овец) и т. п. В области общественной жизни татары познакомили русских с некоторыми должностными лицами (баскак), с пошлинами (тамга), государственными учреждениями податного характера (казна, таможня), с полицейской охраной (караул), с писанными указами (ярлык), с государственной почтой (ям, ямщик). Среди городских построек появились высокие „каланчи“, узкие „калитки“ и казенные „кабаки“. От татар же русские заимствовали название шумных празднеств (кутерьма), обширного домашнего скарба (кош, баражло), а также через них познакомились с разнообразными типами удобных и поместительных экипажей (кибитка, кошева, капитана). Эти заимствования совершились в различное время и входили в русский язык с разных сторон, но они могут дать некоторое представление о степени развития татарской культуры и уяснить культурные взаимоотношения двух соседних народов.

Причины падения Казанского ханства. Смежные государства, расположенные на одной и той же реке, в течение нескольких веков соединенные тесными торговыми связями, проникнутые взаимным культурным влиянием, естественно тяготели друг к другу и имели все шансы на мирное развитие, и тем не менее это равновесие, существовавшее между ними, было нарушено, и вместо мирных соседей, после продолжительной и упорной борьбы, оказались победители и побежденные. В ожесточенной борьбе за независимость татарский народ потерял все лучшие приобретения своей культуры, все, чем он мог гордиться перед своими соседями, и превратился на $3\frac{1}{2}$ столетия в угнетенную нацию. В чем заключаются причины такого финала длительных взаимных сношений и торговли?

Излишне доказывать, что причина завоевания Казанского ханства со стороны России коренилась именно в экономических, торговых сношениях: одно государство стремилось завладеть рынком, товарами и капиталами государства другого, и борьба была решена в пользу той стороны, которая оказалась сильнее. В течение всего своего существования Казанское ханство занимало одну постоянную территорию пространством около 300 тыс. кв. верст. Основное ядро этой территории с коренным татарским населением занимало около 60 тыс. кв. верст, т. е. $\frac{1}{5}$ часть территории. По занимаемому пространству Казанское ханство могло быть отнесено к государствам средней величины: оно равнялось примерно Испании и несколько превосходило Францию и Польшу, уступая Германии

и Османской империи, основная же территория, приблизительно равная Испанским Нидерландам, включавшим современную Бельгию и Голландию, принадлежала к числу малых по территории государств. До об'единения великокорусского государства при Иване III Казанское ханство в несколько раз превосходило княжества Рязанское и Тверское, немногим превышало Московское княжество и уступало лишь Новгородской земле. Резкое изменение в соотношении произошло при Иване III, когда совершилось об'единение Москвы, Твери и Новгорода. В XVI веке Казанское ханство было уже раз в 5 меньше об'единенного русского государства—Россия в то время выросла уже в большую державу, Казанское же ханство отодвинулось на второй план даже в Восточной Европе, где первоклассными государствами оказались Литва, Россия и Крымское ханство. Население Казанского ханства, по всей вероятности, не превосходило $2\frac{1}{2}$ миллионов, коренное же татарское население составляло не более 1 миллиона, тогда как в России в то время было не менее 7—8 миллионов, в том числе русских не менее 5 миллионов. Против 150-тысячной русской армии Казанское ханство выставляло лишь 30 тысяч войска. Казанская крепость до самого падения ханства была защищена деревянной стеной, тогда как русские еще в 1508—1510 годах укрепили Нижний-Новгород каменной стеной, построенной итальянскими инженерами. Каменную крепость в Казани построили уже русские—это было одним из первых их дел в завоеванном крае, очевидно, сооружение каменных стен считалось требованием элементарным и неотложным.

В течение 125-летнего существования Казааского ханства оба государства, русское и казанское, прошли совершенно различный путь развития. Казанское ханство жило спокойной торговою жизнью, население обогащалось, но оставалось в своих прежних неизменных границах. Русское государство переживали период стремительного роста и развития. Московское княжество быстро сравнялось с Казанским ханством, а затем так же быстро его перегнало и наконец подчинило себе. Симптомы всех этих изменений во взаимоотношениях двух государств мы уже видели в очерке политической жизни. Причина падения Казанского ханства заключается в быстром экономическом и политическом развитии русского государства и в отсутствии прогресса в самом Казанском ханстве: пока первое быстро развивалось и возрастало, последнее оставалось в первоначальном своем положении.

Стремление русских к экономическому завоеванию Казанского ханства нельзя рассматривать изолированно от прочей истории борьбы за Поволжье между русскими и болгаро-татарами. История Казанского ханства является лишь одним из этапов этой борьбы за экономическое об'единение Верхнего Поволжья со Средним. Такое об'единение имеет свое оправдание постольку, поскольку оба края — Волжско-Окский и Волжско-Камский представляют собою части одной экономической области, стержнем которой является Волга. Борьба за их об'единение началась с того момента, как русские прочной ногой утвердились в Верхнем Поволжье, во Владимиро-Суздальском крае. Правительство Андрея Боголюбского начинает наступление на болгар. Это движение развивается при преемниках Боголюбского и достигает наивысшего напряжения в первой четверти XIII века. Русским удается захватить на севере — слияние Сухоны с Югом, на юге — слияние Оки с Волгой. В этих пунктах возникают Устюг Великий и Нижний Новгород. Наступление прерывается вследствие катастрофы, постигшей Россию в третьей четверти XIII века. Нашествие хана Бату спасло Болгарию от дальнейшего натиска с запада. Через 100 лет Россия оправилась, и с 1359 года возобновляется наступление на восток. Походы новгородских ушкуйников, суздальских и затем московских князей — отдельные моменты этой экономической борьбы за Поволжье. Болгария была раззорена, когда ослабела Золотая Орда, и в Волжско-Камском крае хозяйничали русские. В это время русские заняли верхнее течение Вятки и Камы — возникают Хлынов (Вятка) и Пермь Великая (Чердынь). Движение в горично приостанавливается с появлением Улу Мухаммеда. Основание Казанского ханства имело значение, как возрождение могущества болгарско-татарского государства, которому недоставало военной организации для сохранения своей экономической силы. Прививка воинской организации вдохнула новую жизнь в Волжско-Камское государство. Казанцы перешли в наступление и утвердились на Оке, где возникает Касимовское ханство. Но русские оправились снова и при Иване III опять перешли в наступление. Теперь пред казанцами стал страшный враг в лице об'единенного великорусского государства. С присоединением Вятки и Перми к Москве лесные богатства Севера оказались навсегда потерянными для болгаро-татар. Казанцы в значительной мере лишились главного предмета экспортной торговли — пушных мехов.

Москва обошла Волгу с севера и отрезала от Казани ее пушной рынок. Когда в тылу у болгаро-татар появились русские ко-

лонии на Каме и Вятке, экономические судьбы Поволжья уже были предрешены. С тех пор, как произошло об'единение новгородского Севера и московскими областями, конкурировать с Россией в экономическом отношении Казанское ханство уже не могло. В его руках оставались речные пути—транзит, но источником торговли, промыслами, завладели уже иностранцы; теперь отправляли пушину на юг уже не болгаро-татары, а русские. На великом водном пути, соединявшем Балтийское море с Каспийским, теперь лежали уже не разрозненные, слабые княжества Владимирское, Тверское. Новгородское, а об'единенное могущественное государство „всех Руси“. Казанское ханство не поспевало за быстрым экономическим прогрессом России, пред которой на очередь встало об'единение всего экономически связанных района в одно государство. После захвата Новгорода Москве удалось овладеть великим волжским торговым путем на всем его протяжении.

Военная организация, принесенная в Болгарию Улу Мухаммедом, не спасла Средневолжского государства от русских. Эта организация успешно действовала только в начале. Впоследствии она устарела и сопротивляться натиску врагов не могла. О застое в области политической жизни—государственного строя и социального быта—мы уже говорили. Устарелая система правления, не соответствовавшая характеру населения, задерживала его развитие и препятствовала использовать все силы страны для ее пользы. Замкнутый, олигархический строй, негибкий и консервативный, вызывал часто конфликты и осложнения, которые способствовали ослаблению государства. Восниое дело также не прогрессировало: европейские изобретения применялись в недостаточной мере—артиллерия была слаба, сооружение каменных крепостей не практиковалось, противодействовать подкопам не умели, и техника военного дела далеко отстала от иностранцев. Правда, конница была по-прежнему превосходной по своим боевым качествам, но сила казанского войска парализовалась его малочисленностью, создать же полевую армию, которая хотя бы приблизительно равнялась громадному ополчению об'единенного русского государства, казанцы были не в состоянии.

При сравнении с поразительно быстрым и могучим развитием русского населения, спокойная, мирная жизнь болгаро-татар производит впечатление застоя и косности. В течение целого ряда столетий в Верхнее Поволжье вливались все новые и новые волны русских переселенцев. С необычайной настойчивостью они растекались по

всей стране, вытесняя туземцев или ассимилируя их. Этот неисчерпаемый поток по своей интенсивности представляет беспримерное явление в истории Восточной Европы. Он свидетельствует о колоссальной производительности населения, и причины его коренятся в расовых особенностях славянского племени. Молодая, только что сформировавшаяся народность великороссов развивала свою деятельность весьма интенсивно, тогда как болгаро-татары, осевшие в Поволжье задолго до появления великороссов, представляли собою сравнительно древнюю расу, успевшую уже одряхлеть; во всяком случае, конкурировать с великороссами оказалось им не под силу. Таким образом, причины застоя могли быть чисто-биологическими и объясняться расовыми признаками болгаро-татар. Доводом в пользу такого предположения может служить то явление, что болезнь застоя и косности была свойственна не одним лишь болгаро-татарам—она поражала в различное время все турецко-татарские племена и даже весь азиатский Восток в его целом, уступивший свое культурное место Европе.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Г о р о д К а з а нь.

Возникновение Казани. Местность, в которой расположена Казань, была обитаема с древнейших времен. В долинах Казанки и Волги, недалеко от Казани, открыты следы поселений, относящихся к каменному веку, а именно так называемые дюнныес стоянки неолитической эпохи, древность которых определяется в 15—20 столетий до Р.Х. В неолитическую эпоху ряд дюнных стоянок тянулся в долине Волги около левого (северного и восточного) склона на значительном протяжении. Эти стоянки обычно располагались на средней террасе долины, не покрывающейся весенним разливом, и при том они находились по большей части на берегах тех протоков, которые тянутся параллельно течению Волги около левого края долины. Такие стоянки известны как выше Казани по Волге—у с. Васильева и у д. Займище, так и ниже—у д. Поповки, д. Кукушкиной, д. Малых Отар, д. Победиловой, с. Больших Отар и т. д. В долине Казанки дюнная стоянка найдена у с. Савинова в 7 верстах от Казани. Ближайшими к городу являются стоянки у д. Поповки (около слободы Плетеней) и летняя стоянка в заливной части волжской долины, между Волгой и городом (по дороге от Бацалды в Ново-Татарскую слободу). Существование целого ряда дюнных стоянок на второй террасе волжской долины в непосредственной близости к городу дает возможность предполагать, что на территории, занятой нижней частью города, также могли быть неолитические поселения, расположенные по берегам оз. Кабана и протока Булака, но до настоящего времени они не были обнаружены.

От бронзового века до нас дошли находки из слободы заиода № 40, верстах в 7 от Казани, так что следует думать, что и в эту эпоху окрестности современного города также были населены. Наконец, к началу железного века относится целый могильник, расположенный на территории самой Казани и открытый В. И. Заусайловым в 1892 году. Этот могильник находится на дюне

среди заливных лугов между городом в Волги (точнее, между вокзалом железной дороги и Устьем); это урочище известно под названием Стекольного завода, усадьба которого занимает всю дюну. Могильник дал ряд интересных находок, в настоящее время хранящихся в Гельсингфорском музее в Финляндии (куда коллекция В. И. Заусайлова была продана в 1909 году), и оказался принадлежащим к так называемой „Пьяноборской культуре“, оставившей ряд могильников в Казанском крае. Ближайшую аналогию к находкам Казанского могильника представляют предметы из могильников Айшинского (близ д. Нижней Айши в верховьях Казанки), Атамановского (близ д. Таршиной на р. Вятке в Малмыжском у. Вятской губ.), а также находки близ д. Чумбари (в Уржумском уезде Вятской губ.) и пос. Безводного (на р. Пижме в Яранском уезде Вятской губ.). Все эти предметы относятся к эпохе около Р.Х.

В Болгарскую эпоху значительное поселение находилось на берегу озера Дальний Кабан, верстах в 6 от современной Казани. В настоящее время здесь расположен упраздненный Воскресенский монастырь (Архиерейская дача). В монастыре имеются следы мусульманского кладбища Болгарской эпохи. При постройке монастыря (1780 г.) часть каменных плит, уцелевших от кладбища, была положена в фундаменты зданий. Марджани сообщает: „При начале озера (Кабана), в усадьбе, служащей местопребыванию архиерея, есть древние мусульманские могилы. Когда там производилась стройка, то рабочие положили многие камни под строение. Заметив это, Григорий, который был в то время казанским епископом, а впоследствии сделался митрополитом, остановил рабочих и таким образом небольшая часть остатков сохранилась в целости“¹⁾. В настоящее время в Воскресенском монастыре имеются два надгробных камня с арабскими надписями. Один камень находится при входе в монастырские ворота, направо, а другой — в палисаднике, разведенном перед архиерейским домом, около колокольни; возле последнего камня лежит еще осколок третьей такой же плиты; благочистивые мусульмане посещают эти могилы и приходят сюда помолиться²⁾.

Точное чтение надписей на этих камнях до настоящего времени не установлено. Марджани разобрал, что под первым памят-

1) „Мустафад аль-Ахбар“, стр. 4.

2) Шпилевский „Древние города“, стр. 476.

ником погребен Хасан-бик, сын Мир-Махмуда. Относительно второго памятника существует разногласие между чтением Марджани и Н. И. Ашмарина: Марджани прочел на нем имя Ахмеда, тогда как Ашмарин видит тут женское имя Ылтын-Бюрды (?). Дата смерти лица, погребенного под вторым камнем, читается точно—8 Зульхиджа 696 года гиджры, т. е. 27 сентября 1297 года ¹⁾.

Татарские предания относят основание Казани также к Болгарской эпохе и связывают его с древним селением „Иски-Казан“, т. е. Старая Казань, которое находится в 45 верстах от Казани, вверх по течению реки Казанки.

У татар сохранились предания, согласно которым современная Казань была основана переселенцами из Старой Казани. Татарские книжные предания связывают самое основание Старой Казани с разрушением Булгара Тимуром. В татарской редакции книги „Ферхег-Намэ“ имеется рассказ о том, что по разрушении Булгара ханом Тимуром сыновья последнего булгарского хана Абдуллы, погибшего при падении города, царевичи Алтун-бик и Алим-бик успели бежать и поселились на месте Старой Казани ²⁾. То же предание повторяется в книге „Беан Дастан уд-Тарих“, где говорится, что оба брата ушли на берег р. Казанки и основали там город Казань, что ныне известен под именем Иски-Казань ³⁾. Аналогичные сообщения имеются в „Повести о Несгораемой царевне“ ⁴⁾ и в книге „Дастан Аксак-Тимур“, где имеется сообщение, что при завоевании Булгара Тимуром некоторые люди скрыли в лесу двух сыновей последнего булгарского хана Абдуллы—Галимбека и Алтун-бека, из которых первому было 9, а второму 7 лет, и там воспитывали их до тех пор, пока продолжалась война. После войны спасенные князья основали Казань на реке Казанке ⁵⁾. Орывки из этих преданий были изданы Георги и Рычковым в XVIII веке ⁶⁾, впоследствии—Кафтанниковым, Рыбушкиным, Фуксом, Маловым и др., а также нашли себе место во всех очерках Казанской истории, появлявшихся на татарском и русском языках.

¹⁾ Н. И. Ашмарин „Об одном мусульманском могильном камне на Архиерейской даче в Казани“, стр. 19.

²⁾ Кафтанников „Древние Болгары“—Библиотека для чтения, 1847 г., т. 82, стр. 57.—Шпилевский, стр. 70.

³⁾ Там-же.

⁴⁾ Кафтанников, стр. 58—59; Шпилевский стр. 70—71.

⁵⁾ Рыбушкин „Поездка в Ст. Казань“—Заволжский Муравей, 1833 г., т. III—Шпилевский, стр. 30.

Описания городища Иски-Казань даны Рычковым, Георгием Рыбушкиным, Маловым и П. А. Пономаревым. Из этих описаний видно, что на территории городища имеется кладбище, где сохранились три каменные плиты с арабскими надписями. Одна из них имеет совершенно сгладившуюся надпись, другая — дату 1486 год, третья относится к 1494 году. Второе кладбище находится в $\frac{1}{2}$ версте от городища, на поле деревни Старый Урмат; по преданию, здесь погребен Молла Хозей; кладбище расположено на берегу ручья, имеющего название „Ханский“. В $\frac{1}{2}$, версте от Иски-Казань, около д. Нижней Айши находится могила княжны Гайши (Гайша-Бике), сестры Молла-Хозея. Татарские предания связывают Гайша-Бике и Молла-Хозея с Болгарской эпохой, также как и сыновей последнего Болгарского хана Абдуллы, князей Алтуна и Галима. Нет ничего невероятного в том, что в Иски-Казань бежали жители г. Булгара при разрушении города Булат-Гимуром, и возможно, что члены ханской династии бежали из Булгара сюда.

Относительно даты основания Старой Казани имеются указания в татарских источниках: „Беан-Дастан уд-Тарих“ и „Дастан Аксак-Гимур“ (в рукописи, принадлежавшей Жковину) называют годом основания Новой Казани 805 год гиджры, т. е. 1401—1402 г. по Р. Х., причем „Беан Дастан уд-Тарих“ говорит, что Новая Казань была основана жителями Старой Казани, спустя 104 года после построения Иски-Казани. Эта дата „Беан Дастан уд-Тарих“ совпадает с текстом „Дастан Аксак-Гимур“, который также относит основание Иски-Казани к 700 г. гиджры. Дату эту 700 год гиджры — 1300—1301 г. по Р. Х.¹⁾ нельзя считать правдоподобной, так как разрушение Булгара Булат-Гимуром произошло значительно позднее, в 1361 году. В Иски-Казани имеются датированные памятники 1486 и 1494 годов, которые показывают, что город не был совершенно покинут с основанием Новой Казани, и, следовательно, нельзя считать, что Иски-Казань существовала всего только 104 года, как думают некоторые.

У нас нет никаких подтверждений тому, что Новая Казань основана выходцами из Старой Казани, но нет также никаких оснований не доверять свидетельству татарских преданий. Мы уже говорили, что татарские источники относят основание Новой Казани к 804 году гиджры, т. е. к 1401—1402 г. по Р. Х. Эта дата является весьма вероятною: Казань, как крупный торговый центр, заменив-

¹⁾ Шпиленский, Загоскин, Шингин и др. неправильно переводят 700 г. гиджры на христианскую эру, как 1298 г. по Р. Х., вычитая 104 из 1402.

ший Булгар, должна была организоваться между 1361 (дата разрушения Булгара) и 1438 (основание Казанского ханства) годами. В русских летописях Казань упоминается впервые под 1376 годом: в Никоновской летописи говорится, что в этом году русские „придоша к Казани, казанцы же изыдоша из града, князи Казанстии добили челом, дорогу и таможники посадиша в Казани“¹⁾. Однако, это упоминание летописи о Казани оспаривается проф. С. М. Шпилевским, который высказал убеждение в том, что в летописном рассказывает слова „Казань“ и „казанцы“ представляют собою позднейшую вставку, вместо слов „Булгар“ и „болгары“, так как в тексте другой летописи, Воскресенской, под 1376 годом описан с большими подробностями тот же поход, но не против Казани, а против Булгара²⁾. Далее Казань упоминается под 1382 годом в Архангельской летописи, где говорится, что Тахтамыш „посла в Болгары, во град Казань ко князем“ повеление разграбить русских купцов. Это сообщение также заподозрено проф. С. М. Шпилевским в недостоверности, так как в Воскресенской летописи о Казани не упоминается, и говорится лишь, что „Тахтамыш послал татар своих в Болгары, есть град на Волзѣ“, а в Никоновской летописи оба названия отождествляются: „во град нарицаемый Болгары, еже есть Казань на Волзе“. Под 1398 г. Казань снова упоминается уже в нескольких летописях — Воскресенской, Софийской I и Новгородской IV: в этом году „вел. князь Василий Дмитриевич послал брата своего князя Юрья на Казань на князя Семена (Суадальского)“. В летописях Воскресенской, Никоновской, Костромской I, Софийской I, Софийской II, Новгородской IV и Львовской под 1399 годом рассказывается, что вел. кн. Василий Дмитриевич „послал брата своего князя Юрья Дмитриевича, а с ним воевод и старейших бояр и силу многу; они же шед взя город Болгары Великие, и град Жюкотин, и град Казань, и град Керменчук, и всю землю их повоева“³⁾. Проф. С. М. Шпилевский подвергает сомнению и это упоминание о Казани. Он полагает, что в данном случае название Казань вставлено летописцами вместо слова Кашан, обозначающего болгарский город в низовьях Камы, и приводит в пользу своего предположения следующие соображения: „Если признаем в этом известии именно Казань, то неизвестно, почему не упоминается о г. Кашане, между тем, как о соседнем, но более восточном, следовательно

¹⁾ Шпилевский, с. 178—180.

²⁾ Воскрес. лет., с. 72. Никон. IV, с. 267. Костр. I, с. 353—355. Соф. I, с. 247—248. Соф. II, с. 130. Новг. IV, с. 101—102. Львов. II, 226.

дальнейшем на пути москвичей, Жукотине упоминается. Нельзя предполагать, что о Казани здесь упоминается, как о более важном городе: в то время Казань, как город более новый и удаленный от центра булгарской земли, не мог иметь особенного значения... Эти соображения приводят к возможности предполагать, что летописцы неизвестное и почти одинаковое с Казанью название Кашана заменили одно другим¹⁾). В Воскресенской летописи действительно имеется случай замены названия Кашана словом Казань—при описании похода новгородцев и устюжан в 1391 году²⁾). Таким образом, упоминания русских источников о Казани, относящиеся к 1376, 1382 и 1398—99 годами, нельзя признать за вполне достоверные, татарские же источники „Беан Дастан уд Тарих“ и „Дастан Аксак Тимур“ относят основание Казани к 1401—1402 году.

Название „Казань“, по-татарски—„Казан“ обозначает „котел“. Трудно решить, что получило такое название прежде—селение или река Казань, ныне называемая Казанкой. Возможно, что дать урочищу такое название помог самый характер местности в виде котловины, но приурочить его к определенному пункту в настоящее время нельзя, так как остается неизвестным, откуда ведется начало Казани. Судя по татарским преданиям, первоначально название это было применено к урочищу Старой Казани в 45 верстах от современного города.

Относительно основания Казани существуют многочисленные предания как среди татар, так и среди русских. Все эти предания можно, по нашему мнению, соединить в три цикла: 1) легенды, стремящиеся дать обяснение слову „Казань“, 2) легенды о перенесении города и о змеях и 3) легенды о построении крепости. Все эти предания не имеют исторической ценности и представляют интерес исключительно лишь с точки зрения народного творчества и фольклора, для изучения так называемых странствующих сюжетов народной словесности. Легенда, обясняющая название Казани— „котел“, записана впервые Георги в 1774 году; она рассказывает, что при построении города один княжеский служитель, черпая из реки воду, уронил свой котел (казан) в реку, отчего город и река стали называться Казанью. Легенды о змеях представляют более значительный интерес. По преданиям, место современной Казани было обильно змеями, причем один змей был крылатым и жил на

¹⁾ Шпилевский, с. 185.

²⁾ П. С. Р. Л VIII., 16—Шпилевский, с. 176.

Змеиной горе (Жилан-Тау) в окрестностях города (ныне Зилантова гора, на которой находится Зилантовский монастырь); строителям города пришлось истребить змей посредством сожжения соломы; при истреблении змей крылатый дракон улетел со Змеиной горы и утонул по одному варианту—в озере Кабан, по другому—в Черном озере. Легенды о чудовищных и летающих змеях существуют в нескольких местностях Казанского края: подобные предания относятся 1) к устью р. Зая, где было древнее послание болгар, но „один дракон по имени Баради начал мучить жителей этого города, которые были не в силах победить его; тогда, бросивши свой город, они переселились и основали новый город, которому присвоили название Бюляр¹⁾), 2) к Змеиному ключу близ села Рождественского-Ямаши, где „в горной пещере обитал огромный летучий змей, который долго опустошал окрестности, пожирая не только скот, но и людей, пока иаконец древние жители здешних мест, подкараулив его в пещере, обложили ее соломой и хворостом и сожгли его“²⁾, 3) к с. Чурилину, куда при истреблении змей в Казани крылатый дракон гнался [за истребителем-богатырем и настигши его у оврага „Алты-кутар“ разорвал на 6 частей³⁾], 4) к Чертову городищу около г. Елабуги, откуда пред взятием Казани „излете змей велик, огнен, и на запад полете, всем нам зрящим и чудящимся, и невидим бысть из очию нашею“⁴⁾. Лично нам удалось записать в с. Котловке Елабужского уезда рассказ, показывающий, что жители этого села верят в существовании в данной местности огромных змей величиною с бревно. Предание „о змеином жилище“ на месте Казани записано впервые автором „Казанского Летописца“ (П.С.Р.Л. XIX, с. 10—11). Как татарскими, так и русскими книжниками в эту легенду о змеях вкладывался аллегорический смысл, причем мусульмане старались видеть в змеях, изгнанных из Казани, язычество, побежденное мусульманством, а христиане подразумевали ислам, вытесненный христианством. К числу странствующих сказаний принадлежит легенда об основании крепости: при закладке ее под фундамент должны были

1) „Дастан Аксак-Тимур“.—Frähn „Bülgariae urbis origo atque fata“. Fundgruben des Orients“, т. V, стр. 210. Шипилевский, с. 57.

2) С. Мельников „Рождественское-Ямаши“—Каз. Губ. Вед. 1856 г. № 30.

3) Е. А. Малов, „Городище Старая Казань и г. Арск“—Записки Арх. О-ва, т. V.

4) П.С.Р.Л. XIX, с. 69.

зарыть человека, и жребий пал на царского сына, но мастера зарыли вместо человека собаку, вследствие чего Казань должна была с течением времени пасть¹⁾). Аналогичные легенды существуют в различных местностях (напр. легенда о Коромысловой башне в Нижнем-Новгороде) и отражают пережитки очень древних верований, требовавших человеческой жертвы при основании крепости; несомненно, мы имеем здесь дело с легендарным сюжетом, значительно более древним, чем сама Казань, и лишь впоследствии приуроченным к данному городу.

Первоначальным пунктом поселения в пределах современной Казани следует считать, повидимому, урочище „Старое Городище“, неоднократно упоминаемое в „Царственной Книге“, летописях, „Казанском Летописце“ и в писцовой книге 1566—68 годов. В „Царственной Книге“ при описании размещения русских войск перед штурмом Казани место отряда М. П. Головина было определено „вверх по Казани, у старого городища“²⁾. „В Казанском Летописце“ говорится, что „от нижних ворот от старого городища, сиречь от Збойливых ворот, идеже ныне храм Никола Чудотворец, из-за Поганых озерок, приступиша ертоул да передовой полк“³⁾. В писцовой книге 1566—68 г.г. упоминаются „ворота острожные Тульские против старого городища“ и „против старого же городища у боя же долу на остроге башня без ворот“⁴⁾. Таким образом, местоположение Старого Городища определяется следующими выражениями: „вверх по Казани (реке)“, у „нижних ворот, сиречь Сбойливых, где ныне храм Николы Чудотворца (церковь Параскевы-Пятницы“ и „против Тульских ворот“, находившихся недалеко от церкви Николы Тульского (ныне Казанский монастырь). Эти выражения приводят нас к местности по р. Казанке выше кремля, за Поганными озерками, в районе Пятницкой церкви и Казанского монастыря. Речь, очевидно, идет о том бугре, на котором расположен в настоящее время Казанский монастырь. Позднее, в XVIII веке Старым Городищем считался Федоровский бугор, находящийся еще далее вверх по Казанке, и в описании Казани, составленном

¹⁾ Георги „Bemerkungen eines Reisenden in Russischen Reich“, 1775 г., II, 813—815.

²⁾ Цар. Кн., с. 299. Никон. лет. VII, 173. Львов. лет. IV, 412.

³⁾ П.С.Р.Л. XIX, с. 435. П.С.Р.Л. VI, с. 310.

⁴⁾ Писцовая книга, с. 49.

Пестриковым в 1739 году, Федоровский монастырь, стоящий на этом бугре, обозначен, как „Монастырь мужской на Старом Казанском городище“. Это дало повод проф. Н. П. Загоскину и другим исследователям окончательно утверждать, что урочище Старое Городище находилось на Федоровском бугре, между тем, как мы предлагаем видеть в этом урочище тот бугор, на котором стоит Казанский женский монастырь.

Местоположение города. Казань занимает треугольную оконечность возвышенности левого берега Волги, расположенную при соединении р. Казанки с волжской долиной. Треугольник обращен вершиной на северо-запад, северной стороной—к р. Казанке, западной—к Волге, а на юго-востоке сливается с возвышенным плоскогорьем левого берега волжской долины. У подножия самой возвышенности, занятой городом, со стороны Волги, находится система озер и протоков, которые тянутся параллельно волжскому руслу. Эта система начинается около мыса, где Казанка выходит в долину Волги; здесь от Казанки отделяется речка Булак, которая соединяется с рядом длинных и узких озер, имеющих названия Ближний, Средний и Дальний Кабан. В центральной части возвышенности, занятой городом, находится длинная и глубокая впадина, вытянутая с юга на север. Эта впадина имеет выход к р. Казанке посредством глубокой ложбины, отделяющей Кремлевский бугор от Старого Городища. В центральной впадине и в ложбине ветарину помещалась система озер и болот, ныне уже засыпанных и не существующих. Озера эти имели названия „Белое“, „Черное“, „Банное“ и „Поганое“. Первое из них было расположено на верхней площадке современного Черноозерского сада, второе—на нижней площадке его, Банное—на месте современного цирка, нижнее Поганое озеро—около Пятницкой церкви. Озера соединялись между собою протоками. В восточной части возвышенности была расположена небольшая ложбина, в которой имелось также „Поганое озеро“, т. е. болото, занимавшее район современной Бассейной ул. и Театрального сада; место это доныне слычет под названием „Поганая лужа“.

Слоны возвышенности, занятой городом, были изрезаны рядом оврагов. П. Заринский дает следующую характеристику этой местности: „Вся казанская горная цепь; не исключая гор, занятых городом, была изрезана оврагами, изменявшими свой вид и направление ежегодно от весеннего таяния снегов и от происходящих от этого таяния и от проливных дождей потоков. Причиною

промоин и обвалов была отчасти глинистая и отчасти песчаная почва самих гор, удоборазмываемых напором весенних и атмосферных вод. И до сих пор ежегодно, после каждого ливня, мы бываем свидетелями разрушения мостовой на казанских городовых спусках близ гостинного двора, на Петропавловской улице и около университета. *Мы хорошо поймем характер казанской местности в XVI веке, которому незнакома была каменная мостовая, если присмотримся к местности казанских кварталов на Первой, Второй и Третьей горах.* Нам понятно будет, почему в Писцовой книге г. Казани 1566 года некоторые улицы и переулки характеризуются словами „на горе“, „под горой“, „за врагом“, „на вымле“, „на щели“, „над боераком“ и т. п. С другой стороны, эта глинистая почва, на которой расположилась Казань, вследствие свойства глины нескоро пропускать сквозь себя воду, была причиной того, что в XVI веке Казань плавала в грязи. В ней существовали исторические, никогда не просыхавшие лужи. В Писцовой книге встречаются выражения: „да дома стоят против лужи“¹⁾...

К р. Казанке выходил один овраг, занятый в настоящее время Кошачьим переулком. Верховья этого оврага составляя развалину, одна ветвь которой пересекала современную Покровскую улицу в районе Земской больницы и дома Лебедева и подходила к Черному озеру около дома Банарпева, тогда как другая ветвь проходила между современными улицами Малой Казанской и Поповой Горой. В сторону Волги был обращен глубокий и длинный овраг, по которому в настоящее время проходит Рыбнорядская улица. Этот овраг, который мы будем называть для краткости Рыбнорядским, своими верховьями подходил к Черноозерской впадине (в районе современной Николаевской площади) и к Арскому полю (в районе Панаевского сада). Имея правый, северный берег крутым и обрывистым, а слева принимая несколько побочных оврагов (овраги Кузнецкого и Собачьего переулков), он выходил на низменную равнину в местности современной Рыбной площади, против самого места соединения р. Булака с озером Ближним Кабаном. Третий овраг, известный под названием „Тезицкого“ (у Марджани—овраг Таджик) отделял Кремлевский бугор от возвышенности, на которой расположена Воскресенская улица. Этот короткий овраг, ныне засыпанный, князь А. М. Курбский считал за искусственный ров: „От тое реки (Булака) ров копан, зело глубокий, аж до озерка, ре-

¹⁾ П. Заринский „Очерки древней Казани“, стр. 7.

ченного Поганого, еже лежит подле самую Казань реку”¹⁾). Проф. С. М. Шпилевский считал, что эти слова относятся не к Тезицкому оврагу, а к Рыбнорядскому.

Черноозерской впадиной и ложбиной Поганых озер, а также оврагами город был расчленен на несколько отдельных частей, имевших вид холмов или бугров—1) Кремлевский бугор между Булаком, Казанкой, ложбиной Поганых озер и Тезицким оврагом; этот бугор представлял собою крайнюю оконечность возвышенности, на которой расположена Казань, между Казанкой и волжской долиной. 3) Воскресенский бугор между Булаком, Тезицким оврагом, Черноозерскою впадиною и Рыбнорядским оврагом; на этом бугре в настоящее время расположена Воскресенская улица; 4) бугор Старого Городища между р. Казанкой, оврагом Кошачьего переулка и ложбиной Поганых озер; на этом бугре стоит Казанский женский монастырь; 4) Театральный бугор между Рыбнорядским оврагом, Черноозерскою впадиною, оврагом Кошачьего переулка и р. Казанкой. Восточной частью Театральный бугор сливался с возвышенностями, расположенными за пределами города. Местность, непосредственно примыкавшая к городу со стороны этой возвышенности, имела название „Арское поле”. В старину оно начиналось от Пушкинской улицы, и вся современная Грузинская улица входила в состав Арского поля, впоследствии же, с расширением города, под этим названием была известна площадь дальше к востоку, ныне застроенная зданиями Художественной школы, Политехникума, Родионовского института, Высших женских курсов, Военного госпиталя и т. д.

В настоящее время обрывистые склоны возвышенностей и оврагов в значительной степени спланированы. Лучше всего сохранились естественные склоны на северной и восточной стороне Кремлевского бугра. Крутой, утесистый склон к р. Казанке в районе Нагорной, Засыпкиной и Нижне-Федоровской улиц застроен домами и сохранился лишь дальше к востоку, на Федоровском бугре. Обрывистые склоны оврага Кошачьего переулка застроены также домами. Края Черноозерской впадины спланированы, и лишь на Николаевской площади сохранились естественные склоны Воскресенского бугра (в садах Крупениковых и Ушковых), имеющие внушительный вид. В Церквиинском саду и во дворе 2-го до-

1) „История кн. великого Московского”, с. 16—17.

ма Советов—остатки склонов к Черноозерской впадине. Рыбнорядский овраг, несмотря на то, что он сплошь застроен домами, сохранил гористый характер со стороны Воскресенской улицы (дома Орлова, Магницкого, Немировича-Данченко). В сторону Булака и Волги возвышенность, занятая городом, имела более отлогий склон, чем к Казанке. Следы обрывов здесь сохранились в университетском саду вдоль Мало-Проломной улицы (д. Эккерман), но местность в значительной степени спланирована. Тезицкий овраг совершенно засыпан, и лишь на Ивановском спуске сохранились признаки впадины, отделявшей Кремлевский бугор от Воскресенского.

Крепостная стена. В эпоху Казанского ханства город был окружён деревянной стеной с башнями и воротами. До нас дошло 10 названий ворот, приведенных в русской передаче при описании осады 1552 года в „Царственной Книге“. Названия эти следующие: Арские (стр. 270, 287, 291, 294, 295), Атала́ковы (стр. 270, 284, 293, 294, 296, 299), Елбу́гини (стр. 286 299), Збойли́вые (стр. 280, 299), Кабацкие (стр. 280, 299), Крымские (стр. 277 280), Мурале́вы (стр. 284, 299, 311), Ногайские (стр. 296), Тюменские (стр. 284, 294, 299) и Царевы (стр. 270, 290, 291, 294, 296; на стр. 298 эти ворота называны „Царские“, они упоминаются также на стр. 200 при описании событий 9 марта 1552 года). В „Казанском Летописце“ упоминаются 9 названий ворот—Арские (стр. 117, 426, 433, 435, 457, 469), Елбу́гини (стр. 118), Збойли́вые (стр. 435, 461), Кебековы (стр. 118), Мурале́вы (стр. 155), двое Ногайских (стр. 118, 433), Царевы и Водяные (стр. 118). Различные названия ворот по обоим источникам возможно отождествить: Кебековы ворота совпадают с Кабацкими. Приведенные названия, данные воротам татарского города иностранцами, не могут дать точного представления о татарских названиях этих ворот. Названия „Збойловые“ и „Водяные“ являются словами русского происхождения и в лучшем случае могут быть переводом соответствующих татарских названий. „Збойливый“ или правильнее— „Сбойливый“ обозначает „то, что легко сбить, что легко сбивается“¹⁾; это название было дано воротам, наиболее слабым по своему местоположению—в овраге между холмами. Название „Водяные“ обозначает ворота, выходящие к воде (к р. Казанке), и является обычным для русской военной терминологии данного времени. Все названия Казанских ворот, известные из русских источников, можно разделить на 3 группы—1) названия, получившие начало от личных имен (Атала́ковы, Елбу́гини, Кебековы,

¹⁾ „Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля“, изд. З Спб. 1909 г. Т. IV, стр. 42.

Муралеевы, Царевы), 2) названия, полученные от союзных народов (Крымские, Ногайские и Тюменские). 3) названия, определяющиеся местоположением (Арские, Сбояливые, Кабацкие, Водяные). Трудно сказать, какие из этих названий являются более достоверными, а также трудно гадать о причинах того или иного наименования. Можно лишь предполагать, что Муралеевы ворота получили название оттого, что близ них был расположен дворец князя Нур-Али Ширин; Царевы (Ханские) ворота названы в честь ханов, как главные ворота столицы: через эти ворота должен был совершаться парадный въезд русского наместника в город, назначенный на 9 марта 1552 года; Арские ворота получили название, по всей вероятности, оттого, что были расположены на Арской дороге, ведшей на Арское поле и к городу Арску; можно также догадываться, что от Ногайских ворот начиналась Ногайская дорога — путь в Сарайчик, имевший важное промышленное значение.

Через 14 лет после взятия города русская Писцовая книга говорит, что „ставлен острог по крепостям, по горам и по заразам (оврагам), а где острог без крепостей и по ровному месту, в тех местах по-за острогу рвы невеликие копаны подле острогу“¹⁾. Это сообщение свидетельствует о том, что при сооружении крепостных стен придерживались естественных рубежей, укрепленных самой природой,—ставили стены по „крепостям“, по горам и оврагам. Русские исследователи неоднократно пытались восстановить линию стен татарской Казани. В 1770-х годах директор Казанской гимназии Юлий Каниц составил план стен татарской Казани, включивши внее пространство, ограниченное устьем Булака, р. Казанкой (до Федоровского бугра), Рыбнорядским оврагом и Московской улицей. Таким образом, по предположению Каница в татарскую крепость входила не только верхняя часть города, но также нижняя часть — Проломная улица и часть Забулачья. Основанием для этого Каницу послужил маршрут ежегодных крестных ходов, совершаемых в Казани 2 и 20 июля вокруг древних стен города: 2 июля процессия начинается от кремля, идет за Булак по последнему мосту, направляется по Московской ул. до церкви 4-х Евангелистов, следует по первому мосту через Булак на Рыбную площадь и возвращается в кремль по Проломной улице; 20 июля процессия идет по Проломной до Рыбной площади, поднимается вверх по Рыбнорядской, следует по Пушкинской улице до Федоровского монастыря и

¹⁾ Писц. книга, с. 49.

возвращается в Кремль по Нижне-Федоровской и Засыпкиной улицам. Кавиц очертил линию стен татарской Казани по сумме обоих маршрутов. Ошибочность такого предположения была доказана Н. Заринским, который заметил, что маршрут крепостных ходов, установленных в 1654 году, не может служить основанием при определении стен татарской Казани и дает указания лишь на стены русской Казани в XVII веке. Заринский приводит ряд мест из русских источников, доказывающих, что стены крепости, в эпоху Казанского ханства не простирались на Забулачье, и на плане татарской Казани, приложенном к книге Заринского, стены охватывают Кремлевский бугор с северной стороны от Консисторских ворот до Преображенских, у Преображенских ворот спускаются в нижнюю часть города и идут к Гостиннодворскому мосту на Булаке, здесь поворачивают на юго-восток, пересекают Проломную у дома Шаммель, поднимаются на Воскресенский бугор на территории университета, спускаются в районе клинической горы на Николаевскую площадь, пересекают Покровскую улицу близ почтамта, отсюда направляются к Губернской тюрьме и затем по прямой линии к Консисторским воротам кремля. Таким образом, линия татарских стен Казани, начертанная Н. Заринским, не опирается на естественные рубежи и преграды: с запада стена идет по нижней части города ломаной линией, на юге—не достигает Рыбнорядского оврага, на востоке совершенно произвольная ломаная линия оставляет далеко в стороне все естественные рубежи, в том числе и склон в долину Казанки.

Мы полагаем, что такое представление о расположении крепостных стен татарской Казани не соответствует действительности, и думаем, что стены придерживались естественных рубежей—шли „по крепостям, по горам и по заразам“, где только было возможно. Естественными рубежами являлись склоны возвышенности к Казанке и к Волге, а также Рыбнорядский овраг. Мы думаем что стены татарской Казани не спускались в нижнюю часть города и оставляли вне крепости не только Забулачье, но и Проломную улицу. Таким образом, по нашему предположению, стены охватывали Кремлевский бугор с северной и западной стороны от Консисторских ворот до угловой башни близ Преображенских ворот; здесь стена пересекала Тезицкий овраг и шла вдоль Воскресенского бугра над линией современной Малой Проломной улицы до встречи с

Рыбнорядским оврагом; далес стена шла над Рыбнорядским оврагом к Николаевской площади. От Консисторских ворот, где стена пересекала ложбину Поганых озер, она поднималась на Старое Городище у Пятницкой церкви и шла по краю возвышенности, которая круто обрывается к р. Казанке, вдоль Нагорной улицы, над Засыпкиной и Нижне-Федоровской, пересекая овраг Кошачьего переулка. Наиболее неопределенным является местоположение стены между р. Казанкой и Рыбнорядским оврагом, так как на этом пространстве не имеется ясно выраженных естественных рубежей. Это был самый слабый участок крепостной обороны. Каниц включает в пределы татарской Казани Федоровский бугор, ведя линию стены по Пушкинской улице, Заринский оставляет вне стен не только улицу Пушкина и Федоровский бугор, но даже Касаткину улицу, Попову Гору и Кошачий переулок. За отсутствием определенных указаний в источниках мы не можем высказать определенного мнения, но самым естественным было бы предполагать, что стена шла от устья оврага Кошачьего переулка к Арскому полю по прямой линии, оставляя вне крепости Поганое озеро, расположенное в районе Театрального сада. При таком направлении стена проходила бы между линиями современных улиц Касаткиной и Поповой Горы, составляющей как раз продолжение Нагорной улицы, по которой проходила стена. Намеченная нами линия стен татарской Казани неожиданно находит себе подтверждение в том старом мотиве, который был принят еще Каницем за основу его предположений и впоследствии отвергнут был Заринским. Мы говорим о маршруте крестного хода вокруг стен Казани, установленного в 1654 году. Каниц в своих предположениях соединил в одно целое маршрут обоих процессий—2 и 20 июля и получил результаты, не выдержавшие критики со стороны П. Заринского. Поэтому и сам маршрут, как источник пригодный для определения стен татарской Казани, был опорочен. Но нельзя не обратить внимания на то, что если мы рассмотрим маршрут лишь одного крестного хода, совершенного 20 июля, то получим полное совпадение с очерченной нами линией стен татарской Казани: маршрут проходит по улицам как раз таким образом, что вся линия стен остается внутри, будучи включена в тот магический круг, который должен был спасти город от морового поветрия, согласно с народными верованиями данной эпохи. Мы не берем маршрута крестного хода за основание своих соображений и отмечаем лишь совпадение, вытекающее из сравнения маршрута процессии с предполагаемой линией древних

стен города; может быть, маршрут имеет значение большее, чем то, которое ему приписывал П. Заринский.

Еще более трудной задачей является попытка приурочить крепостные ворота к определенным пунктам линии стен. Прежде всего, нам в точности неизвестно число всех ворот: мы имеем в „Царственной Книге“ 10 названий ворот, в „Казанском Летописце“ — 9, и названия эти не совпадают. В обоих источниках одинаково названы 7 ворот (Арские, Елбугины, Сбояливые, Кабацкие—Кебесковы, Муралесвы, Ногайские и Царевы); в „Царственной Книге“ отсутствует упоминание о вторых Ногайских воротах и о Водяных, „Казанский Летописец“ не называет Аталаиковых, Крымских, Тюменских ворот. Упоминание Ногайских ворот в „Царственной Книге“ является единичным, и в распределении участков фронта пред штурмом эти ворота не значатся. Из сопоставления следующих мест „Царственной Книги“: „Восводы же став по рву против Царевых ворот, и Арских, и Аталаиковых, также и Тюменских по всему рву и туры утвердиша“ (стр. 295), „мосты же у Царевых ворот, и у Аталаиковых, и у Ногайских и через всю ношь горело“, можно думать, что Тюменские ворота отождествляются с Ногайскими. Вторые Ногайские ворота, поименованные в „Казанском Летописце“, должны быть отождествлены с Крымскими или с Аталаиковыми воротами „Царственной Книги“. Тождество Водяных ворот с Елбугиными доказывается „Отрывком русской летописи“, где говорится: „А с Казани реки к стене приступиша правая рука от Водяных ворот“ ¹⁾). С. М. Шпилевский говорит: „Название Курбским Елбугиных ворот „нижайшими“ соответствует их положению: соответствующая им в настоящее время угольная башня размынается разливом Казанки. Эти ворота в „Отрывке русской летописи“... названы, очевидно, по их положению в отложении к Казанке „Водяными“ ²⁾). В „Казанском Летописце“ при описании взятия Казани говорится о 9 воротах: „Единем часом мало трудни девятеры врата града изломиша“ ³⁾). Это заставляет предполагать в Казани 9 ворот, тогда как Заринский насчитывал в татарской Казани 10 ворот считая Ногайские и Тюменские за отдельные.

Ключ к определению пунктов, в которых были расположены ворота татарской Казани, дает помещенное в „Царственной Книге“ распределение ворот по участкам русских полков во время осады

¹⁾ П. С. Р. Л. VI, 310.

²⁾ Шпилевский, 457.

³⁾ П. С. Р. Л. XIX, 154.

1552 года: из него мы узнаем, что Арские, Царевы, Крымские и Аталацковы ворота были на фронте Большого полка (стр. 290, 291, 277 и 299), Кабацкие ворота—на фронте Передового полка (стр. 299), Сбойливые—ертоула (стр. 293, 299), Елбугины—на участке Правой руки (стр. 299), Муралеевы—Сторожевого полка (стр. 299), Тюменские ворота—на фронте Левой руки (стр. 299). Из размещения же полков (стр. 263) можно определить, что Арские и Царевы ворота были обращены к Арскому полю, Кабацкие—также, Сбойливые и Елбугины—против р. Казанки, Муралеевы—против устья Булака, Тюменские и Аталацковы—против Булака (стр. 284). Легче всего определяется местоположение ворот Муралеевых, Елбугинах и Тюменских, которые совпадают с воротами каменной крепости, построенной русскими на Кремлевском бугре. Ворота Нур-Али (Муралеевы) против устья Булака соответствуют современным Тайницким воротам. От этих ворот было кратчайшее расстояние до ханского двора, удобное для проезда, почему через них и совершился въезд в Казань Ивана IV¹). Елбугины ворота соответствуют северо-восточным воротам кремля, находящимся против городской мельницы на р. Казанке: через эти ворота произошло бегство казанцев из ханского двора при взятии города русскими²). Тюменские ворота соответствуют современным Преображенским воротам, находящимся в юго-западной части кремля, на территории Спасского монастыря: в XVI веке эти ворота назывались Сергиевскими, и в Писцовой книге 1566—68 ч. встречается выражение „у Тюменских ворот, что ныне Сергиевские ворота“³).

С большими затруднениями поддается определению местоположение прочих ворот. Сбойливые ворота Писцовая книга помещает на Кремлевском бугре, когда говорит: „В городе же (т. е. в кремле) у Збойловых ворот, что ныне Дмитриевские ворота“⁴), тогда как „Казанский Летописец“ помещает их на Старом Городище, допуская выражение „От нижних ворот, от старого городища, сиречь от Збойливых ворог, идеже ныне храм Никола Чудотворец (Пятницкая церковь)“⁵). Как бы то ни было, местоположение Сбойливых ворот определяется в ложбине Поганых озер близ современной Пятницкой церкви, и существующее противоречие обоих источни-

¹) Царств. Книга, с. 311.

²) Царств. Книга, с. 307.

³) Писц. книга, с. 23.

⁴) Писц. книга, с. 21.

⁵) П. С. Р. Л. XIX, 435.

ков не нарушает такого определения, которое обясняет и причину наименования ворот „Сбойливыми“: они были расположены в низине и представляли слабый пункт оборонительной линии. Местоположение Кабацких или Кебековых ворот не поддается определению, так как самая линия стен на этом участке нам неизвестна. Можно указать два пункта, где могли быть расположены эти ворота—либо над спуском к Казанке, существующим близ Евдокинской церкви (Поперечно-Казанская улица), либо в районе Поганого озера (Бассейная улица), в последнем случае они были обращены в сторону Арского поля. Арские ворота определяются пересечением линии стен и Арской дороги; Арская дорога—современная Грузинская улица, а Покровская улица еще в XVIII называлась Арскою улицей¹⁾. Они были расположены в районе Театральной площади, примерно на перекрестке Грузинской и Пушкинской улицы. Ханские или Царевы ворота представляли собою главные крепостные ворота татарской Казани. Эти ворота находились неподалеку от Арских ворот, так как источники нередко упоминают их вместе²⁾. На коротком участке от Арских ворот до Рыбнорядского оврага можно указать лишь одно место, удобное для ворот—район Николаевской площади, у подошвы Клинической горы и при начале оврага, по которому, повидимому, пролегал как и в настоящее время наиболее отлогий под'ем из нижней части города в верхнюю. Крымские и Атала́ковы ворота были расположены на западном склоне Воскресенского бугра. На этой линии можно указать лишь два пункта с более отлогими спусками, которые могли служить для проезда в ворота. Эти спуски находятся на Гостиинодворской и Воскресенской горе (Поперечно-Воскресенская улица); прочие спуски (Петропавловский, Судейский и Университетский) имеют сравнительно недавнее происхождение и слабо еще спланированы; спуск с Воскресенской горы (Поп.-Воскress. улица) был вполне упорядочен также лишь в XIX веке и становится понятным, почему главный в'езд в крепость снизу вел не по этому спуску, а по Рыбнорядскому оврагу, через Ханские (Царевы) ворота. Касаясь более точного размещения ворот, следует приурочивать Крымские к Воскресенской горе (район университетской обсерватории), Атала́ковы же ворота—к Гостиинодворскому спуску, так как эти во-

¹⁾ Рычков „Опыт Казанской истории“ с. 179 и 183.

²⁾ Царств. Книга, с. 270, 291, 294.

рота были ближайшими¹⁾ к Тюменским воротам, и минный подкоп под стены Казани был заложен на участке стены между этими воротами²⁾.

П. Заринский на плане стен татарской Казани поместил Сбояльные ворота в ложбине Поганых озер, Кабацкие ворота—над Евдокинским спуском к р. Казанке, Арские ворота—в конце Покровской улицы (дом Персон), Царевы—на Клинической горе (сад Ушковых), Ногайские и Крымские—на университетеском дворе, Аталаыковы—у подножия Воскресенской горы (д. Шамиль на Проломной ул.). Пункты расхождения между Заринским и нами обусловлены различным определением линии стен. Из 9 ворот целых 6 мы помещаем в том же районе, что и Заринский. Ханские (Царевы) ворота мы помещаем на Николаевской площади, у подножия Клинической горы. Ногайские ворота отождествляются нами с Крымскими и помещаются на Воскресенском спуске (у подножия которого Заринский ставит Аталаыковы ворота). Аталаыковы же ворота мы переносим ближе к Кремлевскому бугру, на Гостинодворскую гору. Таким образом, существенных расхождений между Заринским и нами не имеется, и местоположение ворот татарской Казани можно считать достаточно твердо определенным.

Превосходно укрепленная природою, Казань была защищена искусством татар, вызывавшим похвальные отзывы даже от врагов: „Казанский Летописец” сообщает, что при об’езде Ивана IV вокруг стен Казани царь „смотряше стенные высоты и мест приступных и увидев удивися необычной красоте стен крепости града”³⁾. Особенно неприступной казанская крепость была со стороны р. Казанки, где стена шла по гребню высокой обрывистой горы (Нагорная улица, над Засыпкиной и Нижне-Федоровской). Князь А. М. Курбский, во время осады стоявший за р. Казанкой, писал: „И случилось нам стояти на месте в равнине, на лугу, между великими блаты, граду же с нашей стороны на превеликой горе стоящу, и сего ради зело нам, паче всех, нужно” (т. е. трудно) было от огненных стрельбы с града⁴⁾). „Казанский Летописец” описывал казанские укрепления в следующих выражениях: „Град же Казань зело крепок, велими, стоит на месте высоце, промеж двою рек Казани и Булака, и согражден в седмь стен, в велицах и толстых

¹⁾ Царств. Книга, с. 284.

²⁾ П. С. Р. Л. XIX, с. 119.

³⁾ Ист. кн. вел. Моск., с. 18.

древесех дубовых: в стенах же сыпан внутри хрящ и песок и мелкое каменье, толстина же градная от рек, от Казани и от Булака, трех сажен, и те бо места ратным неприступны... и яко крепкими стенами и водами вокруг обведен бе град, и тою со единыя града с поля Арского приступ мал, но туда стена градная была в толстоту 7 сажен и прекопана около ея стремнина велия, глубока. И от сего казанцы не малу себе притяжаша крепость, не бояхуся никого же, аще и вси царства окольния совокупильтшася восстанут и подвигнутся на них, крепок бо бе град их¹⁾). Устройство стен в виде городен, наполненных землей и камнями, подтверждается „Царственной Книгой“, которая говорит: „Стена городная обгоре, и земля из города сыпаясь: бе бо весь град насыпан землею и хрящем“²⁾.

С западной и юго-восточной сторон, где стена была обращена к Булаку и к Арскому полю, Казанская крепость была опоясана, сверх того, рвом. Ров шел параллельно стене по косогору западного склона Воскресенского бугра, а между Рыбнорядским оврагом и р. Казанкой он шел по ровному месту. Писцовая книга 1566 года сообщает, что „где острог без крепостей и по ровному месту, в тех местах по-за острогу рвы невеликие копаны подле острога“³⁾. В „Царственной Книге“ упоминаются рвы перед Тюменскими, Атальковыми, Ногайскими, Царевыми (Ханскими) и Арскими воротами⁴⁾. Кн. Курбский говорит о рве со стороны Арского поля: „От тое реки (Булака) около города ров копан зело глубокий, аж до езерка, реченного Поганого, еже лежит под самую Казань-реку“⁵⁾. „Царственная Книга“ сообщает, что ров со стороны Арского поля имел поперек 3 сажени, а в глубину 7 сажен⁶⁾. Около ворот через рвы были перекинуты мости⁷⁾. Кроме того, повидимому, имелись подземные ходы, которые вели из крепости в рвы: „Царственная Книга“ упоминает, что во время вылазок „вмешахуся погании во рвы своя; воини же царевы и во рвех их побиваху, а они же норами своими во град утекаху“⁸⁾. В Казани существует предание о том, что подземный ход татарской эпохи имеется в д.

1) П. С. Р. Л. XIX, с. 119—120.

2) Царств. Книга, с. 296.

3) Писц. книга, с. 49.

4) Царств. Книга, с. 296, 291-292 и 294.

5) Ист. цп. вел. Моск., с. 16-17.

6) Царств. Книга, с. 292.

7) Царств. Книга, с. 272, 295, 296.

8) Царств. Книга, стр. 292.

Шамиль (угол Проломной и Поперечно-Воскресенской ул). Это предание может служить указанием на существование тайника близ Крымских ворот татарской Казани.

Кремлевский бугор. Казанская крепость была наполнена различными зданиями. Среди них наше внимание привлекает прежде всего ханский дворец. Он был расположен на северной оконечности Кремлевского бугра, на том краине мысу, который находится при выходе р. Казанки в долину Волги, и которым заканчивается возвышенность, занятая Казанью. В настоящее время на этом месте находится губернаторский дворец. Ханский дворец состоял из нескольких каменных и деревянных построек, связанных между собою и обнесенных деревянной оградой—„бе зело крепок, между палат и мечетей каменных, оплотом великим обточен“¹⁾). Писцовая книга 1566 г. описывает разрушенный ханский дворец в следующих выражениях: „Да у Введенья Пречистые (дворцовая церковь)—место, что был Царев двор, а на месте две палаты старые, у одное палаты сушило на подсенье, да изба 4-х сажен меж угол, да перед Царским двором полата старая ж, да подле Царского ж двора полата“²⁾). Таким образом, через 14 лет после падения Казанского ханства на месте дворца уцелели два каменных и одно деревянное здания внутри двора, и кроме того—каменное здание „перед двором“ и такое же „подле двора“. В Писцовой книге еще упоминаются „палата у Царева двора“³⁾), „малая палата у Царева двора“⁴⁾ и „палата против Царева двора“⁵⁾), но выяснить, какое отношение эти палаты имели к ранее названным, невозможно; по всей вероятности, это те же палаты, которые были уже перечислены. „Казанский Летописец“ также отмечает существование нескольких зданий в ханском дворе, когда сообщает, что в 1551 г. русский воевода „стояше во цареве дворе, во иных палатах“⁶⁾). Как бы то ни было, становится очевидным, что ханский дворец являлся сложным сооружением—целой системой построек, в состав которой входили каменные палаты и деревянные клети, обединенные оградой—оплотом. Размер отдельных составных частей был, повидимому, невелик—Писцовая книга отмечает избу в 4 сажени „меж угол“. Таким об-

¹⁾ Курбский, с. 27.

²⁾ Писц. книга, с. 34.

³⁾ Писц. книга, с. 8.

⁴⁾ Писц. книга, с. 9.

⁵⁾ Писц. книга, с. 9.

⁶⁾ П. С. Р. Л. XIX, с. 77.

разом, ханский дворец представляется в виде группы маленьких, уютных строений.

Русские оставили опустевший ханский дворец необитаемым и обратили его в арсенал. В XVIII веке уцелевшие ханские здания вошли в состав комендантского дома, сооруженного в начале 1730-х годов. На планах конца XVIII столетия обозначены здания: 1) на месте губернаторского дворца и 2) между дворцовою церковью и Тайницкими воротами; проф. С. М. Шпилевский предполагал, что эти „два здания, вероятно, остатки вышеупомянутых в Писцовой книге палат на Царском дворе и около него“¹⁾). Заброшенный новыми хозяевами Казани, ханский дворец пришел в упадок, но каменные постройки татарской эпохи в течение трех веков противостояли невзгодам и времени. В начале XIX века они еще существовали и сохранились бы до настоящего времени, если бы не были уничтожены по предписанию местных властей. К. Милкович сообщает, что в 1804 г. в крепости видны были стены и остатки дворца бывших казанских ханов²⁾). В „Казанских Известиях“ 1815 года упоминается о древнем „Сумбекином дворце, разломанном лет 15 назад“³⁾). Фукс сообщает, что „в 1807 году разломан в здешней крепости Ханский дворец—последний остаток татарской архитектуры“⁴⁾). Второв в конце 1830-х годов писал, что „за северо-западными воротами Сумбекиной Гашни еще в недавнее время находились развалины так называемого Сумбекина дворца, ныне их уже нет“⁵⁾). Н. П. Загоскин предполагал, что в составе построек комендантского дома каменные здания татарской эпохи могли уцелеть вплоть до закладки губернаторского дворца, т. е. до начала 1840-х годов: „Обветшалые стены старого комендантского дома были снесены при построении нынешнего кремлевского дворца (заложен весною 1845 г.), следовательно, мы получаем основание утверждать, что последние остатки находившегося здесь когда-то дворца казанских ханов были уничтожены лишь в конце 30-х или в начале 40-х годов текущего (XIX) столетия“⁶⁾.

¹⁾ Шпилевский, с. 459.

²⁾ „Историографическое описание о Казанской губернии“ К. Милковича—Известия О-ва Арх. Ист. и Этн., т. XIV, вып. 5, стр. 503, прим. 2.

³⁾ Загоскин, с. 99.

⁴⁾ Фукс, „История Казани“, изд. 5, Казань 1914 г., стр. 1, прим. I.

⁵⁾ „Памятники древности в Казанской губернии“—Журн. Мин. Вн. Дел 1840, т. 37.

⁶⁾ „Спутник по Казани“, с. 99.

К сожалению, до настоящего времени не производилось ни разу попыток найти следы ханского дворца. Татарская Казань до сих пор лежит в земле и ждет своих исследователей. Местные археологи проявляли по отношению к татарской Казани непонятное равнодушие. Общество Археологии, Истории и Этнографии при Казанском университете, существующее 45 лет, неоднократно производило исследования в Булгаре, Биляре и других, пунктах, но совершенно не интересовалось самой Казанью, расположенной на месте многолюдного татарского города XV—XVI веков. Нетронутая почва кремля хранит в себе многочисленные остатки татарской старины и обещает исследователям обильную жатву. Доказательством этого могут служить те находки, которые были обнаружены случайно в 1861 году при перестройке крыльца Кафедрального собора: обнаружены были обломки лепных украшений от каменных зданий, с интересным орнаментом, сферо-конические сосуды Булгарского типа, несколько сошников, клад московских монет и т. д. Часть этих находок хранится в музее Географического кабинета Казанского университета. Почва кремля покрыта культурным слоем значительной толщины, в чем мы лично убедились при осмотре случайных разрезов близ Елбугиных и Тюменских ворот. Наиболее удобным пунктом для археологических исследований в Казанском кремле является как раз район ханского дворца—территория двора и сада, принадлежащая к усадьбе губернаторского дворца: это пространство наименее плотно застроено и в то же время представляет особенно интересный пункт в историческом отношении.

Рядом с ханским дворцом стояла каменная мечеть. Русские обратили ее, как и дворец, в склад оружия: в Писцовой книге упоминаются склад ядер и железных предметов „у Царского старого двора в мечети“¹), а также склад пороха „против Благовещения (т. е. Кафедрального собора) в мечети“²). Обломки лепных украшений, найденные в 1861 году при перестройке крыльца Кафедрального собора, дают возможность предполагать, что ближайшая к ханскому дворцу мечеть стояла недалеко от того места, где расположен собор. Имеются данные предполагать, что она находилась между современным собором и Сумбекиной башней, так как оба эти пункта соединяются посредством находок и преданий с мечетью. По преданию, Сумбекина башня построена на том месте, где по-

¹) Писц. книга, с. 7.

²) Писц. книга, с. 8.

гребен мусульманский святой; отсюда брал начало подземный источник, выходивший к Казанке около современных Тайницких ворот. Другое предание говорит, что Сумбекина башня построена на могиле хана Сафа-Гирея. Татары приходят молиться на этом месте, священном для мусульман, по той же причине, по какой они посещают развалины усыпальниц и могилы святых близ Малого Минарета в Булгаре. Напомним, что в Казани были действительно погребены суфитские шейхи Касим сын Ибрагима и Фейзулла-эфендди из Бухары, считаемые святыми. Поэтому можно думать, что святой, на могилу которого приходят молиться татары, был одним из этих шейхов. Все это является указанием на то, что около Сумбекиной башни в татарской Казани находилась усыпальница или просто кладбище, где был погребен какой-то праведный человек, и что мечеть была расположена неподалеку от этого места.

Относительно ханских могил имеются указания, что над ними существовали каменные усыпальницы. Князь Курбский, говоря о Казанских мечетях, добавляет „идеже их умершие царие клались“¹⁾. „Казанский Летописец“ упоминает, что в Казани существовала „мечеть, где лежаше умеры царь (Сафа-Гирей)“²⁾.

Поблизости от ханского дворца находился дворец князей Ширин – знатнейшей фамилии в государстве. По имени последнего князя Ширин ближайшие к дворцу крепостные ворота носили названия ворот Нур-Али (Муралеевых), следовательно, остатков дворца нужно искать неподалеку от этих ворот. В состав дворца кн. Ширин, может быть, входила каменная палата, которую русские обратили в цейхгауз, и Писцовая книга отмечает склад колес и изломанных пушек „в Муралеевской палате“³⁾, но возможно, что это указание относится не прямо к дворцу кн. Ширин, а к мечети, которая находилась при нем. Каменная мечеть Нур-Али уцелела от разгрома при взятии Казани русскими, и в Писцовой книге упоминается „у монастырского двора Илантовского мизгить (мечеть), что была Муралеева“⁴⁾. Эту мечеть нельзя отождествлять с мечетью, которая находилась рядом с ханским дворцом, так как подворье Зилантовского монастыря не могло быть расположено между остатками ханского дворца и Кафедральным собором, построенным

¹⁾ Ист. кн. вел. Моск., с. 17.

²⁾ П. С. Р. Л. XIX, с. 78.

³⁾ Писц. книга, с. 9.

⁴⁾ Писц. книга, с. 34.

рядом с ними. Скорее всего мечеть Нур-Али можно предполагать в северо-западной части Кремлевского бугра, в районе Тайницких ворот и Военной школы, где Писцовая книга отмечает склад пороха „против Благовещения (Кафедрального собора) в мечети“, тогда как Ханская мечеть отождествляется с мечетью „у Царского старого двора“ обращенной русскими в склад ядер. Местоположение мечети и дворца Нур-Али против современного Кафедрального собора, подтверждается тем, что Писцовая книга отождествляет „Муралеевскую палату“ с „палатою против Благовещения“ ¹⁾). Каменное здание, построенное князьями Ширин, имело, повидимому, два этажа и деревянную наружную лестницу, окованную железом, так как в Писцовой книге упоминается „под'ем у палаты против Благовещения гнил, окован“ ²⁾).

Имеется указание еще на одно каменное здание—палату, против Царева двора, обращенную русскими в арсенал ³⁾), но трудно решить, подразумевается ли здесь особое здание, или одно из тех, которые перечислены, как палаты „перед Царским двором“ и „подле Царского ж двора“. Общее число каменных зданий, уцелевших в 1566 году, было не менее 5, а именно—2 палаты на ханском дворе, (здесь же было 1 деревянное здание), 1 мечеть Нур-Али и еще не менее 2 палат вне ограды ханского дворца.

В районе ханского дворца находился тайник—подземный ход, выходивший из крепости на берег Казанки близ ручья, расположенного между воротами Нур-Али и Елбуги. Проф. Н. П. Загоскин сообщает следующее: „Тайницкий ключ.—Если мы выйдем из казанского кремля Тайницкими (древние Муралеевы) воротами, ведущими от Сююнбекиной бани к реке Казанке, и спустившись к берегу ея, повернем направо, вверх по течению реки, то, пройдя несколько десятков сажен, достигнем родника, известного под названием „Тайницкого ключа“. Это тот самый ключ, к которому во время осады 1552 г. осажденные казанцы ходили потайным подземным ходом („тайником“) за водою, и который был взорван русскими, с целью лишения осажденных единственной доброкачественной воды. Еще в конце первой половины текущего (XIX) столетия ключ был обложен каменным бассейном, но в настоящее время этот исторический ключ совершенно, к сожалению, запущен и из года в год все более и более истощается; у современных казанских обыва-

¹⁾ Писц. книга, с. 9.

²⁾ Писц. книга, с. 9.

³⁾ Писц. книга, с. 9—10.

телей вода этого ключа считается, почему-то, особенно добрачественною для соления огурцов, на каковой предмет она в конце каждого лета и берется отсюда в весьма изрядном количестве. Этот ключ пользуется среди местных мусульман большим почитанием, а вода его считается ими даже целительною; татары нередко приходят сюда для совершения своих молений. Существует свидетельство, что еще в 1829 году известно было место „пустоты“, т. е. тайного хода, который вел из кремля к этому ключу, но отверстие его было уже тогда засыпано¹⁾. „Царственная Книга“ говорит о подземном ходе в особых пунктах—„Вопрос Царской о воде“ и „О порушении тайника“: „И призывает государь к себе Камая мурузу нововыезжево из Казани и распрашивает, отколе воду смлют в городе, на Казань бо реку уже у них отняли, также и полоняников, которые во те дни выбегли к государю И сказывали, что есть у них тайник от Казани от реки у Муралеевых ворот ключ в берегу; а ходят к нему по подземелью“. Князю Василию Серебряному, командиру Сторожевого полка, стоявшего при устьи Булака, было поручено взорвать тайник посредством подкопа—„И в десять день подкопался под мост, куды с водою ходят, и сам князь Василий с товарищи известно видев и гласы татарские услышав, что с водою уже через них ходят, и возвестил государю“, 4 сентября подземный ход был взорван²⁾. По имени этого подземного хода ворота Нур-Али получили у русских название Тайницких ворот. Действительно, подземный ход из крепости, из ханского двора, мог существовать под стеной и выходить на берег Казанки в качестве последнего убежища для осажденных. При взятии Казани русскими последние остатки татарского войска бежали из ханского двора как раз за Казанку, в том самом направлении, которое было намечено и тайником, но взрыв 4 сентября, разрушивший подземелье, заставил теперь пройти этот путь не потайным ходом, а по дневной поверхности почвы, и казанцы принуждены были „с града метатися“, т. е. прыгать со стены прямо вниз, на берег Казанки³⁾. В этом и заключалось для русских значение взрыва 4 сентября—отрезать путь отступления для осажденных, а не в задаче преградить казанцам доступ к воде, как передает составитель „Царственной Книги“: Казань была богата питьевой водой, и обширные озера внутри самого города (Белое, Банное и др.) составляли бассейны, вполне пригодные для питья.

¹⁾ „Спутник по Казани“, стр. 104—105.

²⁾ Царств. Книга, с 284—286.

³⁾ Царств. Книга, с. 307. Курбский, с. 30.

Кн. Курбский, участник осады 1552 года, описывает Казань с северной стороны следующим образом: „От Казани-реки гора так высока, иже оком воззрти прикро (трудно); на ней же град стоит и палаты царские и мечети зело высокие, муранные; идеже их умершие царис клались; числом памятами (припоминаем), пять их”¹⁾. Таким образом, издали в городе выделялись своей высотой 5 каменных мечетей с их минаретами. Неизвестно, все ли они находились на Кремлевском бугре, но это является вероятным. Во всяком случае, здесь находилось несколько мечетей: Курбский говорит, что ханский дворец был расположен „между палат и мечетей каменных”²⁾ и далее упоминает о мечетях „яже близу царева двора стоят”³⁾. Мы уже отместили две мечети, одну у ханского дворца и другую—мечеть Нур-Али. Главная же мечеть, названная в „Царственной Книге” мечетью Кул-Шерифа⁴⁾, находилась на противоположном южном конце Кремлевского бугра, около оврага Таджик—на том месте, где русскими был основан Спасский монастырь. Марджани сообщает предание, сохранившееся у казанских татар, об этой мечети: она обладала восемью высокими минаретами⁵⁾. При ней находилось учебное заведение, где мусульмане получали высшее богословское образование. При завоевании города русскими „приближа христиане к мечите, к Кулшериfu, к Тезицкому врагу; и тут с Кулшериfом Молною многие неверные совокупившеся, и зле бьющесь”⁶⁾. Более подробное сообщение кн. Курбского подтверждает, что последнее отчаянное сопротивление русским было оказано учениками духовного заведения и мусульманскими муллами во главе с Кул-Шериfом: „Изыдоша во сретение наших обазы их, сенты, моллы, пред велиkim бискупом их, а по их—с великим анарый (амары) або амиром, именем Кулшериf-моллою, и сразившась с нашими так крепце, аж до единого избиша их”⁷⁾.

Таким образом, на Кремлевском бугре была расположена главная часть города—здесь сосредотачивалось местопребывание высшего гражданского и духовного управления (ханский дворец и мечеть

1) Курбский, с. 17.

2) Курбский, с. 27.

3) Курбский, с. 29.

4) Царств. Книга, с. 306.

5) „Мустафад эль-Ахбар”, ч. I, с. 2.

6) Царств. Книга, с. 306.

7) Курбский, с. 29.

Кул-Шерифа), жилища знатнейших особ (дворец князей Ширин), главное учебное заведение и т. д. На Кремлевском бугре было несколько улиц и переулков; в 1566 году здесь было 2 продольных улицы и несколько переулков—к Тюменским воротам (между современной церковью Киприана и Юстины и старой оградою Спасского монастыря), к Сбояливым воротам (современный Консistorский переулок) и т. д. Склон Кремлевского бугра, обращенный к Воскресенской улице, в настоящее время замощен, но пробивающаяся между камнями трава может дать представление о том, какой вид имел этот пункт в прошлых веках.

Воскресенский бугор. Через овраг Таджик перекинут был мост, соединявший Кремлевский бугор с Воскресенским—возвышенный северный берег оврага с более отлогую южную его стороною. Название оврага „Таджик“ (Тезицкий), т. е. купеческий, показывает, что поблизости находилась торговая часть Казани—базар. Действительно, Писцовая книга обозначает „торг“ непосредственно рядом с Тезицким оврагом, на месте современного гостинного двора. Очевидно, после падения Казанского ханства, базар остался в ней на прежнем месте, и русские нашли излишним переносить в другой район торговую часть города, специально приспособленную и оборудованную. Базар является центром каждого восточного города. Особенность татарского базара по сравнению с русским рынком составляют длинные и низкие крытые галлерен, которые тянутся вдоль улиц базара с обоих сторон, около магазинов. В этих низеньких галлереях, где летом бывает прохладно, а зимою и осенью—сухо, постоянно толпится народ, разложены целые горы товаров, выставленных напоказ из тесных, маленьких и полутемных магазинов, не имеющих окон и освещаемых лишь при помощи входных дверей. Такое устройство до сих пор сохраняет татарский базар в Казани, в районе Сенной улицы и площади. Поблизости от базара были расположены главные торговые и финансовые учреждения, и Писцовая книга отмечает здесь в русской Казани таможенную избу и важню—помещение для весов ¹⁾). Можно думать, что и в татарскую эпоху эти учреждения были в том же самом районе, недалеко от базара.

Любовь и значительную способность к торговле казанцы унаследовали от болгар, и татарский базар в Казани до настоящего времени имеет тот же оживленный характер, какой он, вероятно, имел в эпоху Казанского ханства. Н. П. Загоскин в конце XIX в-

¹⁾) Писцовая книга, стр. 57.

ка дал следующую характеристику татарского базара в Казани: „На татарском рынке (близ Сенной площади) всегда встретите вы группы татар или ведущих торговые сделки и разговоры, или праздно разгуливающих и сообщающих друг другу вести и новости. Каждый татарин на базаре и ярмарке всегда бывает оживлен, так как торговля—самое любезное его сердцу дело. Но не на одном только базаре можно видеть татар; они встречаются везде по городу: то продают лимоны, яблоки и пр., то покупают старье, то стремятся на аукцион, в ссудную кассу или на распродажу имущества. Вообще, разносная и мелочная торговля находится, преимущественно, в руках татар... Кроме татар-мелочников, старьевщиков и мелких лавочников, на татарском базаре и других бойких торговых пунктах можно встретить местных татар-капиталистов, заводчиков, коммерсантов и крупных торгаши. Их легко узнать потому, что они любят разъезжать на кровных, раскормленных жеребцах, в дорогих мерлушковых шапках, прикрывающих вышитые золотом тюбетейки. Среди богатых татар главный интерес составляет также торговля, но бывают суждения и разговоры о городских и других делах”—автор разумеет политическую и общественную жизнь¹⁾.

В городе было много мечетей, так как татары отличаются большой религиозностью и имеют в каждом селении мечеть, а в маломальски обширном—по две и больше мечети²⁾. В настоящее время в Казани имеется 15 мечетей на 30 тысяч татар: 9 в Старо-Татарской слободе, 4—в Ново-Татарской и 2 в Адмиралтейской. Ки. Курбский отмечает в Казани 5 только каменных, „зело высоких” мечетей, число же деревянных было, несомненно, очень значительным. Следует предполагать мечеть в районе базара, так как в юго-восточной части гостинного двора, обращенной к Черному озеру, при рытье фундамента в 1793 году был найден остаток кладбища—надгробный камень, помещающийся ныне в мечети Марджани на Захарьевской улице. Надпись на этом камне, в переводе проф. Н. Ф. Катанова, означает: „Сказал Бог преблагословенный и всевышний: Все, что ни есть в нем (т. е. в мире)—тленно, а вечно одно лицо Господа твоего, исполненное величия и славы.—В году девятьсот тридцать шестом Шах-Мухаммеда-бика сын Мухаммед-Али-бик в (месяце) Зулькааде от руки неверного мучеником (стал)”. Справа имеется надпись:

¹⁾ Н. Н. Вагоскин „Спутник по Казани”, с. 513—514.

²⁾ Со слов муллы Фатх-ур-Рахмана Губайдуллина в д. Новом Крылае Казанского уезда в 1918 г. нами записано предание, что в эпоху Казанского ханства в д. Ие (около Арска) было по одним рассказам 8, а по другим даже 11 мечетей.

„Сказал пророк—да будет над ним мир: Сия жизнь—один час, а потому употребляй ее на добрые дела“. Слева—„Сказал пророк—да будет над ним мир“... На обратной стороне камня имеется надпись: „Памятник этот поставил сын (убитого) Тенгри-Кулы-бик“¹⁾. Дата Зуль-кааде 936 года гиджры соответствует июлю 1530 года. В это время как раз происходила война между русскими и казацами и нет сомнения, что князь Мухаммед-Али был убит русскими²⁾.

Исследователем подземной Казани—казанских подземных ходов проф. М. М. Хомяковым записано предание о том, что дом, находящийся на Казанской улице и принадлежавший сначала А. А. Кремлеву, затем А. Н. Харитонову, а в настоящее время—тиографии „Шарк“ (был „Умид“), носит название дома царицы Сумбеки и относится к эпохе Казанского ханства. М. М. Хомяков сообщает: „Клубок преданий образовался вокруг дома Харитонова, что на Казанской улице. Об этом доме мне сообщено, например, следующее: Лет 30-35 тому назад была прорыта канава по середине улицы, на которой теперь стоит типография Харитонова (этот дом носит название бывшей Сумбеки), к мужскому духовному училищу. На дне канавы рабочие находили массу человеческих черепов, скелетов и серебряных монет татарского времени. В то же время под домом бывшей Сумбеки обнаружен подземный ход... Не желая опираться на показания третьих лиц, свидетельства сбивчивые, недостоверные уже по самому своему началу изложения: „Лет 30 тому назад“ и т. п., я решился проверить их лично, хотя бы в небольшой части... Г. Харитонов купил дом у д-ра Кремлева. Это дало мне право обратиться к последнему за разъяснениями. А. А. Кремлев заявил, что ходов в его доме нет, а были только глубокие подвалы, причем кладка кирпичей (читай: камней) в этих подвалах та же, что и в Кафедральном соборе в толще фундамента. Против его дома, когда рыли фундамент для постройки церковного дома, действительно, как сказывали, было найдено подземелье с какими-то татарскими рукописями. И. И. Аристов, под наблюдением которого производился ремонт бывшего дома Кремлева, сообщил мне, что ходов наружу не было заметно, хотя стены осматривались по отбитой штукатурке. В стене, прилегающей к д. Купеникова (и последствии д. Чернова), были найдены следы когда-то бывших здесь окон (теперь уже слепых). Ходы были найдены только внутри в виде спиралей, иду-

¹⁾ К. Фукс. „История города Казани“, изд. 5.—Казань, 1914 г., стр. 23—„Примечание Н. Ф. Катанова“.

²⁾ Кунцевич, стр. 291.

ших от чердака до подвалов. Благодаря любезности г. Харитонова, я тщательно при содействии И. И. Аристова осмотрел подземелья этого дома. Меня поразила толщина стен. Например, в литографии — 36 вершков, внутренняя поперечная в машинную — $33\frac{1}{2}$ вершка. В одном из подвальных помещений действительно найдена ниша в 21 вершок ширины — след уже заложенного теперь хода. В 3-ем этаже, в словолите, виден след в виде глубокой ниши такого же хода, 1 аршин ширины и 3 аршина высоты¹⁾). Проф. Н. П. Загоскин сообщает аналогичные сведения о доме, находящемся на углу Воскресенской и Гостинодворской улиц и принадлежавшем сначала Мессетникову, а затем Чарушину. В своем „Спутнике по Казани“ он выделяет особый пункт „Казанские подземные ходы“. Среди местных обывателей твердо держится предание, что гора, на которой расположен кремль и прилегающая к нему часть города, прорезаны подземными ходами, относящимися еще к татарской эпохе Казани. Утверждают, что на подземный ход напали при реставрации Гостинодворской церкви. В районе Воскресенской улицы и прилегающих к ней, последних к кремлю, переулков, указывают на дома (г.г. Мессетникова, Кремлева, Баратынского), из старинных подвальных помещений которых, представляющихся несравненно более старыми, сравнительно с самими домами, идут подземные галлерей по направлению к кремлю. В 1894 году упорство таких толков побудило местное общество Археологии, Истории и Этнографии произвестии осмотр подвальных помещений одного из этих домов, именно дома Мессетникова. Хотя подземных ходов обнаружено и не было, но результаты получились весьма любопытные. Оказалось, что этот дом, построенный на фундаменте несравненно более старинной, нежели сам дом, кладки, имеет *три яруса* подвальных помещений, представляющих собою целый, так сказать, подземный сводчатый дом, со множеством комнат, переходов, спусков, подъемов. Нижний ярус этих помещений, углубленный в недра земли по крайней мере сажен на 5-6 и, само собою разумеется, совершенно темный, и по размеру кирпичей, и по способу кладки, несет следы весьма почтенной старины, которую, быть может, является возможным отнести к татарской эпохе Казани. В наружных стенах этого нижнего яруса заметны какие-то заделанные арки.

¹⁾ М. М. Хомяков „К вопросу о подземных ходах г. Казани“, — Отд. оттиск из XXVI т. „Известий Общества Археологии, Истории и Этнографии“ за 1910 год. Стр. 2—3.

К сожалению, комнаты и переходы этого яруса почти на половину завалены щебнем, препятствующим подробному исследованию этих любопытных катакомб. Остается пожалеть, что осмотр дома г. Мессетникова был произведен слишком поверхностно (даже без снятия плана его подземелей), и что этим осмотром все дело расследования вопроса о казанских подземных ходах и ограничились¹⁾. Проф. М. М. Хомяков произвел в 1909 г. осмотр этого дома, принадлежавшего в то время уже не Мессетникову, а Ф. Н. Чарушину. Об осмотре он сообщает следующее: „Подлинному коридору, начинающемуся со двора, огибающему дом и идущему под тротуаром Воскресенской улицы, мы пришли к полузасыпанному окну. Буквально скатившись по щебню и мусору в какой-то подвал, я, при слабом свете электрического фонаря, увидел, что нахожусь в зале 16 шагов длины и 16 ширины, с каменным полом, по середине которой находился каменный столб, поддерживающий все здание. На высоте 1 сажени находились отверстия для окон на улицу; для окон, одно из которых еще заметно со стороны спуска на Черное озеро, а другие лежат на 2 аршина ниже уровня Воскресенской. В углу была приставлена деревянная лестница. В одной из арок был свежезаделанный ход. Говорят, что владелец после 1895 уже года заделал его“²⁾) Все эти данные, а также молва народных преданий сосредотачиваются в одном определенном районе—на спусках с Воскресенского бугра к Банному и Черному озерам, на соседних между собою домах Боратынского, типографии „Шарк“, Черноярова и Чарушина. В том же самом районе (напротив д. Черноярова) находится место открытый памятника Мухаммеда-Али. К сожалению, происхождение старинных подвалов в этих домах до настоящего времени совершенно не выяснено: археологических исследований здесь не производилось. Между тем, надлежащие изыскания могли бы без труда, по составу и характеру кладки, установить принадлежность этих построек к татарской или русской эпохе. Теоретически нет ничего невозможного в том, что здесь могли сохраниться остатки зданий татарского времени, осевшие в землю, подобно тому как некоторые здания даже XVIII столетия в Казани глубоко оседали своим основанием ниже уровня почвы (напр., Вознесенская и Богоявленская церкви).

1) „Спутник по Казани“, с. 105—106.

2) „К вопросу о подземных ходах г. Казани“, с. 3.

Посады. Казанскую крепостью не ограничивались пределы столицы: за стенами крепости расположены были посады и слободы. Казанские посады упоминаются в источниках неоднократно¹⁾. При сожжении посада в 1469 году „мнози же бесермени и татары не хотище ся дати в руки христианом, а большее желяще по мнозем богатство своем и запирающеся над своим добром в храмех своих и с женами и с детьми и с всем, что у них есть, и тако изгореша“²⁾. Проф. С. М. Шпилевский говорит: „Из этого места летописи видно, что посад или посады Казани были с большим населением; здесь помещались дома богатых казанцев“³⁾. Далее он добавляет: „Известие о казанском остроге или посаде в 1530 г. представляет опять доказательство огромного населения в посаде“⁴⁾. Посады были обнесены „острогом“. В 1500 году при нападении кн. Урака „царь Казанский повеле около города нарядите острог“⁵⁾. В 1530 году казанское правительство „загна же черемису ближнюю всю многую и повеле им делати подле Булака острог, около посаду, и по Арскому полю, от Булака же и до Казани реки, вокруг его рвы копати по за острогу, да в нем сидят черемиса с прибылыми людьми, яко да и граду помонъ будет и посады цели от запаления огненного устоят.. Град бо Казань всего народа своего не можаше в себе вместити с прибылыми людьми за умалением пространства его, и сделану бывшу острогу повелением царевым вскоре, крепку и велику, с каменем и с землею, двема же концы ко граду (т. е. крепости) причтен“⁶⁾.

Один посад занимал нижнюю часть города, между крепостью и Булаком, другой примыкал к крепости со стороны Арского поля. Между городом и оз. Кабаном находилось пустое пространство, не застроенное домами. Кн. Курбский говорит, что „озеро Кончится аки полверсты от места (т. е. города)“⁷⁾; при обложении Казани в 1552 году было определено итти, царю Шигалею и воеводам на Арское поле вверх Булака, у Кабана озера⁸⁾, и „царь Шигалей и воеводы пришедш Булаку и став на Арском поле“⁹⁾; кн. Курб-

¹⁾ П. С. Р. Л. VI, 156; XIX, 254, 52; Царств. Книга, с. 166, 194, 200, 201.

²⁾ Шпилевский, с. 440.

³⁾ Шпилевский, с. 441.

⁴⁾ П. С. Р. Л. VI, 240.

⁵⁾ П. С. Р. Л. XIX, 37.

⁶⁾ Курбский, с. 16.

⁷⁾ Царств. Книга, с. 264.

⁸⁾ Царств. Книга, с. 268.

ский сообщает: „Прииде им ити с нуждою прямо на оную гору, на Арское поле, между места (города) и Кабана“ ¹⁾). О распространении города в сторону Кабана, предпринятом уже русскими, сообщает Писцовая книга ²⁾).

В посаде, расположенном между крепостью и Булаком, источники отмечают каменное здание общественных бань, построенное каким-то Тагиром: „Царственная Книга“ сообщает, что „на другой (восточной) стороне Булака... бanya каменная, Даирова завомая, под городскою стеною“ ³⁾). Подземный ход, взорванный 4 сентября 1552 года, был „близко той бани каменной“, и подкоп под него был начат из этой Тагировой бани ⁴⁾). Во время осады каменное здание общественных бань входило в участок Строжевого полка, стоявшего „на усть Булака“; близкое расстояние от бани до подземного хода также показывает, что бани Тагира стояли около устья Булака, недалеко от современных Тайницких ворот.

В посаде, примыкавшем к крепости со стороны Арского поля, источники указывают мусульманское кладбище. В 1552 году отряд кн. В. А. Старицкого стоял „против Царских ворот на посаде от кладбища“ ⁵⁾) Писцовая книга отмечает „на старом татарском кладбище ворота малые на заразе, по обе стороны врага к Булаку“ ⁶⁾). Таким образом, местоположение кладбища определяется Ханскими воротами и оврагом, идущим к Булаку. Ханские ворота находились, повидимому, в районе Николаевской площади, овраг же, идущий к Булаку, можно считать за Рыбнорядский, и по этим данным положение кладбища определяется в районе так называемого Нечаевского бугра, при начале Рыбнорядской улицы. Этому не противоречат сообщения „Царственной Книги“ о том, что Шах-Али получил назначение занять позицию „за Булаком под кладбищем“, и что он, перейдя через Булак, стал „на Арском поле“ ⁷⁾). Возможно, что другое кладбище находилось в посаде между Булаком и крепостью: в русских источниках один из пунктов определяется, как участок „под татарским кладбищем, в подгорье, вверх по Булаку“.

¹⁾ Курбский, с. 17.

²⁾ Писц. книга, с. 51.

³⁾ Царств. Книга, с. 269.

⁴⁾ Царств. Книга, с. 285.

⁵⁾ Царств. Книга, с. 298.

⁶⁾ Писц. книга, с. 50.

⁷⁾ Царств. Книга с. 263 и 268.

против Кураишева", причём он был занят под новый острог, устроенный русскими¹⁾; эти данные указывают на район Университетской горы.

Через Булак, конечно, перекинуты были мосты, но упоминания о них в источниках мы не встречаем. Кн. Курбский характеризует Булак в следующих выражениях: „Булак речка, зело тиновата и непроходима, под самое место (т. е. город) течёт и впадает под угольную вежу (башню) в Казань реку"²⁾. „Казанский Летописец" также упоминает: „Булак река в Казань реку под градом втекает, грязна вельми и топка, и не зело глубока"³⁾.

П. Заринский сообщает: „Едва-ли Булак не был приспособлен к переходу вброд татарами. Старожилы рассказывают, что при очищении Булака в начале нынешнего (XIX) столетия открыт был в ложе его, под слоем тины, толстый дубовый пол, очень старый"⁴⁾ В 1560 х годах на Булаке было 2 мельницы—при устьи его и несколько выше⁵⁾. Булак впадал в Казанку двумя протоками, из которых один назывался Гнилым Булаком.

Предместья. Далее за посадами расстилались предместья Казани. До нас дошли сведения о трех предместьях татарской эпохи, это—Армянская слобода, Кураишево и Биш-Балта. Армянская слобода образовалась в Казани по образцу такой же колонии в Булгаре, где армянское кладбище находилось при церкви, развалины которой известны под названием „Греческой палаты". Торговые сношения с Персией и Кавказом находились в руках армян. Присутствие армянских купцов в Казани в 1530 году засвидетельствовано автором „Казанского Летописца"⁶⁾, о торговле казанцев с Арменией упоминает и Герберштейн⁷⁾. Проф. Н. Ф. Высоцкий со слов одного казанского армянина записал следующее предание: „Во времена татарского владычества в Казани жило много армянских купцов с семьями, в теперешней Суконной слободе. У них была своя церковь, на месте нынешней Георгиевской. Во время осады Казани Грозным, после того, как целый ряд приступов царского войска

¹⁾ Акты Исторические I, № 162, стр. 299.

²⁾ Курбский, с. 16.

³⁾ П. С. Р. Л. XIX, 119.

⁴⁾ Заринский, с. 179.

⁵⁾ Писц. книга, с. 47 и 48.

⁶⁾ П. С. Р. Л. XIX, с. 130.

⁷⁾ „Записки о Московии", с. 150.

был отбит татарами, в русский стан явились несколько армян и предложили царю, за приличное вознаграждение, указать слабые места крепости, через которые легко можно было ворваться в нее. Царь купил секрет и взял город. Отпраздновав победу и поуспокоившись, Иван вспомнил об армянах и, вероятно, рассчитав, что люди, продавшие своих старых союзников, могут поступить так же и с новыми, приказал истребить их всех до единого. Проведав о таком распоряжении Грозного царя, большинство армян тайком убежжало из Казани в различные поволжские города, главным образом в Астрахань, где будто бы и доселе существуют потомки одного из этих беглецов, под фамилией „Казанских“. Но бежать могли, конечно, далеко не все, и оставшиеся были умерщвлены Грозным царем¹). Армянская слобода была расположена на расстоянии 1 версты к югу от города, на берегу оз Кабана, по направлению Ногайской дороги. Здесь до настоящего времени находится „Армянская“ улица.

В 1880 году проф. Н. Ф. Высоцким было открыто армянское кладбище, расположенное на Третьей Горе—в саду д. Бартоло, над обрывом возвышенности к Сопственской церкви. Это урочище имеет название „Немецкой Куртины“. Проф. Высоцким найдены здесь 6 каменных надгробных плит и произведены раскопки 4-х одиночных и 1 довольно большой общей могилы²). Плиты с армянскими надписями в настоящее время находятся в Казанском Центральном музее. Существование армянского кладбища вполне доказывает присутствие в татарской Казани многолюдной армянской колонии, и предание, записанное Н. Ф. Высоцким, пытается объяснить причину ее исчезновения: армянские купцы, пользовавшиеся полной свободой в эпоху Казанского ханства, не могли перенести тяжести нового режима, установленного завоевателями, и разъехались по иным городам, несмотря на свои симпатии к русским, как к христианам, во время осады Казани. Торговля с Востоком была в значительной мере подорвана падением Казанского ханства, и армянские купцы предпочли покинуть Казань, чтобы не быть разоренными.

¹) Н. К. Высоцкий „Немецкая Куртина“—древнее армянское кладбище в Казани—Известия О-ва Археологии, Истории и Этнографии при Каз. Ун-те, т. VII стр. 4—5.

²) Там же, стр. 3—4.

Слобода Кураиш была расположена за Булаком, в районе современной Сенной площади. „Кураишево“ упоминается в грамоте русского правительства архиепископу Гурию от 13 августа 1555 г.¹⁾. Писцовая книга отмечает „ворота [остроjные Кураишевские к Утучевой мизгити“²⁾). Это сообщение указывает, что в Кураишеве находилась мечеть, построенная князем Отучем, отцом знаменитого Чапкана. Мечеть Отуча упоминается в „Царственной Книге“; в 1552 году при размещении русских войск было определено „стать самому государю и князю Володимеру Андреевичу на Цареве лугу близ Отучевы мизгити“³⁾). Отучева мечеть, как видно из упоминания ее в Писцовой книге, не была уничтожена и существовала в 1566 году.

Подгородное селение Биш-Балта было расположено в юго-западной части современной Адмиралтейской слободы, где улица, населенная татарами, до сих пор носит название Бежболда. Это селение впервые упоминается в „Царственной Книге“ при описании событий 9 марта 1552 года: „И как на Бежболду воеводы приехали и поехали наперед в город от воевод Ислам князь, да Кебек князь да Аликей мурса Чурии брат Нарыкова“⁴⁾). Далее Биш-Балта упоминается в „Казанском Летописце“ при описании размещения русских войск перед штурмом Казани⁵⁾ и в „Царственной Книге“ при описании преследования бежавших казанцев⁶⁾.

Пространство между Казанью и Волгой было занято как и теперь обширными заливными лугами. Князь Курбский, описывая переправу через Волгу, говорит: „Изыдохом сопротив града Казанского на великие и пространные и гладкие зело луга“⁷⁾). Автор „Казанского Летописца“ сообщает: „От Булака и до Волги, предивный велик луг Царев красный на седьмь верст продолжается, травою многою зелянися и цветы вельми различными красяся“⁸⁾). Название луга „Царев“, т. е. Ханский, подтверждается „Царственной Книгой“. П. Заринский сообщает, что „в этой местности и ныне находится Царево озеро, влево (т. е. к югу) от Стекольного завода. По-

1) Акты Исторические, I, № 162, стр. 299.

2) Писц. книга, с. 50.

3) Царств. Книга, с. 263.

4) Царств. Книга, с. 193.

5) П.С.Р.Л. XIX, 434.

6) Царств. Книга, с. 307.

7) Курбский, с. 16.

8) П.С.Р.Л. XIX, 119.

лучило-ли это озеро свое имя от Казанских царей, которые выезжали сюда на летний сабан, или от Царского лагеря—решить трудно¹⁾.

Проф. Н. Н. Загоскин всецело принимает первое предположение и говорит: „Весьма возможно, что название этого луга Царевым произошло от того, что казанские цари выезжали сюда для участия в празднествах „сабана“ (происходящего и теперь неподалеку отсюда), для воинских упражнений и для других целей, требовавших просторного и ровного места“²⁾.

Межу городом и Биш-Балтою, по Ханскому (Цареву) лугу протекал рукав р. Казанки, впадавший в Волгу у Бақалды. Этот рукав называется „Ичка-Казань“, что значит Внутренняя Казанка, речка, протекающая внутри городских поселений. Через Казанку был мост на Галицкой дороге, о котором упоминает князь Курбский³⁾. Казанское устье носило название „Тирен-Узик“. Это название упоминается в источниках неоднократно⁴⁾ и значит по-русски „Глубокий проток“⁵⁾. На Волге против устья Казанки был остров, называвшийся по-русски „Гостинный“ или, как поясняет Герберштейн—„остров купцов“. Здесь ежегодно происходила знаменитая международная ярмарка. За Волгою возвышались Услонские горы, в то время, вероятно, еще покрыты лесом. Главная вершина—Услон находится как раз против устья Казанки и возвышается величавой громадой в 70 сажен над волжской долиной. С горы Услона открывается широкий вид на Казань и окрестности. В эпоху Казанского ханства столица была окружена большими лесами. Ближе всего лес подходил к городу со стороны Арского поля. Пересеченная оврагами местность до настоящего времени сохранила здесь обширные участки, не застроенные домами и занятые лиственной порослью, возникшей на месте вырубленного хвойного леса. Эти участки начинаются непосредственно за Рыбнорядским оврагом (сады Иванского и Панаева) и продолжаются далее в сторону как Кабана (роща Осокина), так и Казанки (Институтская роща и роща Неелова—дача Новикова). Более значительными остатками этих порослей являются загородные рощи „Русская и Немецкая Швейцария“. За рекой Казанкой расстился, по выражению Курбского,

¹⁾ Заринский, с. 212, прим. 1.

²⁾ Загоскин, с. 108.

³⁾ Ист. кн. вел. Моск., с. 18.

⁴⁾ П.С.Р.Л. VI, 306; XIX, 413; Царств. Книга, с. 262.

⁵⁾ Вел. Зери, I, с. 386.

„велик лес“¹⁾)—сосновый бор, остатком которого является роща Кизического монастыря. Казенный лес, начинающийся от слободы завода № 40, и в настоящее время простирается на несколько десятков верст.

Ближайшие к столице селения находились к югу от города. Это—деревня Кул-Маметева на берегу оз. Кабана (ныне Дальне-Архангельская слобода) и деревня Ахмеда, расположенная в верстах в трех от татарской Казани, на возвышенностях за Арским полем; в настоящее время она существует под названием деревни Аметевой. Обе эти деревни упоминаются в Писцовой книге 1566—68 г.

Общий вид Казани. Князь Курбский, описывая Казань, говорит: „Того места две части, аки на равнине, на горе стоят; а третья часть зело удольна, аки в пропасти“²⁾. Речь идет о Черноозерской впадине и ложбине Поганых озер, отделяющих Воскресенский и Кремлевский бугры от Театрального бугра и Старого Городища. Черноозерская впадина и ложбина Поганых озер имели несимметричные склоны: восточный был отложе, чем западный, и соответственно этому, спуски к Черному озеру с Воскресенского бугра— круче, чем скаты к нему от Старого Городища. Воскресенский бугор вообще выше бугров Театрального и Старого Городища: Воскресенская улица расположена на более высоком уровне, чем Покровская, бугор Старого Городища является самой низкой из всех возвышенностей, на которых раскинулся город. Восточный склон у всех бугров круче, чем западный: Театральный бугор и Старое Городище резко обрываются к р. Казанке и отлого спускаются к Черноозерской впадине и ложбине Поганых озер, а Кремлевский и Воскресенский бугры имеют крутые склоны к озерам и более отлогие—в сторону Волги.

Из неровностей почвы, ныне уже не существующих, отметим следующие. Кремлевский бугор в настоящее время представляет довольно ровную поверхность; гребень его проходил ближе к восточному, обрывистому склону в сторону Поганых озер, по направлению же к Булаку поверхность понижалась сперва постепенно и лишь затем делала крутой обрыв, по краю которого проходила крепостная стена. В настоящее время склон от Кремлевской улицы к западной стене засыпан позднейшими наслоениями, так что уровень почвы внутри кремля здесь сравнялся с гребнем стены (в ог-

¹⁾ Ист. кн. вел. Моск., с. 31.

²⁾ Курбский, стр. 27.

rade Спасского монастыря и во дворе Военного училища). П. Заринский отмечает: „Преображенские ворота (прежние Тюменские) совершенно в настоящее время завалены землею, так что арка их возвышается над почвою лишь на аршин¹⁾). Ранее этого не было, и от церкви Киприана и Юстины был свободный проезд в Преображенские ворота. В восточной части Кремлевского бугра имелся овраг. П. Заринский сообщает об этом следующее: „В правый (восточный) боковой спуск Кремлевской горы врезывались с северо-востока отроги Тезицкого оврага, постоянно размываемые весеннею и дождевою водою; один из таких водоспусков шел по направлению к Дмитриевским воротам. Он и доселе сохранился и оканчивается особой сквозной аркой под башней, находящейся на дворе Казанских Присутственных мест. Чрез этот овраг был устроен мостик, приходившийся против Дмитриевских ворот²⁾). Этот мост упоминается в Писцовой книге 1566 года³⁾. Гребень Воскресенского бугра находился также несколько ближе к Черноозерской впадине, чем к западному склону бугра. П. Заринский говорит: „В этом убедились мы при недавней раскопке улицы для прокладывания водопроводных и газовых труб: толстый слой грязи и различных уличных наносов и остатков шел по направлению от каменного мостики (чрез Тезицкий овраг) вправо к Гостинному ряду, вся же левая (восточная) часть Воскресенской улицы, где стоят дома Городского Общества и г. Апакова, представляла твердый глинистый слой⁴⁾). Поверхность бугра понижалась от гребня по направлению к Булаку сперва постепенно (следы этого ската видны на университете дворе, между главными воротами и обсерваторией), а затем делала крутой обрыв вниз, по краю которого шла, как бы несколько в полугоре, крепостная стена. Из других спланированных пунктов отметим пространство между озерами Черным и Банным, где в настоящее время устроена высокая насыпь (между цирком и Черным озером); ранее ее не существовало, и местность имела низменный, болотистый вид, с крутым под'емом на Воскресенский бугор. За пределами древней крепости отметим берега Кабана и Булака; западный берег Кабана значительно выше восточного; Булак также имеет левый берег в начале возвышенный (в районе Сенной улицы) и крутые скаты (от Московской улицы), а ближе к устью Булака левый берег становится низменным и болотистым (район

¹⁾ „Очерки др. Каваш“, с. 138—139.

²⁾ Заринский, с. 130.

³⁾ Писц. книга, с. 34.

⁴⁾ Заринский, с. 158—159.

Мокрой улицы), тогда как справа к нему подходит подножие Кремлевского бугра.

П. Заринский, описывая Казань XVI столетия, говорит: „Тогда Казань представляла все недостатки старинного города, а именно: неправильность улиц, пересеченность главных улиц множеством переулков неправильной формы, в которых дома часто стояли не по прямой линии, а один к другому боком, отчего в самых переулках и на главных улицах по линии домов приходились глубокие впадины в сторону, имевшие форму неправильных треугольников или глухих переулков, называвшихся тупиками... Особенно неправильны были площади. Самые улицы были узки, поверхность их была неровна и холмиста, пересекалась промоинами, через которые перекидывались кривые мостики; линия домов то понижалась, то повышалась сообразно неправильной поверхности улицы¹⁾). Казань татарской эпохи была очень живописною, так как склоны оврагов, местами обрывистые и крутые, местами отлогие и покрытые зеленою травою, оживляли вид города. Среди города блестели озера—в Казани было обилие воды. Черноозерская впадина и овраги отделяли одни части города от других свободными незастроенными пространствами, и поэтому городские постройки были расположены отдельными группами на холмах, составлявших как бы несколько самостоятельных городков.

Характерный силует современной Казани с каменной кремлевской стеной, с башнями и колокольнями, в эпоху Казанского ханства не существовал—весь он имеет более новое происхождение. Вся верхняя часть города, от устья Булака до Рыбнорядского оврага, была опоясана деревянной стеной с башнями и воротами; около стены шел ров с перекинутыми через него мостами. На Кремлевском бугре виднелись каменные палаты дворцов и мечетей, в остальных же частях город состоял из обширной массы деревянных построек, разбросанных по пересеченной местности и прерываемых желтыми глинистыми склонами оврагов, зеленеющими травою низинами и зеркальною гладью озер. Строения располагались крайне запутанною системою кривых, извилистых, коленчатых переулков, число которых значительно превосходило количество улиц современной Казани. Сложную сеть переулков, разумеется, невозможно и пытаться отождествить с современным расположением улиц, но характер местности заставляет предполагать, что главные линии располагались вдоль Кремлевского и Воскресенского бугров, а также по направлению к Арским воротам. Среди одно-

¹⁾ Заринский, с. 156.

образной массы деревянных домов возвышались мечети с высокими шатровыми минаретами, оживлявшими вид столицы своими красными силуэтами. Общее представление о Казани татарской эпохи может дать какое-нибудь современное большое татарское селение Казанского края, вроде Параньги, Б. Атни и т. п. Казань должна была насчитывать, судя по занимаемому пространству, несколько десятков тысяч жителей, во время же ярмарки число их, вероятно, удваивалось. В XVI веке Казань принадлежала к числу многолюднейших и самых больших городов Восточной Европы: ее превосходили лишь Новгород и Москва да может быть Вильно и Кафа, в Поволжье же не было города, равного ей. Кн. Курбский говорит, что Казань была почти равна Вильне: „А место оно не мало: мало что от Виленского мнейше“¹⁾). Благодаря выгодному географическому расположению на великом водном пути с Запада на Восток, Казань выросла замечательно быстро, догоняя Москву, которая была на $2\frac{1}{2}$ века старше нее, и Новгород, который на целых 500 лет древнее Казани.

Климат Казани непривлекателен: погода подвержена резким и неожиданным переменам, зимою свирепствуют морозы и снежные бури, летом большие жары внезапно сменяются проливными дождями, и во всякое время года дуют постоянно ветры. Но бывает один месяц в году, когда Казань делается прекрасной. Это—время разлива весною, когда город с трех сторон окружает вода. Тогда всё кругом—небо, вода, заволжские горы и леса, уходящие вдаль, становятся голубыми. Город кажется тогда каким-то сказочным островом, как бы выплывшим из воды. Огромное водное пространство разлива уходит в беспределную даль, к Каспийскому морю. В эту пору года со столицей Казанского ханства не могла соперничать по красоте ни одна из столиц Восточной Европы—ни Москва, ни Бахчисарай, ни Вильно, ни Астрахань, ни Сарайчик.

Зодчество казанских татар. 13 шаввала 959 года гиджры иностранные вступили победителями в столицу Казанского ханства. Защитники Казани погибли в бою, хан Ядыгар попал в плен, и лишь незначительной горсточке храбрецов удалось прорвать кольцо неприятельских войск и уйти за Казанку, в леса. Завоеватели расправились с побежденными с такою жестокостью, которая может сравняться с беспощадностью древних ассирийцев. С грустью приходится отмечать, что правительство митрополита Макария при-

¹⁾ Курбский, с. 27.

менило к казанцам три жестокие меры: 1) произвело поголовное избиение всех мужчин во взятой Казани, 2) выселило всех жителей Казани за пределы города, за Булак, 3) распорядилось разрушить в Казани мечети. Город подвергся полному разграблению, жители избииению, и новые хозяева с ужасающим вандализмом произвели настолько тщательное истребление исторических памятников, что в настоящее время можно найти лишь ничтожные следы и признаки их. Особенно неожиданной мерой явилось поголовное выселение всех казанцев из пределов города: эта мера должна была показаться настолько же странной, как если бы современные жители Казани получили приказ выселиться куда-нибудь на луга, за Дальний Кабан. Татарская Казань была уничтожена, постепенно стерта с лица земли, и в настоящее время даже с трудом можно представить, что на тех самых холмах, где теперь проходят широкие улицы русского города, красуются церкви и монастыри, когда-то кипела жизнь огромного татарского города, возвышались мечети и толпились скученные постройки татарских домов. Современная татарская часть Казани не имеет ничего общего со средневековой столицей Казанского ханства—это совершенно особое поселение, возникшее на новых, пустопорожних местах. В настоящее время татарская часть Казани имеет вид европейского города, с широкими улицами, электрическим освещением, трамваем, и т. д., и только базар переносит нас на Восток, имеет татарский национальный оттенок.

Трудно составить отчетливое представление о внешнем облике столицы Казанского ханства, так как в городе не сохранилось ни одного архитектурного памятника этой эпохи, который был бы вполне достоверным. Приходится пользоваться лишь скучными намеками и ограничиться воссоздание вида древней Казани путем осторожных догадок и аналогий на основании современного зодчества казанских татар. Единственными достоверными остатками следов архитектурных построек татарской Казани, дошедшими до настоящего времени, являются те два фрагмента лепных украшений, которые были найдены на Кремлевском бугре в 1861 году и хранятся в Географическом кабинете Казанского университета. Эти фрагменты представляют собою обломки гипсовой облицовки какого-то здания, покрытые рельефными арабесками сложного геометрического орнамента. Замечательно близкую аналогию к этим обломкам представляют следы лепных украшений на внутренних стенах здания Черной Палаты в Булгаре и высеченные из камня ара-

бески восточного и западного порталов „Четыреугольника“, воспроизведенные по рисункам В. И. Корсунцева в „Казанском Музейном Вестнике“¹⁾). Это сходство дает возможность предполагать, что зодчество казанцев находилось в тесной связи с архитектурой болгар, которая представляла собою в значительной степени отпрыск персидского искусства. Дальнейшие способы прямые нас убеждают в том, что казанское зодчество являлось непосредственным продолжением болгарской архитектуры, и что искусство казанских татар унаследовано ими от их предков, болгар.

Отсутствие подлинных памятников древнего зодчества в современной Казани несколько восполняется архитектурными памятниками других пунктов, населенных татарами. Среди них первое место принадлежит г. Касимову—бывшей столице Касимовского ханства. Это ханство было основано казанскими татарами в пределах России, на р. Оке, и считалось русским уделом, во главе которого стоял казанский царевич Касим. В эпоху существования Казанского ханства Касимов, как казанская колония, сохранял теснейшую культурную связь с Казанью и находился в полной зависимости от казанской культуры. В 1513 году связь эта усилилась, так как касимовский хан Шах-Али получил казанский престол и в течение 50 лет чередовался то на одном, то на другом из обоих престолов. При таких обстоятельствах мы вправе предполагать тесную близость касимовского зодчества к казанской архитектуре и обратиться к Касимову в поисках следов татарского искусства эпохи самостоятельности.

В настоящее время в Касимове имеются два памятника татарского зодчества эпохи Казанского ханства: минарет Ханской мечети и усыпальница (текие) хана Шах-Али. К этой же эпохе принадлежали здание Ханской мечети и ханский дворец, теперь уже разрушенные и не существующие. Все эти памятники по происхождению связаны с ханами, правившими в Казани. Построение Ханской мечети, ее минарета и дворца предания приписывают царевичу Касиму, сыну казанского хана Улу Мухаммеда, причем сооружение мечети и минарета относят к 1467 году, но эта дата не имеет решающего значения²⁾. Другое свидетельство, более достоверное по своей старине, относит сооружение мечети и минарета к царствованию Шах-Али, который в зрелые годы правил Касимовом с 1536 по 1567 год. Это свидетельство принадлежит приближенному

1) Каа. Муз. Вестник, 1920 г., № 5-6, стр. 65 и 80.

2) Вел.-Зерн. 1, 68—69.

касимовского хана Ураз-Мухаммеда и находится в „Сборнике Летописей“, составленном им около 1600 года¹⁾. Усыпальница Шах-Али документально датирована 1555 годом²⁾.

Минарет Ханской мечети в Касимове представляет собою массивную каменную цилиндрическую башню с площадкою наверху, на которой возвышается малый цилиндр, покрытый сферо-коническим куполом. На всем пространстве Восточной Европе можно указать лишь два памятника, которые имеют сходство с минаретом Ханской мечети в Касимове, и притом сходство настолько близкое, что оно не оставляет никакого сомнения в принадлежности их авторов к одной строительной школе. Это—Большой и Малый Столпы в Булгаре. Большой Столп, служивший минаретом для мечети „Четыреугольника“, до настоящего времени не сохранился: он рухнул в 1841 году и известен лишь по рисункам Палласа, Эрдмана и Шмита. Малый же Столп существует доселе. Оба здания имеют одинаковое устройство и представляют собою массивные каменные башни цилиндрической формы с площадкою наверху и с верхним ярусом в виде маленького цилиндра. Минарет Ханской мечети в Касимове имеет огромное сходство с этими зданиями как по конструкции и архитектурным формам, так по технике и строительному материалу. Особенno поразительна близость касимовского минарета к Малому Столпу,—оба выдержаны в одних и тех же пропорциях. Отличие касимовского памятника от булгарских заключается только в том, что булгарские башни имеют квадратное основание, переходящее в цилиндр посредством восьмерика, тогда как в Касимове цилиндр начинается от самого основания. Сходство касимовского и булгарского зодчества может иметь лишь одно объяснение: оно было вызвано перенесением булгарских форм через посредство казанской архитектуры, составлявшей соединительное звено между этими памятниками. Каким-либо иным путем такое сходство возникнуть не могло, так как нигде больше в Восточной Европе нет похожих памятников архитектуры, и мы имеем здесь подтверждение того, что казанское зодчество было тесно связано с болгарским искусством предыдущей эпохи.

Такое же сходство с болгарскими зданиями имеют развалины ханского дворца в Касимове и усыпальница Шах-Али. Эти здания

1) „Библиотека восточных историков“, изд. И. Н. Беревиным, т. II—„Сборник летописей“, стр. 197.

2) Вельяминов—Зернов, I, стр. 60. Изображение минарета, там же, таб. I, рис. 1.

также построены из камня. Фундамент дворца был уничтожен в 1830-х годах, но план одной из палат сохранился в архиве Гагина¹⁾. Это была каменная постройка $11\frac{1}{2}$ сажен длины и $5\frac{1}{2}$, сажен ширины, разделенная на две неравные половины. Под зданием находился подвал, куда вела снаружи каменная лестница. В XVIII веке близ дворца существовали ворота, украшенные рельефными арабесками. Усыпальница Шах-Али, находящаяся около Ханской мечети в Касимове, также имеет громадное сходство с болгарскими зданиями²⁾. Она сложена из камней, но своды, представляющие позднейшее добавление, выведены из кирпича. Здание имеет около 7 саж. в длину, 4 саж. в ширину и ок. $2\frac{1}{2}$, саж. высоты. В усыпальнице две комнаты: меньшая, служившая для поминовения, и большая — место могил. Здание имеет 4 окна и 2 входных двери. Над одной из дверей имеется каменная плита с высеченной рельефной надписью: „Строитель и собственник этого здания — Шах-Али-хан, сын Шейх-Аулиар-султана, 21 числа месяца рамазана 962 года“, т. е. 9 августа 1555 г., кругом же высечены слова 256 стиха II суры корана³⁾. Внутри усыпальницы было 9 могил, в том числе самого Шах-Али, его жены Буляк-Шад и воспитанниц Хан-Султан и Маг Султан. Внизу под усыпальницей существует сводчатый подвал.

Все эти здания татарской архитектуры XVI века, как сохранившиеся в Касимове до настоящего времени, так и уничтоженные, представляют несомненное сходство с болгарским зодчеством и служат доказательством того, что и в Казанском ханстве здания строились по этим же образцам. Таким образом, на основании фрагментов лепных украшений, найденных на Кремлевском бугре, и по аналогии с памятниками Касимова, можно предполагать, что 1) в эпоху Казанского ханства лучшие здания строились из камня; Писцовая книга также говорит о каменных палатах на Кремлевском бугре; 2) в Казани могли существовать минареты в виде массивных цилиндрических башен с горизонтальной площадкою на верху и с цилиндрической вышкой; 3) дворцовые здания и ханские усыпальницы имели сходство с болгарскими и касимовскими; 4) лучшие здания были украшены лепными орнаментами из арабесок.

Труднее представить себе облик главной мечети в Казани, с ее 8 минаретами, о которых сообщает предание. В классической

¹⁾ План и чертеж воспроизведены Вел. Зерн. I, таб. I, рис. 5 и 6.

²⁾ Вел. Зерн., таб. II, рис. 1—6.

³⁾ Вел. Зерн. I, стр. 494—495.

архитектуре мусульманского Востока чаще встречаются мечети с 4 минаретами, размещенными по углам; мечеть султана Ахмеда в Константинополе имеет 6 минаретов, по 3 с каждой боковой стороны. Наиболее простой и убедительной схемой для 8 минаретов является размещение их по квадратному плану, по 3 башни с каждой стороны. В пользу такого предположения имеются данные, подтверждающие существование в Казани подобной конструкции. Происхождение такого мотива в мусульманской Казани составляет интересный вопрос для историков восточного зодчества, и его решение должно пролить яркий свет на культурные связи Казани с другими мусульманскими странами, а также выяснить дату мечети. Как увидим ниже, эта проблема не лишена интереса и для русского зодчества.

Что касается деревянного зодчества, то национальные черты его претерпели мало изменений в течение последних веков, и вплоть до настоящего времени мы можем в татарской архитектуре уловить характерные черты национального творчества. Современное зодчество казанских татар является вполне самобытным и оригинальным. К сожалению, до сих пор еще никто из историков искусства не уделял внимания этому зодчеству¹⁾.

Наиболее оригинальной архитектурной формой, выработанной казанскими татарами, является минарет мусульманской мечети. Мечеть обычно сооружается в виде прямоугольного деревянного дома с двускатной кровлей, прорезанной посередине минаретом. Минарет представляет собою 8-гранный невысокий ба-шеник с открытой беседкой или с застекленной светелкой наверху, увенчанной высокими 8-гранным шатром, который заканчивается шпицем и полумесицем. Пропорции силуэта обычно выдерживаются в определенном каноне, достигающем впечатления наибольшей легкости, стройности и изящества. С минаретами классической мусульманской архитектуры, а также с зодчеством крымских татар, башенки казанских мечетей не имеют ничего общего, отличаясь от них местоположением (посреди кровли), архитектурными формами, покрытием и пропорциями. Характерный силуэт минарета имеется в каждом татарском селении, так как в каждой деревне есть неизменно мечеть, иногда даже 2 или 3. Устойчивые отношения

¹⁾ См. нашу заметку „Деревянное зодчество казанских татар“ — Казанский Музейный Вестник, 1923 г., № 1—2.

толщины минарета к его высоте, а также пропорции шатрового верха обычно являются строго выдержаными, но пределы, в которых они варьируются, до сих пор никем не изучены и не установлены. Мы можем только заметить, что нередко встречается отношение высоты шатрового верха к диаметру его основания 3,5:1 или 4:1.

Гражданские постройки казанских татар отличаются меньшою самобытностью. Особенность частных домов составляет то, что они не выводятся фасадом на улицу, а ставятся во дворе, отделяясь от улицы забором. Наверху забора устраивается решетка, сквозь которую обитателям дома издали бывает видна часть улицы, тогда как сами они скрыты от нескромных взглядов прохожих. Обычный тип деревенских домов—бревенчатая изба с двускатною крышею и фронтонами. Богатые жилища казанских татар состоят из нескольких домиков в два этажа, из которых нижний служит не жилым помещением, а кладовыми; домики соединены друг с другом крытыми стеклянными галереями и террасами с фигурной застекленной решеткой, причем обычно применяются цветные стекла—синие, зеленые, красные, желтые и фиолетовые. На верху богатых домов непременно устраивается светелка—чардак, напоминающая древнерусские терема.

Но ни в одной области искусства национальный характер татар, кажется, не отразился с такой полнотой, как в декоративном убранстве. По принципам декорации татары составляют резкую противоположность русским: в то время, как русские применяют для украшения деревянных построек и бытовых предметов обычно только резьбу, допуская красочные украшения лишь в наличниках окон и ставнях,—татары, напротив, употребляют для декорации исключительно только раскраску, совершенно избегая резьбы. Цвет—основная стихия татарского искусства, и в этом применении декоративной раскраски к архитектуре сильнее всего сказывается родство татар с Востоком, создавшим величайшее торжество декоративной раскраски в изразцовом и мозаичном убранстве знаменных самарканских и других восточных мечетей.

Декоративная раскраска сосредотачивается на самых видных частях построек—на минаретах мечетей, на фронтонах домов, на заборах и на воротах. Главная отличительная черта татарской раскраски—полихромия. Татары никогда не окрашивают предмет в один цвет, всегда разнообразят его сочетаниями нескольких красок. Чистые, несмешанные цвета возбуждают удивление смелостью со-

четаний, которые известны у русских под названием „татарского вкуса“ (желтое с зеленым, зеленое с красным, желтое с голубым). Обычная гамма цветов проста и несложна; она почти всегда одинакова: это—зеленый, голубой, белый и желтый цвета. Иных цветов, в том числе и красного, казанские татары не любят и применяют их редко (в женском костюме красный цвет получил распространение лишь под влиянием русских ситцевых тканей, старинные же костюмы делались только из желтых, зеленых и синих материй).

Полихромная раскраска в архитектуре применяется в соответствии с тесовой обшивкой наружных стен здания. Обшивка составляет снаружи вид горизонтальных широких и узких полос, чередующихся между собою на подобие рустов, при чем узкие полосы углублены внутрь поверхности в качестве нижнего слоя обшивки, а широкие полосы выдаются вперед, как ее верхний слой. Минареты мечетей обычно расписываются по обшивке—узкие полосы окрашиваются в белый цвет, а широкие—в желтый или голубой. Непосредственно под площадкой или теремком, откуда поет азанчи, помещается кайма из 4 цветов, расположенных обычно в таком порядке: зеленый, голубой, белый и желтый. Столбики и карниз галлерейки—белого цвета, шатер всегда бывает зеленым.

Фронтоны домов окрашиваются в зеленый или желтый цвет, с белой каймой по краям. Иногда фронтон прорезается полукруглым окном, который получает обрамление особой раскраски. Способов раскраски стен дома мы насчитываем два—в одном случае все стены раскрашиваются в два цвета, которые чередуются между собою в виде широких и узких горизонтальных полос, соответственно тесовой обшивке, причем широкие полосы обычно бывают желтыми, иногда голубыми или зелеными, а узкие полосы бывают чаще всего белого (при зеленом—красного) цвета; другой способ окраски состоит в том, что стены дома окрашиваются в один—желтый, голубой, зеленый цвет, а пилистры на углах окрашиваются в белый, или же им придается полосатая окраска в виде рустов, края которых образуют волнистую линию. У небогатых домов раскрашивается только фронтон, стены же остаются бревенчатыми. На раскраску ворот обращают особенное внимание. Каждая половина ворот украшается посередине огромной розеткой, по углам каждой створки ворот находятся отрезки таких же розеток, фон ворот получает окраску яркого цвета—зеленую, желтую или голубую, а по краям остается кайма, которая вместе с розетками получает окраску белого цвета.

Нигде различие в декоративном убранстве между русскими и татарами не проявляется так резко, как в воротах, которые у русских украшаются деревянной резьбой без всякой раскраски.

Восточные влияния в русском искусстве не раз отмечались исследователями, но вопрос о татарских мотивах в русском зодчестве до настоящего времени еще совсем не изучен, так как самое искусство татар совершенно еще не исследовано. Восточные мотивы, несомненно, вливались в русское искусство еще задолго до того, как монгольская династия подчинила русских татарской государственности и усилила обмен культурных влияний между соседними народами. Для нас представляется невозможным определить, какие мотивы перешли с Востока в Россию ранее подчинения русских татарам, через половцев и болгар, и какие были заимствованы русскими в эпоху татарского ига и позднее. Струя болгаро-татарских влияний, шедшая в Россию из Казанского края, по всей вероятности, осталась главным проводником восточных мотивов и в эпоху Казанского ханства, с которым русские были связаны экономическими и бытовыми интересами гораздо теснее, чем с какой-либо другой отраслью татарского племени. Поэтому мы считаем уместным коснуться вопроса о татарском влиянии на русское зодчество в настоящей работе.

Восточный характер строительного искусства отразился прежде всего на общих принципах русского зодчества, анализ которых дан И. Е. Забелиным в характеристике жилого дома московской эпохи: „Слово хоромы, обозначая вообще более или менее обширное жилое строение, дом в теперешнем смысле, может указывать, что этот древний дом состоял из таких частей, которые, хотя и составляли одно целое, но вместе с тем были частями сами по себе независимыми, иначе древний дом не называли бы множественным именем—хоромами... Само собой разумеется, что состоя из отдельных и разнородных клетей, по большей части неравных даже и по своему об'ему, древнее хоромное здание, конечно, не могло иметь правильного плана... То же самое должно сказать и относительно фасада. По разнородности и отдельности клетей, хотя бы и стоявших в одну линию, правильный фасад в теперешнем смысле был совсем невозможен, да об нем вовсе и не заботилась наша строительная древность. Даже и московский каменный дворец, построенный в начале XVI века итальянскими архитекторами, и тот, по старым обычаям, заключал в себе те же отдельные разнородные храмы—палаты Грановитую, Золотую, Ответную и т. д. и ни с ка-

кой стороны не выравнивал своего лица в правильно соразмерное или симметрическое целое.... По обычаям старой жизни, богатые хоромы строились, по большей части, посреди двора¹⁾). В этой характеристике имеются налицо все отличительные черты восточной, в частности татарской, архитектуры—1) сложный состав зданий, составленных из целой системы отдельных клетей или палат, 2) отсутствие единого плана в системе построек, 3) отсутствие фасада и 4) сооружение дома внутри двора.

Можно отметить две эпохи, когда восточные мотивы особенно интенсивно вливались в московское зодчество. Это — первая половина и середина XVI века (правление Василия III и начало царствования Ивана IV) и вторая половина XVII века (царствование Алексея Михайловича). Из этих периодов лишь первый совпадает с эпохой существования Казанского ханства и может войти в наше изложение. Это время характеризуется вообще сильным притоком культурных влияний с Востока и увлечением русских восточными модами: „Не успеет Стоглавый собор высказаться против надевания „тафей (шапочек) безбожного Махмета“, как уже автору „Беседы Валаамских чудотворцев“ приходится стыдить русских людей за ношение шлыков и портов (т. е. полного костюма) турецких, а выписанный в Москву византийский патриот Максим Грек с сокрушением пишет на родину своим друзьям, что скоро москвики, пожалуй, наденут и чалмы. Эти увлечения восточным одеянием связаны с резкими переменами в быту. Запрещая новый головной убор, Стоглав упоминает, что в Москве появился чуждый христианству обычай входить в церковь в шапках²⁾). Именно в эту эпоху в России возникло обыкновение вместо прежних звонниц при храмах сооружать колокольни в виде 8-гранных башен с беседкой-площадкою наверху, увенчанных высоким шатром. Историк русской церкви проф. Голубинский говорит, что в эту эпоху „деревянные колокольни и бильницы былистроены в форме башен двойского вида: осмигранных глухих, с высоким шатром на столбах, над площадкой, на которой висели колокола и била, и четырехугольных, в несколько этажей, с большими пролетами и с тем или другим низким верхом. Форма первых башен, как можно и должно думать, взята была с наших домовых теремов, причем произведено было только некоторое изменение соответственно назначению (от-

¹⁾ Забелин „Черты самобытности в др.-рус. зодчестве“, изд. Кнебель 1900 г., стр. 35, 47, 48 и 49.

²⁾ Виннер „Иван Грозный“, с. 14 Тафья=тюбитеяка.

крытая площадка для колоколов и бил”¹). В описанной форме не-трудно узнать знакомый нам тип минарета татарских мечетей. Его не требовалось даже приспособлять соответственно назначению, как думал проф. Голубинский, так как открытая площадка для азанчи под шатровым покрытием у минаретов существовала, и оставалось только использовать ее для колоколов. Достаточно взглянуть на минареты деревенских мечетей Казанского края и сравнить их с изображениями северно-русских шатровых колоколен, чтобы убедиться в единстве их происхождения. От минаретов русские колокольни отличаются более грубыми пропорциями срубов и шатров, и это доказывает, что образцом служили мечети, изящества которых не сумели достигнуть иностранные подражатели. Указание проф. Голубинского на сходство шатровых колоколен с домовыми теремами справедливо лишь постольку, поскольку терема являются также заимствованными у татар. Застекленные вышки, светелки и висячие переходы татарских домов действительно более всего напоминают стариные терема, да и самий обычай изолировать женщин в теремном заключении считается заимствованным русскими у татар, так что причина, обусловившая возникновение этой формы в русском зодчестве, указывает нам на Восток.

В 1529—1562 г. были сооружены каменные шатровые храмы: церковь с. Дьякова (1529 г.), Вознесенская церковь с. Коломенского (1532 г.), церковь св. Григория в Хутынском монастыре в Новгороде (1536 г.), храм Василия Блаженного в Москве (1555—1562 г.), церковь св. Сергия в Богоявленском монастыре в московском кремле (1557 г.) и деревянный собор в г. Старице (1558—1561 г.). Близость Вознесенской церкви с. Коломенского к некоторым памятникам персидской архитектуры указана в последнее время проф. Б. П. Денике. Летопись отмечает, что эта церковь „вельми чудна высотою и красотою и светлостию, такова не была прежде сего на Руси”²). Относительно шатровой церкви Хутынского монастыря, построенной тверским зодчим Ермилою, летопись сообщает: „Таковой нет делом в Новгородской области,—вельми чудно и лепо видеть”³). Очевидно, что появление мусульманских форм в русском зодчестве было встречено с восторженным удивлением и возбуждало необычайное восхищение. Проводником восточных влияний

¹) „История русской церкви”, т. II, 2, стр. 310.

²) П.С.Р.Л., VIII, 279.

³) П.С.Р.Л., VI, 296.

был сам великий князь Василий III, вообще охотно увлекавшийся модами, построивший шатровые церкви в двух подмосковных соседних друг с другом селениях (Коломенском и Дьякове) и любивший проводить здесь время в своем имении. Венцом татарского влияния в русской архитектуре может считаться храм Василия Блаженного в Москве, сооруженный в память покорения Казани. О построении этого храма летопись сообщает: „Поставлен был храм каменный преудивлен, различными образы и многими переводами“. И. Е. Забелин пояснил, что „слово перевод в древнем нашем художестве означало снимок, копию с какого-либо образца (оригинала)... это дает основание заключить, что при постройке храма художники руководились известными образцами“¹⁾. Вопрос об оригинале, послужившем образцом при сооружении Василия Блаженного, до сих пор не может считаться исчерпанным. И. Е. Забелиным в 1871 г. установлено родство этого храма с церквями с. Дьякова и Коломенского, но далее дело не двинулось, так как происхождение этих церквей оставалось также неясным. До настоящего времени пользовалась признанием гипотеза И. Е. Забелина о национальном, русском происхождении шатрового зодчества, однако это предположение не может считаться доказанным: напротив, зодчество казанских татар может дать некоторые доводы против этой гипотезы и пролить новый свет на происхождение храма Василия Блаженного.

Дело в том, что памятник, который представлял бы наиболее близкую аналогию для этого храма, можно указать именно в казанском искусстве: своими архитектурными формами Василий Блаженный больше всего напоминает мечеть Кул-Шерифа в Казани, с ее 8 минаретами, предание о которых записано Марджани. Восемь башен Василия Блаженного, увенчанные восточными куполами и размещенные вокруг центрального шатра, находят себе поразительное соответствие в этих 8 минаретах. Таким образом, предание, записанное Марджани, косвенным образом получает реальное подтверждение, и мы можем составить хотя бы приблизительное представление об этой сложной композиции с 8 минаретами. Отсутствие главного фасада, составляющее характерную черту татарского зодчества, также имеется налицо в Василии Блаженном. Недаром строителем храма явился тот архитектор, Посник Яковлев, которому было поручено сооружение каменной крепости

¹⁾ „Черты самобытности в др. рус. зодчестве“, стр. 11.

в покоренной Казани, и который мог таким образом на месте ознакомиться лично с памятниками казанской архитектуры. Если эти соображения найдут себе подтверждение, то самая идея постройки получит новый, более глубокий внутренней смысл. Окажется далеко не случайным то обстоятельство, что церковь, построенная в память завоевания Казанского ханства, имеет характер мусульманского зодчества. Русское правительство отчетливо выразило идею подчинения татарского государства России, перенеся архитектуру главной мечети Казани в Москву, подобно тому, как оно практиковало перенесение в столицу из присоединенных уделов всех местных святынь и реликвий. Воспроизводя формы главной мечети в виде православного храма, правительство митрополита Макария создавало тем самым наглядную эмблему подчинения мусульманской страны христианской державе, как бы заставляло мусульманское искусство служить христианской религии, и тем осуществляло двойную, художественно-политическую идею слияния татарского Востока с Россией. Историки русского зодчества угадывали присутствие в этом храме какой-то скрытой идеи, вдохновленной митрополитом Макарием, напр. И. Э. Грабарь говорил: „Митрополит Макарий, глубокий духовный ученый, художник, мысливший образами и сопоставлениями, советует царю соорудить каменный собор. Расположение престолов в храме Василия Блаженного наводит на мысль, что в группировку масс собора внесена идея не одного только „размерения основания“, и что кроме зодчих Бармы и Посника с товарищами кто-то еще входил в дело сооружения храма и притом настолько, что руководящая идея принадлежала ему, и что Барма и Посник, имена которых сохранила нам летопись, только „быша премудрни и удобнии таковому чудному делу“¹⁾). Эти предположения, повидимому, теперь подтверждаются, и те оригинальные, смелые замыслы, которыми вдохновился митрополит Макарий при сооружении этого храма, получают свое обяснение.

Купола Василия Блаженного имеют явно восточный характер, но, к сожалению, эта сторона дела не может получить себе полного освещения, так как форма покрытий в казанском искусстве до нас не дошла: памятников в самой Казани не сохранилось, деревянные оболочки каменных полусферических куполов на постройках Булгара также исчезли, форма же покрытия минарета Ханской мечети в Касимове представляет, как и купол Малого

¹⁾ И. Э. Грабарь „История русского искусства“, вып. 5, стр. 98.

Столпа в Булгаре, не более, как позднейшую реконструкцию, которая не может претендовать на достоверность. Об этом приходится тем более пожалеть, что в московском искусстве как раз в XVI-веке получают распространение луковичные главки восточного типа, перешедшие сюда, несомненно, из мусульманского зодчества.

Отличительная черта татарского искусства, любовь к полихромии, также нашла себе применение в русской архитектуре данной эпохи. Как раз в это время разноцветная окраска внешних стен зданий получает распространение в московском зодчестве. Илюбленные татарами цвета, зеленый и желтый, играют видную роль в окраске как Дьяковской церкви, так и Василия Блаженного. Изразцы на шатре этого храма также зеленого и желтого цвета. К татарскому сочетанию цветов, зеленому с желтым, применяется еще красный—натуральный цвет кирпича, заменившего в русской архитектуре белый камень татарского зодчества.

Во время печатания настоящей книги произошло слияние Государственного Издательства Т. Р. и Татпечати, вследствие чего издание перешло в руки об'единенного Комбината Издательства и Печати. Автор считает своим приятным долгом выразить благодарность председателю правления Комбината Н. Г. Мухтарову и научному секретарю И. В. Кулесеву, которые предоставили возможность напечатать всю книгу полностью. Автор благодарит также служащих типографии „Красный Печатник“ П. Н. Яхонтова, А. В. Широких, И. А. Марева, А. А. Козихина, А. Ф. Петрова и всех потрудившихся над изданием настоящей работы.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Список не претендует на полноту.)

- Агафонов И. Я. „Историческая объяснительная записка наименования казанских улиц“. Казань, 1899 г.
- „Акты Археографической Экспедиции“, т. I.
- „Акты Исторические“, т. I.
- Аристов Н. „Предания об исторических лицах и событиях“. — Исторический Вестник, 1880 г., сентябрь.
- Артемьев А. И. Список населенных мест Российской империи. Вып. XIV — Казанская губерния. Петроград, 1866 г.
- Артемьев А. И. Отзыв о книге Бажанова „Казанская история“. — Северное Обозрение, 1878 г., т. I.
- Арцыбашев. „Взятие Казани“. — Русский Зритель 1828 г., ч. III, № 9—12.
- Арцыбашев Н. „Повествование о России“, 1838 г.
- „Ассе-б-о-ссейяр“ (Семь Планет). соч. Сенда Мухаммеда Ризы. Казань, 1832 г.
- Атласов. „Казан ханлыгы“. Казань, 1913 г.
- Атласов. „Сююн-Бике“. Казань.
- Афанасьев В. „К 350-летию покорения Казани“. Москва, 1902 г.
- Ахмаров Г. Н. „Казан тарихи“. Казань, 1910 г.
- Ашмарин Н. И. „Об одном мусульманском могильном камне на „Архиерейской даче“ в Казани“. — Известия О-ва Арх., Ист. и Этн., том XXI, вып. 1.
- Багауддинов Шигабуддин (Марджани). „Очерк истории Болгарского и Казанского царства“. — Труды IV Археологического Съезда, т. I.
- Бажанов Н. „Казанская история“. Казань, 1847 г.
- Баттал Г. „Сююн-Бике минореси хаккында“. Казань, 1918 г.
- Бережнов Н. М., „Нур-Салтан, царица Крымская“. — Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии, № 27. Симферополь, 1897 г.

- Березин И. Н.** „Булгар на Волге“.—Ученые Записки Казанск. Ун-та 1852 г., кн. III.
- Березин И. Н.** „Библиотека Восточных Историков“. Т. II, ч. 1—„Сборник Летописей“. Казань, 1855 г.
- Бестужев Рюмин Н. Н.** „Русская история“. Петроград, 1872 г.
- „Библиотека Восточных Историков“, см. Березин И. Н.
- Биннгулов Н. Д.** „Татар ханлары“. Казань, 1911 г.
- Богдановский М.** „Инженерно-исторический очерк осады Казани 7060—7061 (1552) г.“ Петроград, 1898 г.
- Богдановский М.** „К вопросу о расположении городовой стены казанского посада в 1552 г.“ Петроград, 1899 г.
- Борисов В. Л.** „Несколько замечаний по поводу „Исторической обяснительной записки о наименовании казанских улиц“ Н. Агафонова“—Волжский Вестник, 1899 г., № 168.
- Борисов В. Л.** „Заметка о брошюре Богдановского“—Известия О-ва Арх., Ист. и Этн., т. XIV, вып. 6.
- Борисов В. Л.** „Ответ г. Богдановскому по поводу его статьи“. Казань, 1899 г.
- Валидов А.-З.** „Трюк-татар тарих“.
- Василенко Н.** „Казанское царство“.—Энц. словарь, изд. Брокгауза и Ефона, т. XIII. Петроград, 1894 г.
- Васильев Ф. Т.** см. „Сказание о зачатии царства Казанского“.
- Вельяминов-Зернов В. В.** „Исследование о Касимовских дарях и царевичах“, ч. I. Петроград, 1863 г.; ч. II, 1864 г.
- Вивлиофида, см. „Древняя Российская Вивлиофида“.
- Виллер Р.** „Иван Грозный“. Москва, 1922 г.
- Временник, см. „Русский Временник“.
- Второв.** „Памятники древности в Казанской губернии“.—Журнал Министерства Внутренних Дел 1840 г., кн. 37, а также Каз. Губ. Вед. 1843 г., № 37—39.
- Высоцкий Н. Ф.** „Немецкая куртина“—древне-армянское кладбище в Казани.—Известия О-ва Арх., Ист. и Этн., т. VII. Казань, 1889 г.
- Габашев Х.-Г.** „Тарих кауми Турки“.
- Газиз Г. (Губайдуллин).** „Татар тарих“. Казань, 1922 г.
- Георги.** „Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich“, II т. Петроград, 1775 г.
- Герберштейн С.** „Rerum Moscovitarum commentarii“ (Записки о Московии). Перевод И. Анонимова. Петроград, 1866 г.
- Губайдуллин Г. С.**, см. Газиз Г.

Губайдуллин Г. С. „Шах-Гали“.

Губайдуллин Г. С. и Али-Рахим. „Татар здебитяти тарихи“. Казань, 1922 г.

„Древняя Российская Вивлиофика“, а также „Продолжение“ ее.

„Живописная Россия“, т. VIII.

Загоскин Н. П. „Начало Казани и Казанского Царства“—Волжский Вестник, 1895 г., № 86, 91, 98, 103, 110, 121, 132, 139, 147 и 153.

Загоскин Н. П. „Спутник по Казани“. Казань, 1895 г.

Замысловский. „Герберштейн и его историко-филологические известия о России“.—Записки Ист.-Фил. Фак-та Спб. Ун-та, т. XIII. Петроград, 1884 г.

Заринский П. „О топографии г. Казани во время осады ее царем Иоанном IV“.—Труды IV Археологического Съезда, т. I.

Заринский П. „Очерки древней Казани, преимущественно XVI века“. Казань, 1877 г.

Заринский П. „Сборник исторических и археологических исследований о Казанском крае“. Казань, 1880 г., а также „Каз. Губ. Вед.“ 1879 г. № 79, 81, 84, 87, 90, 91, 93, 96, 97, 99, 101 и 102.

Золотарев Н. Г. „Царь Иоанн Васильевич, завоеватель Казани“. Обзор грамоты его к святителю Гурию, первому архиеп. Каз. и Свияжск.—Каз. Губ. Вед. 1844 г., № 11—12.

Иловайский Д. И. „Покорение Казани“.—Русский Архив, 1888 г., т. III.

Иловайский Д. И. „История России“, т. III. Москва, 1890 г.

„Исторические очерки Казани“. Какой вид имела Казань в XVI столетии?—Каз. Губ. Вед. 1856 г., № 33—46.

„Исторический очерк Казанской губернии“.—Памятная книга Каз. губ. на 1861 г.

„История о Казанском царстве“, изд. Акад. Наук. Петроград, 1791 г.

Каволин Л. „Краткое изяснение плана древнего г. Казани и описание осады и взятия оного в 1552 г.“—Маяк, 1843 г., т. VIII.

„Казанский Летописец“.—Полное Собрание Русских Летописей, т. XIX. Петроград, 1903 г.

Кандаратский М. „Сказания кн. Курбского в изложении проф. Кандаратского“. Казань, 1912 г.

Капиц Ю. „Краткое изяснение плана древнего г. Казани и описание осады и покорения оного“.—Сборник древностей Казанской епархии П. Любарского. Православный Собеседник, 1868 г., август.

- Карамзин Н. М. „История государства Российского“, т. V—VII.
- Карамзин Н. М. „Осада и взятие Казани“.—Сын Отечества, 1818 г., № 6—8.
- Катанов Н. Ф. „Предания русских инородцев о том, как русские захватили их земли“.—Деятель, 1898 г., III.
- Катанов Н. Ф. „Краткая история Казанского царства по одной татарской летописи“.—Деятель, 1899 г., IV.
- Катанов Н. Ф. „Татарские предания об оз. Кабан в Казани“.—Деятель, 1898 г.
- Катанов Н. Ф. „Исторические песни казанских татар“.—Известия О-ва Арх., Ист. и Этн., т. XV, вып. 3.
- Катанов Н. Ф. „Отрывок из одной татарской летописи о Казани и Казанском ханстве“.—Известия О-ва Арх., Ист. и Этн., т. XXI, вып. 4.
- Катанов Н. Ф. „Татарские рассказы о Старой Казани“.—Известия О-ва Арх., Ист. и Этн., т. XXX, вып. 2.
- Книги писцовые, см. „Список с писцовой книги“ и „Список с писцовой и межевой книги“.
- „Книга Степенная“. Москва, 1755 г., а также Полн. Собр. Рус. Летописей, т. XXI.
- Книга Царственная, см. „Царственная Книга“.
- Корсунцев В. И. Рисунки декоративного убранства Болгарских зданий.—Казанский Музейный Вестник, 1920 г., № 5—6.
- Ностомаров Н. И. „Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII веках“. Изд. 2. Петроград, 1889 г.
- Кочуев А. Н. „Сведения о древностях в Оренбургской и Казанской губерниях“.—Временник О-ва Ист. и Др. Росс. при Моск. Ун-те, т. III, № 9—10.
- Кунцевич Г. З. „История о Казанском царстве или Казанский Летописец“. Петроград, 1905 г.
- Кунцевич Г. З. „Два рассказа о походах царя Ивана Васильевича Грозного в 1550 и 1552 годах“.—Отчет О-ва Любителей Др. Письм. 1898—99 г.
- Кунцевич Г. З. „Малоизвестные записки о казанских походах 1550 и 1552 г.“—Журнал Мин. Нар. Просв. 1898 г., ч. 318.
- Кунцевич Г. З. „Печатное издание „Истории о Казанском царстве“ 1791 года“. Петроград, 1900 г.
- Курбский А. М. „История князя великого Московского“. Изд. Устрилова. См. „Сказания кн. Курбского“.

„Курган Иоанна Гроаного“.—Исторический Вестник, 1902 г., № 6
стр. 1151.

Лаптев „Материалы для географии и статистики России, собранные
офицерами ген. штаба“. Казанская губерния. Петроград,
1861 г.

Ласковский. „Материалы для истории инженерного искусства в Рос-
сии“. Петроград, 1858 г.

Лебедев В. „Общественные гуляния и празднества в Казани“.—Жур-
нал Мин. Вн. Дел. 1852 г., ч. 38, № 4.

Лебедева О. С. „Abrégé de l'histoire de Kazan, offert aux membres de
XII Congrès des Orientalistes“. Рим, 1899 г.

Летописи: Воскресенская.—Поли. Собр. Рус. Лет., т. VIII.
„Казанский Летописец“.—Поли. Собр. Рус. Лет., т. XIX.
Львовская.—Поли. Собр. Рус. Лет., т. XX.
Никоновская, ч. VI и VII.
Новгородская.—Поли. Собр. Рус. Лет., т. VI, с. 277 и сл.
Псковская I.—Поли. Собр. Рус. Лет., т. IV.

Лызлов. „Скифская история“. 1787 г.

Любарский П. „Сборник древностей Казанской епархии“ — Право-
славный Собеседник, 1868 г.

„Маалюмат“. Иллюстрированный научный и торгово-промышленный
адрес-календарь мусульман всей России на 1908 г. Изд.
газеты „Баянуль-Хак“. Казань, 1907 г.

Магнитский В. „Бунтовой десяток и Камайкин дол“.—Каз. Губ. Вед.
1865 г., № 50.

Малеев А. „К осаде Казани 1552 г.“—Инженерный Журнал, 1899 г.
№ 1.

Малиев Н. „По поводу статьи г. Соловьева о раскопках в Казани“—
Известия Имп. Геогр. О-ва, т. XI, вып. 1.

Малов П. „Городище Старая Казань и г. Арск“.—Записки Имп.
Арх. О-ва, 1855 г., т. V.

Марджани, см. Багауддинов Шигабуддин.

Марджани. „Мустафад эль-Ахбар фи ахвали Казги уа Булгар“.
Казань, 1885 г.

„Марджани“. Сборник в память 100-летия со дня рождения татар-
ского историка Марджани. Казань, 1915 г.

Михайлов С. „Сундырская гора“—Каз. Губ. Вед. 1852 г., № 30.

Михайлов С. „Еще о Сундырской горе“—Каз. Губ. Вед., 1852 г., № 52.

Можаровский А. Ф. „Казанская старина“. Казань, 1881 г.

Можаровский А. Ф. „Меры Иоанна IV к одержанию духовной победы над Казанью”—Православный Собеседник, 1886 г. ч. III.

Можаровский А. Ф. „Покорение Казани русской державе и христианству”. Казань, 1871 г.

Мухаммед-Риза. см. „Ассеb-o-ссейяр”.

Насыров А. Н. Татарские календари на 1873, 1877 и 1881 год.

„О местоположении Свияжска”.—Казанские Известия, 1811 г. № 12.

Очерки исторические Казани, см. „Исторические очерки Казани”.

Паллас „Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reiches”.

Петроград, 1771 г., „Путешествие по разным провинциям Российской Империи”, 1809 г.

„Памятная книга Казанской губернии” на 1861 год.

Поретяткович Г. „Поволжье в XV и XVI веках”. Москва, 1877 г.

Пестриков. „Описание г. Казани”—Каз. Губ. Вед. 1844 г., № 43 и 46.

Пинегин М. Н. „Казань в ее прошлом и настоящем”. Казань, 1890 г.

Писцовые книги, см. „Список с писцовой книги”.

„Планы древней Казани”—Каз. Губ. Вед. 1843 г., № 28.

Планы стен татарской Казани: Первый план городских стен татарской эпохи составлен Ю. Каницем в 1778 году (хранится в Архиве Главного Штаба в Петрограде); этот план был издан в 1838 году Г. С. Суровцевым (см.), в 1842 и 1868 г. Н. Устряловым, в 1898 г. М. Богдановским. В 1804 г. с плана Ю. Каница были сделаны копии землемером К. Мильковичем или Михалевичем (одна из них хранится в собр. М. И. Лопаткина в Казани, другая в библ. Петр. Духовн. Акад., рукоп. № 315); эти копии были изданы в 1898 г. В. Л. Борисовым (Изв. О-ва Арх., Ист. и Этн., т. XIV, вып. 5) и в 1912 г. М. Кандаратским (см.).

Второй оригинальный план татарской Казани, составленный неизвестным автором, был издан в 1815 г. в „Русском Вестнике” (см.). Впоследствии планы г. Казани были составлены и изданы в 1834 г. М. Рыбушкиным (см.), в 1858 г. Ласковским (см.), в 1877 г. П. Заринским (см.), в 1890 г. В. Трофимовым (см.) и в 1902 г. В. Афанасьевым (см.).

Повалиев В. „Начало Казанского царства”—Московские Университетские Известия, 1867 г. № 12.

Покровский М. Н. „Русская история”, т. I. Москва, 1919 г.

Покровский М. Н. „Русская история в самом сжатом изложении”.

Изд. 2-е, Москва, 1922 г.

- Полевой Н. М. „История русского народа“, т. VI. Москва, 1833 г.
- „Полное Собрание Русских Летописей“, т. IV, V, VI, VIII, XIX, XX, XXI.
- Пономарев П. А. „На татарских святынях в Иски-Казани“. — Казанский Телеграф № 3540, 17 октября 1904 г. (2-ой лист, с иллюстрациями).
- Пресняков А. Е. „Царственная книга, ее состав и происхождение“ — Записки Ист.-Фил. Фак-та Петрогр. Ун-та, т. XXXI.
- Рагозин В. „Волга“, т. III. 1880 г.
- „Русский Вестник“ 1815 г. № 15. „Краткое изъяснение чертежа древнего г. Казани и описание осады и покорения оного“.
- „Русский Временник“, т. II.
- Рыбушкин М. „Краткая история г. Казани“. Изд. 1-е 1834 г., изд. 2-е 1848 г., изд. 3-е 1849 г.
- Рычнов П. „Опыт казанской истории древних и средних веков“. Петр., 1767 г.
- Савельев В. „Русские монеты, найденные в 1854 г. близ Казани“ — Записки Археол. О-ва, т. IX.
- „Сборник Летописей“, см. Березин И. Н. „Библиотека Восточных Историков“.
- „Семь планет“ см. „Ассеb-o-ссейяр“.
- „Сказание о зачатии царства Казанского“, изд. Ф. Т. Васильева. Казань, 1902 г.
- „Сказания князя Курбского“. Изд. Устрялова: 1-е 1833 г., 2-е 1842 г., 3-е 1868 г.
- Смирнов В. Д. „Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века“. Петрogr., 1887 г.
- Смирнов А. П. „Осада Казани“. Исторический рассказ. Петр., 1901 г.
- Собрание Полное Русских Летописей, см. Полное Собрание Р. Л.
- Соловьев Е. „О раскопках в Казани“. — Изв. Имп. Геогр. О-ва 1874 г. № 8.
- Соловьев С. М. „История России“. Изд. „Обществ. Польза“, кн. I и II.
- Спасский Н. А. „Очерки по родиноведению“. Казанская губерния. Казань, 1910 г.
- „Список с писцовой книги по г. Казани с уездом“. Казань, 1877 г.
- „Список с писцовой и межевой книги г. Свияжска и уезда“. Казань, 1909 г.
- „Степенная Книга“, см. Книга Степенная.
- Стенли Лэн-Пуль. „Мусульманские династии“ Перевод В. Бартольда. Петроград, 1899 г.

- Суворов Н.** „К истории Вологды“. О пребывании в Вологле царственных особ и других замечательных лиц исторических.— Волог. Епарх. Ведомости, 1867 г., прибавление к № 9.
- Суровцев Г. С.** „Описание осады и взятие Казани в 1552 г.“—Славянин, 1828 г., № 29, ч. 6.
- Тихонравов К.** „Памятники путешествия царя Иоанна Грозного из Москвы в Казань во Владимирской губернии“—Влад. Губ. Вед., 1867 г., № 39.
- Токмаков И. Ф.** „Сборник и указатель документов и рукописей, относящихся к Казанской губернии и хранящихся в Моск. Гл. Архиве Мин. Ин. Дел и его библиотеке“—Труды IV Археологического Съезда, т. II.
- Трофимов В.** „Поход под Казань, ее осада и взятие в 1552 г.“ Казань, 1890 г.
- Турнерелли Э.** „Казан et ses habitants“. Петроград, 1841 г.
- Ульянинский В. А.** „Сношения России с Ср. Азией и Индией в XVI-XVII в.“—Чтения Моск. О-ва Ист. и Др. Росс. 1888 г., кн. 3.
- Фирсов Н. А.** „Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве“. Казань 1866 г.
- Фирсов Н. Н.** „Некоторые черты из истории торгово-промышленной жизни Поволжья“. — Известия О-ва Арх. Истор. и Этн., Т. XIV, вып. 5.
- Фирсов Н. Н.** „Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья“. Казань, 1919 г.
- Фукс А.** „Основание города Казани“. Повесть в стихах. Казань, 1836 г.
- Фукс К. Ф.** „Краткая история г. Казани“. Казань, 1817 г.
- Хисамуддин сын Шерифеддина** „Рисале таварих Булгарие“.
- Херасков М. М.** „Россиада“. Москва, 1779 г. Изд. Глазунова, Петроград, 1895 г.
- Хомяков М. М.** „Где была старая Казань?“—Известия О-ва Арх., Ист. и Этн., т. XXVI, вып. 6.
- Хомяков М. М.** „К вопросу о подземных ходах в Казани“—Известия О-ва Арх., Ист. и Этн., Т. XXVI, вып. 6.
- Худяков М. Г.** „Материалы по истории татар Малмыжского уезда“— Труды Вятской Ученой Архивной Комиссии, 1915 г.
- Худяков М. Г.** „Древности Малмыжского уезда“ (ч. VI—Татары).— Труды Вят. Уч. Арх. Ком. 1917 г.
- Худяков М. Г.** „Мусульманская культура в Среднем Поволжье“. Казань, 1922 г.

— 302 —

- Хусеинов М. З.** „Таварихи Булгарие“. Казань 1883 г. Перевод Н. Ф. Катанова—Деятель, 1898 г. № 2.
- „Царственная Книга“. Петроград, 1769 г.
- Ченалин Ф. Ф.** „Был ли Иван Грозный в своем походе на Казань в пределах нынешней Пензенской губернии?“—Пенз. Губ. Вед., 1892 г. № 82.
- Чернов.** „Указатель г. Казани“. Казань, 1840 г.
- Шпилевский С. М.** „Древние города и другие булгарско - татарские памятники в Казанской губернии“. Казань, 1877 г.
- Шпилевский С. М.** „Указатель исторических достопримечательностей г. Казани“. Казань, 1873 г.
- Щербатов** „История Российской с древнейших времен“. 1786 г.
- Эрдман** „Beiträge zug Kenntniss des Innern von Russland“ Рига и Дерпт, 1822 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

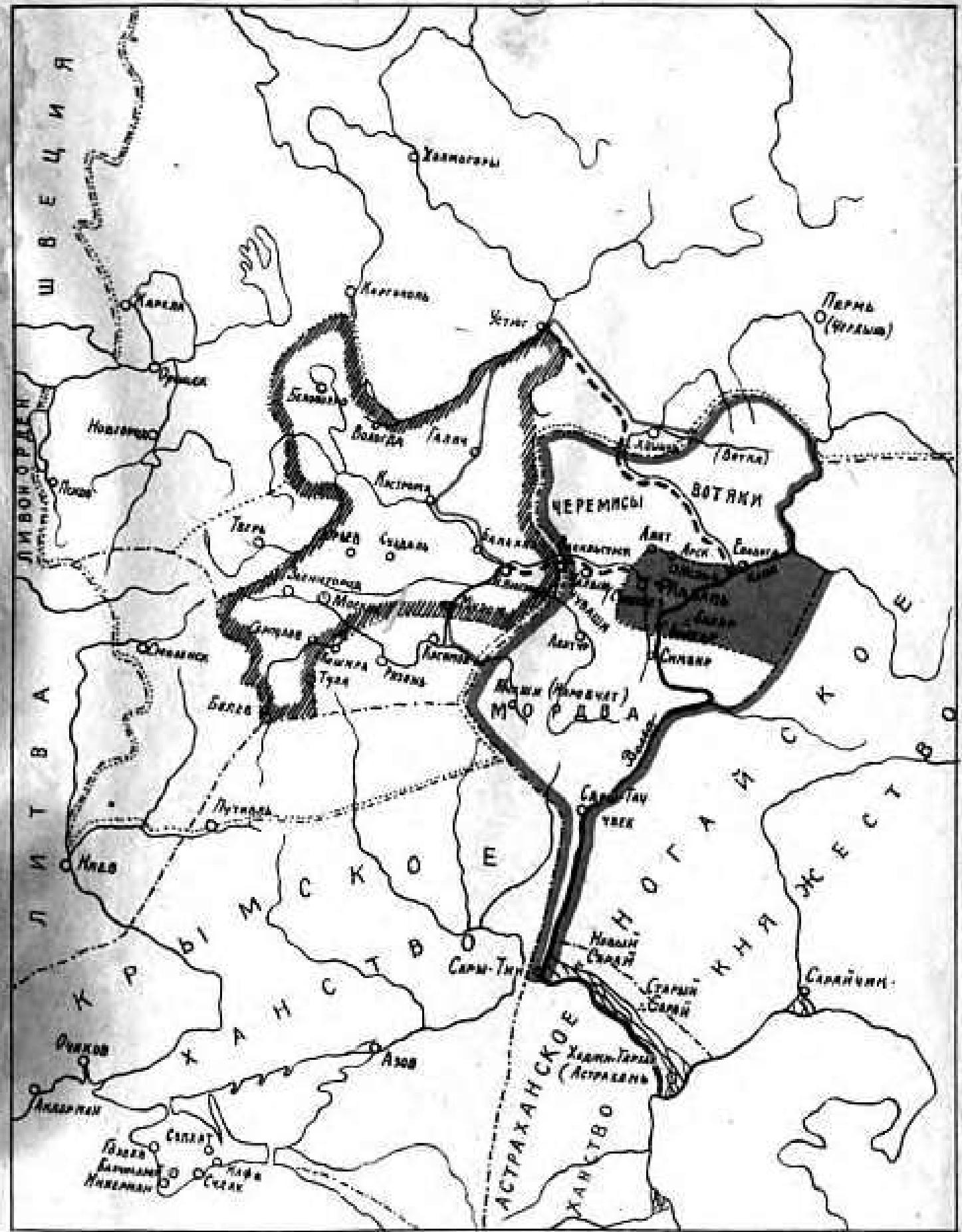
Стр.

Предисловие	3—9.
Глава I. Период могущества ханства (1438—1487 г.)	10—42.
Возникновение Казанского ханства. Улу Мухаммед (с. 15). Преемники Улу Мухаммеда. Война 1467—69 годов (с. 25). Хан Али. Усиление русской партии (с. 38).	
Глава II. Эпоха русского протектората (1487—1521 г.)	43—75
Мухаммед-Эмин (с. 43). Хан Мамук. Абдул-Латыф. Правительство Кель-Ахмеда (с. 47). Война 1505—07 годов (с. 53). Вечный мир с Россией. Хан Шах-Али (с. 62).	
Глава III. Эпоха национального возрождения (1521—1550)	76—116.
Господство восточной партии. Турецкий протекторат (с. 76). Союз с Россией. Хан Джан-Али. Регентство царевны Ковгоршад (с. 88). Низложение Джан-Али. Коалиционное правительство (с. 92). Правительство сенда Беюргана. Шах-Али (с. 98). Сафа-Гирей. Утамыш-Гирей. Регентство Сююн-Бике. Правительство оглана Кучака (с. 105).	
Глава IV. Падение Казанского ханства (1551—1556 г.)	117—166.
Завоевательная политика русского правительства (с. 117). Падение оглана Кучака. Правительство оглана Худай-Кула (с. 126). Курултай 14 августа 1551 года. Проект присоединения Казанского ханства к России (с. 130). Переворот 9 марта 1552 г. Правительство Чапкуна Отчева (с. 136). Война за независимость. Падение ханства (с. 142). Продолжение войны за независимость. Али-Акрам (с. 148). Войны за освобождение Казани (с. 157). Дальнейшая судьба ханов Казанских (с. 161).	
Глава V. Внутренний строй Казанского ханства	167—238.
Казанские ханы (с. 167). Караби и эмиры (с. 182). Курултай (с. 184). Духовенство (с. 189). Князья и помещики (с. 192). Оглазы и казаки (с. 197). Чиновники (с. 199). Податное сосло-	

四

Chap. 2.

вне (с. 203). Крепостные и рабы (с. 206). Экономический строй (с. 209). Военное дело (с. 221). Культурное влияние татар на Россию (с. 226). Причины падения Казанского ханства (с. 234).	
Глава VI. Город Казань	239—293.
Возникновение Казани (с. 239). Местоположение города (с. 247). Крепостная стена (с. 250). Кремлевский бугор (с. 259). Воскресенский бугор (с. 266). Посады (с. 271). Предместья (с. 273). Общий вид Казани (с. 277). Зодчество казанских татар (с. 280).	
Указатель литературы	294—302.
Оглавление.	
Карта Восточной Европы в XV—XVI веке.	

КАРТА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

в XV—XVI в.

■ Территория сплошного татарского наледения

■ Московское княжество до Ивана III

■ Границы Казанского ханства

— Объединенное Русское государство в XVI веке

— Зона татарских набегов

— Пути русского наступления.